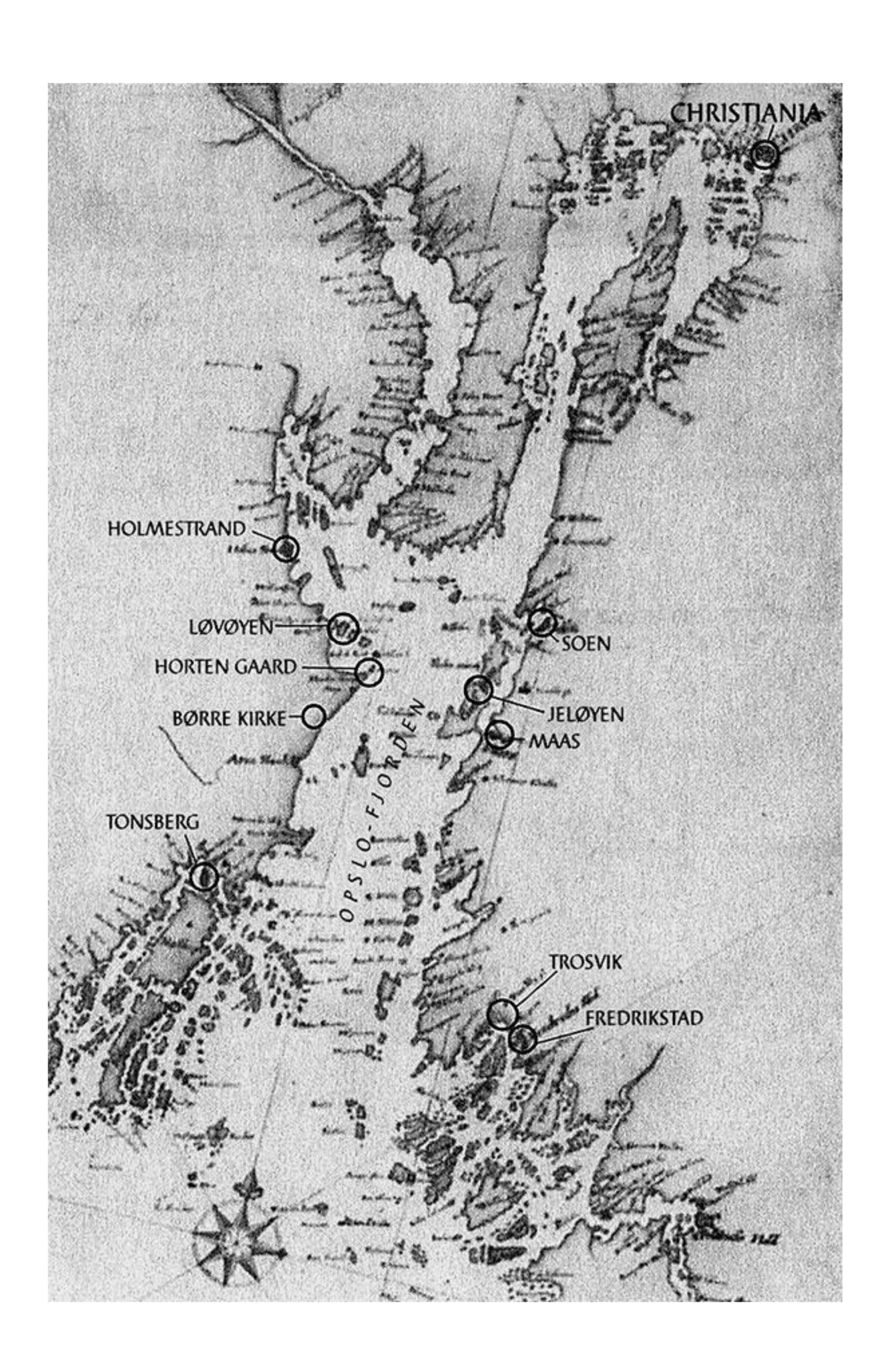
Ауст Курт

Второй после Бога

* * *

Посвящаю памяти моих родителей

CHRISTIANIA
HOLMESTRAND
LØVØYEN
HORTEN GAARD
BØRRE KIRKE
SOEN
JELØYEN
MAAS
TONSBERG
OPSLO-FJORDEN
TROSVIK
FREDRIKSTAD

Фрагмент карты Йенса Сёренсена 1710 года “Из Скагена-Гётеборга в Христианию и Арендал”. Карта отражает точку зрения Королевского Директората Морских карт, считавшего, что “в Норвегии морей нет”. Иначе говоря, она нарисована по другим картам того времени.

Жители Фло вырезали две фигуры святых, дабы почтить этих святых, и относились к ним с божественными почестями.

Это почитание огорчало господина пастора, который по этой причине, – в минуту, когда его героический дух был особенно возмущен, – выбросил эти фигуры в реку, бегущую вдоль кладбища во Фло.

(История Реформации, записанная пастором во Фло, год 1691)

Глава 1

Give every man thy ear, but few thy voice; take each man's censure, but reserve thy judgement.

Я с удивлением смотрю на эти слова. Снова и снова читаю их, разбираю старинные буквы и английский язык слово за словом: “Всех слушай, но беседуй редко с кем. Терпи их суд и прячь свои сужденья”[1], – и всякий раз прихожу к одному и тому же выводу: это слова Томаса!

В смятении я листаю эти записки – очень похоже, что это откровения безумца, вывернувшего себя наизнанку, после чего некто приложил усилия к тому, чтобы сжечь и утопить эти письмена. И вот среди потока слов о призраках, интригах и убийствах вдруг появляется фраза, простой и разумный совет, от которого у меня перехватывает дух, и я вижу живого Томаса, произносящего эти слова.

Его слова. Его совет. Как они сюда попали? Как неожиданно возникли на случайном листе бумаги, найденном мною в доме случайного торговца, у которого я живу на каком-то случайном острове, неподалеку от которого мы сели на мель. Слова Томаса, написанные по-английски.

Я зову Барка, мне хочется пить, жажда дерет горло и доводит меня до безумия. Вот он поднимается со своего тюфяка у двери и входит ко мне, спокойный, надежный, как всегда, – такой уж он есть, этот высокий человек. Вода успокаивает меня, я снова листаю страницы, снова читаю те слова и вижу, что они не меняются. В смятении я откладываю бумаги и оглядываю комнату. Нет, невозможно, чтобы два человека написали одинаковое отеческое наставление. Или все-таки возможно? Нет, только не так точно, слово в слово, такого не бывает. У меня есть два предположения: либо Томас написал эти слова и отослал кому-то, кого я не знаю, либо процитировал кого-то, не сказав, кому принадлежит это высказывание и откуда он это взял. И то и другое одинаково возможно. Когда мы впервые встретились, Томас уже прожил половину своей жизни, к тому же жизнь время от времени разводила нас в разные стороны и была так богата событиями, что мы не все успевали рассказать друг другу. Да и вообще Господин не все рассказывает своему Слуге. Это естественно.

И тем не менее я не могу оторваться от этих строк, написанных на старой бумаге.

Барк ждет, глядя на меня. Я машу ему, чтобы он ушел, – он мешает мне думать.

Каморка маленькая, в ней гуляет сквозняк, пламя дрожит, как ноги у старика, ровный ручеек стеарина стекает по одной стороне свечи и капает на пол. Я нахожусь на острове Лэссёйен. Не по своей воли, а вопреки ей. Неужели такова воля Божия?

Я не совсем понимаю Его намерения в отношении меня. Не понимаю их с самого Виборга, когда несколько недель назад Он позволил половине моей жизни, моему господину и ученику, при котором я состоял почти три десятилетия, князю Реджинальду, отказать мне

от места и навсегда покинуть меня. Мой немецкий князь… поправка: мой *бывший* немецкий князь, которому я преданно служил как домашний учитель еще тогда, когда он был дерзким восьмилетним сопляком… – или девятилетним?.. – уже наверняка покинул Данию и отправился в свое небольшое княжество. Сущий пустяк задел его гордость и высокородную честь подобно горящей стреле, он вскипел, и между нами произошла ссора, из-за которой мы расстались далеко не друзьями. О, как бы мне хотелось, чтобы этого не было!

Идет год 1747-й от Рождества Христова, и мое старое тело, пережившее уже шестьдесят шесть лет, приближается к такому же количеству зим. Стоит осень, пора увядания, и я чувствую, что Господь взялся за меня всерьез. Однако, как всегда, я в этом не уверен. По простоте душевной я долго считал, что моя старость будет спокойной, без резких поворотов, без внезапных перемен, характерных для моей молодости. Однако мое пребывание в этой каморке свидетельствует совсем о другом.

Моя каморка – это комната для приезжих у торговца Бурума на острове Лэссёйен. Он оказался так великодушен, что оказал мне гостеприимство, разрешив жить у него столько, сколько мне понадобится. Комната небольшая, но в ней есть кровать, в которой я нуждаюсь не только ночью, стол и стул.

В том, что мы, мой слуга Барк и я, оказались на этом острове, был виноват сильный северо-западный ветер, заставивший наш корабль изменить курс. Мы шли из порта Скиве в ютландском Лимфьорде в Норвегию, погода была благоприятная, наше судно шло на север вдоль восточного берега Ютландии, Скаген находился у нас с левого борта. Неожиданно сильный ветер заставил шкипера искать спасения на берегу. Но ветер усиливался и вместо Фладстранда мы были вынуждены взять курс на Лэссёйен в поисках убежища на этом острове между Данией и Швецией. В то время я лежал больной в своей каюте не в силах поднять головы и потому не мог следить за борьбой судна с непредсказуемыми силами природы.

Через несколько дней шкипер и судно покинули Лэссёйен, а мне, Петтеру Хорттену, пришлось остаться.

Меня мучила не морская болезнь, к ней я уже давно был невосприимчив. То, что со мной могло сделать море, было детскими игрушками по сравнению с тем, что преподнесла мне жизнь во время этого бурного путешествия, которому, казалось, никогда не будет конца. Лихорадка трепала меня еще много дней уже после того, как мы сошли на берег. Она была не похожа на обычную лихорадку, потому что никакие средства, которыми меня потчевала одна мудрая женщина, жившая на этом острове, не могли ее изгнать. Все мое нутро полыхало от жара, душа сгорала на адском огне, а память терзали воспоминания, которые я хотел бы забыть. О Боже, зачем Ты наградил меня такой памятью! Почему я не могу погрузиться в блаженное детское забытье, свойственное некоторым старым людям? Впасть в новое детство, пусть я и старик, обрести детскую душу в теле старого человека?

Чего я, собственно, достигну, вернувшись обратно в Норвегию? Есть ли в этом смысл, есть ли теперь смысл хоть в чем-нибудь?

Как неприкаянный призрак, как дух, не попавший в освященную землю и потому не нашедший покоя, я, старый человек, еду на север. Наверное, есть какой-то смысл в том, что я еще жив, что какая-то причина заставляет меня открывать глаза, как только занимается день. Можно подумать, будто я стремлюсь в Норвегию, в мое родное селение, в то место, которое я когда-то называл "домом", будто еще надеюсь получить ответ: "Да, *именно поэтому* ты должен жить, Петтер Хорттен!"

Когда я несколько дней назад лежал в горячечном бреду, мне приснился сон, который я теперь, когда лихорадка уже прошла, без конца вспоминаю. Я стою под большим деревом, огромным, как мир, и вижу под его корнями пещеру, бесконечную, как море. От корней тянутся нити, тысячи нитей, их не меньше, чем песчинок на берегу, и я иду среди них и

дивлюсь, какие они все разные. Одни – длинные, другие – тонкие, третьи – острые, четвертые – живые, пятые – оборванные, эти выглядят сухими и увядшими. Я иду по темным ходам пещеры и замечаю, как что-то направляет мои шаги, заставляет меня идти в определенном направлении. Не понимая, почему, я наклоняюсь под толстым корнем и попадаю в более темное место под огромным стволом дерева.

Там, в паутине других нитей, что-то приковывает мой взгляд, что-то длинное и скрюченное, не изящное и не сильное, скорее, лирическое и грустное, оно словно шепчет мне о любви и тоске. Его узелки и шрамы производят впечатление уязвимости и в то же время – ума, и я стараюсь приблизиться, чтобы как следует это разглядеть. Тогда оно слабо вспыхивает, словно светится изнутри, и меня охватывает радость, как будто оно – частица меня самого. Неожиданно в темноте блестит металл. Чья-то корявая рука хватает эту корневую нить, другая уже готова ее перерезать. В страхе я хочу закричать, но, похоже, под корнями этого большого дерева нет никаких звуков, там царит мертвая тишина. Неожиданно я вижу, что и нож и нить держит в руках старая женщина. Ее морщинистое лицо, старое, как сама земля, выражает радость и скорбь, любовь и ненависть – все человеческие чувства высечены на ее лице, и я вижу, что она колеблется. Глазами, которые видели все, она долго, не мигая, смотрит на меня. Потом убирает нож и беззвучным голосом говорит, что она Скульд, а потом отворачивается от меня и исчезает. В ту же минуту я просыпаюсь.

Через несколько часов лихорадка отступила, и меня перестало рвать, когда я принимал пищу.

Скульд, – сказала она.

Урд, Вернанди, Скульд. Я помню их имена. Три норны, три богини судьбы в древней языческой вере в бога Одина. Они жили под большим ясенем, Иггдразилем, и вершили судьбы людей.

Скульд – звучит почти как "скюльд" – вина. Неужели норна хочет, чтобы я вспомнил все свои провинности, которые накопились у меня за всю мою жизнь? Уж не потому ли она отпустила мне еще немного времени, не стала перерезать нить моей жизни?

Гм-м! Не верю я в это старое язычество. Я взбиваю подушку и подкладываю ее под спину, лежу и смотрю на пляшущие по стене тени, они пляшут, как духи, когда ветер проникает в щели окна и играет последним пламенем.

Вина. Конец. Добрый совет. Начало.

Всех слушай, но беседуй редко с кем. Это начало. Смерть и вина – конец.

Я грустно вздыхаю над своими смутными мыслями, сжимаю пальцами фитиль стеариновой свечи, который шипит и плюется от бессилия, и свет неохотно покидает комнату, предоставив ее во власть осенней темноты. Воздух сырой, и от постельного белья пахнет плесенью – вот она цена за жизнь на острове посреди моря. Кричат чайки, и неровный, но беспрерывный шум волн заставляет мысли пуститься в путь – обратно в прошлое, обратно, обратно…

Среда 24 октября

Год 1703 от Рождества Христова

Глава 2

– Всех слушай, но беседуй редко с кем. Терпи их суд и прячь свои сужденья, – сказал Томас и торжественно посмотрел на меня.

Я тупо уставился на него.

– Что?.. – Я почесал себе грудь и подавил зевок. – Что ты хочешь этим сказать? Почему ты вдруг так заговорил?

– Даю тебе добрый совет, – ответил Томас, раздраженный моей несообразительностью. – Тебе предстоит действовать самостоятельно, и потому ты нуждаешься в добрых советах. Иначе ты не справишься с тем, что на тебя возложено.

– Но раньше-то я справлялся, – возразил я.

– Ты еще никогда не был посланцем короля, оставшимся без моей помощи. Так что запомни мои слова и перестань зевать, как разморенный пес. Вон идет твой Господин и гость короля. – Томас пошел вдоль поручней и оставил меня одного в утренней дымке.

Папский нунций Микеланджело дей Конти осторожно шел по палубе, протянув вперед одну руку, словно слепой, – он явно был не уверен в том, как поведет себя палуба под его ногами. Его Высокопреосвященство не привык к морю и был бледен после долгой бессонной ночи. Эта ночь была долгой и для меня, я то и дело прикладывал руку ко лбу папского посланца или вытирал с пола в каюте содержимое, извергнутое его бунтующими мирскими внутренностями. Он молил своего Бога о спокойном плавании, и, судя по всему, его молитва была услышана, потому что дул попутный ветер и волны были небольшие. Однако он свешивался ночью со своей койки, наверное, чаще, чем я за всю свою двадцатилетнюю жизнь, и одновременно беспрестанно взывал к Всевышнему, чего я тоже никогда в жизни не делал. Под утро он забылся беспокойным сном. И я сам наконец-то смог смежить веки на несколько часов.

Пробило восемь склянок, когда Его Высокопреосвященство выбрался на палубу и схватился обеими руками за поручни.

– *La Tempesta*, кажется успокоился, господин Хорттен? – Его фигура словно окаменела, красные глаза смотрели на воду. С острого носа начали капать блестящие капли, он вынул из рукава белоснежный платок и тщательно вытер нос.

– Шторм утих, Ваше Высокопреосвященство, – подтвердил я. – Ваши молитвы были услышаны.

Он пробормотал длинную латинскую фразу, смысла которой я не уловил, и тут же мы услыхали крик боцмана:

– Убрать паруса! – И сразу после того, как судно повернулось против ветра: – Бросить якорь!

Несколько матросов уже стояли у большой шлюпки, приготовившись спустить ее на воду. Шлюпка должна была доставить нас во Фредрикстад, и я обратил внимание нунция на то, что уже очень скоро мы покинем корабль. Он поглядел на шлюпку, на берег и проговорил слабым голосом:

– *Sancta Maria. Ora pro nobis.*

Я сказал ему, что должен пойти и собрать наши вещи.

Идя по палубе, я думал: “Неужели он верит, что святая Мария будет молиться за нас лишь потому, что нам предстоит спуститься в шлюпку, или потому, что мы должны пристать к берегу этой безбожной и варварской Норвегии?”

Да, Норвегии. Наконец-то я вернулся сюда. Пробыв четыре года слугой и секретарем профессора Томаса Буберга в Копенгагене, я буду снова ходить по норвежской земле. Я остановился у правого борта и посмотрел мимо острова Рауёйен в надежде увидеть мои родные места. Сгорая от нетерпения, я вообразил себе, что вижу в предутреннем свете синеющий силуэт Бастёйена, и знал, что там, за ним, находится усадьба Хорттен, место, где я вырос и с которым связаны все мои самые ранние воспоминания. Вскоре я снова все это увижу. Я представлял себе, что хозяйка Хорттена выбежит и обнимет меня, как только я появлюсь на дворе усадьбы, что хозяин, немного смущенный, будет стоять позади и довольно посмеиваться про себя, что Нильс пробежит мимо по дороге к хлеву и дружески хлопнет меня по плечу. К нам заглянет старый Сигварт, он будет жевать табак и рассказывать

сплетни, байки и последние новости, блаженно смешав их в один рассказ и совершенно забыв, что я вернулся домой, повидав мир и королевскую столицу, и потому, наверное, могу рассказать больше, чем он. Но я разрешу ему болтать, устроившись на лавке у южной стены дома, буду смотреть на бухту, на Кьесемаркен, на Лёвёйен и буду наслаждаться тем, что я дома, по-настоящему дома.

Мои мысли были прерваны звонким смехом, донесшимся со шканцев. Я поднял глаза и увидел стоявших там фрейлейн Сару и юнкера Стига, – они смотрели на меня. Юнкер Стиг наклонился к ней и сказал что-то, заставившее прекрасный смех взмыть к серому небу, а матросов, занятых такелажем, чуть не свалиться за борт, потому что они пытались увидеть ее из-за грота, который в это время крепили к рее. Но мне ее смех не доставил ни малейшего удовольствия – ведь я знал, что она смеется надо мной. Я направился к люку, чтобы спуститься в каюту и заняться нашими вещами.

– Надеюсь, секретарь-помощник позаботится о том, чтобы сундуки и мелкие вещи фрейлейн Сары доставили на берег! – скомандовал юнкер Стиг гнусавым голосом, его левая рука небрежно покоилась на начищенном до блеска эфесе шпаги.

На мгновение солнце прорвалось сквозь облака: она тоже едет во Фредрикстад! Я обернулся и в качестве приветствия приложил к виску два пальца.

– Пока, шкипер! – сказал я грубым матросским голосом и снова услышал звонкий смех. На этот раз он показался мне сладким, как бутерброд с медом, и я с улыбкой нырнул вниз в темноту.

Я быстро собрал вещи. Нунций дей Конти вряд ли успел открыть свой сундучок до того, как начал приносить жертвы морю, да и я по той же причине не открывал свой. Несколько мгновений я раздумывал, стоит ли мне надеть парик. Он был новый и белый, как первый снег, намного красивее, чем парик юнкера Стига, и, возможно, заставил бы глаза фрейлейн Сары хотя бы ненадолго оторваться от юнкера. Нет, конечно, со стороны простого писца и проводника заморского гостя глупо было думать, будто он может соперничать с дворянином и камер-юнкером. Это все равно, что думать, будто простая муха способна отвлечь на себя внимание от яркой бабочки. Кроме того, парик помешал бы мне грести к берегу.

Перед тем как закрыть свой сундучок, я вынул из него лист бумаги и медленно прочитал то, что было на нем написано. И хотя я уже много раз читал этот документ и знал его назубок, глаза мои задерживались на каждом слове, медлили и повторяли по нескольку раз такие слова, как *"богохульство"* и *"сожжение на костре",* почему-то я никак не мог от них оторваться. Кто-то спустился по трапу и направился к каютам. Я быстро спрятал бумагу в карман и схватил наши вещи. Однако не успел выйти из каюты, как путь мне преградил какой-то высокий человек.

– Одну минутку, господин секретарь-помощник, – сказал Томас гнусавым голосом и вошел в каюту.

– Слушаю вас, ваше мужицкое величество. – Мне стало смешно. Томас был одет как простой мужик, на голове у него красовалась простая вязаная шапка, красная с серым. Он затворил двери и сел с серьезным видом. Потом кивнул:

– Ты помнишь, где сможешь меня найти, если тебе понадобится моя помощь?

– Конечно.

– Да-да. Разумеется, помнишь. – Томас снова кивнул и огляделся, словно хотел проверить, что вещи уже собраны. – У тебя есть с собой все, что нужно? – спросил он без всякого интереса. Видно, его занимало что-то другое.

– В чем дело, господин Томас?

Томас почесал пышную шевелюру и поднял на меня глаза.

– Даже не знаю, важно это или нет, – сказал он. – Но меня мучит какое-то предчувствие… Что-то назревает. Так что береги себя, ну и, конечно, папского нунция. Ведь ты знаешь, что… – Он вдруг замолчал, немного смущенно взглянул на меня и встал.

– Знаю что?.. – Я загородил ему дорогу. – Что именно я должен знать? Есть что-то, чего я не знаю, и знаю, что не знаю?

Томас промолчал, избегая моего взгляда.

– На что, черт возьми, ты намекаешь? – Я ткнул в него пальцем. – Я должен знать местность и быть проводником для посланца Папы, который хочет самостоятельно объехать Норвегию. Должен сопровождать его, позволять ему самому решать, что он хочет увидеть и куда хочет поехать, ну и, наконец, позаботиться о том, чтобы он благополучно вернулся в Копенгаген. Таковы мои обязанности. Есть еще что-то, что мне надо знать?

– Да-да, все верно, – быстро сказал Томас. – Таковы твои обязанности. Ты должен позаботиться о том, чтобы он благополучно вернулся в Копенгаген.

– Но все это я знал и раньше! А что еще?

Раздраженно что-то ворча, Томас сел на край койки. Почесал бороду. Потом повернулся и схватил один узел.

– Я помогу тебе вынести вещи на палубу, – сказал он.

– Томас! – Я помешал ему открыть дверь.

Он посмотрел на меня. Вздохнул.

– Ты должен позаботиться о том, чтобы нунций вернулся в Копенгаген целым и невредимым.

Он оттолкнул меня и выглянул за дверь. Убедившись, что нас никто не подслушивает, он продолжал:

– Ибо, если с посланцем Папы что-то случится, отвечать придется тебе… Вся вина ляжет на тебя… – Он сделал выразительное движения, проведя пальцем по горлу. – Ты потеряешь голову. – Томас прикоснулся пальцем к моему носу. – Вот *теперь* ты знаешь все.

Я в изумлении уставился на него, потом тяжело сел и сглотнул слюну.

– Но… но разве ему угрожает опасность? Юнкер Стиг тоже едет с нами и будет его охранять.

– Юнкер – дворянин, – сказал Томас, словно это все объясняло. Но потом все-таки пояснил свою мысль: – Юнкер Стиг вывернется, ему покровительствует королева. А вот ты… – Он подошел к трапу и выбросил узел на палубу. – А тебе покровительствует простой мужик, который на этой шхуне отправится дальше, в Христианию, – сказал он через плечо и исчез вслед за узлом.

Я остался в каюте. Ничего себе!

Я лишусь головы, если с папским нунцием что-нибудь случится! Я, самый обычный секретарь и слуга! У меня подогнулись колени, и я со стоном рухнул на койку. Каким образом я смогу защитить его? У меня нет даже шпаги или пистолета. Оружие есть только у юнкера Стига. Как я смогу защитить этого гостя? И от кого его следует защищать? Никто не предупредил меня, что он может оказаться в опасности, что кто-то ему угрожает, хочет причинить ему зло, лишить жизни.

Но так ли это на самом деле? На что именно намекал Томас?

Значит ли это, что от меня ждут большего, чем только отчета о поездке?

Три месяца назад Папа Римский Климент XI отправил архиепископа Тарсусского, нунция, Его Высокопреосвященство Микеланджело дей Конти к датскому королю Фредерику. Визит

носил официальный характер – посол должен был познакомиться с королевством Дания-Норвегия и написать Папе отчет об этой далекой стране, дабы Папа и чиновники Ватикана узнали больше об этом северном крае.

Король, по его словам, позаботился, чтобы папский посол чувствовал себя как дома, и приказал своим подданным сделать все, чтобы представить страну папскому послу в лучшем свете.

– Небось король еще помнит Молесуорта, – сказал Томас с жесткой улыбкой.

Я спросил, кто такой Молесуорт, но не получил ответа, потому что младшая дочь Томаса позвала нас обедать.

Несколько недель назад у меня спросили, не соглашусь ли я быть проводником нунция в его предстоящей поездке по Норвегии. "Спросили" – более приятное слово, чем "приказали", сказал Томас, когда излагал мне суть дела. На самом деле выбора у меня не было. Кто станет возражать против желания монарха? К тому же я был так удивлен и смущен тем, что Его Королевское Величество вообще слышал о каком-то жалком секретаре по имени Петтер Хорттен, что никогда не посмел бы отказаться от столь почетного поручения.

Оказалось, что король узнал обо мне от юстициария Верховного суда Виллума Ворма, у которого не хватало слов, чтобы выразить свое восхищение Томасом и мной за наше умение "находить выход из щекотливых положений", как он однажды выразился. Он имел в виду событие, которое произошло четыре года назад, когда мы с Томасом раскрыли два убийства в трактире на юге Ютландии и через полгода еще одно убийство в усадьбе под Виборгом. Он считал, что в обоих случаях мы проявили "необыкновенную находчивость и сообразительность, а также желание добиться торжества справедливости", что, по его мнению, было редким сочетанием. Томас с усмешкой сообщил мне, что именно так он и выразился. И то, что я знал Норвегию, говорил по-норвежски и, кроме того, изъяснялся по-латыни не хуже католического епископа, решило дело. Я был назначен проводником и переводчиком нунция и получил титул "секретарь-помощник".

Секретарь-помощник застонал под грузом внезапно наложенной на него ответственности и встал с койки. С палубы уже донеслись крики, говорившие о том, что большую шлюпку вот-вот спустят на воду. Мимо меня пробежали два матроса, и я велел им вынести на палубу багаж фрейлейн Сары. Я слышал, как они возились и шумели, ожидая, что я поспешу им на помощь, но… секретарь-помощник заморского гостя не носит сундуки и узлы только потому, что ему это приказал какой-то камер-юнкер.

Да, камер-юнкер.

Я снова опустился на койку, потому что у меня возник другой вопрос: каким образом юнкер Стиг оказался в Норвегии?

Когда меня неделю тому назад представили нунцию дей Конти, он весьма неохотно принял мою помощь, потому что намеревался самостоятельно совершить поездку по Норвегии. Секретарь из Датской канцелярии, который представил нас друг другу, покорно, но твердо довел до сведения нунция, что в Норвегии почти нет людей, которые говорили бы на языке, понятном иностранцу, и что к тому же норвежская природа и отсутствие дорог не только затрудняют любую поездку, но и таят всевозможные опасности в виде диких животных, и поэтому с иностранцем, желающим посетить эту страну, они всегда посылают знающего проводника. Дабы подчеркнуть серьезность своих слов, он показал нунцию рисунок отвратительного морского змея, которого в свое время изловили в озере Мьёса. На рисунке было изображено, как змей, напавший на лодку, схватил своими челюстями за талию какого-то человека и тащит его в воду. Рисунок был сделан католическим епископом, так что, по мнению секретаря, у сомневающихся в его подлинности уже не должно было возникнуть никаких вопросов. Нунций равнодушно поглядел на рисунок, потом на меня темными, задумчивыми глазами и кивнул неохотно, – он смирился с моим присутствием.

Четыре дня назад я уложил свои вещи, попрощался с Томасом и его женой фру Ингеборг и вскоре сидел в карете рядом с нунцием, готовый отправиться с ним в Ольборг. Нунций пожелал, чтобы поездки по морю были сведены до минимума, поэтому я предложил, чтобы мы отправились в Северную Ютландию, откуда могли бы самым коротким путем добраться морем до Норвегии. К тому же там, на севере, велась оживленная торговля, и нам было бы нетрудно найти попутный корабль. Однако не успел кучер взмахнуть кнутом, как у дверцы кареты неожиданно появился благородного вида молодой человек, который представился камер-юнкером Стигом Бьельке-Гюстровом, сыном Тюге Бьельке-Гюстрова, владельца земель в Брауншвейг-Кёнигслюттере. Он вежливо поклонился и выразил сожаление по поводу того, что при дворе ему приказали сопровождать нас в нашей поездке по Норвегии. Его слуга уже начал грузить в нашу карету его багаж.

Нунций дей Конти сильно разгневался, он по очереди на все корки бранил юнкера, меня и кучера, но в конце концов должен был успокоиться. Камер-юнкер имел письмо от Датской канцелярии, в котором выражались сожаления по поводу изменения плана, однако это был недвусмысленный приказ высшей королевской инстанции – благородный юнкер должен сопровождать нунция, дабы обеспечить ему защиту.

Его Высокопреосвященство нунций дей Конти смягчился не так быстро. Всю дорогу через Шелланд, Фюн и дальше, пока мы ехали по Ютландии, он просто-напросто отказывался признавать существование юнкера и его слуги. Нунций смотрел на юнкера как на пустое место, делал вид, что не замечает его попыток завязать разговор, словно звук его голоса был всего лишь скрипом каретных колес, и обращался исключительно ко мне, когда хотел получить ответ на свои многочисленные вопросы. Абсурдное положение: четыре человека в карете, из которых двоих как будто не существует!

Мои мысли были прерваны громкими голосами, долетевшими до меня с палубы. Ничего необычного в этом не было, как-никак, а мы находились на судне, но один из голосов несомненно принадлежал женщине, а, насколько мне было известно, на судне находилась только одна женщина. Я схватил последние пожитки и быстро выбрался на палубу.

У поручней, готовая спуститься по трапу в шлюпку, со слезами на глазах стояла фрейлейн Сара и сердито смотрела на капитана.

– Вы взяли деньги! – крикнула она по-немецки и топнула ногой. – Вы сказали, что проезд от Амстердама до Дании стоит два риксдалера и получили эти деньги. Нельзя вот так ни с того ни с сего являться и требовать доплаты!

Капитан невысокий, плотного сложения человек с кислым выражением на загорелом обветренном лице стоял между поручнями и фрейлейн Сарой.

– Я сказал, что два риксдалера стоит проезд до Дании, – твердо заявил он, – но фрёкен пожелала плыть дальше, в Норвегию. А за это надо заплатить еще один риксдалер. Все очень просто. – Он посмотрел на большой сундук, который матросы собирались спустить в шлюпку. – Или я оставлю у себя ваш сундук в качестве залога.

– Вы… вы собачье дерьмо, капитан… вы обыкновенный жулик. Норвегия – часть Дании, и вы это прекрасно знаете, так что я заплатила вам все, что полагалось. – Она в растерянности огляделась по сторонам. Моя рука уже сама собой потянулась к кошельку, когда ее голубые глаза остановились на юнкере Стиге. Он шепнул что-то своему слуге, тот подошел к капитану и сунул ему в руку монету.

– Полагаю, что теперь все в порядке, – сказал юнкер Стиг. – Норвегия – часть Дании, так что капитану в следующий раз следует быть более точным, когда он договаривается с пассажирами о плате за проезд.

Капитан взглянул на полученную им монету, это был далер, из тех, которые собирались вот-вот изъять из обращения. Он мрачно сказал, что это едва ли составит половину того, что

эта женщина ему должна, но юнкер уже повернулся к нему спиной и помогал фрейлейн Саре спускаться по трапу. Внизу, в шлюпке, ей помогли матросы.

Вскоре большая шлюпка уже шла к берегу. Я сидел на корме между штурманом и моим новым господином, которого то и дело подхватывал, когда его тело вдруг теряло равновесие. Между приглушенными стонами, вызванными резкими движениями шлюпки, я слышал, как фрейлейн Сара повторяет слова благодарности за решительное и смелое вмешательство господина юнкера – девушка оказалась в трудном положении и этот подлый и жадный "кнуете" несправедливо с ней обошелся. Юнкер Стиг с трудом удерживал одновременно и шляпу под мышкой, и парик на голове, но вид у него был довольный – задрав нос, он сидел рядом с фрейлейн Сарой на носу лодки.

Я думал о том, что может означать слово "кнуете", наслаждался звуком ее голоса и смотрел на нашу шхуну, где за мачтой виднелась крупная фигура Томаса. Он смотрел нам вслед.

Томас в крестьянском платье. Я невольно покачал головой. Почему вообще Томас здесь оказался?

Этот вопрос уже не первый раз возникал в моей голове за последние сутки, однако у меня ни разу не было возможности потребовать у Томаса объяснений, потому что нунций дей Конти, как известно, не привык к морским путешествиям и все время нуждался в моем внимании.

Когда наша карета прибыла в Ольборг, я зашел в портовый трактир, чтобы узнать, какое судно направляется отсюда в Осло-фьорд. Я знал, что в трактирах люди обычно бывают лучше осведомлены о таких вещах, чем где бы то ни было. Пока я стоял и ждал, когда хозяин выйдет ко мне из задней комнаты, у меня за спиной пророкотал чей-то голос:

– За бригом, что ты видишь перед собой, стоит галиот, на него грузят зерно для Норвегии. Он будет готов к отплытию завтра до полудня. Капитан может взять с собой четырех пассажиров, если, конечно, захочет и если поймет, что сможет на этом заработать.

Наверное, у меня был такой вид, будто ко мне обратился человек, свалившийся с неба, потому что хозяин трактира остановился, поглядел на нас, прищурив глаза, и спросил, не смутил ли этот мужик важного господина.

Мне хотелось ответить "да", только чтобы увидеть, как Томас выкрутится из этого положения, но удивление сковало меня так, что я смог лишь отрицательно помотать головой. Я взглянул на его крестьянскую одежду и не сказал ни слова. Потом дверь отворилась, Томас исчез, словно его тут и не было, а в дверях появился Герберт, слуга юнкера Стига, и сморщился от непривлекательности этого места. Мне он ничего не сказал, только стоял и смотрел. Хозяин спросил, не подать ли мне пива, или водки, или чего-нибудь поесть, и я заказал водку, чтобы поскорей прийти в себя после неожиданного появления и столь же неожиданного исчезновения Томаса.

Действительно, галиот собирался выйти в море на другой день, если, конечно, погода окажется благоприятной, сказал капитан с кислым видом и прибавил, что в каютах для пассажиров у него уже есть два пассажира. Но мужика он может поместить на нос судна, где тот поспит и с матросами, штурману тоже придется уступить свое место, потому что епископ и придворный кавалер не каждый день готовы почтить своим присутствием торговый норвежский корабль, это штурману придется понять.

Капитан разбился в лепешку, чтобы обеспечить нас местами на судне, но плату за проезд потребовал немалую. Нам следовало заплатить ему по полтора риксдалера с человека. Я не возражал против такой суммы, но, лишь убедившись, что все удобно устроились на борту, достал наши проездные документы, из которых явствовало, что капитан должен считать поездку на его судне людей короля благословением Божиим – другими

словами, что мы намерены ехать с ним бесплатно. Капитан покосился на бумагу, потом на меня и понял, что он проиграл: заявлять, что на судне нет для нас места, было уже поздно.

Другой пассажир – фрейлейн Сара, как она по-немецки представилась капитану, – была молодая дама из купеческого сословия, образованная и милая, и ее смех заставлял учащенно биться мое сердце.

Этот звонкий смех донесся до меня с носа лодки, когда волна перехлестнула через борт и юнкер укрыл фрейлейн своим плащом, стараясь при этом, чтобы ветер не вырвал у него из рук его шляпу и парик. Это смешное зрелище заставило штурмана и меня усмехнуться и обменяться парочкой грубоватых замечаний на норвежском о франтах и безумстве придворной моды, хотя мы не спускали глаз с этой пары, и нас нисколько не смущало, что мы так снисходительны к собственному греху – зависти.

Матросы на веслах трудились на совесть, лодка быстро скользила по Вестерэльвен, и я уже видел на острове Исегранёйен очертания города и крепости, скрытых деревьями. Еще совсем немного, и я ступлю на норвежскую землю.

Норвежская земля. Надо признаться, что меня, парня, который уехал из усадьбы Хорттен сопливым крестьянским подростком, а теперь возвращался домой в качестве назначенного самим королем помощника и секретаря посланца Папы Римского, охватило благостное чувство. Вот уж точно, что в окрестностях Бёрре теперь будет о чем поговорить, думал я с удовлетворением и крепко держал нунция, когда тот снова склонил свое зеленоватое лицо над бортом лодки, издавая при этом безбожные и невнятные звуки.

Глава 3

– Куда ехать?

Дома. Наконец-то дома! Мои ноги стояли на норвежской земле, или, на худой конец, на бревнах норвежской пристани, – глубоко дыша, я замер в ожидании, когда меня наполнит блаженное, опьяняющее чувство. Над нами собирались серые, тяжелые от влаги тучи.

Однако ничего такого не случилось.

– Куда ехать? – повторил возница и слез с телеги, чтобы успокоить лошадь.

Я выдохнул воздух, с раздражением посмотрел на “Норвегию” и повернулся к вознице.

– На постоялый двор Батюшки Йертца, – ответил я. Возница шевельнул табак во рту и взглянул на меня.

– Умер, – изрек он.

– О! – Я смутился. – Но его жена, верно, еще принимает постояльцев?

– Сгорела.

– Что?! Сожгли как ведьму?

Он мрачно усмехнулся, услышав тревогу в моем голосе.

– Постоялый двор сгорел, – объяснил он и сплюнул табак в воду. – Сгорел еще в прошлом, нет, в позапрошлом, году. Тогда сгорела большая часть города… – Он сделал рукой движение, которое должно было представлять дом, обратившийся в дым и пепел, – во всяком случае, мне так показалось.

– А мадам Йертц?

– Уехала вместе с детьми. Не хватило средств, чтобы заново отстроить двор, и она продала землю. Думаю, она живет в Ватерланде. – Он грязным пальцем показал в сторону юга.

Я знал Ватерланд. Там в основном жили люди, связанные с морем. Рыбаки, фрахтовщики, моряки и простые ремесленники. Они жили под защитой крепости и на

безопасном расстоянии от наводящих страх огненных объятий города. Еще неизвестно, что из этого было хуже. Но два больших пожара, случившиеся за десять лет, могли заставить любого пренебречь защитой от врага – тем более что уже некоторое время не было войны, от которой требовалась бы защита.

– Что вы порекомендуете?

– Что?.. По… рекомендую?.. – У него изо рта чуть не вывалился табак, он подозрительно оглядел меня с головы до пят.

– Как по-вашему, где нам лучше остановиться?

– Ах, вот оно что!.. – Он глянул на город. – Да, верно, лучше всего… – Он умолк, увидев приближающегося к нам господина. – Таможенник Холм, – буркнул он, скривив рот. – Холм чудом избежал пожара, когда все остальные погорели. Везучий черт!

Какой-то человек в форме спокойно обошел вокруг телеги, на которую матросы грузили наши пожитки, бросил на них оценивающий взгляд и наконец представился:

– Кристенсен Холм, таможенный контроль. – Он отвесил почти незаметный поклон, даже не согнув колени.

Я тоже представился и объяснил, что мой господин, Микеланджело дей Конти, как раз в данную минуту сидит перед тарелкой горячего мясного бульона в харчевне мадам Колбьёрнсен. Он непривычен к морю, и ему нужно время, чтобы прийти в себя после тяжелого для него пути сюда из Дании. Я достал наш проездной документ и предписание, выданное мне секретарем Датской канцелярии, и протянул таможеннику оба документа.

Поодаль тяжелый сундук фрейлейн Сары сняли с лодки и с глухим стуком поставили на причал. Пока таможенник читал предписание, к нам подошел юнкер Стиг и, к моему удивлению, приказал матросам поставить сундук на телегу рядом с нашим багажом.

– Сколько человек вас едет? – спросил таможенник Холм и поднял глаза от бумаги.

Я хотел ответить: трое, нет, четверо, что было истинной правдой, но юнкер Стиг вмешался в наш разговор. Он сказал, что у него есть письмо от короля, освобождающее нас от любых объяснений с инспекторами и другими службами, которые могут представить нашу страну посланцу Папы Римского с невыгодной стороны. Я предостерегающе взглянул на юнкера, дабы напомнить ему о желании нунция сохранить свой визит в тайне, но юнкер игнорировал мой взгляд.

– И, кроме того, – прибавил он, – во время пребывания посланца Папы в Норвегии королевские чиновники должны предоставлять нам любую помощь, какая нам потребуется.

Он вынул из-за обшлага бумагу и протянул ее таможеннику, который на мгновение был совершенно сбит с толку и явно не мог решить, с кем из нас ему следует иметь дело.

Изучив бумагу юнкера, он взмахнул нашими бумагами и решил обращаться к некой точке между нами.

– Я понимаю это так, что вы, как посланцы короля, освобождаетесь от всех проверок со стороны власти, а также таможенного досмотра. Другими словами… – Он не закончил фразу, позволив ей повиснуть в воздухе, подошел к телеге и положил руку на вещи нунция. Взглянул на сундук фрейлейн Сары и вещи юнкера Стига, словно пытался сквозь их грубую обшивку понять, не содержат ли они чего-нибудь, что принесет деньги в казну таможни. Потом вздохнул с облегчением и сказал: – Такова воля короля, и его верный слуга нижайше желает господам приятного путешествия по Нор…

– Позвольте! – раздался громкий, резкий голос у нас за спиной. Быстрым шагом, с мясом, застрявшим между зубами, нунций подошел к нам. И перешел на немецкий. – Никто не прикоснется к моему сундуку! – Он сбросил с сундука руку таможенника и сердито посмотрел на меня. – Я сказал: никто! Ни вы, ни кто-либо другой не имеете права осматривать мои вещи! *Capito*?!

Таможенник предпочел не выражать своего удивления по поводу столь горячего вмешательства и скромно отступил на шаг назад, позволив подозрительной морщинке на мгновение задержаться у него на лбу, тогда как нунций продолжал свой нагоняй теперь уже по-латыни. Наконец Холм решил, что таможенная служба сделала все, что ей положено, поклонился и покинул этот мучительный спектакль, исчезнув в воротах таможни.

– Ваше Высокопреосвященство, ваши вещи никто не будет досматривать, – объяснил я нунцию, когда буря утихла. – Юнкер Стиг и я убедили в этом таможенника. Но… – Я на мгновение умолк, подыскивая подходящие слова. – Но вы по-прежнему желаете путешествовать инкогнито по этой стране?

– Да, безусловно! – раздраженно ответил он. – В этой забытой Богом стране существует извращенное и бесстыдное представление об истинной вере, так что ради моей безопасности…

– Тогда я должен объяснить это таможеннику, – прервал я нунция и поспешил за таможенником Холмом.

Таможенник обещал не раскрывать инкогнито нунция как высокопоставленного посланца Папы и считать его обычным путешествующим купцом. Обещать обещал, но явно это было ему не по душе, и, возвращаясь к остальным, я чувствовал, что нам надлежит не привлекать к себе внимания и стараться избегать неприятностей, пока бургомистру не сообщат об истинной стороне дела. Нет, я не придавал этому такого большого значения, но нунций считал это важным, а следовательно, и его секретарь должен придерживаться такого же мнения, хотя юнкер Стиг, по-видимому, придерживался иного.

Рукав фьорда, на котором стоит Фредрикстад, слишком мелкий и большие суда не могут в него заходить, однако вдоль набережной сновало множество лодок, шхун и даже маленький паром, доставлявший людей на другую сторону фьорда или на остров Исегранёйен. К тому же изрядное место на набережной занимал взвод солдат, которые шумно маршировали туда и обратно и с тяжелым топотом и мрачными лицами проделывали всевозможные экзерсисы под рев невысокого рыжего сержанта. Никто ни в коем случае не должен был забывать, что находится в укрепленном городе.

Фрейлейн Сара вернулась после небольшой прогулки по набережной, где ее невинное, но крайне женственное появление заставило солдат сбить ряды, разгневав тем самым вздорного сержанта. Она обнаружила, что ее сундук уже стоит на телеге, и наградила юнкера Стига обворожительной улыбкой. Мы были готовы отправиться на поиски пристанища.

Возница выехал через ворота, которые вели в город ниже земляных валов. Ворота у переправы были новые, сложенные из камня, скрепленного известью, а над ними – крыша из сосновых досок. Старые деревянные ворота, должно быть, уже окончательно сгнили. Я часто приезжал во Фредрикстад с грузом, когда был простым работником в усадьбе Хорттен, и хорошо знал город. Но, идя по улицам рядом с телегой, я ничего не узнавал, и это меня поразило. Все изменилось. Нет, домов не стало больше и они стояли на прежних местах, но нам то и дело попадались грязные пустыри с торчащими в небо обгорелыми бревнами или совершенно новые дома, из которых многие были не такие, как раньше. Мы добрались до перекрестка, где стояла лавка, и повернули направо к базарной площади, когда я наконец сообразил, в чем дело.

– Я вижу, теперь здесь начали строить фахверковые дома, – сказал я вознице.

– Гм-м, – хмыкнул он и сплюнул через круп лошади. – Таково требование наместника. Комендант пожелал, чтобы во избежание пожаров дома строили из камня, а у кого, скажите на милость, в этой лесной дыре найдутся далеры, чтобы так строить? Здесь нет ничего, кроме нищеты, которой с избытком хватает на нас всех вместе взятых. Вот так-то. Наместник

понял это, когда бургомистр объяснил ему, что к чему, и потребовал, чтобы строили фахверковые дома. А комендант!.. Гм-м!

Он сказал "Тпру!" и остановил лошадь перед большим домом в три этажа.

– Наш новый дистиллятор, он же – аптекарь, сдает несколько комнат, – объяснил он и скрылся за дверью. Вскоре он вернулся с полной рюмкой в сопровождении молодого человека с круглым, как луна, лицом и широкой улыбкой.

– *Jah, wir* сдавать, *jah*, – сказал он на ломаном норвежском и представился как аптекарь Ганс Крамер.

– *Sie sind deutsch*! – в восторге воскликнула фрейлейн Сара и схватила аптекаря за руку. Луна засверкала еще ярче, аптекарь подтвердил, что он немец, и спросил, не желает ли фрейлейн познакомиться с фрау Крамер, которая не выучила этого трудного норвежского языка и ей почти не с кем разговаривать в этом городе.

Фрейлейн Сара рассыпала свой звонкий смех между земляными валами и сама нашла дорогу к фрау аптекарше, пока господин Крамер повел нас по внешней лестнице на второй этаж. Там он показал нунцию и мне наши комнатушки, расположенные рядом друг с другом с окнами на улицу, комната юнкера Стига находилась дальше по коридору. Слуга Герберт должен был спать на заднем дворе у работника.

А фрейлейн Сара? – подумал я и оглядел второй этаж, где оставалась еще только одна спальня, которую занимали аптекарь с супругой. Фрейлейн Сара – благородная дама, пронеслось у меня в голове. Вот именно, благородная! И за ней ухаживает камер-юнкер. Без сомнения, у нее есть в этом городе благородные родственники или знакомые, которых она должна посетить, и она, наверное, остановится у них. Штурман в шлюпке сказал, будто слышал, что она дочь богатого купца. Кажется, из Гамбурга.

Я приказал себе выбросить из головы фрейлейн Сару – она, без сомнения, найдет приют у одного из компаньонов своего отца, – отнес наши вещи наверх и позаботился о том, чтобы у нунция была вода для умывания. Он громко сказал, что намерен недолго поспать. Я оставил его одного и вышел в коридор к юнкеру Стигу.

– Посол лег отдохнуть? – учтиво спросил он и остановился передо мной. Вообще он был не выше меня, скорее даже, ниже, но, очевидно, его высокомерие и гордость, а также невероятно взбитый парик вынуждали других в его присутствии чувствовать себя маленьким и жалким. Поэтому мне доставило удовольствие стоять в этом низком коридоре, где нам обоим приходилось наклонять головы, а его парик то и дело цеплялся за балки. Юнкеру Стигу пришлось склониться передо мной в ожидании моего ответа.

– Да, думаю, что нунций проспит весь день, – ответил я, как мне было велено.

Юнкер пошевелил пальцами.

– В таком случае, надеюсь, что вы возьмете на себя заботу о нунции, пока он отдыхает. А я нанесу визит генерал-майору Шторму, комендант крепости – знакомый моего батюшки.

– Можете на меня положиться. – Я подобострастно поклонился его спине и стоял так, пока не услышал перестук его сапог по брусчатке мостовой, ведущей в крепость. Потом я постучал в дверь нунция и открыл ее.

– Он ушел, Ваше Высокопреосвященство, – сказал я и тут же умолк, обнаружив, что нунций стоит перед кроватью на коленях, склонив голову над молитвенно сложенными руками. Наконец он медленно поднял голову, поднес к губам крест и поцеловал его. Потом повернулся ко мне в профиль:

– Я вас слушаю.

– Он ушел, – повторил я. – Юнкер отправился с визитом к коменданту крепости господину Шторму.

Нунций улыбнулся.

– Прекрасно, – сказал он и выглянул в окно. – Прекрасно. Ступайте и приготовьтесь. Мы будем отсутствовать до конца дня. – Он снова склонил голову над сложенными руками. Я вернулся в свою комнату, распаковал вещи, разгладил одежду, почистил шляпу и нашел парик – все это время я размышлял над словом: “Приготовьтесь”.

Приготовиться к чему? Я не знал, что нам предстоит сделать, не знал, куда мы пойдем. Мы будем отсутствовать до конца дня, сказал нунций. Должен ли я запастись для нас едой? Во что мне следует одеться?

Идти и спрашивать мне не хотелось.

Я обнаружил, что во время нашего морского путешествия с моего парика осыпалось немного пудры – кое-где появились серые пятна, но с этим пришлось смириться – у меня не было времени приводить парик в должный вид. В любом случае, он новее, чем парик юнкера Стига, с удовлетворением подумал я, поправляя его перед треснувшим зеркалом. Этот парик я приобрел перед самым отъездом. Фру Ингеборг помогла мне его выбрать. Просить о помощи Томаса было бы бесполезно, он не разбирался в таких вещах, стоял бы у меня за спиной с унылым видом и уверял меня, что первый же парик, который я взял бы в руки, очень красивый, лишь бы поскорее уйти от парикмахера. Будь его воля, все парики были бы сожжены на кострах и прокляты на веки веков. И хорошо бы вместе с парикмахерами, на всякий случай. Переодетый крестьянином Томас, естественно, был без парика, и я знал, что это доставляет ему удовольствие. Если уж ему понадобилось переодеться, – хотя я не мог понять, зачем это было нужно, – он, естественно, выбрал такой наряд, для которого не требовалась эта “ловушка для вшей”. В Томасе вообще было что-то крестьянское, думал я, особенно если он этого хотел, что-то доброжелательное и простодушное. Однако, если того требовали обстоятельства, он мог быть и грубым и пустить в ход кулаки. Уж не потому ли мы с ним так легко и сошлись, ведь я и сам был из крестьян… или вроде того, как я тогда думал. Во всяком случае, вырос я в крестьянской усадьбе в окружении крестьян, арендаторов и работников. Но был ли я “крестьянским сыном” в буквальном смысле этого слова – вот это мне неизвестно. Дело в том, что я не знал, кто мой отец, не знал, владел ли он усадьбой… или был простым работником. Иногда мне казалось, что он мог быть торговцем или солдатом и даже офицером или графом. Фантазия подсказывает много возможностей, если не имеешь представления, в каком направлении думать. Однако скорее всего тот, кто посеял свое семя в лоно моей матери, был странником, нанявшимся на работу на день или на неделю и исчезнувшим из ее жизни задолго до того, как началась моя. По правде говоря, я уже давно смирился с этой мыслью.

Хуже всего то, что я не знал точно, кто была моя мать. Знал лишь, что она была служанкой в усадьбе Хорттен. Я почти не помнил ее, она умерла, когда мне было пять лет. Я смутно вспоминаю изможденную женщину, которая держит меня на коленях, пока у нее не начинался приступ кашля. У нее словно не было лица, как у невидимки, как… как… у слуги камер-юнкера.

Через силу я улыбнулся про себя над таким сравнением, а мои пальцы незаметно скользнули в карман, чтобы проверить, лежит ли там бумага, “…*замерз насмерть…*” прошептала бумага моим пальцам, и я быстро выдернул руку из кармана, словно обжегся.

И снова мои мысли невольно вернулись к слуге камер-юнкера. Этот Герберт и в самом деле был какой-то невидимый. Часто я вообще забывал, что он едет вместе с нами. За всю поездку он едва ли произнес хоть одно слово, я, во всяком случае, этого не слышал. Он всегда находился где-то на заднем плане и всегда был готов помочь юнкеру Стигу накинуть плащ, надеть шляпу, раздобыть еду, сесть в карету, собрать или распаковать вещи. Он делал все, не произнося ни слова, не изменившись в лице. Почти как живая кукла. Было что-то зловещее в этом неживом образе жизни, что-то призрачное. Не помню даже, чтобы он пыхтел или постанывал, когда мы с ним тащили тяжелые сундуки.

Пока я стоял с париком в руках и примерял его перед треснувшим зеркалом, я никак не мог вспомнить лица Герберта, хотя видел его несколько минут назад. Помнил только, что он был немного ниже, чем юнкер Стиг, обычного телосложения, ни толстый, ни худой, но была в нем пухлость щенка… или ребенка. Я предполагал, что он немного старше юнкера, которому, по моему мнению, было за двадцать, однако определить возраст Герберта было невозможно, ему могло быть сколько угодно от двадцати пяти до сорока лет. Сколько бы я ни повторял все это про себя, представить его себе я не мог. Ни лицо, ни фигуру, ни черты, ни движения. Он как будто не существовал. Был всего лишь мыслью. Фантазией. Нет, не так. Предметом фантазии он никак не мог быть. Предмет фантазии можно себе вообразить, причем таким живым, что легко поверить, будто он существует на самом деле. С Гербертом было иначе. Ты *знал*, что он существует. Но не больше. Он был серым и прозрачным. Невидимым. *Собственно,* его не было.

Из покоев аптекаря послышался громкий многоголосый смех, один голос я мгновенно узнал. Я быстро застегнул сюртук, проверил, висит ли на поясе кошелек, и вышел на лестницу в конце дома. Две женщины, каждая с корзинкой, шли рука об руку по направлению к рыночной площади. Высокую фигуру фрейлейн Сары я знал хорошо, женщина, идущая рядом, была невысокая, с пышными формами, и я решил, что это фру Крамер, жена аптекаря. Их разговор был похож на щебетание птиц, они быстро скрылись из виду.

У аптекаря Крамера были покупатели. Горожане сидели в зале вокруг большого стола, перед ними стояли маленькие рюмки. Гости расслабились, некоторые даже сняли фрак, а те, кто был в парике, положили его на стол. Я остановился в дверях. С потолка на меня глядело чудовище, словно раздумывало, напасть на меня сразу или немного подождать. Из страшной пасти торчали острые зубы. Туловище, кривые ноги и длинный хвост были покрыты чешуей, похожей на рыбью. Чудовище оказалось чучелом, висевшим на солидных цепях. Мальчишка-помощник толок что-то в большой ступе, постанывая в такт своим движениям. Аптекарь, водрузив на круглый нос очки, осторожно сыпал какой-то белый порошок на чашу весов, пока обе чаши не оказались на одном уровне. На стене над ним висели длинные полки с кружками, банками и бутылками со странным содержимым – сушеными пауками, сороконожками, костями крыс и птиц, а под рабочим столом, по всей его длине, находилось несметное количество больших и маленьких ящичков. Под потолком висели рыбьи и змеиные кожи и множество пучков сухих растений. В помещении стоял резкий, чуть горьковатый запах, и слышался звон капель, падавших из перегоночного аппарата в задней комнате. Когда я вошел, горожане замолчали, некоторые приветливо кивнули мне, а господин Крамер снял очки и встал.

– Могу я вам чем-то *hilfe*? – спросил он.

– Мы с моим господином уходим до вечера, и я хотел попросить вас оказать нам любезность и дать с собой немного еды, – тихо сказал я.

– *Natürlich*, – сказал аптекарь. – *Brot und ost und* пиво *und*…

Он скрылся в заднем помещении, отсутствовал несколько минут, потом вернулся.

– *So*, – сказал он с удовлетворением и протянул мне корзинку с едой.

Я хотел заплатить, но он сказал, что это можно сделать и позже.

Беседа в зале возобновилась, как только я закрыл за собой дверь и отправился на встречу с нунцием.

Глава 4

– Сможете ли вы найти усадьбу Трооошвик? – спросил меня нунций по пути к гавани. Увидев на моем лице растерянность, он вытащил какую-то бумажку. – *Gucken Sie mal*: усадьба Троо-швик, – сказал он.

Я прочитал то, что было написано на бумажке, и засмеялся. Он обиженно взглянул на меня.

– Да, думаю, я смогу найти усадьбу Тросвик, – сказал я и показал на воду. – Она находится на северо-западе, вон за тем низким мысом, но это недалеко. Если мы найдем кого-нибудь, кто нас довезет, это займет меньше часа.

Перевозчик переправил нас на другой берег фьорда, но телеги с возницей мы там не нашли, и нам пришлось довольствоваться двумя клячами, что явно оказалось нунцию не по душе. Он покосился на лошадей, на меня и на крестьянина, который их нам предоставил, потом вытер нос и осторожно взгромоздился на вогнутую спину лошади. Крестьянин попросил нас не слишком гнать лошадей, так как их лучшие времена уже прошли. Я глянул на застывшую фигуру нунция и сказал, что едва ли в этом будет необходимость.

С запада дул свежий ветер, и я уже подосадовал, что надел парик, но неожиданно увидел, что нунций снял свой и сунул его в мешок, притороченный к седлу. Проделав то же самое, я позволил себе наслаждаться тем, что еду по норвежской земле.

Дорога петляла среди полей, маленькие и большие каменистые холмы поднимали из земли свои невзрачные серые физиономии и на свой грубоватый лад приветствовали меня с возвращением домой. Мне было приятно их видеть после нежного, расслабленного датского пейзажа, всегда такого чистенького и предсказуемого. Наконец-то я был дома, в этой дикой, суровой и невеселой стране, которая прячет в своей глуши гномов и троллей и способна неделями, месяцами и даже годами скрывать беглецов так, что их не могло обнаружить ни правосудие, ни королевские солдаты. "Бесконечная земля", – сказал однажды некий приезжий, которого я провез по полям, принадлежавшим усадьбе Хорттен, и спросил, как выглядят другие страны. "Бесконечная земля. Норвегия как песня, в которой все время появляются новые куплеты, и ты знаешь, что никогда не допоешь ее до конца, никогда не познакомишься со всеми ее богатствами". Так он сказал. И пропел мне один куплет:

Крестьяне у моря

Не знают горя.

Там луга и поля,

А тучная земля

Прокормит плугаря.

Знай себе паши

От души.

Хочешь – на паре,

А хочешь – на трех

Иль четырех.

Земля тут все может,

Скотинку множит[2].

Оглядевшись по сторонам, я увидел крестьян, поля, луга, коров и овец и подумал: да, так и есть, прекрасные луга – прекрасная земля! И наконец-то ощутил, как хорошо вернуться домой.

Моя уверенность в том, что я знаю, где находится усадьба Тросвик, была несколько преувеличенной. Когда я, мальчишкой, работал в Хорттене, я один раз остался в лодке в заливе Тросвик, а другой мальчишка, Нильс, побежал наверх в усадьбу с посылкой – двумя письмами, ящиком сельди и двумя бутылками ликера. Я, можно сказать, почти был там. Посылка, насколько я помню, была от одного торговца, жившего к югу от Холместранда, который лично приезжал в Хорттен и просил, чтобы мы доставили его посылку

непосредственно в Тросвик. Содержимое посылки служило явным доказательством хорошо известного обстоятельства, что тогдашний хозяин Тросвика, генерал Сисиньон, имел пристрастие к ликеру и к жареной сельди.

Из-за того, что в усадьбу тогда ходил Нильс и что было это восемь лет назад, каждый новый поворот дороги, петлявшей среди болот, перелесков и небольших хлебных полей, только усиливал мою неуверенность.

Нунций дей Конти сидел на лошади с папскими четками в руках и, с интересом поглядывая по сторонам, перебирал их; его губы слегка шевелились, и мне казалось, что он ведет внутренний разговор с Богом. Я даже испытал нечто, похожее на зависть. Нет, я не утратил веры. Напротив, время, проведенное на факультете теологии вплоть до экзамена на звание теолога, расширило мои горизонты и укрепило меня в вере настолько, что я мог лучше противостоять растущим сомнениям Томаса. Сомнениям, подкрепленным пространными научными аргументами, которыми он часто и более чем охотно делился со мной. Мои теологические познания окрепли, и я был уже способен вести богословские беседы, но что касается практической стороны дела… Мои молитвы казались мне длинными тирадами, пестрящими множеством раздраженных слов, фраз из литургии и вопросов, обращенных к молчащим и недоступным небесам – недоступным, как сказочный замок, – никогда не дававшим ничего, что хотя бы отдаленно можно было принять за ответ. Вид нунция, восседающего с достоинством в седле и непрерывно беседующего с Богом, заставил меня почувствовать себя… – даже не знаю, как это лучше выразить, – почувствовать себя сыном, у которого на глазах отец осыпал слугу дарами и золотом. Несправедливо.

– Спросите у той женщины, – неожиданно сказал он.

– Что спросить?

– Дорогу в Тросвик. Ведь вы не уверены, что мы едем правильно?

Я подъехал к оборванной женщине, которая на опушке леса срезала гроздья рябины.

– Простите, сударыня, не могли бы вы сказать мне… – Больше я ничего не успел произнести, потому что добрая женщина с пронзительным визгом бросила свой мешок и скрылась между деревьями, словно у меня на лбу росли рога.

– Наверное, она очень торопилась. – Я опешил.

– Да, я это заметил, – с намеком на улыбку сказал нунций. – Должно быть, она спешила домой, взглянуть, не пригорела ли у нее каша. К тому же рябина, говорят, ягода горькая, да и рвать ее не разрешено.

Я засмеялся. Женщина наверняка подумала, что мы хотим уличить ее в воровстве.

Вскоре на боковой тропинке я увидел едущего верхом пожилого высокого человека. Он ехал из небольшой находившейся поблизости усадьбы, держался в седле прямо и двумя пальцами крутил густые усы. Длинные седые волосы были собраны в пучок на затылке. Выправка у него была военная, но одежда крестьянская – кафтан из домотканого сукна и грубые рабочие штаны.

– Добрый человек, – обратился я к нему, придержав лошадь. – Не поможете ли вы нам найти дорогу в Тросвик?

Серые, как гранит, глаза уставились на меня; понять, что скрывается в голове у этого человека, было невозможно. Потом, через мое плечо, они остановились на нунции, и что-то в них будто шевельнулось, что-то, на мгновение выразившее узнавание, сдержанный гнев или, быть может, искру надежды? Я не понял, потому что лицо этого человека все время оставалось неподвижным. Взглянув на меня, он коротко ответил, что мы должны подняться на холм, после развилки поехать по левой дороге и тогда вскоре за деревьями увидим здание.

– Спросите у него, живет ли по-прежнему в усадьбе генерал Сисиньон? – спросил нунций у меня за спиной. Я знал ответ, но все-таки повторил крестьянину вопрос нунция.

– Нет. Генерал умер в тысяча шестьсот девяносто шестом году, – коротко ответил крестьянин нунцию.

– Спросите, живет ли по-прежнему в Тросвике патер Веймерс.

Я спросил.

Крестьянин молчал. Серые глаза долго смотрели на нунция, потом скользнули по моей особе, от макушки до самых сапог, и снова обратились на нунция.

– Нет, – бросил он и тронул коня.

Я наблюдал за нунцием, который, наморщив лоб, смотрел ему вслед, и вдруг мне захотелось, чтобы рядом оказался юнкер Стиг с его шпагой. Ответственность! Томас сказал, что я головой отвечаю за этого папского посланца. Но что бы я мог сделать, если б этот крестьянин, этот огромный детина, замыслил что-нибудь недоброе? В его сильных руках я оказался бы чем-то вроде вареного гороха.

Следуя его указаниям, мы подъехали к большому белому зданию, и служанка застенчиво подтвердила нам, что это и есть усадьба Тросвик. Однако ни хозяина, ни хозяйки в настоящее время нет дома, они уехали в Христианию, прибавила она и поспешила в хлев.

Нунций взглянул на парк и сказал, что это подходящее место, где мы можем отдохнуть и подкрепиться взятой с собою пищей. Я привязал лошадей, и мы прошли мимо низкой ограды, окружавшей клумбы и куртины, к лужайке, обсаженной с трех сторон высоким можжевельником, там стояла скамейка.

– Здесь красиво, – заметил нунций. Он остановился и огляделся по сторонам. Пока мой господин бродил по узким тропинкам, я распаковал еду. Мой желудок, который целый день оставался пустым, урчал от предвкушения, но нунций неожиданно ахнул и уставился на что-то под кустами. Он склонился так низко, что видна была только его широкая спина, потом он выпрямился и пробормотал: – Они этого не уничтожили!

Любопытство победило во мне голод, я подошел к нему и через его плечо увидел камень, на котором была выбита латинская фраза: *SANCTA MARIA – ORA PRO NOBIS*. Я вспомнил слова, которые он произнес утром на судне: “Святая Мария – молись за нас”. Под словами было начертано *I. C. VON CICIGNON* 1680.

Что-то забрезжило у меня в памяти, не сразу, но что-то забрезжило.

– Генерал был папистом? – с удивлением спросил я.

При жизни генерал Сисиньон был самым могущественным человеком в стране, подчинявшимся только наместнику и королю, так что папистом он никак не мог быть.

– Да, – выразительно сказал нунций дей Конти. – Генерал никогда не отступил от своей веры. Он был истинный слуга Господа.

В растерянности я вернулся к скамье, сел и начал есть, но в голове моей царило смятение. Как офицер, занимающий столь высокое положение, мог оставаться заблудшим еретиком? Он, главный ответственный за оборону Норвегии? Может быть, никто просто не знал, что генерал был католик? Он скрывал это. Но существование камня, даже спрятанного в кустах, указывало на то, что кому-то это все-таки было известно. Может, он пытался склонить людей в свою еретическую веру, когда ездил по стране, проверяя крепостные сооружения? Ни для кого не было секретом, что в Копенгагене велась тайная католическая деятельность. Прозелитизм, то есть попытка обратить кого-то в другую веру, был запрещен законом, один из студентов университета, с которым я учился, был разоблачен полицмейстером, когда тот собирался уехать в Страсбург, чтобы учиться в иезуитской коллегии. После долгих допросов в консистории его освободили при условии, чтобы он написал признание, в котором бы говорилось что католицизм – “мерзкая ересь, безбожие и

заблуждение”. Это признание он должен был прочитать перед нами, то есть перед студентами, дабы оно послужило нам предупреждением и, вообще, нас напугало.

Нунций долго стоял на коленях перед камнем с текстом в глубокой молитве и только потом принялся за еду. Поев, он показал на холм за Тросвиком и сказал, что, по его мнению, оттуда открывается красивый вид и нам следует поехать туда.

Я быстро завернул остатки еды, и мы вернулись к лошадям. Из открытой двери хлева выглянула служанка, я подошел к ней и спросил, как нам проехать на тот холм. Она покраснела и, не поднимая глаз, объяснила, как нам ехать.

На вершине холма на большом пространстве деревья были срублены, кусты расчищены и из расщепленного вдоль бревна сделана скамья. К моему удивлению, там мы тоже нашли камень с надписью. На этот раз надпись была сделана по-итальянски: *BELVEDERE PER EL MARE DE DELL SIGNOR GENERALL DE CICIGNON* 1680.

Некоторое время назад Томас Буберг решил освежить свое знание итальянского языка, приобретенное им во время учения во Флоренции, потому что его включили в члены комиссии, которой предстояло выработать новый Дворцовый закон в Норвегии. Король славился тем, что обожал все итальянское с тех пор, как, будучи кронпринцем, побывал в Италии и, по слухам, безумно влюбился там в одну красивую итальянку. Поэтому итальянские выражения вошли при дворе в моду, хотя сам король плохо владел этим языком. Так или иначе Томас не хотел, чтобы “его заржавевший итальянский стал помехой его возможному продвижению по служебной лестнице”, как он выражался, когда ему приходилось защищать свои плохо скрытые амбиции. В связи с этим “освежением” Томас счел, что мне тоже было бы неплохо иметь в запасе еще один язык. Он полагал, что, чем больше языков человек знает, тем больше у него будет друзей, а значит, меньше врагов.

“Красивый вид… на море”, – перевел я про себя. Этот текст тоже принадлежал генералу. Я поглядел на море. Осенние тучи низко нависли над водой, но редкие проблески солнца подсказали нам причину, вызвавшую объяснение в любви к этому месту.

Нунций опустился на скамью и сделал знак, чтобы я сел рядом с ним.

– Как здесь тихо, – сказал он и замолчал.

Меня несколько сбивало с толку то обстоятельство, что нунций постоянно переходил с немецкого на латынь, а порой разражался и итальянскими восклицаниями. Правда, я уже начал к этому привыкать и обнаружил, что латынью нунций пользуется, когда хочет подчеркнуть что-то особенно важное или не хочет, чтобы его понял юнкер Стиг, а немецкий служил ему для ежедневного общения и для разговоров с людьми.

Я достал яблоко, разрезал его пополам своим ножом и одну половинку протянул моему господину. Некоторое время он смотрел на протянутое ему яблоко, потом взял его.

– Я понимаю, почему Мартин Лютер сократил наполовину добрые дела. Они уже не так нужны.

Вторая половинка яблока, которую я уже подносил ко рту, замерла в воздухе, и я в замешательстве положил ее на скамью между нами.

– Тот, кто считает себя грешником, к счастью для себя, пугается собственного страха перед судом Божиим, – сказал нунций, обращаясь к морю и к лесу, росшему ниже на склоне. – Он загорается новой надеждой, когда обращается к вере в милосердие Божие. И начинает любить Бога как источник справедливости, а потому враждебно относится к греху, считая его омерзительным, то есть он верит в искупление, которое должно было иметь место до крещения. – Нунций повернулся ко мне. – В конце концов, он решает принять крещение, начать новую жизнь и исполнять Божии заповеди. – Наконец нунций откусил кусок яблока, тщательно прожевал его, откусил еще и так медленно съел всю половинку. – Человек

спасается добрыми делами, – сказал он, глядя на скамью. Потом протянул мне отложенную мной половинку яблока.

Я осторожно взял ее, поблагодарил нунция, откусил крохотный кусочек и долго жевал его, пока слова папского посланца кружили в моей голове. А потом начал кружить и мой ответ. Слова и фразы вроде "Человек не спасется добрыми делами" и "Если Господь принимает нас с учетом наших дел, мало кому удастся предстать перед Ним" или "Мы делаем добрые дела не для того, чтобы нас одобрил Господь, а потому что Господь уже одобрил нас". Однако вслух я всего этого не произнес. Не смог. Ведь он архиепископ. Он ученый, тот, кто знает ответы на все вопросы, знает истину. А я всего лишь обычный теолог.

Я ел яблоко, свою половинку, как вдруг нунций встал с недовольным хмыканьем. Он не желает больше здесь ждать, он хочет походить по окрестностям. Я быстро обглодал огрызок и выбросил его в кусты.

– Помни, я иностранный делец, ищу, во что здесь можно вложить деньги, – сказал он по-немецки, глядя на другой берег фьорда и острова. – Что мне может предложить это место?

Вместо ответа я отвел его к лесопильням возле Хавслунда, где мы осмотрели балки, мачты, доски и другую древесину, сложенную штабелями, и я переводил артельному вопросы нунция о мощности лесопильни, сезонной работе, спросе на древесину, о рабочей силе, о связи с внутренними заливами и отдаленными местами, о сплаве к местам погрузки и о многом другом, о чем я сам не имел ни малейшего понятия. Нунций говорил как опытный торговец, вел себя как торговец и, неожиданно для меня, мыслил как торговец.

Он даже попросил, чтобы ему назвали разные места погрузки, хотел поговорить с фрахтовщиками о ценах на фрахт и рабочую силу, поговорить с хозяином Нюгорда о ценах на землю и строительные материалы и еще о многом, так что, когда мы к вечеру пристали на пароме к причалу Фредрикстада, уставшие, но довольные проведенным днем, я почти забыл, что он служитель Церкви, а я его секретарь. К концу поездки, после отдыха на той скамье, между нами установились свободные, почти дружеские отношения, как будто нунцию в его роли торговца не нужно было быть серьезным и сохранять чувство собственного достоинства, которое требовалось от посланца Папы. Имело значение и то, что за нами не наблюдало внимательное, неусыпное око юнкера.

Я протянул нунцию руку, чтобы помочь ему сойти на пристань, и спросил у него, доволен ли торговец проведенным днем.

– Тут есть много возможностей для будущего, – сказал он с улыбкой и оперся на мою руку. – Но мне нужно посоветоваться с Высшим Судьей, прежде чем я смогу принять окончательное решение.

Я все еще недостаточно знал его, чтобы понять, как я должен комментировать это двусмысленное замечание, а посему я промолчал и расплатился с паромщиком.

– Вот и конец миру, – пробормотал нунций у меня за спиной.

– Хорттен! – Тот, кто окликнул меня, подошел ко мне уже довольно близко и снова позвал меня: – Хорттен! – Звавший меня запыхался, но я отчетливо слышал свое имя. – Похоже, секретарь-помощник лишился рассудка и забыл, что он отвечает за жизнь…

Я обернулся и приложил палец к губам.

– Тс-с! Это еще не повод, чтобы кричать об этом на весь город, тем более если действительно эта страна так опасна, – тихо прервал я его.

Передо мной, красный как рак, стоял юнкер Стиг, держа руку на эфесе шпаги, он прошипел сквозь зубы:

– Берегитесь, несчастный! Не раздражайте меня, а не то это станет делом чести, разрешить которое сможет только оружие.

Он знал, что я не владею оружием.

– Разве вам не известно, что король запретил дуэли? – спросил я.

Юнкер Стиг криво усмехнулся:

– Сожалею, но я не слышал того, что вы сказали.

Нашу беседу прервал нунций, он обратился ко мне по-латыни:

– В чем дело?

Я ответил ему по-латыни, которую, как мы с нунцием выяснили, юнкер понимал весьма слабо:

– Юнкер гневается за то, что я позволил вам уехать из-под его надзора. Он собирается вызвать меня на дуэль.

Нунций дружески взглянул на юнкера и перешел на немецкий:

– В этой поездке господин Хорттен выполняет обязанности моего секретаря. Он подчиняется мне, и только мне. Если с ним что-то случится, вы будете отвечать за это перед королем. Помяните мое слово. – Скользнув взглядом по воде, он прибавил: – Впредь я не желаю иметь никакого дела с вашей особой.

Казалось, что юнкер вот-вот набросится на нунция, и я уже приготовился прыгнуть между ними, но юнкер повернулся на каблуках и быстро пошел к городским воротам.

Нунций похлопал себя по животу и улыбнулся:

– Этот господин возбудил мой аппетит. Я, как лев, готов сейчас слопать кого угодно. Давайте поедим, прежде чем я уясню себе, что он – человек, которого бросили на съедение львам еще до пророка Даниила.

Глава 5

– Значит, вы изучали возможности торговли в Норвегии? – Один из клиентов аптекаря придвинул свой стул поближе ко мне и, приветствуя меня, поднял бокал. – Кристофер Мунк, городской судья, – представился он и подмигнул мне, словно у нас с ним была общая тайна.

– Петтер Хорттен, секретарь, – сказал я и подмигнул в ответ.

Очевидно, перегоночный аппарат аптекаря непосредственно влияет на глаза его клиентов, подумал я, увидев, как какой-то молодой человек игриво подмигнул служанке, которая собиралась наполнить его рюмку. Она улыбнулась и, клянусь, тоже подмигнула ему. Я протер глаза, явно я слишком мало спал предыдущей ночью. Нунций уже давно лег, и юнкер Стиг – тоже. Приближалась и моя очередь.

Неожиданно я вспомнил, что городской судья ждет ответа на свой вопрос, и подтвердил, что мой теперешний хозяин итальянский торговец.

– Но сами-то вы не итальянец. – Судья улыбнулся и снова подмигнул мне. Я ответил, что я норвежец, как и все тут присутствующие, и объяснил, что служу своему хозяину в качестве проводника и переводчика, хотя на самом деле я секретарь профессора Томаса Буберга, живущего в Копенгагене.

Городской судья с недоумением уставился на меня:

– Профессора Буберга?

– Да.

– Неужели на свете действительно есть профессор с таким именем?

– Да, конечно. – Я был удивлен.

Городской судья покрутил рюмку и спросил:

– Если не ошибаюсь, этот ваш профессор мыслит научно и де-ективно?

– Дедуктивно, – поправил я судью и приосанился, сидя на стуле. – Да, это мой господин. Он прославился своей способностью к ясному и дедуктивному мышлению. Профессор

систематизирует смертельные случаи и изучает разные виды убийств, что помогает ему найти преступников. Неужели его слава дошла даже до Норвегии?

Городской судья кивнул, словно в ответ на собственные мысли.

– Да, я узнал имя. Буберг, совершенно верно. – Он опорожнил рюмку и велел служанке снова ее наполнить, потом вопросительно взглянул на меня, но я прикрыл свою рюмку рукой – пора было ложиться спать.

– Да-да, Буберг. Гм-м, у нас тут о нем ходят легенды. – Судья посмотрел на сидящих за столом. – Вы слышали, этот молодой человек секретарь Буберга? Профессора Буберга.

– Буберга, того, про которого ходит столько смешных историй?

Я не понял и вопросительно посмотрел на судью, тот ответил мне энергичным кивком головы, из-за чего парик съехал ему на лоб.

– Совершенно верно. Ваш господин, несомненно, настоящий профессор. Между прочим, вы слышали последнюю историю? – Судья вытер губы и поправил парик. Потом серьезно кашлянул и произнес сладким тоном: – "Недопустимое вмешательство, – задумчиво сказал профессор Буберг, которому под парик попала блоха".

Сидевшие за столом расхохотались. Бледный подмастерье портного начал икать, он несколько раз стукнул кружкой по столу и буквально проревел, чтобы перекричать смех:

– А вот еще! Вы только послушайте! "Все имеет свою логику, – сказал профессор Буберг и молотком смахнул с носа муху".

Смех сотряс помещение, а я словно окаменел. Этот смех и недоброжелательство, звучавшее в их словах, приковали меня к месту. Наконец я вскочил и стукнул рюмкой о стол так, что осколки брызнули во все стороны.

– Господа! Следующего, кто осмелится нелестно отозваться о человеке, которому… которому вы и в подметки не годитесь, до которого вам далеко, до его мужества и отваги… о человеке, который никогда не позволит себе смеяться над глупостью других, даже если она настолько очевидна, как ваша… Следующего, кто позволит себе смеяться над ним, я собственноручно… отделаю так, что он подавится своими словами.

Меня трясло от гнева, я сипел и хрипел. Должно быть, я напугал их – нагнувшись над столом, я смотрел им в глаза, пока они не замолчали и с виноватой улыбкой один за другим не покинули помещение.

Городской судья смущенно кашлянул:

– Гм-м, да, некрасиво получилось. Вы – наш гость, и мы должны были оказать вам… – Он запнулся и рукавом смахнул со стола осколки стекла. Потом отвел глаза и закашлялся.

– Уважаемые господа! – Я подошел к двери. – Надеюсь, вы перемените тон и ваши злобные выпады останутся в прошлом. Доброй вам ночи!

Хотя усталость терзала меня хуже нарывов, я долго не мог уснуть. Слова горожан о Томасе Буберге растревожили меня. Кто, интересно, пустил в оборот эти истории и связал их с именем Томаса? Это были обычные не очень умные, полушутливые байки, которые уличные мальчишки и сплетницы принимают за расхожую истину. Бродячие анекдоты, которые можно услышать в любом месте. Но тут они были связаны с именем живого человека. Это было необычно и недопустимо, тем более что этим человеком был профессор Томас. Я решил завтра утром спросить у городского судьи, где он их слышал, – этому следовало положить конец. И поскольку самого Томаса здесь не было, позаботиться об этом должен был я.

Между прочим, Томас… Вот негодник! Отправился с судном дальше, в Христианию. Только сообщил мне, где будет находиться, чтобы я, в случае необходимости, мог его найти. В случае необходимости! Да нет, не нужен он мне! Как будто я сам не справлюсь! Может, он

не верит в мои способности? Может, приехал в Норвегию, чтобы следить за моей работой в качестве секретаря-помощника?

Впрочем, вряд ли, ведь он уехал дальше, в Христианию.

В нижнем этаже уже давно все затихло, и весь город, казалось, отправился на покой. Я кипел от гнева, когда поднялся к себе и немного приоткрыл окно, выходившее на улицу. Мое внимание привлек слабый звук, доносившийся снизу и похожий на шепот. Я хотел было встать и взглянуть, кто это бродит по улице в такую пору, но меня одолела знакомая всем лень. Если по улице шли воры, меня это не касалось. По мне, так пусть бы всех горожан – вместе с самим городским судьей – начисто обобрали, только бы никто не тронул мои пожитки, которые в данную минуту были надежно пристроены в ногах кровати. Где-то в доме скрипнули половицы, открылась дверь, медленно, осторожно. Я насторожился. Мне показалось, что звук донесся из соседней комнаты, которую занимал нунций. Кто-то прокрался в коридор и, неслышно ступая, спустился по лестнице. Я встал и осторожно выглянул в окно. Какой-то человек с фонарем, висящим на палке, которая лежала у него на плече, ждал внизу у лестницы. Он что-то невнятно сказал тому, кто к нему спустился, и они оба пошли по дороге.

В одном из них безошибочно угадывался нунций с его угловатыми движениями, думал я, поспешно натягивая на себя одежду, потом зажег фонарь и заторопился за ними. Я видел их фонарь, мелькавший впереди между домами, поэтому с двух сторон прикрыл свой и постарался подойти к ним как можно ближе. Нунций и его спутник остановились, прислушались, подозрительно вглядываясь в осеннюю темноту у них за спиной. Я замер, прижавшись к стене и стараясь с ней слиться. За стеной дома слышался многоголосый храп.

Те двое, очевидно, успокоились и перешли через площадь. Они молчали. За какой-то оградой протяжно выли коты, их вой напоминал детский плач. Я чуть не споткнулся о гнилой кабачок, который валялся на площади после торгового дня. Бродячие собаки еще не добрались до него.

В облике незнакомца, идущего рядом с нунцием, мне чудилось что-то знакомое. Они свернули направо, на боковую улицу, а потом – в узкий проулок между двумя домами, зашли за ограду. Я крался за ними, останавливаясь и прислушиваясь у каждого угла; неожиданно я оказался в небольшом дворе, окруженном с трех сторон домами, попасть в него можно было только тем путем, которым прошел я. Двор был пуст, если не считать горы мусора. Те двое исчезли.

Я стоял в растерянности и уже жалел, что не разбудил юнкера Стига и не взял его с собой. Но извинял себя тем, что на это у меня не было времени, хотя в глубине души понимал, что не сделал бы этого ни в каком случае.

В доме передо мной было темно и тихо, в доме справа сквозь приоткрытые ставни виднелся слабый свет. Я подкрался к окну и заглянул сквозь тонкую ткань, закрывавшую щель в ставнях, но тут же отпрянул в темноту двора. Два пьяных солдата и полуодетая девка с бутылкой у рта вряд ли имели отношение к исчезновению нунция.

Неожиданно осветилось окно в доме слева. Это был солидный, но простой деревянный дом, построенный у крепостной стены и словно притулившийся к ней, как ласковая кошка. Внутри, в доме, я увидел спину нунция, она загородила от меня человека, который увел его из дома аптекаря. Я осторожно подкрался ближе, задев по пути ногой крысу, которая зашипела на меня и убежала. Следует ли мне войти внутрь?

Ничто не свидетельствовало о том, что нунций пришел сюда не по доброй воле. Он сам спустился по лестнице и встретил пришедшего за ним человека, и, когда они шли по городу, я тоже не заметил, чтобы он шел под угрозой оружия. В окне мне была видна только спина нунция, в его позе не чувствовалось напряженности, которую я непременно заметил бы, находись он здесь против своей воли.

Они тихо беседовали – сначала что-то говорил нунций, потом – незнакомец. Слов я не мог разобрать, потому что солдаты в доме у меня за спиной горланили какую-то непристойную песню и стены ближних домов отзывались эхом на их голоса. Незнакомец говорил долго, у него был низкий раскатистый голос, от которого в окне дребезжали тонкие стекла. Нунций повысил голос, похоже, он на что-то сердился, сказал по-немецки что-то про виноградник и какую-то измену, потом отошел в сторону, и я смог заглянуть в комнату.

Незнакомец стоял лицом к нунцию, и я сразу узнал его. Это был тот человек, у которого мы спрашивали, как проехать к усадьбе Тросвик, – пожилой, седой крестьянин с бравыми усами. Теперь на нем не было крестьянской одежды, ее сменила поношенная, но аккуратная офицерская форма.

Я быстро припомнил давешнюю встречу с этим человеком, не явствовало ли из чего-нибудь, что они с нунцием знали друг друга? Нет, ничего такого я не заметил. Судя по всему, та встреча была случайной. Что же тогда происходит сейчас в этом доме? У меня не было ответа на этот вопрос, и оставалось только наблюдать, слушать и запоминать.

Солдат-крестьянин вышел из комнаты и тут же вернулся обратно с двумя простыми бокалами. Он наполнил их и передал один бокал нунцию, который молча, не изменившись в лице, принял его. Солдаты в доме у меня за спиной допели свою песню и некоторое время довольствовались громкими выкриками и смехом. Нунций едва пригубил свой бокал, тогда как его собеседник закинул голову и одним глотком опустошил свой. Новая непристойная песня заглушила все остальные звуки. Солдат-крестьянин что-то сказал, но в ответ нунций только отрицательно помотал головой. Хозяин налил себе снова, хотел выпить, однако нунций произнес что-то, что заставило хозяина поставить бокал на стол и выйти из комнаты. Нунций посмотрел ему вслед, достал из кармана какой-то пузырек и открыл его. Потом быстро подошел к столу и склонился над бокалом хозяина…

У меня за спиной послышался шум, один из солдат распахнул дверь и вывалился во двор. Он был так занят, расстегивая штаны, что не заметил, как я выскользнул со двора и спрятался в темноте. Вскоре я услышал глубокий вздох и журчание льющейся на стену жидкости. Я ждал, когда он уйдет, но тут во двор вышел второй солдат, они болтали о чем-то и рыгали, пока в соседнем доме не открылось окно и сердитый голос не потребовал тишины; солдаты стали отругиваться, и тут я неожиданно увидел, что нунций вышел из дома и направляется в мою сторону. Не спуская с солдат глаз, он крался вдоль стены дома, держа перед собой фонарь, привязанный к палке. В страхе быть обнаруженным, я бросился в проулок. То обстоятельство, что я был проводником нунция и должен был охранять его во время нашей поездки, еще не означало, что он оценил бы, что я слежу за ним без его ведома. Он, несомненно, хотел скрыть от меня этот ночной визит.

Пока мы шли от этого дома к нашей аптеке, я следил, чтобы он не сбился с пути и чтобы через площадь его фонарь двигался прямо по направлению к аптеке. Успокоенный, я поспешил домой и быстро поднялся по лестнице. Я прилагал все усилия к тому, чтобы ступени не скрипели, и одновременно размышлял, не должен ли я разбудить юнкера Стига и рассказать ему о случившемся; решив, что не должен, я прошел в свою комнату, однако передумал, на цыпочках подошел к комнате юнкера и постучал. Из комнаты доносился тихий, урчащий храп. Я открыл дверь, протянул в комнату руку с фонарем и увидел на подушке его сильную шею и темноволосую голову. Под одеялом вырисовывался локоть. Я с удовлетворением отметил, что на макушке юнкера намечается лысина, объяснявшая, почему он всегда носит парик. Обрадованный этим обстоятельством, я закрыл дверь.

Вернувшись к себе, я сразу лег и вскоре услышал, как нунций поднялся наверх и проскользнул в свою комнату. Там он недолго с чем-то повозился и затих. А вскоре заснул и я.

В ту ночь мне первый раз приснился тот сон.

* * *

Я не стал будить юнкера! Не стал!!

Именно так. Как ни прискорбно, я вынужден признаться в этом самому себе.

Бедро болит, и я сдвигаю пюпитр для письма к изножью кровати, чтобы иметь возможность помассировать бок. Барк поднимает на меня глаза, но я машу ему рукой – мне ничего от него не надо.

Что это, тщеславие или приступ юношеского безумия заставил молодого человека не сделать того, что полагалось? Неужели глупая надежда обойти камер-юнкера и привлечь внимание фрейлейн Сары к своей особе не позволила мне войти в комнату юнкера, тронуть его за плечо и разбудить?

Если бы я разбудил его, возможно, все сложилось бы иначе и человеческая жизнь была бы спасена. Возможно. Скорее всего, так. Но с уверенностью этого не скажет никто.

У меня болит грудь, я кашляю, скривившись от боли. Барк встает из-за маленького столика у окна, где он вырезает ложки и черпаки. Массирует мне спину и грудь, наконец кашель успокаивается. Тяжело дыша, я опускаюсь на подушки, а он идет, чтобы приготовить мне горячее питье.

Я возлагаю слишком большую вину на молодого Петтера Хорттена. Вину за смерть человека. Это серьезное обвинение. Деве Марии это не понравилось бы, думаю я и грустно улыбаюсь при мысли о красивой деревянной скульптуре, с которой я этим летом разговаривал в церкви на Лундёйене. Она просила меня взглянуть на дело с другой стороны. С доброй.

Добрая сторона. А есть ли такая сторона в моей истории? И для кого добрая?

Возможно, разбуди я юнкера, наша поездка так и осталась бы только поездкой. Но хорошо ли это? Возможно, тогда любовь никогда бы не проявилась. Возможно, мальчик так и не родился бы на свет? Для кого это было бы хорошо?

Возможно, любовь и тоска не поселились бы и не ныли в старой больной груди?

Я вздыхаю и смотрю, как за окном падает косой моросящий дождь.

Кто знает, что хорошо, а что плохо? Что правильно, а что – нет? Целиком истина никогда не открывается человеку, и будущее всегда скрывает темные углы, которые он обнаруживает слишком поздно.

Никто ничего не знает. Независимо от желания языческой богини судьбы рыться в старых грехах, я не должен безоговорочно возлагать всю вину на свое юное “я”. Случившегося все равно не исправишь, говорю я себе. Судьба или не судьба, прошлого не изменишь. Единственное, что я могу сделать, – только рассказать…

Но я не могу удержаться и не думать о том, что мелкий, на первый взгляд незначительный, выбор может иметь катастрофические последствия.

Четверг 25 октября

Год 1703 от Рождества Христова

Глава 6

Я видел женщину, ее глаза, молящие и в то же время обвиняющие, спутанные волосы, обломанные ногти на тонких скрюченных пальцах, худую фигуру в безжалостных тисках позорного столба. Все это отчетливо, слишком отчетливо, стояло у меня перед глазами, когда я проснулся. Я ополоснул лицо холодной водой, но это не помогло. Вымыл уши – бесполезно. Я все еще слышал насмешливые крики, слышал плеск выливаемой на нее воды, видел струи мочи, мочившихся на нее мужиков, слышал, как с глухим звуком об нее разбивались тухлые яйца и яблоки. Слышал ее хриплые вопли и проклятия зрителям, предупреждения, что в

следующий раз на ее месте могут оказаться они. Люди не верили ей, думал я. Человек никогда не верит, что он может оказаться следующим.

Этот сон обладал такой силой кошмара и яркостью действительности, что мне пришлось, дрожа от холода, раздеться догола, вымыться целиком и растереться грубой холстиной, прежде чем картины сна начали понемногу бледнеть. Мне помог знакомый смех, донесшийся откуда-то из дома и очистивший мои уши, – я наконец проснулся и понял, где нахожусь. Я быстро оделся и сошел вниз.

Нунций сдержанно и немногословно попросил меня запастись едой на целый день – мы покидаем Фредрикстад и едем дальше по западной стороне фьорда, сообщил он мне. Это было неожиданно, потому что не далее как накануне он говорил, что ему нравится город, и радовался возможности познакомиться с ним поближе. Я передал распоряжение юнкеру Стигу, который велел слуге уложить его вещи и вышел за дверь.

Пока возница грузил наш багаж на телегу, фрау Крамер пригласила нас к завтраку, и мы расселись вокруг стола, ломившегося от колбас и сыров, не похожих на обычную норвежскую пищу. Даже нунций немного просветлел от этого зрелища, хотя вообще-то был погружен в мрачные мысли.

– Ах… *metwurst*? – Фрейлейн Сара улыбнулась фрау Крамер, когда увидела колбасу. – *Und käse aus Gouda*! – Она взяла кусочек сыра и с наслаждением его понюхала.

К своему удивлению, я узнал, что фрейлейн Сара ночевала в доме Крамеров, однако не мог понять, где же здесь для нее нашлось место. Возможно, в доме была комната, которой я не заметил? Удобно ли ей там было спать, это уже другое дело, потому что она выглядела усталой и была не в духе и ее смех звучал немного натянуто, не так как всегда. Я понял, что семейство Крамеров пригласило ее остаться и пожить у них. Это пошло бы ей на пользу, – судя по ее виду, она нуждалась в долгом отдыхе и покое.

В дверях появился юнкер Стиг, уходивший на небольшую прогулку, он приказал своему слуге, сидевшему за столом, почистить его плащ, а сам сел на его место. Герберт бросил взгляд на свою тарелку с едой, бесстрастно поклонился и вышел с плащом в руках.

Фрау Крамер принесла юнкеру чистую тарелку и чистый бокал, предложила ему хлеба, вина и нервно кружила над ним, пока он, наконец, не был удовлетворен.

– Судя по вашему виду, вы ждете цирюльника?! – сказал юнкер нунцию и громко засмеялся.

Нунций сидел, повязав салфетку на шею, и действительно казалось, что он ждет цирюльника. Я же свою салфетку положил на пол, не зная, что мне с ней делать во время еды – она была так красиво сложена, что я принял ее за украшение. Памятуя добрые советы Эразма Роттердамского, я до сих пор вытирал пальцы о скатерть.

Нунций не ответил, но, наклонившись к фрейлейн Саре, похвалил вино, налитое в ее бокал, и предложил ей сыр, который, по его мнению, должен был ей понравиться, потому что был немецкий и по вкусу, и по аромату.

Она с благодарностью взяла сыр, а юнкер Стиг схватил с блюда колбаску и откусил большой кусок.

– Вы хоть понимаете, – он помахал колбаской перед носом у нунция, – что вы должны быть благодарны этому господину, – он ткнул себя пальцем в грудь, – за то, что вам вообще разрешили приехать в Норвегию?

Нунций тоже взял колбаску, изящно отрезал от нее кусок и положил его себе на тарелку, потом начал есть вместе с хлебом и сыром.

– Должны, должны, – упрямо повторил юнкер, – потому что король хотел отказать вам в этой поездке. Он считал, что, поскольку молодой Хорттен не владеет никаким оружием,

слишком рискованно разрешать вам поездку по этой дикой стране. Вы же сами отказались взять с собой своего слугу.

Правда, я об этом совершенно забыл. Томас как-то сказал мне, что нунций дей Конти привез с собой из Ватикана слугу, но его редко видели в городе. Это был пожилой, слабый на вид человек, который совсем не годился на роль защитника папского посла. Я прекрасно понимал, почему его оставили в Копенгагене.

Юнкер Стиг вытер губы салфеткой и бросил ее на стол.

– Когда я узнал, что секретарь канцелярии уже готов остановить вас, я задержал его. И предложил себя в качестве вашего спутника и защитника в этом путешествии, и мое предложение было принято.

Он замолчал, словно в ожидании благодарного жеста или слов благодарности, но ждал напрасно. Ни выражение лица нунция, ни его поведение не свидетельствовали о том, что он вообще слышал слова юнкера.

Юнкер Стиг поджал губы и сжал лежавшие на столе кулаки, однако смолчал. Я посмотрел на его руки и увидел шрам на тыльной стороне ладони, похожий на нервно проведенную черту. Шрам от шпаги, подумал я. Или от меча.

Мы в молчании, быстро закончили завтрак, словно куда-то спешили.

Когда мы уже расплатились с аптекарем и стояли перед домом, готовые к отъезду, мимо нас с сосредоточенной миной на толстощеком лице быстро прошел городской судья. Он рассеянно поздоровался с нами, но через несколько шагов остановился и поманил меня к себе.

– Надеюсь, вы больше не сердитесь на наши вчерашние шутки? Они были вполне безобидны.

– Профессор Томас Буберг не заслужил, чтобы злословили о его особе, – сказал я. – Он известный человек, господин судья, личность, с которой вы с удовольствием выпили бы по бокалу вина.

– Мы это непременно сделаем! – взволнованно воскликнул судья и оглянулся по сторонам, словно показывая, что готов выпить с Томасом уже сейчас.

Я поспешил сказать ему, что профессор в настоящее время находится в другой части страны, так что их приятную встречу придется отложить до другого раза.

– Хорошо, мы подождем. Но… – Судья посмотрел на улицу. – Вы, кажется, сказали, что он исследует разные виды убийства?

Я подтвердил. Именно в этих исследованиях ему особенно помогает его способность к дедукции.

– Вы были его секретарем и, наверное, много знаете о его работе?

Это я тоже подтвердил, хотя подчеркнул, что сам ни в коей мере не обладаю способностями профессора.

– Пошли, – сказал судья Мунк и собрался повести меня за собой. – Мне как раз предстоит расследовать неожиданный смертельный случай и хочется посмотреть, как бы вы начали расследовать это дело.

– Но это… Это невозможно! – Я растерялся. – Мой теперешний господин должен ехать дальше, в Мосс и в Вестфолд, и я должен его сопровождать.

– Это не займет много времени, – не смутившись, изрек судья. – Скажете ему, что остаетесь в моем распоряжении на несколько часов, и он вас подождет.

В этом я не был уверен. Однако пошел к нунцию и изложил ему суть дела: городской судья просит меня помочь ему в расследовании одного смертельного случая.

Нунций был непоколебим.

– Едва ли секретарь-помощник обладает способностями, которых нельзя найти в этом городе, – сказал он с презрительной миной. – Я уверен, что людей, умеющих писать, можно найти даже в этой деревне.

Задетый за живое, я уже собирался объяснить ему, что место, где живет восемьсот человек, – это уже не "деревня", но тут к нам подошел юнкер Стиг и пожелал узнать, в чем дело. К моему удивлению, нунций изложил ему дело так, как будто всегда считался с его мнением, и закончил свою речь, заявив, что проводник и переводчик важен для него в предстоящей поездке. Было ясно, что он не сомневался в поддержке со стороны юнкера.

Однако, к моему еще большему удивлению, юнкер Стиг без всякого раздражения в голосе заявил, что он и сам способен найти путь в Мосс и Йелёйен, где нунций сможет подождать секретаря. Я решил пересмотреть свое отношение к юнкеру, а сам тем временем наблюдал, как фрейлейн Сара прощается с господином и госпожой Крамер – значит, она все-таки решила продолжить путешествие вместе с нами.

– Я еду с вами, – решительно сказал я нунцию, который, отвернувшись от нас, с задумчивым видом наблюдал, как одинокая курица роется в пищевых отходах.

– Нет, господин юнкер прав, – медленно сказал он. – Как раз в сегодняшней поездке ваше присутствие мне не так необходимо. Однако вы должны будете как можно скорее догнать нас, вы должны быть с нами до того, как мы переправимся через фьорд на пароме.

– Хорошо, – сказал я и спросил, могу ли я отправить с ними свои вещи, на что они оба дали свое согласие. Тогда я попрощался с нунцием, коротко кивнул юнкеру и улыбнулся фрейлейн Саре, которая удивленно спросила, почему "*der Sekretär*" не едет вместе со всеми. С важным видом я объяснил ей, что городской судья и магистрат города нуждаются в моей помощи, но что уже к вечеру я их догоню. Она не ответила на мою улыбку и, посмотрев на улицу, поинтересовалась, что это за дело, в котором так неожиданно понадобилась моя помощь. В ее голосе прозвучали резкие нотки, каких я прежде ни разу не слышал.

Пришлось сказать, что я этого еще не знаю, однако, насколько я понял, это связано с каким-то смертельным случаем.

Мне показалось, что она хотела что-то сказать, но вместо этого с равнодушной улыбкой протянула мне на прощание руку для поцелуя, после чего быстро отошла к телеге, где стояли юнкер Стиг и Герберт.

Городской судья, который уже ушел, прислал мальчишку, чтобы тот проводил меня к нему. Мальчишка бежал впереди меня через площадь. Время от времени он останавливался и нетерпеливо ждал, когда я подойду к нему, а потом бежал дальше. Вот он свернул направо, и я прибавил ходу, чтобы не потерять его из виду. Я видел, как далеко впереди он свернул в проулок между двумя домами, и неожиданно почувствовал в затылке насторожившее меня покалывание. Это был тот самый путь, который я проделал нынче ночью. Мальчишка крутился у угла дома, и я нерешительно последовал за ним.

Городской судья стоял в маленьком дворике и разговаривал с офицером в высоком чине. Увидев меня, он махнул мне, чтобы я подошел к нему, и бросил мальчишке монету, тот ловко поднял ее с земли и убежал. Из дома, который нунций посетил всего несколько часов назад, вышел молодой служащий.

– Комендант Шторм, – сказал судья, – это молодой господин Хорттен, который должен помочь мне определить, от какой болезни скончался тот человек.

Комендант – смуглое обветренное лицо, внушительная фигура – очевидно, этот человек стремился к тому, чтобы его вид всегда соответствовал фамилии; сейчас он оценивающим взглядом смотрел мимо меня на стену крепости, словно решал, что именно в ней необходимо улучшить.

– Молодой господин Хорттен секретарь профессора Буберга из Копенгагена, – прибавил судья с тяжелым ударением на каждом “б”.

Слова достигли цели, офицерский взгляд обратился на меня, и под его тяжестью у меня дрогнули колени.

– Вот как, секретарь профессора Буберга. Вот как. – Сурово сжатые губы разомкнулись, и под усами мелькнуло что-то похожее на улыбку. Он весело хлопнул меня по плечу. – Ну, значит, наше дело в надежных руках… – Он наклонился к судье: – как сказал профессор Буберг, когда проститутка стащила с него штаны. – Комендант разразился раскатистым смехом, так что затряслось все его тяжелое тело, и повернулся к нам спиной.

Довольно похохатывая, он скрылся между домами. Молодой служащий в дверях не мог скрыть улыбку. Судья, прежде чем повернуться ко мне, попытался придать своему лицу серьезное выражение. Это далось ему с трудом.

– Мы… то есть комендант Шторм, гм-м… предоставил в наше распоряжение фельдшера Брёдермана, который сейчас осматривает покойника.

Больше всего на свете мне хотелось уйти отсюда. Меня позвали сюда только для того, чтобы посмеяться надо мной.

– Разве у вас в городе нет своего лекаря?

– Нет, нет. Хватает и Брёдермана, он и один вполне может отправить человека на тот свет… – ответил судья Мунк. В уголке губ у него еще держалась улыбка.

– Могу я взглянуть? – спросило мое любопытство. Или мое чувство ответственности? Во всяком случае, мой страх.

Улыбка исчезла. Городской судья Мунк уставился на меня, словно не понимал, почему я еще здесь:

– Да-да, конечно! Вот сюда! Но Брёдерман еще не закончил.

Он направился к небольшому дому. Я остановился у двери, прикусив губу, потом последовал за ним.

Мы вошли в маленькую кухню, в которую с трудом втиснулись вдвоем, и Мунк направился дальше, в ту маленькую гостиную, через окно которой я вчера наблюдал за тем, что там происходило. Я остановился и зажал нос. В доме омерзительно пахло нечистотами и еще чем-то, но, чем именно, я определить не мог.

То ли запах, то ли белая голая ступня, которая высовывалась между ногами цирюльника, то ли что-то совсем другое – я вдруг увидел себя на эшафоте… Я остановился, пришел в себя и вспомнил Декарта. Четвертое правило. Оно звучало примерно так: делая вывод, нужно учитывать все факты и быть уверенным, что ничего не забыто. Четвертое правило. Декарт.

Я был один. Я не мог рассчитывать на поддержку Томаса, только на свою память. И на те крохи мудрости, что Томасу удалось вбить мне в голову за четыре года, что мы с ним были знакомы. А еще на свой разум.

Мой разум. Я не знал, можно ли на него положиться. Он вдруг показался мне таким же ненадежным, как изъеденный жучком стул. Сколько раз я слышал, как Томас тяжело вздыхал и закатывал глаза к небу, услышав мои “разумные” высказывания!

Память… факты… вот с чего нужно начать. Работать должны глаза, уши… и нос.

Я взглянул на потолок. Зловоние держалось, несмотря на то, что в доме явно гулял сквозняк. Труба лишь наполовину доходила до конька крыши, где дымовое отверстие пропускало в комнату немного света, потому что щиток был слегка отодвинут. Во всех стенах в тех местах, где выпал мох, зияли щели. Солнце сюда еще не добралось, если у него вообще были такие намерения, и слабый свет поблескивал в сырых пятнах на стенах.

Очаг был сложен как своеобразный водораздел между кухней и гостиной. Я склонился над котелком, висевшим над темно-серой горкой золы, в нем было что-то, напоминавшее засохшую кашу. Сунул руку в золу, она была холодная, мне пришлось глубоко покопаться в ней, прежде чем мои пальцы нащупали тепло. Служащий у двери не спускал с меня глаз. Я притворил дверь, чтобы не видеть его, но неплотно, так, чтобы в комнату проникало достаточно света. За дверью стояло деревянное ведро с крышкой. На полу у очага – бочка с водой. Кухонный стол у стены был выскоблен так, что деревянная столешница даже светилась, на нем стояли две пустые бутылки, миска для мытья посуды, в ней – кружка, и больше ничего. С потолка свисали два круга колбасы и холщовый мешок. Я догадался, что в нем лежат хлеб и сыр. На стене висела деревянная ложка, над ней – полка, грубо сколоченная из необтесанных досок. На полке стоял бокал, несколько кружек и две деревянные миски. И еще кружка с солью. Больше в кухне не было ничего.

– Вы идете? Или вам достаточно порыться в золе, чтобы понять, от чего сдох покойник? – Городской судья стоял возле очага и смотрел на меня. Лицо его было в тени.

Я стряхнул с рук золу.

– Иду-иду.

Гостиная была маленькая. В отличие от кухни глиняный пол был застелен досками, посыпанными песком. Обеденный стол занимал полкомнаты, так мне, во всяком случае, показалось, возможно, оттого, что стол был таким грубым и массивным, будто стоял раньше где-нибудь в пещере троллей.

У алькова в противоположной стене спиной ко мне над покойником склонился какой-то человек.

– Сейчас закончу! – рыкнул он через плечо.

– Цирюльник Брёдерман немного глуховат, поэтому он кричит, будто мы все тоже глухие. – Судья Мунк сел. – Если так будет продолжаться, мы и в самом деле оглохнем.

Я огляделся.

С каждой стороны стола стояло по стулу, красивые, с резным узором на высоких спинках. Хотя один стул был испорчен тем, что у него не хватало части спинки – похоже, она сгорела; казалось, будто стулья заблудились и попали не в тот дом. Они предназначались для богатого дома, а не для такой бревенчатой лачуги со всеми признаками если не нужды, то откровенной бедности. На столе стоял каменный светильник с фитилем, почти утонувшим в застывшем жире. Я наклонился к нему и осторожно принюхался: от светильника пахло горечью, горелой горечью. Я почувствовал этот запах сразу, как только вошел в дом, его и запах нечистот. На столе стояла бутылка с коричневатой жидкостью. "Такую же жидкость пил накануне ночью тот солдат-крестьянин", – подумал я. Судья смотрел на бутылку с вожделением, словно ему хотелось выпить.

На полу у двери стояла металлическая жаровня, в углу – небольшой сундук, простой, но на нем было изящно вырезано имя: *Халвор Юстесен.*

– Халвор Юстесен? – Я вопросительно посмотрел на судью.

– Превосходно! – с деланным восторгом воскликнул он. – Теперь мы знаем имя покойного. Это замечательно!

Я глубоко вздохнул и беззвучно выдохнул из себя воздух.

– Расскажите, что вы знаете об этом Халворе Юстесене. Если вы вообще что-то знаете о жителях этого города, – попросил я.

Судья Мунк весело поглядел на меня, похоже, его обрадовало, что я наконец заговорил.

– Халвор Юстесен… ну, он был приятным человеком, его любили…

– Я закончил! – проревел цирюльник и глянул на нас из-под шапки с козырьком, которую не снимал во время вскрытия. – Этот человек умер! – заключил он и показал рукой на покойного.

Судья Мунк уже хотел сделать какое-то саркастическое замечание, но я опередил его.

– Но от чего именно? – крикнул я.

Цирюльник раздраженно посмотрел на меня:

– Ну-ну, молодой человек, зачем вы так кричите, я не глухой! – Он подергал себя за бороду и продолжил орать: – Он умер от поражения всех внутренних органов, случившегося в результате злокачественной опухоли в *circulus arteriosus willisii*, эта опухоль блокировала кровообращение. – Выпалив это, он многозначительно посмотрел на нас, потом кивнул и пошел к двери.

Судья Мунк выжидающе смотрел на меня. Поскольку я молчал, он вдруг вскочил и бросился из дома, я слышал, как на дворе он спросил у цирюльника, когда наступила смерть.

– Ночью, – ответил тот.

Я не стал слушать остального и подошел к алькову. Здесь запах нечистот чувствовался еще сильнее.

Покойный лежал на спине, одна нога свисала с кровати. Я внимательно разглядел его лицо. Сомнений не было – этого человека я видел вчера ночью.

Он был по-прежнему в военной форме, хотя она и не была застегнута на все пуговицы. Сапоги валялись на полу, словно их поспешно стащили с ног. Ступни были голые. Никаких носков в сапогах не было, как и в грубых крестьянских башмаках, стоявших у стены.

Я откинул занавеску, отделявшую альков от остальной комнаты, и обнаружил, что с внутренней стороны к ней прилипла и засохла какая-то масса, такую же засохшую массу я нашел и на простыне за занавеской. Я отступил на шаг назад, чтобы видеть всю картину целиком. Покойный лежал на кровати у самой стены, опираясь на подушку, правая рука со сжатым кулаком была протянута ко мне, левая лежала под периной. Прядь жирных длинных волос падала на лицо. Она подчеркивала напряженность его гримасы – зажмуренные от боли глаза и крепко сжатые губы, – словно покойный до последнего пытался пересилить боль. В углах рта под усами засохла слюна, кожа была синевато-землистого цвета, с нее как будто соскребли тот коричневатый оттенок, на который я накануне днем обратил внимание. Я вышел в кухню и взял со стены ложку. Потом безуспешно с ее помощью попытался открыть покойному рот. Я огляделся. На стене рядом с альковом висело крестьянское платье, наполовину скрытые курткой на поясе висели ножны. Но они были пустые.

– Что вы ищете? – послышался в дверях голос судьи Мунка.

– Нож, – ответил я. – Ножны пусты, значит, нож должен быть где-то здесь.

Судья Мунк осмотрел кухню, а я в это время искал нож в гостиной.

– Здесь нет! – громко сказал он.

– Здесь тоже, – откликнулся я и начал осторожно ощупывать складки перины. Приподняв правую руку Юстесена, я обнаружил небольшой нож, лежавший у него под плечом. – Вот он, я нашел!

Я осторожно всунул лезвие между коричневыми зубами Халвора Юстесена, один зуб сломался и застрял в уголке рта. “Если у него все зубы были такие же гнилые, последние годы жизни ему пришлось бы питаться только кашей и супом”, – подумал я. Мне удалось приоткрыть ему рот настолько, что я мог засунуть в него ложку, которая удерживала челюсти открытыми. Я попросил принести мне фонарь, судья передал мою просьбу служащему, который вскоре принес мне зажженный фонарь на палке, с каким Юстесен приходил ночью к нунцию. Судья Мунк поднес фонарь к лицу покойного, и я поднял ему верхнюю челюсть, чтобы увидеть язык. Язык распух и был лиловато-синий, с серо-зеленым налетом сверху. Я

заглянул Юстесену в горло, в нем не было ничего необычного, разве что оно немного покраснело, трудно сказать. В носу синева была явной.

Я выпрямился и задумался. На что Томас обычно обращал внимание?

– М-Я-Г и два В! – вспомнив, громко произнес я.

– Что? Это опасно? – Судья Мунк невольно отступил на шаг от кровати.

– Нет, – ответил я. – То есть, возможно, пока не знаю. Это первые буквы слов: Моча, Язык, Глаза и Внешний Вид, так легче запомнить. Это первое, на что следует обращать внимание, осматривая больного или покойника.

По-видимому, судья Мунк не нашел в этом ничего интересного. Одно за другим я приподнял веки покойного, чтобы осмотреть его глаза. Глазные яблоки лежали в глазных впадинах так, словно что-то давило на них изнутри, жилки проступали необычно четко, один глаз был ярко-красный, от зрачка до переносицы. Белок был желтоватый и черные кружки зрачков по величине были как последняя точка в Книге о Смерти.

– Непривлекательное зрелище, – заметил судья Мунк.

Я снова закрыл покойному глаза и расстегнул на нем рубашку. Под ней на Юстесене была шерстяная фуфайка; я разрезал ее ножом и распахнул. Кожа была бледная, покрытая мелкой красной сыпью, особенно в области *solar plexus* – солнечного сплетения. Я взял на кухне бокал, прижал его к сыпи, и она исчезла под этим давлением. На левой груди у него было коричневое пятно, величиной с детскую ладонь, я не мог понять, родимое это пятно, пигментное или что-то еще. Осторожно снова прикрыл его фуфайкой.

Потом я осмотрел штаны, они были влажные от мочи и между ногами сквозь ткань на простыню проступил кал. С этим можно подождать, решил я и поднял правую руку Юстесена. Пальцы были сильные, кожа – мозолистая, даже на тыльной стороне ладони. Грубые рабочие руки были чисто вымыты, однако в глубоких складках кожи темнела грязь. Ногти были короткие, обломанные от тяжелой работы. Я опустил правую руку и наклонился, чтобы поднять левую, которая была закрыта периной, Юстесен придавил ее своим телом, и мне пришлось немного повернуть его, чтобы освободить руку. Когда я подергал ее, за ней потянулся длинный тонкий кожаный лоскут, он запутался в пальцах, и рука застыла, сжимая его. Я разжал два пальца, вытащил лоскут, положил его на перину и внимательно оглядел руку, но не нашел ничего достойного внимания.

Следовало вернуться к М – моче и калу.

– Может быть, господин судья, хочет сам продолжить осмотр, тогда я подержу ему фонарь, – сказал я и отступил в сторону.

Судья Мунк замахал руками.

– Продолжайте, молодой человек, продолжайте! Я вижу, что вы прекрасно с этим справляетесь.

Я взял со стола бутылку и открыл пробку. Понюхал, в нос мне ударил резкий запах бренневина[3].

– Господин судья, не можете ли вы посмотреть, какие продукты имеются в этом доме?

Судья Мунк хотел что-то сказать, но передумал, поставил фонарь на стол и вышел из комнаты. Я расстегнул на покойном штаны и раскрыл их так, чтобы увидеть цвет и консистенцию кала. Он был светло-коричневый и скорее жидкий, чем твердый. Застегнув штаны, я потрогал пальцем мокрую ткань в паху, подошел к окну и понюхал палец. От него пахло едкой и горькой мочой. Я прикоснулся пальцем к кончику языка – тот же самый едкий и горький вкус.

Судья Мунк вернулся и сказал, что в мешке лежат сыр и хлеб, под потолком висят два круга колбасы, и еще в очаге стоит засохшая каша.

– И это все? Странно. – Я был удивлен.

Судья Мунк зажмурил глаза.

– А что тут странного? Обычные продукты. Они есть в каждом доме.

Я пожал плечами и взглянул на покойного.

– Если человек презрительно относится к логике и дедуктивному мышлению, ему трудно что-нибудь заметить.

Судья Мунк крепко схватил меня за плечо и повернул к себе, теперь мы стояли лицом к лицу.

– Молодой человек! – сердито сказал он. – Я уже извинился за наше вчерашнее поведение. Сейчас речь идет о смерти, это серьезно, и препираться нам не время. Если это чума или какая-нибудь другая заразная болезнь, мы должны как можно скорее предпринять все меры безопасности.

Я стряхнул с плеча его руку и ответил ему сердитым взглядом.

– То, что вы извинились, это одно, а то, что вы думаете, совершенно другое. Вы с самого начала хотели, чтобы я присутствовал при расследовании только затем, чтобы у вас появились новые забавные истории. Зачем вообще вам понадобилась моя помощь, объясните, пожалуйста?

На его одутловатом лице выступили красные пятна, он помрачнел и неожиданно вышел из комнаты. Я слышал, как он дал какое-то распоряжение служащему, потом вернулся и сел к столу. Схватив бутылку, он вынул пробку.

– Да, вы правы, молодой человек, – сказал он и налил содержимое в бокал. – Наверное, мне следует повторить свои извинения, и на этот раз совершенно искренне. – Он поднял руку, чтобы вылить в себя содержимое бокала.

– На вашем месте, господин судья, я бы не стал этого пить! – Я весь напрягся.

– Что? Я должен спрашивать у вас разрешения?..

– Я только хотел сказать, что вам не следует это пить.

Он опустил руку и заглянул в бокал.

– Я думаю, что Халвор Юстесен был отравлен… Он что-то съел или выпил. Яд вполне может быть в этой бутылке.

– Яд?.. – Судья застыл с открытым ртом. Потом осторожно отставил бокал и толкнул его, словно бокал мог его укусить. И махнул рукой, чтобы я сел на второй стул.

– Садитесь, молодой человек. А теперь я хочу не спеша выслушать то, что вы мне скажете.

Глава 7

Я подошел к ведру за дверью и поднял крышку. Тот же самый жидкий кал, что я уже видел, покрывал длинные оформленные колбаски, попавшие в ведро раньше. Ведро изнутри было забрызгано до краев, и, насколько мне было видно в полумраке, кое-что попало и на пол. Вонь была омерзительная, я быстро закрыл крышку, распахнул дверь и глубоко вдохнул свежий воздух. После этого я вернулся к столу и сел.

– Расскажите мне коротко о Халворе Юстесене, мне нужно все знать про него.

Судья Мунк кивнул и молитвенно сложил перед собой руки.

– Юстесен всю жизнь был солдатом. Он принимал участие в строительстве крепости в шестидесятых – семидесятых годах, начинал как рядовой, но я не знаю, откуда он родом, во всяком случае, не из нашего города, он приехал сюда с первым комендантом Спекманом… или Спександом? Впрочем, это не важно! Когда в тысяча шестьсот семьдесят седьмом году генерал Сисиньон стал у нас главнокомандующим, Юстесен все еще был здесь и постепенно, как говорят, стал своего рода правой рукой генерала. Поговорите об этом с комендантом Штормом, если вас интересуют детали. Так вот, Юстесен колесил с генералом по всей стране

все последние годы, пока тот не вернулся в Тросвик, я имею в виду генерала; говорят, что за несколько лет до своей смерти он сдал Юстесену в аренду усадьбу Стенбекк за один шиллинг в год. Впрочем, это отнюдь не слухи, я сам видел этот контракт несколько лет назад, когда усадьба Тросвик в очередной раз сменила своего владельца. После смерти генерала владельцы сменялись несколько раз.

– Когда умер генерал Сисиньон?

– Когда? Да лет пять-шесть тому назад, хотя, нет, он умер в тысяча шестьсот девяносто шестом году, тогда как раз женился мой младший, потому что я помню… впрочем, это не важно. Главное, что плата за аренду была до смешного мала, и эту аренду нельзя было аннулировать, она была действительна, пока Юстесен был жив. Как вам это нравится? Именно против этого и пытался бороться один из прежних владельцев Тросвика.

– Но он ничего не добился?

– Да, договор был составлен безупречно. Халвора Юстесена нельзя было выселить из Стенбекка до того, как его вынесут оттуда ногами вперед… Простите, до его смерти.

– А теперешний хозяин Тросвика тоже пытался выселить его из Стенбекка?

– Господин Кристиан Вернерсен? Нет, насколько мне известно, но все может быть. Для него это нерентабельный арендатор. Поэтому, думаю, он предпринимал какие-то попытки… – Неожиданно на лице судьи появилось глуповатое выражение. – Но… но не намекаете же вы, что Вернерсен?…

Мой взгляд выразил полнейшую невинность.

– Я, намекаю?.. Что вы имеете в виду?

Судья Мунк посмотрел на бокал, на бутылку, почесал голову под париком и поднял на меня глаза.

– Что я имею в виду? А то, что хочу послушать вас, прежде чем я буду что-либо иметь в виду.

– Значит, Халвор Юстесен был, так сказать, полусолдатом-полукрестьянином?

– Нет, из солдат он ушел несколько лет тому назад. Когда ему стукнуло шестьдесят.

– Но продолжал носить форму?

Судья Мунк бросил взгляд на альков.

– Да, я это замечал. – Он ослабил узел шейного платка. – Его с армией связывали словно узы брака, без которых он уже не мог жить. Ему было неуютно в Стенбекке, и каждый вечер он возвращался в город, в крепость. У себя в Стенбекке он не мог спать. Говорил, что там слишком тихо.

– Несмотря на ничтожную арендную плату, он жил небогато, – сказал я и оглядел комнату. – Разве усадьба не приносила ему никакого дохода?

– Думаю, что приносила. Но Юстесен потерял свой городской дом и все имущество, а может быть, и состояние, точно не знаю, во время городского пожара несколько лет тому назад.

Судья Мунк замолчал и выглянул в окно. Во двор вышла молодая женщина с ребенком на руках. Малыш плакал, и она раздраженно его бранила. Я узнал ее.

– Да, я видел, что много домов сгорело, – сказал я. – Это тогда обгорел этот стул?

Судья Мунк вздохнул.

– Да, и не только стул. – Он встал, потянулся, прошелся по комнате и снова сел. – Здесь, в городе, нам не дают жить две вещи. Первая – это без конца повторяющиеся пожары. Каждые двадцать лет или даже чаще у нас бушует огонь, город превращается в пустыню, люди лишаются всего и остаются без крыши над головой. Ни одному человеку не удалось прожить всю жизнь во Фредрикстаде без того, чтобы его не посетила рыжая дама.

– Что за рыжая дама?

Он взглянул на меня, под левым глазом у него дергался нервный тик.

– Говорят, что когда-то очень давно, когда город только-только заложили, она тут жила. Ее сожгли как ведьму. На костре она бранилась, проклинала всех и вся и кричала, что отомстит, что еще вернется сюда… Люди часто видели ее на улицах по ночам. Обычно перед пожаром.

Во дворе женщина шикала на плачущего ребенка, он никак не унимался.

– А что еще мешает городу жить?

– Еще эта крепость. – Судье Мунку стало как будто легче, когда он заговорил о чем-то более осязаемом. – Солдаты, конечно, защищают нас от шведов и других разбойников, но, с другой стороны, они сами иногда бывают хуже чумы. Одно дело – пьянство, драки и проститутки, которых они привлекают в город. А другое – разные ограничения и поборы, ну и всякое такое. Как бы там ни было, а комендант Шторм взорвал дом Юстесена во время последнего городского пожара года два назад. Юстесен спас только сундук и еще эти стулья, а больше ничего.

– Как это взорвал?

– Очень просто. Эти негодяи военные взорвали все дома, построенные у стен крепости и вблизи от их зданий, чтобы удержать огонь на расстоянии. – Судья Мунк развел руками. – И, надо сказать, им это удалось! Они не потеряли ни одного здания, ни одного. Да-да, военные тогда не пострадали. – Он так стукнул ладонями по столу, что я даже вздрогнул. – Но они и не помогли спасти ни одного дома горожан, ни одного!

Он вдруг встал и вышел.

– Успокой же наконец своего ребенка! – заорал он на женщину. Она испуганно шмыгнула в дом и закрыла за собой дверь. Вскоре он вернулся, сердито прошелся по комнате и сел. – А тут еще вы, молодой человек.

Мы сидели друг против друга, как два игрока в карты, – прищурив глаза, мы внимательно, оценивающе следили один за другим. Словно противники, мы не до конца доверяли друг другу.

Я еще не был готов высказать то, что я думаю.

– Юстесен пытался получить возмещение за сгоревший дом? – спросил я.

– Нет, насколько я знаю. Но я слышал, что после этого он не выносил даже вида Шторма.

– Значит, они недруги?

Судья Мунк скривил губы под толстым носом.

– Недруги не совсем подходящее слово. Говорят, что у комендантов не бывает ни друзей, ни недругов, только подчиненные и враги.

Я кивнул, встал и вышел. Небо было затянуто облаками. Западный ветер нес от реки сырой воздух и запах гнилой рыбы. Я обхватил себя руками и пожалел, что мой плащ остался в багаже, направлявшемся в Мосс. А еще пожалел, что не держал рот на замке и потому не поехал со всеми, вместо того чтобы стоять здесь и взвешивать каждое слово на золотых весах.

Всех слушай… и прячь свои сужденья, – предупреждающе зазвучал в ушах голос Томаса. Молодая женщина стояла за ставнями и призывно мне улыбалась. Я оглядел двор, молодой служащий стоял у ворот, ведущих на улицу.

…если с послом Папы что-то случится, ты лишишься головы.

Я глубоко вздохнул и вернулся в дом. Теперь был мой черед.

Глава 8

Когда я вошел в комнату, судья Мунк чмокал губами. Бокал стоял возле его руки, но был по-прежнему полон. Судья чмокал в предвкушении. В предвкушении того, что я ему скажу. Я растерялся, мне было страшно разочаровать его. А то, что я его разочарую и таким образом укреплю в предубеждении против меня и моего господина, я не сомневался ни минуты. Мой взгляд скользнул по столу, стене и остановился в углу.

Сундук! Как я мог о нем забыть! Я обошел стол и открыл крышку сундука.

Судья встал, чтобы через мое плечо наблюдать, как я выкладываю на пол содержимое сундука. Его было немного. Парик, серый, слежавшийся, словно им давно не пользовались. Нарядная полотняная рубаха, когда-то белая, но поношенная и застиранная, шейный платок, тоже изрядно поношенный, пара синих шерстяных носков, протертых на пятках и заштопанных черной шерстью, шерстяная шапка и пара коричневых шерстяных рукавиц, заштопанных на пальцах тоже черной шерстью. Под одеждой лежала фарфоровая тарелка с красивым цветочным узором, но, к сожалению, с большим сколом по краю. И все. Я достиг дна, если можно так выразиться.

С носками в руке я сидел и смотрел на голую ногу, торчащую из алькова. Очевидно, Халвор Юстесен считал, что еще достаточно тепло, чтобы доставать и носить носки. Они были предназначены для более холодного времени года. Мне захотелось пойти и надеть их на него, согреть его ноги.

Дно сундука было застелено листом бумаги с черно-белым оттиском, бумага сильно пожелтела, однако на оттиске можно было разглядеть женщину, сидящую с ребенком на коленях. Мыши погрызли один угол, и во многих местах изображение было закапано жиром. По углам бумага была прибита ко дну гвоздями с ржавыми шляпками.

– Разрешите мне посмотреть, – пробурчал судья и опустился на колени. Он осмотрел по очереди одежду и тарелку и задумчиво кивнул, словно обнаружил что-то особенное. Я сделал вид, что ничего не заметил, и не спускал глаз с сундука. Она меня преследует, подумал я и улыбнулся. Дева Мария с младенцем преследует меня. Половина шляпки одного гвоздя была отломана.

Судья Мунк закончил осмотр и хотел все сложить обратно в сундук. Я не видел нигде отломанный кусок шляпки.

– Подождите! – сказал я и пошел в альков за ножом. Осторожно вытащил ножом гвозди, положил их на крышку сундука и поднял оттиск. Под ним лежала тонкая шерстяная ткань. Я убрал ее.

– О, черт! – воскликнул судья Мунк и плюхнулся на пол.

Я онемел от удивления. Под шерстяной тканью, впритык, одна к другой, все дно сундука, кроме кромки одной короткой стороны, было выложено блестящими серебряными монетами.

– Силы небесные!.. – воскликнул судья Мунк снова и принялся вынимать и считать монеты.

Монеты разной величины и достоинства одна за другой исчезали в руке судьи, я напряженно ждал.

– Пятьдесят риксдалеров, – наконец сказал он вдруг ослабевшим голосом, посмотрел на монеты и медленно ссыпал их обратно в сундук. В скудном свете, падавшем из окна, монеты звенели, подпрыгивали и поблескивали.

“Сундук с сокровищем, – подумал я. – Бедный солдат-крестьянин держал в доме сундук с сокровищем, очевидно, он никогда даже не прикасался к этим деньгам!”

– А теперь, молодой человек… – судья положил обе ладони на стол и бросил на меня лихорадочный взгляд, – мне интересно послушать, какой вы сделаете вывод из того, что вы здесь увидели.

“Если с послом Папы что-нибудь случится, виноватым сделают тебя…”

Я взял нож, задумчиво взвесил его в руке и подошел к алькову. Невольно подумал, что у ножа неудобная ручка, шестигранная, и потому неудобная. Наверное, это был привезенный с войны трофей, почему-то дорогой для Юстесена, и он не хотел с ним расставаться. Кончиком ножа я показал на лицо покойного.

– Многое говорит о том, что Халвор Юстесен умер от яда, подмешанного ему в пищу. Господин судья сам видит, что язык покойного сильно распух и приобрел неестественный цвет, белки глаз красные, зрачки сужены. Синюшный цвет кожи и красные пятна, особенно на груди, означают, что работа внутренних органов была чем-то нарушена. Мне хочется использовать выражение фельдшера и сказать, что у покойного произошло *coagulum organum* – иначе говоря, отказали все органы. – Я покосился на своего слушателя, чтобы убедиться, что он успевает воспринимать мои слова. Судья Мунк склонился над столом и с разинутым ртом сосредоточенно ловил каждое мое движение и каждое слово. – Этот человек что-то съел или выпил, что привело к коллапсу внутренних органов, организм перестал действовать. Не исключено, что его первач был сделан из недоброкачественных продуктов или, что более вероятно, каша в этом котелке была сварена из испорченной крупы. Поскольку в доме нет никакой крупы, из которой можно было бы сварить кашу, можно сделать логический вывод, что Халвор Юстесен был отравлен тем человеком, который принес ему эту кашу. – Я торжественно посмотрел на судью Мунка, ожидая его реакции.

И она не заставила себя ждать.

Он вытаращил на меня глаза и выпрямился на стуле:

– Что?! Тот, кто принес Юстесену кашу, и отравил его?

Судья Мунк замолотил кулаками по столу так, что бутылка запрыгала. Плохая привычка, подумал я, и сердце у меня глухо застучало. Судья почти весело взглянул на меня и встал:

– Думаю, мадам Ранняя Пташка умрет от смеха, – сказал он. – Подождите-ка минутку.

Он быстро вышел, и в окно я увидел, что он прошел мимо дома, где жила молодая женщина, к третьему дому, выходившему в этот двор. Подойдя к двери, он забарабанил в нее кулаком:

– Мадам! Это городской судья. Проснитесь и придите к нам быстрее, чем какает новорожденный теленок! Слышите!

Молодая женщина с ребенком на руках наблюдала за этим зрелищем. Надеюсь, она не собирается заговорить с судьей, подумал я. Это было бы некстати.

Наконец дверь перед судьей Мунком отворилась, и из нее высунулось заспанное лицо пожилой женщины.

– Выходите! – приказал судья Мунк и схватил ее за руку. Женщина бурно запротестовала, но судья крепко держал ее и не отпустил, пока она, дрожа от гнева, не предстала передо мной, ее беззубый рот извергал на меня поток непонятной тарабарщины.

– Замолчите, мадам, и слушайте, – сказал судья Мунк и отпустил ее руку. Издав последний сердитый вопль, она замолчала и уставилась на него. – Этот молодой человек интересуется, кто готовил кашу Юстесену. Это вы принесли ему утром котелок с кашей?

Женщина подозрительно посмотрела на меня и кивнула.

– Вы сегодня кормили еще кого-нибудь этой кашей?

Она кивнула опять.

– Кто-нибудь заболел от вашей каши в течение дня?

Женщина была в полном недоумении.

– Впрочем, откуда вам знать? Ведь вы спите весь день. Но… – Судья указал на покойного. – Это вы обнаружили, что с Юстесеном не все ладно, и сообщили другим?

Женщина издала несколько звуков и кивнула, потом вышла на кухню и принесла оттуда котелок с остатками каши; глядя на них, она затрясла головой, произнесла несколько непонятных слов и указала на альков.

– Вы хотите сказать, что он не ел каши, и вы не понимаете, что случилось? – спросил я.

Она кивнула, выразительно посмотрела на судью Мунка и с высоко поднятой головой выплыла из дома. Мы видели, как она скрылась у себя, забрав с собой котелок с кашей. И хлопнула дверью так, что затрясся весь дом.

– Мадам не любит, когда ее будят днем, она спит весь день и часть ночи, потом варит большой котел каши, ставит его на ручную тележку и развозит по городу тем, кто заказал ей этот завтрак. Юстесен был одним из ее клиентов. Она раздает кашу в небольших котелках, которые вешаются над очагом, чтобы каша не остыла. Остаток каши она забирает, разогревает ее на базаре и продает приезжим, кто нуждается в горячей пище, чтобы согреться. Утром у нас бывает холодно. Когда каша кончается, она тем же путем возвращается к себе, собирая по дороге оставленные котелки, теперь уже пустые, моет их и ложится спать.

– Мадам Ранняя Пташка?.. – пробормотал я. – Может, *она* видела что-нибудь подозрительное?

– Да, у нее такое прозвище.

Я кивнул, не отрывая глаз от стакана.

– Думаю, надо показать эту бутылку дистиллятору Крамеру и попросить его исследовать ее содержимое.

– Прекрасная мысль! – воскликнул судья Мунк, хотя и без большого энтузиазма.

В комнате воцарилось молчание. Судья ждал, что я скажу еще. Но мне больше нечего было сказать.

– Как вы думаете, кому понадобилось отравить Юстесена? – спросил судья Мунк наконец.

– Кто-нибудь знал, что он богат? – ответил я вопросом на вопрос.

Судья развел руками:

– Этого я знать не могу, думаю, что никто даже не догадывался об этом. После последнего пожара Юстесен остался бедным, как церковная крыса, впрочем, как и многие в нашем городе. Эти люди и сейчас бедные. По поведению Юстесена нельзя было предположить, что у него на дне сундука спрятано целое состояние. – Судья Мунк медленно покачал головой и заглянул в сундук, как будто еще не до конца поверил, что там было что-то спрятано.

– Может, кто-нибудь узнал о деньгах и хотел их украсть? – предположил я.

Судья Мунк был расстроен, он, похоже, потерял всякую веру в мои дедуктивные способности и с саркастической гримасой взмахнул рукой:

– Тогда почему же их не украли?

– Не нашли. – Нелегко рыть собственную могилу.

Послышался презрительный смех.

– Вы считаете, что они были так надежно спрятаны?

Я пожал плечами и взял лоскут кожи, валявшийся на перине.

– Что это? – спросил я.

Судья без всякого интереса взглянул на кожу.

– Не знаю. Может, ее собирались пришить к сапогам. Или хотели связывать ею волосы на затылке.

Я кивнул, это было вполне вероятно.

– Что еще молодой человек может сказать о том, что мы здесь увидели? – Судья Мунк встал с презрительным видом. Я понурился. Было ясно, что я недостойный представитель профессора Томаса Буберга и сам это понимаю. Так ясно, что я вдруг испугался, будто судья видит меня насквозь.

– Ничего, – сказал я, понимая, что мои сегодняшние достижения не смогут остановить злорадные рассказы о профессоре. Судья же, напротив, подбросил жару в свой костер.

– Так-так! – Он подошел ко мне и дружески хлопнул по плечу. – Далеко не все можно изучить в университете, – добродушно сказал он. – Здравый разум человек получает с молоком матери, а уж если он этот разум получил, никто не сможет отобрать его у него.

Очевидно, он считал, что городской судья Фредрикстада относится именно к таким людям.

– Ну, а если у человека нет разума, то ему и взять его негде, – прибавил он, словно хотел сказать, что моя совесть должна быть спокойна. Потом он потащил меня к двери. – А теперь нам остается только позволить, чтобы Халвор Юстесен был тихо и мирно погребен вместе с той болезнью, которая, по-видимому, и лишила его жизни. – Он хлопнул себя по животу. – Человек не должен мучить себя голодом, в конце концов надо разрешить себе немного поесть и выпить кружечку пива. Что вы на это скажете, молодой человек?

Глава 9

Когда мы шли по городу, держа путь к харчевне мадам Колбьёрнсен, поднялся сильный ветер. Небо затянули низкие черные тучи, готовые вот-вот разразиться дождем. В такую погоду город с чернеющими то тут, то там пожарищами был непригляден, торговля на базарной площади замерла, народу там почти не было. Одна крестьянка уже складывала свой товар на ручную тележку, чтобы вернуться домой. Другая торговка уныло смотрела на площадь. Собака, виляя хвостом, лаяла на двух крыс, возившихся в горе отходов, словно ждала, что они начнут с ней играть.

Судья Мунк показал на недавно построенный дом и с плохо скрываемой гордостью сказал, что этот дом принадлежит ему – старый сгорел во время пожара. Он захватил с собой бутылку с бренневином, и мы, остановившись у аптеки, поинтересовались у аптекаря Крамера, не из его ли аппарата вышло содержимое этой бутылки. Крамер ответил отрицательно, но ради нас согласился его исследовать. Судье это предложение понравилось, и, раз уж мы находились в доме аптекаря, он пожелал снять пробу с продукта, выходящего из его аппарата. Я зашел с Крамером в заднее помещение и смотрел, как хозяин наливает судье бренневин из большой стеклянной бутыли.

– У городского судьи *eine meinung, dass* свежее товар, тем он лучше, – сказал Крамер и засмеялся.

Он уже хотел вернуться к судье, но я задержал его:

– Скажите, вчера днем или вечером оставался ли кто-нибудь из посторонних один в вашей аптеке? Я имею в виду кто-нибудь из моей группы.

– Да, – ответил Крамер. – *Natürlich, fräulin Sara* спала *hier*. – Он показал на дверь, ведущую в еще одно заднее помещение. И объяснил, что обычно там спит его помощник, но его отправили ночевать с работниками, пока у аптекаря гостит фрейлейн.

– А кто-нибудь, кроме нее? – спросил я.

Аптекарь твердо ответил, что никого другого здесь не было. Обычно, когда аптека открыта, здесь бывает он сам, его жена или помощник.

– Разве фрейлейн Сара не собиралась погостить некоторое время у вас и вашей жены?

Крамер удивленно уставился на меня:

– Нет, конечно, как можно, ведь ее жених и все остальные поехали дальше.

– Ах да… разумеется. – Я смутился и вернулся в переднюю комнату, где городской судья, сделав первый глоток, начал безудержно расхваливать напиток. Я посмотрел на чудовище, висевшее под потолком. Мне было трудно привыкнуть к нему и к его зубам.

Ее жених! Этим женихом не мог быть никто, кроме юнкера Стига, подумал я, тем не менее сконфуженный этим известием. Действительно, юнкер был необычайно внимателен к фрейлейн Саре, но… Но мне почему-то не приходило в голову, что они могут быть помолвлены. Дворянин и дочь богатого купца? А что тут такого? Подобные браки случались и раньше, особенно если дворянский род прозябал в бедности, а бюргеры жаждали получить титул.

Я вздохнул, кивнул на прощание Крамеру и вслед за лепетавшим что-то судьей вышел из аптеки. И все-таки странно, что за всю поездку они ни словом не обмолвились о своей помолвке. И еще одно обстоятельство удивляло меня: странно, что она прибыла из Амстердама, а он – из Копенгагена. Но, может, они заранее договорились встретиться в Ольборге?

Неожиданно я заметил, что возле меня стало тихо, и обнаружил, что судья Мунк смотрит на меня исподлобья. Я догадался, что он задал мне вопрос, на который я не ответил, и, заикаясь, извинился и попросил повторить вопрос. Он повторил. Вопрос был пустяковый, и судья, не дождавшись моего ответа, с блаженной улыбкой снова что-то залепетал, а мне оставалось только удивиться крепости аптекарского бренневина. Этот бренневин вдохновил красноречие судьи и послужил причиной того, что я на время прервал свои размышления.

– Если Крамер не найдет в бутылке яда, я буду считать, что Юстесен умер естественной смертью, – заявил судья Мунк и набил рот хлебом, мы уже сидели в харчевне мадам Колбьёрнсен. – Вы не воз…жаете? – спросил он с открытым ртом.

Я выудил из своей каши вылетевший у него изо рта кусок хлеба и отодвинул тарелку из доступной ему зоны попадания.

– Нет, – сказал я, скрывая, что у меня стало легче на душе. – Мне нечего к этому прибавить. Достаточно того, что есть. – Мышцы шеи, которые весь день были у меня напряжены, немного отпустило.

Все-таки мне удалось направить его мысли в другом направлении. Если Крамер ничего не найдет в бутылке, – а я был уверен, что он ничего не найдет, – судья Мунк уже не будет думать о яде. И я с чистой совестью смогу утверждать, что он сам, без моей помощи, отказался от мысли об отравлении. Другими словами: нунцию больше не грозила опасность, а то, что угрожало бы ему, угрожало бы и мне, иначе и быть не могло.

Я достал нож Юстесена и отрезал себе ломоть хлеба. Судья Мунк сказал, что все земное имущество Юстесена будет продано с аукциона, поскольку у него не осталось наследников, которые могли бы на него претендовать, а вырученные деньги достанутся магистрату, то есть городу, заметьте, за вычетом налога. Мой собственный нож следовал с моим багажом по дороге в Мосс, и я спросил у судьи, нельзя ли мне купить нож умершего. Цена, о которой мы договорились, была более чем умеренной, потому что у ножа была неудобная ручка. Еще в аптеке у Крамера судья выписал мне расписку, чтобы никто не мог обвинить меня в том, будто я что-то украл у покойного.

Однако кое-что у него я все-таки украл.

Обжигая меня, как огненный укор больной совести, у меня в кармане лежал лоскут кожи, который я присвоил без разрешения судьи и при полнейшем его неведении, и, пока мы ели, этот лоскут болезненно жег мне бедро, а если бы кто-нибудь об этом узнал, я был бы опозорен. Кража у покойного считалась самым низким поступком. Даже кража жалкого длинного лоскута кожи, который я сунул себе в карман скорее бессознательно, чем обдуманно. Я не знал, зачем взял его и зачем он мне нужен. Но знал, что, вместе со всеми другими вопросами, меня мучил вопрос, засевший у меня в голове: зачем больной человек, испытывавший страдания и страх, понимавший, что он умирает, взял в руки этот кусок кожи? Будь то влажная тряпка, Библия или даже ведерко на случай рвоты, я мог бы это понять. Но лоскут кожи?

После обеда судья Мунк собирался отправиться в усадьбу Стенбекк, чтобы все там осмотреть, и согласился взять меня с собой. Однако его планы изменились после того, как какой-то подросток вбежал в харчевню и схватил судью за руку. На площади случились волнения: один крестьянин размозжил топором голову горожанину и тут же сам был пронзен шпагой в грудь. Они не могли договориться о цене за курицу. Судья Мунк закатил глаза, поспешно проглотил кашу, схватил с собой остаток хлеба и исчез из харчевни, даже не расплатившись. Мадам Колбьёрнсен с укором посмотрела на меня, когда я заплатил только за себя, и я со вздохом выложил ей еще два шиллинга. Она великодушно кивнула мне, и я вышел на дождь. Выходя, я заметил в углу харчевни грузную фигуру коменданта Шторма, беседующего с каким-то грубого сложения человеком с лошадиным лицом. Я вспомнил, что видел этого человека накануне вечером – он смеялся вместе с другими гостями за столом у аптекаря Крамера. И смех его был похож на лошадиное ржание, со злобой подумал я. Комендант наклонился над столом и тихо о чем-то с ним разговаривал. Никто из них не видел, как я покинул харчевню.

Переехав на другую сторону фьорда, я взял напрокат у одного крестьянина лошадь и плащ – и то и другое я должен был не позже чем завтра оставить в Моссе на постоялом дворе – и самостоятельно отправился в усадьбу Стенбекк. Найти ее оказалось легче, чем я думал, и через полчаса я уже стоял на дворе усадьбы перед конюшней, бывшей в то же время и хлевом для скота, и курятником. Я обошел вокруг этого строения, но не увидел никаких признаков жилого дома. В конюшне рядом со стойлом было устроено из сена подобие ложа, еще там были рабочие инструменты, лошадь, несколько коров, овцы и куры, очаг находился снаружи. Я накормил животных, понимая, что судья еще не скоро попадет сюда. Когда я уже сел в седло, чтобы, не спеша, вернуться в город, пришла кошка, важно уселась возле колодца и стала следить за мной. Уехав оттуда, я помнил только ее желтые глаза с черными зрачками.

Стенбекк не дал мне ответа ни на один из моих вопросов, но я понял, почему Юстесен каждую ночь ночевал во Фредрикстаде. Стенбекк был слишком убогим местом.

Однако дом на жалком заднем дворе у стены крепости тоже нельзя было назвать привлекательным.

А может, я просто уже привык к нему?

Закутавшись во взятый напрокат плащ, я с грустью смотрел на местность, по которой ехал. Да, мои усилия, которые я потратил на то, чтобы заставить городского судью забыть, что Юстесен умер от яда, увенчались успехом. Это оказалось даже слишком легко, мелькнуло у меня в голове, но я не придал значения этой мысли. Похоже, что со стороны судьи мне уже не угрожала опасность разоблачения. Но факт оставался фактом: Юстесен умер от яда! И я знал, кто его отравил!

Когда накануне Томас объяснил мне мои обязанности, я думал, что во время этой поездки по Норвегии мне придется защищать нунция дей Конти от нападения разбойников

или диких животных, но теперь оказалось, что скорее я должен защитить Норвегию от нунция дей Конти. Почему он лишил жизни бедного крестьянина? Что он за человек, если оказался на это способен? Если он раньше не знал Юстесена, зачем ему понадобилось его убивать? Они жили практически в разных мирах, расстояние между ними было не меньше тысячи миль, если не больше. Кто он, этот нунций, волк в овечьей шкуре, закоренелый преступник, обманом добившийся расположения Папы? Должен ли я относиться к нему как к убийце? Должен ли был разгадать по его бледному продолговатому лицу, что он обладает темной душой и таит злобные намерения?

В последние годы Томас работал над описанием людей, их осанки, выражения лица и мимики, чтобы определить, кто из них преступник или, возможно, имеет преступные наклонности. Изучая особые признаки, повторявшиеся у закоренелых преступников, которых он наблюдал на Бремерхольме, где в кандалах содержались мужчины, или в Спиндехюсет[4], где содержались женщины, он надеялся, что со временем только по лицам и манере поведения сможет определять людей, затаивших в душе зло, до того как они осуществят свои преступные намерения. Иначе говоря, что их плоть покажет ему их душу.

Теория Томаса заключалась в том, что порочность души отражается в движениях тела и внимательный взгляд способен это заметить. Он считал, что, если бы наблюдателя было возможно поместить в человеческие тела, которые изначально бывают одинаковыми, добрая и злая душа произвели бы на него разное впечатление.

Я принимал участие во многих опытах Томаса, который сажал рядом осужденных преступников и честных людей, не зная заранее, кто из них кто, и пытался выявить среди них преступников. Вначале это было легко, но, когда Томасу пришло в голову, что бремерхольмских преступников следует отмыть, побрить и одеть в одинаковое со всеми остальными платье, дело не заладилось. Я смотрел на их глаза – смотрит ли человек исподлобья, отводит ли взгляд или косится в сторону. На губы – опущены ли у человека углы губ, кислое ли у него выражение лица, мелькает ли в его улыбке что-то злое, не скалит ли он зубы. Смотрел, низкий или высокий у человека лоб, какие у него морщины, какие волосы. И два, а иногда и четыре раза из десяти оказывался прав. Должен признаться, мой улов преступников был невелик.

Томас действовал иначе. Он подходил к людям, спрашивал у них, совершили ли они преступление, и наблюдал за тем, как они ему отвечали. Им разрешалось отвечать только “да” или “нет”, потому что Томас знал, что, если они заговорят, он легко узнает преступников по грубой лексике, – даже те, которые раньше ее не знали, вполне могли овладеть ею на Бремерхольме. Так он считал. Его интересовал не язык. Он понимал, что все ответят “нет”, скрыв свою вину, и потому обращал внимание на то, как именно они произнесут это “нет”, его интересовало выражение лица, движение бровей, внезапное подергивание в уголках губ, слабое дрожание ноздрей во время ответа – вот что было для него главным. Он считал, что видит, когда они лгут, а когда говорят правду. Если после первого ответа он еще сомневался, он задавал второй вопрос: “Вы крали или убивали?” Таким образом, по его мнению, можно было отличить узников Бремерхольма от честных граждан. Шесть раз из десяти ему это удавалось. Но этого было слишком мало, чтобы пользоваться его методом при определении преступников, и через два года опытов он все еще сомневался, сможет ли оказаться прав восемь раз из десяти, что было его непременным условием.

По иронии судьбы сомневаться Томаса заставило именно его сомнение. Он сомневался в том, что христианский Бог единственный и всесильный на всей земле. В последнее время он изучал народы, поклонявшиеся другим богам и имевшие другие моральные ценности, нежели те, что считались ценностями в христианском мире. Народы, у которых, к примеру, мужчины могли иметь по нескольку жен, не нарушая при этом норм морали и не вызывая неприязни или осуждения у своих собратьев. “Если мораль меняется от народа к народу, откуда я могу знать, что моральные устои в душе не меняются от человека к человеку?” – говорил он. Хотя

его мысль и была основана на теории об общей основополагающей морали и на том, что отношение души к этой морали отражается во внешности и в поведении человека, вечное сомнение Томаса и его недопустимое убеждение, что другие религии и боги обладают той же ценностью, что и христианская религия (правда, у него хватало ума не обсуждать это ни с кем, кроме своего секретаря, который умел держать язык за зубами), оказались зыбкой почвой для его теории о преступниках – эта почва колебалась у него под ногами и не могла служить ему надежной опорой.

Однако шесть из десяти тоже неплохой результат. Иногда Томас угадывал и семь раз, а однажды, когда должен был угадать, кто говорит правду, а кто лжет, – даже восемь.

Но это Томас, а я не был Томасом. Да и нунций дей Конти не был узником Бремерхольма. Как я мог разоблачить его, увидеть его преступные намерения? Определить, не лжет ли он? Как мог в будущем защитить от него кого бы то ни было? В том числе и самого себя? Мог ли я остановить этого человека, несмотря на то, что он был папским послом?

Другое дело, *почему* был отравлен Юстесен? Совершенно неизвестный человек, которого нунций встретил первый раз? Независимо от всего: почему нунцию понадобилось его убить? Эти вопросы, минуя отчеты и разговоры о внешней политике, завели меня в прошлое, к самому главному: а в чем, собственно, заключается цель поездки папского нунция по Норвегии? Является ли ликвидация некоторых персон – в таком случае, кого и почему? – целью этой поездки? От этой мысли меня прошиб холодный пот, и я вдруг пожалел, что не научился владеть оружием, чтобы уметь хотя бы защитить самого себя. С другой стороны, ни одна шпага или пистолет не защитят человека, если ему в пищу подмешают яд.

Дорога была длинная и невеселая, и меня одолевали навязчивые вопросы, на которые у меня не было ответа.

Глава 10

К вечеру я приехал в Мосс, оставил лошадь и плащ на постоялом дворе у пристани, спросил, не проезжали ли здесь люди, направляющиеся в Вестфолд, и узнал, что четыре благородного вида персоны наняли днем карету и отправились на остров Йелёйен. Я кивнул, попросил принести мне бумагу, письменные принадлежности, сургуч и сел к столу. Хозяин принес мне также пива и хлеба, что было весьма кстати.

Мосс, 25 октября, год 1703 от Рождества Христова.

Неожиданный смертельный случай во Фредрикстаде. Мой господин и повелитель в опасности.

Завтра утром пересекаю Осло-фьорд.

С глубоким уважением и верой в Вашу помощь.

Петтер Хорттен.

Я запечатал письмо сургучом, написал на конверте имя Томаса, адрес, по которому он должен был находиться в Христиании, и подошел к хозяину.

– Нет ли у вас какого-нибудь мальчишки, без которого вы могли бы обойтись ночью и который не прочь заработать пару шиллингов?

Хозяин крикнул что-то в заднюю дверь, и вскоре к нам явился долговязый парень с сеном в волосах, он зевал во весь рот. Я положил ему в руку две марки и велел как можно скорее доставить письмо лично в руки Томасу Бубергу. Широко раскрытыми глазами парень уставился на деньги, и я видел, что у него за спиной хозяин прикидывает в уме, сколько он может потребовать за предоставление лошади.

– И еще столько же за лошадь, – сказал я хозяину и бросил ему деньги. Он усмехнулся и взял их. Парень поспешно скрылся в конюшне – дорога до Христиании была не близкой, – а я

скрылся в темноте ночи. До усадьбы Пера Хестеберга, куда завтра утром должен был прийти паром, было далеко.

Дождь прекратился. И ветер тоже. В облаках мелькала нарождающаяся луна; я то спускался, то поднимался на холмы и шел через лес, не обращая внимания на темноту. Места были знакомые, я был почти дома.

Ноги сами находили дорогу, и я не мешал мыслям идти своим путем, который привел их обратно во Фредрикстад. Они вернулись к дому Халвора Юстесена, где я снова и снова стоял у окна и видел, как нунций достает из складок одежды пузырек и поднимает его над столом. И каждый раз эта картина останавливалась в моей голове, обращаясь в лед, – рука нунция висела над бутылкой с бренневином и бокалом, висела неподвижно, пока наконец не растворялась в воздухе, и я видел мертвого Юстесена, лежавшего в алькове. Он лежал скрюченный, и каждая его черта свидетельствовала о боли.

И, тем не менее, меня грызло сомнение. Независимо от того, сколько раз эта картина вставала у меня перед глазами, из пузырька так ничего и не вылилось.

Возникал естественный вопрос: а вылил ли вообще нунций из него хоть каплю? И попало ли это в бокал Юстесена? Если да, то что это было? И зачем?

Я позволил себе считать, что на первые два вопроса я уже ответил. Ибо зачем держать пузырек над стаканом, так ничего в него и не вылив? Это было бессмысленно. Было бы логичнее ответить на эти вопросы "да" – да, он что-то налил в стакан.

На третий вопрос следовало ответить: "яд". Я видел у Юстесена все признаки отравления – на теле, на языке, в глазах, не говоря уже о случившемся у него поносе и рвоте, столь сильной, что его блевотина забрызгала всю портьеру алькова. Я был уверен, что Томас тоже пришел бы к такому же заключению. Но сказать более точно, что это был за яд, я не мог, мои познания в токсикологии были крайне ограниченны.

И на последний вопрос сейчас было так же трудно ответить, как и тогда, когда я подъезжал к Моссу. Ответ на него знал, по-видимому, только сам нунций дей Конти, но у меня не было никакого желания задавать ему этот вопрос. Больше всего мне хотелось забыть о том, что мне было поручено, и уехать куда-нибудь подальше от папского посла и всех неприятностей, шедших за ним по пятам.

Хотя я хорошо знал окрестность, в игре лунного света мне начала мерещиться всякая чертовщина. Сердце никак не желало успокаиваться, и постепенно я сообразил, что все дело в том, что моя шея панически боится петли.

Во время осмотра трупа я пришел к твердому выводу, что нунций дей Конти виновен в смерти Юстесена. Кто другой мог случайно оказаться в доме бедного крестьянина, плеснуть ему яду в бокал и оставить умирать именно в ту ночь, когда его посетил папский посол, к тому же замеченный с подозрительным пузырьком в руке? Иными словами, человек, за жизнь которого я отвечал головой, был виновен в отравлении Юстесена. Когда это откроется – мне было страшно додумать эту мысль до конца, – народ возмутится, если этого человека не закуют в кандалы. Что, безусловно, коснется и меня, отвечающего за него. И если народ не получит одного, он захочет расправиться с другим. А если виновника и задержат, король будет вынужден отпустить его обратно к Папе – естественно, как персону нон грата, – но кто знает, как это скажется на шее Петтера Хорттена? Едва ли король будет в восторге от такого подданного.

Когда все это дошло до меня, я поспешил убедить городского судью Мунка в том, что Халвор Юстесен умер от внезапного недомогания или болезни и что я, секретарь профессора Буберга, как это ни прискорбно, неправильно использовал логику и метод дедукции. Моей

уверенности в себе было нелегко проглотить такую пилюлю, но для моего здоровья в будущем это было необходимо. Так я рассудил во Фредрикстаде.

Однако и теперь, когда у меня было время спокойно все обдумать, не делая поспешных выводов, я пришел к такому же решению. Все указывало на нунция, однако посланец Папы должен был остаться на свободе.

Неожиданно в моих мыслях всплыла фамилия Молесуорт, и я понимал, почему, хотя это не давало прямого ответа на мои вопросы.

За несколько дней до моего отъезда в Норвегию мы с Томасом говорили о том, что король, несомненно, желает, чтобы папский посланец чувствовал себя в Норвегии как можно лучше. В своем циркуляре, разосланном чиновникам столицы, Фредерик IV обязывал их сделать все, чтобы наше государство предстало перед посланцем Папы в лучшем виде. "Король, несомненно, помнит то, что в последний раз писали про Данию", – сказал Томас с жесткой улыбкой и объяснил мне, в чем дело.

Десять лет тому назад в Копенгаген прибыл английский посол Роберт Молесуорт, чтобы заключить договор о датских наемниках в Англии. Возникли трудности с оплатой войска, но Молесуорт добился такого решения вопроса, которое устраивало и короля Кристиана V, и нового короля Англии Уильяма. После переговоров Молесуорт остался в Дании в качестве посла. На свою беду, сказал Томас, который несколько раз встречался с этим темпераментным господином. Это был желчный холерик и вместе с тем весьма приятный и интересный собеседник, но только до тех пор, пока ему не возражали. На одном торжественном приеме Томас чуть не схватился с ним врукопашную, когда посол заявил, что датские законы Кристиана V, по сути дела, являются варварскими пережитками язычества. Их тут же растащили, и посол потом даже встречался с Томасом, но не для того, чтобы извиниться, а для того, чтобы на трезвую голову послушать, как Томас защищает датские законы.

Темперамент посла часто приводил к устным перепалкам и ссорам. Его даже обвиняли в том, что он избил часового, облил пивом подмастерье портного и выстрелил из ружья в одного крестьянина, ранив его в бедро.

– Однако посланники или послы иностранных держав не подчиняются нашим законам, как мы, – сказал Томас. – В худшем случае их высылают из страны, независимо от того, что они натворили. Так что любые обвинения вызывают у короля только раздражение, но не приводят к наказанию.

В конце концов посол впал в немилость. Он поссорился с самим Вольфом фон Хакстхаузеном, обер-шталмейстером старого короля, и налгал об этой ссоре с три короба, однако его ложь была тут же разоблачена, что привело к "незаявленной" прощальной аудиенции у короля и поспешному отъезду из страны. Томас не знал сути этой ссоры, но "незаявленная" аудиенция у короля явилась причиной того, что Молесуорт не получил на прощание ценного подарка, который обычно дарили послам, когда они покидали королевский двор. Посол написал из Англии и просил, чтобы ему выслали этот подарок, но это ни к чему не привело.

– Старый король уже устал от него, – сказал Томас.

Местью Молесуорта была написанная им книга о Дании. Злобное и оскорбительное описание этой страны.

– Положительным в ней был только раздел о законах и законодательствах, – не без гордости заметил Томас. – "Своей справедливостью, краткостью и четкостью они превосходят все, что мне известно… и написаны на языке этой страны", – восторженно писал Молесуорт. Томас, естественно, был доволен этой похвалой. Не самими законами, а тем, что посол понял их ценность.

Я поинтересовался, не говорится ли в этой книге чего-нибудь и о Норвегии.

– А как же! – засмеялся Томас и достал книгу. – На целых полстраницы он перечисляет то, что считает мелочами. Видишь ли, он никогда не был в Норвегии, поэтому мог писать только о несущественных вещах. Но фактически он пишет не только об отрицательном. Вот послушай: "Норвежцы – выносливые, трудолюбивые и порядочные люди. Они уважают других людей, но себя уважают больше, чем датчан, которых презрительно зовут "ютами"[5]. – Томас посмотрел на меня поверх очков и засмеялся. – Он явно чего-то не понял, если считал, что называться "ютами" унизительно и обидно. Ха-ха!

Смех был неискренний. Может, у самого Томаса текла в жилах кровь ютов?

– Выносливые, трудолюбивые и порядочные, – повторил я. – Как я понимаю, знание людей было одной из его сильных сторон.

Томас замахнулся на меня книгой.

– Но они слишком уважают себя, – сказал он. – И здесь Молесуорт попал в точку. Самодовольные – вот, наверное, самое подходящее слово, что скажешь? Да и их трудолюбие тоже весьма сомнительно, если судить по тем норвежцам, которых я знаю. – Он подтолкнул меня к двери. – Где дрова, которые нужно было доставить из гавани? Что-то я их здесь не вижу. – Я выскочил за дверь и слышал, как он ворчал мне вслед: – Трудолюбивые, порядочные. Гм! Но хуже всего то, что они сами в это верят.

Книга, вышедшая из-под пера Молесуорта, сильно навредила репутации Дании за границей, и хотя один немец и один датчанин попытались описать Данию такой, какая она есть, это мало помогло. Произведение Молесуорта пользовалось большой популярностью и продолжало выходить все в новых изданиях.

Так что неудивительно, что король опасался, как бы и посол Папы не отозвался неблагоприятно о Дании.

В те недели, пока мы ждали отъезда в Норвегию, нунций дей Конти успел осмотреть в Копенгагене несколько мест – Верховный суд, университет, биржу, Круглую башню, и я не раз видел, как он сидел в университетской библиотеке и делал записи для своего предполагаемого отчета.

Тем не менее Томас не сомневался, что за приездом нунция скрываются другие, менее официальные причины.

– Не верю я в этот отчет, – упрямо твердил он. – Во всяком случае, он приехал сюда не только ради него. Сегодня я опять видел, как он направлялся на встречу с королем. В этой встрече принимали участие также старший секретарь Германской канцелярии Сехестед и тайный советник Отто Краббе. О чем, интересно, они говорили?

Как обычно, я пытался проверить правильность его утверждений с противоположной точки зрения.

Новый Дворцовый закон должен был быть принят в Акерсхюсе на другой год после посещения Норвегии королем. Для разработки этого закона была создана комиссия, и Томас входил в нее, из-за чего ему часто приходилось посещать королевские канцелярии. Благодаря этому он видел, слышал и знал все, что происходит вокруг короля, лучше, чем кто-либо другой, – порой делал кое-какие намеки, хотя я был единственный, с кем он делился своими наблюдениями. Работа над Дворцовым законом не доводилась до сведения общественности и должна была стать достоянием гласности не раньше нового года, тогда же король должен был официально объявить планы своих поездок на будущее лето.

Что касается многочисленных встреч нунция во дворце, Томас считал, что они только подтверждают, что целью его посещения была попытка выяснить, какие общие внешнеполитические интересы могут быть у Папы и у Датского королевства. Испанская война за наследство бушевала во Фландрии, на Рейне и даже в Италии, другими словами – в пугающей близости от Папы. Кроме того, войска шведского короля Карла XII бесчинствовали

в Польше. Дабы усилить эту нестабильность, курфюрст Баварии вместе с королем Португалии предпочли поддержать Францию в этой войне за наследие, тогда как немецкие князья, например Фредерик Бранденбургский, поддерживали императора и англо-нидерландскую сторону. Другими словами, Европа снова лишилась равновесия и была близка к большому пожару. А потому, считал Томас, Папа хотел выяснить, на каких союзников Рим мог бы положиться. Официально – чтобы найти возможность повлиять на воюющие стороны или заставить их сесть за стол переговоров. Неофициально – чтобы укрепить владения Папы, если над ними нависнет угроза. Так считал Томас.

– А они немалые, – сказал Томас, имея в виду владения Папы.

И он назвал вдовствующую королеву. Все знали, как самоотверженно старая королева Шарлотта-Амалия старается спасти сына от ловушек, расставляемых ему женщинами-католичками. Говорили, что она угадала его интерес и к ним, и к обрядам Католической Церкви после того, как он, будучи кронпринцем, во время своей образовательной поездки долго оставался в Италии и вел там "приятную жизнь", как выразилась королева-мать. А эта старая дама все еще имела большое влияние на молодого короля, считал Томас.

Все это крутилось у меня в голове, в то время как лес и темнота постепенно сгущались вокруг меня. И еще я пытался понять, действительно ли послу Папы дозволено совершать убийства, не неся за это наказания, и обязан ли его секретарь в таком случае предотвращать эти преступления? И обязан ли он разоблачить убийцу в тех случаях, когда предотвратить убийство оказалось невозможно? А главное, не будет ли выполнение этого долга, если я его выполню, грозить опасностью внешней политике и миру всей страны, а вместе с этим и хрупкой шее самого секретаря?

Темный осенний лес был неподходящим местом для таких мыслей, и я вместо этого начал думать о прелестной фрейлейн Саре, которая вместе со всеми спала сейчас в доме Пера Хестеберга. Я вспоминал ее темно-русые волосы, которые она иногда закалывала на макушке, обнажая стройную шею, не скрытую воротником, ее накидку на волосы, которая никогда не могла удержать на месте непослушные локоны, и широкую черную бархатную ленту, которую она повязывала на лоб, чтобы в дороге защитить нежную кожу. Она, безусловно, благородная дама, думал я, потому что такие повязки я видел в Копенгагене только у богатых женщин. Часто концы ленты были украшены тесьмой или жемчужинами. Дочь одного золотаря недавно приговорили к штрафу в пять риксдалеров за то, что она носила такую ленту для защиты кожи, хотя ее отец клялся и божился, что лента используется и куплена законно и за нее честно уплачено. Я вспоминал и другие части туалета фрейлейн Сары, а именно манжеты на рукавах, чья белоснежная вышивка или просто белая ткань весело порхала вокруг ее рук, которые ни минуты не находились в покое. И задавался вопросом: возможно ли представить себе, чтобы жалкий секретарь когда-нибудь обручился со столь прекрасной барышней?

Как ни глупо, но это занимало мои мысли. Хотя ответ, к которому я неохотно пришел, не сделал эту ночь менее темной.

Наконец лес отступил, открывая путь в Тронвик и к фьорду, и я подумал, что там, прямо на противоположном берегу, находится усадьба Хорттен. Теперь, продолжая идти на запад, я уже думал только о ней, и когда проходил мимо сеновала Пера Хестеберга, и когда поднимался по лестнице на сеновал, и когда наступил на руку Герберта и слушал, как он бранится по-датски – все-таки он умел говорить, – и когда зарылся в сено, и, пока меня не сморил усталый сон, я думал только о том, что нахожусь сейчас так близко от усадьбы Хорттен, что могу уловить даже ее запах.

* * *

Трудолюбивые. Порядочные. Выносливые. Так написал Молесуорт о норвежцах. Мы уважаем себя. И мы самодовольны.

Самодовольны. Неужели я самодоволен? Неужели мы самодовольны? Надеюсь, ко мне это не относится. Но мы, безусловно, уважаем себя, а от уважения себя до самодовольства, наверное, не так уж и далеко.

С другой стороны, многие датчане отличаются большим самомнением и уважают себя куда больше, чем норвежцы, и это известно всем. Так что, кто кого должен упрекать в искаженном представлении о себе?

Должно быть, это свойственно большинству людей – они высоко ставят себя и низко других, и сие врожденное качество необходимо, дабы народ выжил и сохранился как народ.

Я выпрямляю спину, стараюсь, чтобы подушка, на которую я опираюсь, не сбилась. Барк уже рядом, он берет подушку, взбивает ее и снова подкладывает мне под спину. Я ворчливо благодарю его, и он уходит на свое место. Он сидит у окна и что-то вырезает из дерева. Похоже, половник. У него золотые руки. Когда я неделю назад начал писать, – еще до того, как поправился и потому должен был оставаться в постели, – он смастерил мне пюпитр для письма, который крепился к бортикам кровати, чтобы я мог писать чернилами, сидя или лежа в постели. Это прекрасное приспособление, и я замечаю, что рука сама тянется к перу, как только я утром открываю глаза.

Прежде чем вернуться к словам о норвежском характере, – я растираю правую руку, – я невольно задумался над этими словами, и мне хочется не забывать их теперь, когда я решил рассказать о нашей поездке по Норвегии.

Английская рукопись со словами: “Всех слушай, но беседуй редко с кем. Терпи их суд и прячь свои сужденья”, – пробудила к жизни воспоминания и, тем самым, желание писать. Эта старая рукопись для меня загадка. Я спросил у торговца Бурума, откуда она у него. Он считает, что она пролежала в книжном шкафу не одно поколение, может быть, еще со времен его прапрадедушки. Он слышал от своего отца, что более ста лет тому назад, в 1640 году у острова Лэссёйен потерпел крушение один корабль и что на борту этого судна был ученый, англичанин, которого спасли люди местного торговца, а он в благодарность за спасение торжественно передал торговцу эту сильно поврежденную рукопись. Англичанин утверждал, что рукопись – это прямой список с оригинала и что это самая ценная вещь, какую он имеет. “И единственная”, – сухо заметил торговец, потому что все его имущество пошло ко дну вместе с судном. Бурум не знал, кто является автором рукописи, и, как и его предки, мало этим интересовался. В этом роду чтение не слишком интересовало людей. В доме были только счетоводные книги и один экземпляр Святого Писания на всех. Поэтому все эти годы рукопись оставалась нетронутой и непрочитанной, пока не попалась на глаза старому любопытному профессору.

Но вот и профессор отложил рукопись в сторону. Я повременю с чтением, пока у меня не будет достаточно времени.

А кто знает, когда это будет? Во всяком случае, не раньше, чем я закончу свою историю, думаю я и невольно хмыкаю. Первую из моих норвежских историй, уточняю я, верный долгу перед самим собой, чтобы не выглядеть *слишком* самодовольным.

Пятница 26 октября

Год 1703 от Рождества Христова

Глава 11

Ее поставили высоко на лестницу. Руки были связаны за спиной. Волосы и красные одежды развевались на ветру. Пока пламя разгоралось и тянулось к ее ногам, эта красная женщина что-то кричала людям. Крики становились все громче, это был уже невнятный рев, вой, люди смеялись, показывая на нее, отбегали в сторону, спасаясь от искр, а костер гудел все неистовее, наконец лестница наклонилась и женщина упала, как дерево, поваленное ветром. Она провалилась сквозь крышу одного из домов, и я видел, как она ходит там внутри, поглядывая на меня, пахло горелым мясом, запах становился все сильнее, мне пришлось отвернуться, но он преследовал меня, кисловатый и отвратительный, он драл мне нос, и я зажал ноздри, чтобы не чувствовать его.

– Отпусти же меня! – проговорил кто-то, и я проснулся.

Я отпустил чужую ногу и с отвращением уставился на грязный носок, что упирался мне в нос. Его вонь могла бы воскресить даже мертвого. Нога пошевелила пальцами и исчезла – Герберт повернулся на сене.

Дождь барабанил по крыше, я попытался забыть сон и лежал, привыкая к мысли, что сегодня увижу свой дом. Дом, настоящий. Мой дом. Усадьбу Хорттен. По мне пробежала дрожь радостного предчувствия. Крик снаружи заставил меня вскочить. Я, как мог, оправил на себе одежду, сунул под плащ парик, чтобы он не намок, и спустился по лестнице.

Двор усадьбы был пуст, но с берега поднимался взвод солдат. Один из них вел за собой лошадь. За лошадью я разглядел паром и двух человек. Одного из них я узнал и бросился на берег.

– Нильс! – заорал я, размахивая руками. – Нильс!

Он выпрямился и посмотрел на меня. Я, запыхавшись, остановился перед ним, не в силах сдержать улыбки.

– Это я, Петтер! Ты что, не узнал меня? Я дома!

Он шевельнул языком табачную жвачку, оглядел меня с ног до головы и сплюнул ее в воду.

– Вижу, – ответил он, продолжая разматывать веревку, которой была привязана лошадь.

Другой парень с любопытством смотрел на меня, и я представился:

– Я – Петтер Хорттен, работал тут в усадьбе вместе с Нильсом.

Он с подозрением оглядел меня, буркнул "Олав" и продолжал заниматься своим делом.

– Я вернусь в Хорттен вместе с вами, – сказал я Нильсу. – И пробуду в Хорттене до завтрашнего утра.

Он уложил веревку в лодку под среднюю банку и поднял глаза на флаг, развевающийся над усадьбой Пера Хестеберга, который сообщал о том, что приезжие ждут транспорта.

– Вижу, вижу, – раздраженно буркнул он. Схватился за мачту и хотел поднять ее – она лежала у правого борта. Я бросился ему на помощь.

– По дороге домой будет неслабый норд-ост, – сказал я. – Так что обойдемся без весел.

Нильс держал мачту, не спуская с меня глаз.

– Олав! – сказал он с многозначительным кивком. Олав отшвырнул черпак и, оттолкнув меня, схватился за мачту.

– Господин может запачкать одежду! – сказал он и помог Нильсу поставить мачту на место.

Я слегка оторопел, а потом пошел, чтобы разбудить нунция.

Оказалось, что в этом не было надобности. Все они уже сидели в парадной гостиной за завтраком, поданным им Хильде Хестеберг, – нунций дей Конти, фрейлейн Сара и юнкер Стиг.

Я поздоровался, фрейлейн Сара улыбнулась мне и ответила на мое приветствие. Нунций даже не поднял глаз от тарелки. Юнкер Стиг, явно не выспавшийся, спросил, в чем состояла моя помощь судье во Фредрикстаде. Я коротко рассказал, что там умер один человек, я помог в расследовании причины смерти и пришел к тому же выводу, что и цирюльник, – несчастный умер от болезни. Юнкер кинул на меня долгий взгляд, как будто ожидал чего-то другого. Но я молчал, и он с раздраженной морщинкой на лбу снова обратил свое внимание на завтрак. Остальные ели молча, нунций с таким завидным аппетитом, который показался мне даже неприличным, учитывая все то, что я теперь о нем знал.

Завтрак пошел мне на пользу, и настроение мое улучшилось, когда матушка Хильде, как я всегда ее называл, появилась из кухни, увидела меня и с радостным возгласом отставила блюдо со свежим сыром, чтобы обнять и потискать меня так, что я покраснел до ушей. Фрейлейн Сара от смеха поперхнулась пивом, и даже мрачная физиономия нунция на мгновение осветилась улыбкой. Юнкер Стиг наблюдал за этой сценой с надменным выражением лица, близким к отвращению.

– Петтер! Какой ты стал красивый! И как вырос! – Она немного отстранила, но не отпустила меня, и покачала головой. – Господи, неужели это ты? – Хильде вытерла катившуюся по щеке слезу и вдруг ужаснулась: – Боже, я совсем забылась! Как можно, господа ждут лепешки, они стоят у меня на кухне!

Она снова поспешила на кухню, где уже сидели Нильс и Олав, ожидая, что им тоже дадут поесть.

И хотя возле нунция на этот раз стояла не маленькая, а большая бутылка, я брал только те блюда, которые стояли от него подальше.

Юнкер Стиг выпил слабое, но вкусное пиво Хильде Хестеберг, рыгнул, прикрыв рот рукой, и обратился к нунцию.

– Куда Вашему Высокопреосвященству будет угодно направиться, когда мы переправимся через фьорд? – вежливо спросил он без присущих ему обычно гнусавых высокомерных ноток в голосе.

Нунций дожевал пищу, проглотил ее и вытер пальцем уголки губ – матушка Хильде не считала нужным подавать салфетки – на что тогда нужны рукава? – он глотнул пива, которое явно пришлось ему не по вкусу, встал и отошел в сторону.

– Но черт возьми! – воскликнул юнкер Стиг и раздраженно посмотрел ему вслед. Нунций надел шляпу, накинул плащ и вышел. Юнкер что-то буркнул себе под нос, обернулся к столу, положил руки по обе стороны от своей тарелки, посмотрел на свои растопыренные пальцы и, явно с трудом сдерживая себя, мрачно взглянул на меня: – Я солдат! – сказал он по-датски. – Меня учили защищать моего короля, бороться и воевать за него, и я разоружу или убью любого врага, которого обнаружу.

Я набил рот сыром, чтобы не отвечать ему, и в то же время был страшно удивлен, что этот высокомерный камер-юнкер обращается ко мне как к равному.

– Но, чтобы защитить своего короля, я должен знать, кто мой враг, – продолжал юнкер и с раздраженной миной глотнул пива. – А также знать, какие у моего короля планы. – Он отер пену с верхней губы и посмотрел на меня. – Понимаете, господин Хорттен, что-то не так. Не понимаю, что именно, но что-то не так.

Мне нечего было ему ответить. И я ограничился тем, что уставился в одну точку рядом с его тарелкой.

– Вчера я посетил коменданта Шторма, пока вы… – Он наморщил лоб, и взгляд его стал острым. – Да так… Вы знаете, что я думаю об этом деле, но… У коменданта Шторма мне не

сказали прямо, но намекнули, что не хотели бы видеть Его Высокопреосвященство в городе, да и в других частях страны тоже, если на то пошло.

– Они знали, кто он? – с удивлением спросил я.

– Да, очевидно. Наверняка этот таможенник проболтался, хотя вы и просили его держать язык за зубами.

Я не стал напоминать юнкеру, что это он, а не я, сказал таможеннику, что нунций посланник Папы, а не обычный торговец.

– Почему они настроены против нунция дей Конти? – поинтересовался я.

– Об этом не говорилось, но и так ясно: многие были бы против его присутствия, узнав, что он католик.

Слова "были бы против его присутствия" прозвучали в моих ушах как "пожелали бы ему смерти". Я чуть не рассказал юнкеру о вчерашних событиях, о том, что нам надо следить за действиями нунция больше, чем за тем, что замышляется против него. Но мы были не одни, фрейлейн Сара все еще сидела за столом, она молчала, повернувшись лицом к кухне, словно ее интересовало то, что матушка Хильде там делает. Я знал, что она не понимает по-датски, но лучше было не рисковать.

Юнкер Стиг допил пиво и снова налил себе из кувшина.

– Этот покойник, тот, которого вы осматривали… – Юнкер не поднимал глаз от кружки. – Вы уверены, что он умер от какой-то болезни?

У меня от лица отхлынула кровь, и я схватил нож, чтобы отрезать себе еще кусок сыра, мне нужно было что-то сделать.

– Городской судья… – Я покашлял, чтобы прочистить горло. – Городской судья Мунк в этом не сомневается. Так что… это точно.

– Вы уверены? – Юнкер Стиг не спускал с меня глаз.

Я кивнул несколько раз, это как будто убедило его, он потянулся за свежим хлебом и откусил большой кусок. Задумчиво жуя хлеб, он поднял глаза и хотел что-то сказать, но предупреждающе поднял руку и дожевал хлеб.

– Сегодня ночью… нет, я имею в виду прошлую ночь, во Фредрикстаде у аптекаря… не слышали ли вы чего-нибудь необычного? Понимаете, мне кажется, я слышал…

Его прервала фрейлейн Сара, которая встала так внезапно, что со стола чуть не упала тарелка. Быстрым шагом, без единого слова она вышла из комнаты. Мы оба удивленно смотрели ей вслед. В ту же минуту в комнату вошел Олав с шапкой в руке.

– Будет лучше, если мы отправимся не мешкая, пока ветер попутный, – сказал он.

Я кивнул.

– Сейчас идем.

Он все еще ждал, и мы встали из-за стола. Юнкер Стиг крикнул своего слугу, Герберта, и приказал перенести его багаж в лодку. Я попросил Олава помочь мне с багажом нунция.

Продолжать разговор с юнкером о той ночи во Фредрикстаде было уже невозможно, наверное, оно и к лучшему. По дороге к лодке, на свежем воздухе, я снова все продумал и решил ничего юнкеру не говорить, по крайней мере пока. Изменить что-либо он все равно был не в силах, а тайна уже не тайна, если ее знают двое, любил говорить Томас. А нас с нунцием уже было двое.

Кроме того, я не был уверен, что юнкер Стиг, когда все станет известно королю, будет так же заинтересован в том, чтобы спасти шею Петтера Хорттена, как свою собственную. В том же, что королю это станет известно и что главным героем будет человек благородного происхождения, я не сомневался. Юнкер Стиг наверняка придумает, как ему действовать,

думал я, таская наши вещи в лодку Нильса. Придумает, как подать себя в выгодном свете, а меня сделать виноватым в том, что нунцию удалось совершить свое злодеяние.

“Лучше думать о людях плохо и ждать, чтобы они доказали обратное”, – презрительно думал я, влезая в лодку.

Переезд через фьорд прошел легко, как и следовало ожидать. Я сидел на носу, опустив руку в воду, и смотрел на знакомые места. С левого борта поднимался внушительный остров Бастёйен, с правого – маленький, словно встрепанный, Мёленёйен, который почти сливался с утренним туманом. Впереди к нам приближался мыс Хорттен, он рос на глазах, и я узнавал крутые склоны, большие камни, места, где я ловил рыбу, где разбил до крови колено, видел косулю или бегал за отвязавшейся скотиной. За деревьями виднелась усадьба, темные поля, спускающиеся к морю, еще не перепахали после того, как урожай был собран. Видно, хозяин немного затянул со страдой.

Скрытый от глаз остальных, сидевших у меня за спиной, я достал из кармана бумагу и развернул ее. Она затрепыхалась на ветру, приклеилась на мгновение к моим пальцам, и я смог прочитать слова: “*…пожизненное заключение…”* Ветер усилился, я испугался, как бы он не вырвал бумагу у меня из рук, сложил ее и снова сунул в карман.

Нильс предпочел пройти мимо Веалёса и войти во внутреннюю бухту, чтобы оказаться с подветренной стороны, когда будет причаливать к берегу, и я вспомнил, что при сильном ветре тут было трудно маневрировать плоскодонкой. Когда паром царапнул дно ниже Сёебудена, я под носом Олава схватил канат, спрыгнул на берег и привязал лодку к большой сосне, которая всегда нас здесь выручала. Олав побежал через лес, чтобы пригнать лошадь с телегой за нашим багажом. Дождь перестал, но мы все немного промокли и дрожали от холода на ветру, поэтому я предложил нунцию не ждать телеги. У него побелел кончик носа, лицо посинело, и я вдруг сообразил, что в качестве слуги плохо забочусь о своем хозяине, позволив ему совершить эту нелегкую поездку без всякой поддержки и слов сочувствия с моей стороны. Нунций молчал, и я сделал вид, что все в порядке. На самом деле я испытал даже недобрую радость от его несчастного вида и невольно вспомнил о Немезиде.

Когда мы уже шли под деревьями, я видел, что Нильс отвязал лодку от сосны, привязал ее к молодой ели и убрал мачту.

Мне было странно, что деревья стали выше, пышнее и в некоторых местах появился густой подлесок, но я как будто узнавал отдельные деревья и они на ветру даже кивали мне, когда я проходил мимо. Вскоре мы миновали большую прогалину, которую я всегда называл “садом”, потому что у нас в усадьбе не было настоящего сада, и осенние краски засверкали в лучах солнца, упавших на могучий каштан, росший посреди прогалины. Мне захотелось показать это моим спутникам, но нунций шел, погруженный в свои мысли, и не поднимал головы, а юнкер Стиг, поддерживаемый Гербертом, ковылял последним в своих башмаках на высоких каблуках.

– *Schön*, – пролепетала фрейлейн Сара и посмотрела на верхушку каштана. Она улыбнулась мне. – Как сказать это по-датски?

– По-норвежски, здесь мы говорим по-норвежски, – сказал я и покраснел. – По-норвежски мы говорим, что это “красиво”. – Или “мило” хотел я прибавить, но промолчал, не совсем понимая, что именно я вкладываю в это слово.

Когда мы поднялись на последний холм и оказались во дворе усадьбы, у меня перехватило дыхание, я оглядывался по сторонам, не в силах произнести ни слова. Оставалось надеяться, что хозяйка и хозяин помедлят и не сразу выйдут, чтобы приветствовать меня с приездом, – я боялся пустить слезу. Здесь ничего не изменилось, думал я, прохаживаясь по двору взад и вперед и узнавая знакомые вещи. Покосившееся окно

в каретном сарае, потому что один угол просел на полфута, камень, на котором я нацарапал свое имя, когда научился писать, гнездо ласточки под кровлей хлева, колодец и корыто, крыша сеновала, которая еще совсем новой уже потребовала ремонта, жилой дом, дверь в него…

– Секретарь-помощник полагает, что мы будем стоять здесь, пока не простудимся? – спросил юнкер Стиг и зашагал к двери в дом. Он снова гнусавил.

В эту минуту появился Олав на телеге, чтобы ехать к лодке за нашими вещами, я остановил его и спросил, где хозяин. Он показал на окно большим пальцем:

– Думаю, он спит.

Пораженный, я вошел в дом, чтобы увидеть хозяйку. Она была не из тех, кто позволяет мужу спать до полудня. Хотя он порой и любил выпить, он исправно вставал засветло и своевременно делал все, что входило в его обязанности, как того требовала хозяйка. Ее самое было почти незаметно, и при чужих она почти не открывала рта, но дома, в четырех стенах, последнее слово всегда было за ней.

На кухонном столе стояла гора грязных мисок и тарелок. Ведерко в углу было пустое и сухое, словно прошло несколько дней с тех пор, как в нем последний раз разводили сыворотку. Пол и каменные приступки вокруг очага, по-моему, не подметались уже неделю, если не больше, пахло плесенью и тухлым мясом. Как только я подошел к столу, с него взлетел рой мух. Страшная мысль закралась мне в голову, я быстро прошел в комнату и откинул портьеру, скрывавшую альков хозяйки. Перина и подушка были застелены гладким, выглаженным покрывалом. Белым, чистым, не тронутым, края были подсунуты под тюфяк, отчего он был похож на куколку бабочки.

Я отпрянул от алькова.

– Где она? – крикнул я и откинул в сторону вторую портьеру. Хозяин лежал в своем алькове на спине у самой стены, на какое-то мгновение мне показалось, что это лежит Халвор Юстесен. Хозяин не разделся, рабочее платье было грязное, от него пахло перегаром и хлевом. Я начал его трясти и тряс, пока он не открыл глаза.

– Где она? – прошептал я сквозь слезы.

Он со стоном сел, потом оттолкнул меня и встал с кровати. И тупо смотрел на меня и на мой парик, который я держал в руке.

– Она умерла, Петтер, – сказал он наконец, откашлялся и сплюнул на пол.

– Когда? – шепотом спросил я и сел на край постели.

– В сенокос, в один из первых дней. – Он замолчал и уставился в пол. Глаза у него были чужие, лицо удивленное, словно он до сих пор не мог поверить тому, что засело у него в памяти. – Было жарко, очень жарко. Я только успел сказать, что теперь на Варфоломея у нас будет плохая погода, как она схватилась за грудь и упала. – Он взял со стола грязный бокал и налил себе из бутылки, выпил и задохнулся, когда бренневин обжег ему горло. Потом поставил бокал и бутылку на стол и пошел к двери.

– Когда я подошел к ней, она уже не дышала, – сказал он, обращаясь к двери, открыл ее и вышел из дома.

Глава 12

"Почему нож лежал у него под плечом?"

Эта мысль крутилась у меня в голове, пока я резал мыло и бросал его в лохань с водой. "Если Халвор Юстесен умирал от яда, зачем ему понадобился нож? Хотел защититься от чего-то или от кого-то? Или хотел порезать себе руку, чтобы выпустить яд? Каким образом он мог выронить нож так, что он оказался у него под плечом?"

Вопросы, вопросы, на которые нет ответа.

Пока я стирал белье, пришла фрейлейн Сара в переднике хозяйки и принялась помогать мне. Это удивило меня. Через несколько минут она взяла руководство на себя. Со мной в роли смешливого переводчика она на стреляющем немецком языке приказала Нильсу и Олаву вскипятить воду и приняться за стирку, даже Герберта, который неосторожно сунул к нам нос, она приспособила к делу. Уж стирать-то он умеет, считала она. Он ворчливо сказал, что это не его дело, тогда я, глядя на его отекшую от простуды пухлую физиономию, сказал, что в таком случае он пойдет чистить хлев, после чего его одежда наверняка потребует стирки, а уж тогда он заодно постирает и все остальное. При мысли о хлеве он дрогнул, недовольно отложил парик в сторону и начал стирать.

Стирка – женская работа. Так испокон веку считалось в этой усадьбе, как, безусловно, и во всех других. Но я не мог допустить, чтобы мой господин, посол, терпел всю ту грязь, которая нас здесь встретила. Когда усадьба Хорттен осталась без хозяйки, было бы естественно пригласить для уборки женщин из Сёебудлёккен или из Хагена, но, поскольку хозяин сам этого не сделал, я не мог распорядиться, чтобы они пришли сюда и занялись стиркой и уборкой. Как бы там ни было, а я больше не жил здесь.

Не ожидая ни от кого помощи, но, напротив, готовый к насмешкам и презрительному смеху, я сам затеял эту обычную осеннюю уборку, а что и как надо делать, это я хорошо знал. Признаюсь со стыдом, что мне уже приходилось этим заниматься. Фру Ингеборг в Копенгагене сразу переставала быть мне заботливой мамочкой, когда требовались руки с половой тряпкой, а единственные подчинявшиеся ей руки были у меня. И в последние годы именно они и занимались этим во время весенних и зимних уборок.

Насмешек не последовало, наверное, потому, что прекрасная фрейлейн Сара начала мне помогать. И еще потому, что она, к моему удивлению, заставила Нильса и Олава тоже заняться стиркой. Надо сказать, что они почти не противились, – грязь в доме надоела и им.

Стоило нам начать, и работа пошла как по маслу. Фрейлейн Сара поддерживала нас своей энергией, ее смех заражал нас и улучшал настроение, так что даже Олав оттаял и осмелился рассказать историю о служанке и солдате, которые устроились в сене. История оказалась такой скабрезной, что у Герберта покраснела даже макушка, я подавился смехом, и фрейлейн Саре, которая потребовала, чтобы ей все перевели, пришлось стучать меня по спине. Я перевел, правда, не без колебания, но боялся я напрасно, потому что от смеха она чуть не угодила в бадью с водой. Я схватил ее за плечо и помог ей сесть на стул. Прикасаться к ней было приятно, к плечу, конечно.

Ни нунция, ни юнкера Стига мы не видели, пока не накрыли стол в саду. Тогда они вдруг появились из своих углов, милостиво оглядели стоявшие на столе блюда, честно говоря, скорее недовольно, чем милостиво, и сели за стол. Хозяин ездил к арендаторам в Соллистранд, проверить, как там скот. Теперь он стоял, дергал себя за полу кафтана, смотрел на меня и на свободные места, не уверенный, достаточно ли он хорош, чтобы сидеть за столом с такими благородными господами. Я молчал, тоже не понимая, прилично ли это. Олав вышел из конюшни и, не замечая нашей растерянности, подошел к столу, плюхнулся на скамью рядом с юнкером Стигом и без всякого смущения отломил себе кусок хлеба. Благородный юнкер побледнел, вскочил в гневе и устроил работнику такой нагоняй, что тот, как побитая собака, спрятался за спину хозяина. Нунций заслонился рукой от наконец-то выглянувшего солнца, раздраженно встал и приказал мне накрыть стол в тени. Фрейлейн Сара помогла мне накрыть стол в комнате, а юнкер Стиг предпочел общество нунция обществу стоящих вокруг работников.

“Два сапога пара”, – злобно подумал я. Однако посадил их в разных торцах стола, чтобы они не могли ткнуть друг друга ножом. Герберт начал подавать им деревенскую пищу – копченую селедку, хлеб и молочную кашу, которую мы приготовили на всех, а я вышел к остальным.

Солнце окончательно преодолело облака, и бухта внизу засверкала в его лучах. Хозяин спилил деревья, которые росли на горке северо-западнее усадьбы, и теперь открывался вид на внутреннюю бухту до самого мыса, который мы называли Лисий Хвост. За этим мысом находился остров Лёвёйен, и я подумал, что нунцию следует посетить источник Олава Святого до того, как мы двинемся дальше в Тёнсберг.

По дороге домой хозяин, очевидно, допил последний бренневин, настроение у него улучшилось, и он даже начал рассказывать обо всем важном и неважном, что случилось у них после того, как четыре года назад я уехал из усадьбы.

Фрейлейн Сара слушала, смеялась и время от времени просила меня перевести ей историю, над которой, по ее мнению, смеялись особенно громко или, напротив, хмурились. Меня удивило, что она предпочла сесть за стол не со своим женихом, но, наверное, она была не настолько благородна, чтобы не позволить себе сидеть рядом с челядью.

Хозяин сказал, что Сигварт из Брома занемог и уже давно не выходит из дома. Я спросил, что с ним, но об этом хозяин ничего не знал. Его беспокоило только то, что Сигварт не может исполнять свои обязанности на солеварне, которой ведал все последние годы.

У меня в груди шевельнулось неприятное чувство, и мне сразу расхотелось есть. Сигварт не должен был болеть, он должен был бегать на своих кривых ногах, заговаривать людям зубы, быть добрым и подозрительным ко всему и ко всем, видеть повсюду призраков и святых, словом, быть Сигвартом… вечным Сигвартом.

Я взглянул в сторону усадьбы Бром, крыша которой стала видна теперь, когда деревья облетели. Вечером надо к нему забежать, решил я, и пусть нунций говорит что хочет.

Найти спальные места для епископа и камер-юнкера, которые не терпели даже вида друг друга и к тому же не хотели делить спальню с кем-то еще, даже с собственным слугой, да еще найти спальню для фрёкен из богатого сословия, которая помолвлена с этим камер-юнкером – хотя об этом никто не говорит – и к тому же путешествует одна, без компаньонки, – да, это было все равно, что пройти по воде: нужно было либо обладать несокрушимой верой, либо ждать, пока воду не скует лед, то есть дождаться наступления морозного осеннего вечера.

После неоднократных попыток и предложений я предпочел последний вариант и по собственному желанию отправился доить коров. Сидя на скамейке, прислонившись лбом к теплому коровьему боку, я ощущал, что к моим пальцам вернулась былая ловкость, слушал, как ритмично, словно танцуя, падают в подойник струи молока, и думал о том, что мои глаза плохо подчиняются моей воле. Сколько раз в течение дня я им приказывал не смотреть на эту чужую невесту, во всяком случае, на ее юбки, скрывающие широкие, безупречные бедра, на грудь, виднеющуюся в пристойный, но легко отстающий вырез, на румяные щеки, на улыбку, на белоснежные зубы, волосы, глаза… вообще на нее. Мне все время приходилось напоминать своим глазам, что она помолвлена, почти замужем и к тому же богата…

Да, богата. Хотя меня удивляло, что фрейлейн Сара путешествует одна, без компаньонки. У юнкера Стига все-таки был слуга, а даме, наверное, больше, чем мужчине, нужна помощница, которая помогала бы ей с туалетами, прической и еще бог знает с чем. Приличия есть приличия!..

Конечно, можно предположить, что они оба собирались пользоваться услугами Герберта, ведь они знали друг друга задолго до того, как я встретился с ними. И не случайно оказались на одном и том же судне. Таких случайностей не бывает. Ни один уважающий себя дворянин не обручится с молодой бюргершей всего после нескольких дней знакомства. Это просто невозможно. Мне такие случаи были неизвестны.

Я выдоил корову до последней капли, встал со скамейки, кивнул Нильсу, который сгребал навоз на тачку, и вышел с подойником из хлева. Пересекая двор, я заметил фигуру, мелькнувшую и скрывшуюся в каретном сарае. Сгорая от любопытства, я изменил курс и подкрался к воротам сарая, чтобы заглянуть внутрь. Там, внутри, за телегой, кто-то нагнулся, и я, чтобы разглядеть, что там происходит, был вынужден войти внутрь. Я прокрался за телегу, выглянул оттуда и увидел, что фрейлейн Сара сидит перед большим сундуком с бутылкой в руке. Она быстро открыла крышку, сунула бутылку в сундук и снова закрыла его. Встав, она огляделась по сторонам, и я со своим подойником заполз в самый темный угол сарая и затаился, как мышь, пока она возилась возле сундука, после чего быстро вышла из сарая и перебежала через двор.

В открытые ворота мне было видно, как она вошла в дом и закрыла за собой дверь. Я мгновенно оказался там, где стоял сундук, – его поставили туда, потому что он был слишком велик для той комнаты, которую я мысленно предназначил для фрейлейн Сары. Я хотел открыть сундук, но обнаружил, что он заперт на висячий замок. Осмотрев сундук более внимательно, я увидел, что его содержимое охраняет не один, а сразу три висячих замка. Я огляделся в поисках, чем бы открыть эти замки, но крик на дворе отвлек меня от этих мыслей. Это Олав кричал Нильсу, чтобы тот приготовил телегу. Забыв о сундуке, я достал из угла подойник.

Олав с недоумением посмотрел на меня, когда я вышел из каретного сарая с полным подойником в руках, однако промолчал. Я тоже ничего не сказал.

Слуга камер-юнкера, Герберт, оказался мишенью для выражения недовольства хозяина прошлой трапезой. Поэтому теперь он вместе с фрейлейн Сарой принялся готовить обед "по датскому способу", безусловно, надеясь на этот раз угодить его благородному вкусу.

– Где здесь сахар? – спросил он, когда я собирался выйти из дома. "Надо же, он, оказывается, способен произносить сразу несколько слов подряд", – подумал я. Поющее датское произношение указывало на то, что он, вероятно, уроженец Фюна.

– Сахар? – переспросил я и обвел кухню пустым взглядом, не поняв сразу, что ему от меня нужно. – Ах, сахар! Нет, здесь ты его не найдешь. Хозяйка не тратила деньги на такие пустяки.

Герберт вздохнул и посмотрел на закипавший соус. Я слышал, как фрейлейн Сара предложила ему заменить сахар медом, который стоял наверху в шкафу; мед даст достаточно сладости, считала она.

Я попросил у хозяина его нож и расположился на камне, чтобы стесать грани на ручке моего нового ножа. На стене дома сидела сорока и выдергивала из нее мох. Я бросил камень, чтобы прогнать ее, и она с криком полетела над кустами к Брому. На западе из-под тяжелых туч вырвались последние огненно-красные лучи вечернего солнца и осветили верхушки деревьев так, что они запылали. Лоскут кожи из дома Юстесена я обмотал вокруг лезвия, чтобы не порезаться. Может, и Халвор Юстесен пользовался им для этой цели, подумал я. Может, он сидел у себя в алькове и занимался тем же, чем сейчас занимаюсь я.

Может, он и сейчас бы этим занимался, если бы его не убили.

Отравили ядом. Из бутылки.

А что, интересно, было в бутылке, которую фрейлейн Сара спрятала в сундуке?

Последний вопрос навязчиво вертелся у меня в голове, но я не мог найти приемлемого ответа. Тем временем стружка за стружкой падали из-под лезвия ножа на землю и белыми завитками ложились вокруг камня, на котором я сидел. Работа заняла у меня много времени. Ручка была сделана из твердого дерева, и мне удалось сострогать совсем немного.

– Чем это господин Хорттен изволит заниматься? – раздался голос у меня за спиной. Через двор шел юнкер Стиг, на нем были сапоги, более подходящие для этой каменистой местности, чем его нарядные башмаки.

– Исправляю ручку ножа, – ответил я коротко. – Чтобы его было удобно держать в руке.

Ничего не говоря, он взял у меня из руки мой новый нож и с удивлением уставился на него.

– Похож на солдатский нож, – заметил он, возвращая мне нож.

– Возможно, он и есть солдатский, – мрачно сказал я, мне было неприятно общество юнкера. – Прежний хозяин этого ножа был солдатом.

Юнкер кивнул, подождал, не скажу ли я чего-нибудь еще, а потом перевел взгляд на бухту.

– Норвегия – красивая страна, – сказал он.

Я искоса глянул на него, но было не похоже, чтобы он хотел уязвить меня или Норвегию.

– Да, – буркнул я и продолжал стругать.

Постепенно солнце скрылось за холмом, и от воды потянуло сырым холодом.

Я порезался и, вскрикнув, сунул палец в рот. Кожаный лоскут размотался, и лезвие обнажилось. Я снял лоскут с ножа и уже собирался его скатать, как юнкер Стиг схватил его за один конец.

– Кожа сложена вдвое, – сказал он.

– Ну и что? – Это я знал и без него.

– Если вы ее развернете, вам будет удобнее обернуть ею лезвие, – предложил он.

Я встал и посмотрел на Бром.

– Теперь уже слишком темно, чтобы строгать, – сказал я и собирался войти в дом, когда меня вдруг осенило: – А где ваша невеста? – спросил я у юнкера.

– Моя невеста? – Он с удивлением поднял на меня глаза. – А откуда вы знаете, что я помолвлен?

– Такие вещи носятся в воздухе.

– Она в Копенгагене, у королевы, где же еще.

– В Копенгагене?.. – Я пытался скрыть удивление. – Значит… значит… она не поехала с вами?

– Решение о том, что послу Папы требуется дополнительная охрана, было принято поспешно, и к тому же было бы неудобно, чтобы в такой трудной поездке нас сопровождала молодая благородная дама.

– Она придворная дама королевы Луизы? – спросил я.

– Да. – Его лицо постепенно скрыла тень.

– А вы камер-юнкер королевы?

– Да, – неуверенно ответил он. – А почему вас это интересует?

Я не ответил, потому что уже поклонился ему и ушел восвояси, думая, что с моей стороны было невежливо прервать разговор таким образом.

Помолвленный камер-юнкер не пошел за мной.

Фрейлейн Сара решила отправиться с нами, потому что “поехал ее жених и все остальное общество”. Так аптекарь Крамер во Фредрикстаде передал мне ее слова. Но если юнкер Стиг не ее жених, почему она назвала его женихом? – думал я, ничего не понимая.

В этой юной фрёкен вообще было много непонятного. Например, ее руки. Я разглядел их, когда мы стирали, они выглядели привычными к тяжелой работе – широкие ладони с

грубой кожей, сильные пальцы, умело обращались с половой тряпкой и со щеткой, и вообще, почему она помогала мне мыть и стирать? Да и в ее немецком было что-то подозрительное, если уж на то пошло, часто он скорее напоминал голландский, чем немецкий, отдельные слова, обороты, произношение, особенно когда она начинала горячиться. Впрочем, она прибыла на судне из Голландии, так что, возможно, в этом не было ничего странного, однако… А ее перебранка со шкипером на торговом судне теперь, когда я задумался над этим, тоже показалась мне странной. Стала бы красивая девушка из богатого сословия поднимать такой шум из-за каких-то жалких далеров? Не было ли это ниже ее достоинства? И отсутствие сопровождающей ее компаньонки…

Кроме того, я неохотно признался себе, что не могу выбросить из головы мысль о том, что во Фредрикстаде она ночевала внизу в аптеке среди всех аптекарских препаратов, как безобидных, так и ядовитых. Что она спала там, где никто не мог видеть или слышать, когда она ушла или пришла. Может, это она снабдила нунция ядом?

Знала ли она его лучше, чем можно было предположить по их поведению?

Вечером, когда холод и усталость дали о себе знать, пасьянс со спальными местами сошелся сам собой. Фрейлейн Сара заняла одну комнату для гостей, юнкер Стиг – другую, слуга Герберт должен был спать у него на полу, а нам с нунцием оставалось занять каждому по алькову в гостиной. Хозяину заплатили лишнюю марку, чтобы он довольствовался постелью Нильса в конюшне, Нильсу предстояло спать на тюфяке Олава, а самого Олава прогнали на сеновал.

Нунций дей Конти расположился за столом с письменными принадлежностями, попросил меня зажечь свечи в большом канделябре, который он извлек из своих вещей, но в остальном ясно дал мне понять, что хочет, чтобы его не беспокоили. Никто и не покушается на его покой, подумал я, поглядел по сторонам и спросил, что еще я могу для него сделать.

– Вы собираетесь лечь спать? – Нунций оторвался от книги.

Я хотел ответить, но мой взгляд упал на небольшую бутылку, лежавшую сверху в открытом сундучке нунция, что стоял рядом с его походным пюпитром. Я растерялся, язык мой стал заплетаться, и, чтобы скрыть это, я подошел и стал рыться в своих вещах.

– Я… я собирался навестить старого друга, – с трудом выговорил я и показал нунцию маленькую коробочку. – У меня есть для него небольшой подарок.

– Значит, вы из этих краев?

– Да. – Я был удивлен. Мне казалось, что он должен был это знать. Но нунций весь день пребывал в рассеянности и, по всей видимости, это так и не дошло до него. – Я вырос в этом доме.

– Мы живем у вашего отца? – Он удивленно поднял брови.

– Нет. Мои родители умерли. Очень давно… когда я был маленький.

– Значит, женщина, которая недавно умерла в этом доме, не была вашей матерью? Может, она приходилась вам мачехой?

Мачехой, мне? Мачехой? Мои глаза скользнули по алькову, в котором она обычно спала, потом по стулу у окна, на котором она любила сидеть с рукоделием, по ее месту за столом: мне пришлось опереться о спинку стула, и я вдруг не знал, что ответить, “да” или “нет”, смеяться или плакать, а потому просто молчал, в ушах у меня звенело. Мачеха?..

Нунций наклонился над своим сундучком, достал из него что-то завернутое в тряпку, положил на стол и осторожно развернул. Я увидел распятие, в слабом свете оно блестело как настоящее сокровище. Должно быть, оно золотое и украшено драгоценными камнями,

подумал я. Распятый Иисус был белый, как труп, он был вырезан из кости. Все его члены свидетельствовали о смертной муке.

Нунций поднял распятие, благоговейно поцеловал его, сотворил им крестное знамение, сел на стул и откинулся на спинку.

– *Orémus*, – сказал он тихо, но властно и опустился на колени рядом со стулом. – Давайте помолимся.

Я растерянно смотрел на него. Нет… я не мог молиться вместе с папистом! С еретиком! Нет! Вера моего сердца мне этого не позволяла, я чувствовал, что Бог мне этого не разрешает. А если не Бог, то, по крайней мере, король и закон моей страны. Мое сознание бурно протестовало против этого, а нунций стоял с опущенной головой и ждал. Он был моим господином, он хотел, чтобы я ему повиновался. Но меня могли наказать за это, пострадал бы мой кошелек, а в худшем случае и моя шея. Он был послом, он мог проповедовать и причащать, как это было написано в законе: "…иностранных министров и их слуг…" Но я не был таким слугой. Язычник не мог принудить меня…

Я слышал, как он молится за спасение хозяйки и за то, чтобы ее пребывание в чистилище оказалось коротким.

Я вздрогнул и отступил к двери. Чистилище! Языческая кипящая смола и адский огонь, в который бросают папистов, мучают их, терзают и в конце концов сжигают. Неужели он думает, что хозяйка Хорттена сейчас там? Я не мог здесь оставаться! Задом наперед я вышел за дверь, во мне все кипело и шипело, словно внутри у меня был раскаленный уголь, и я долго стоял у стены дома, глубоко вдыхая прохладный воздух, пока у меня не успокоилось сердце, успокоилось настолько, что я смог найти ту тропинку, по которой должен был идти в темноте.

Глава 13

Тропинка была прежняя. Камни – прежние. Ямы, в которых я спотыкался, – прежние. Даже летучие мыши, казалось, были те же самые. Я подбросил камень и увидел, как одна из них сорвалась вниз, не поняв, что это обман.

В усадьбе Бром было темно, все уже спали, я тихонько прошел через двор к хлеву, когда на меня с лаем бросилась собака, сверкая в темноте белыми зубами.

– Тихо, Мюлле! – прошептал я, пес замолчал, подошел и обнюхал меня. Он меня узнал, начал вилять хвостом, едва не перевернулся и наконец прижался мокрым носом к моей руке. – Мюлле, Мюлле, хороший ты пес!

Я вошел в хлев и прошел к каморке Сигварта. Дверь была приоткрыта, и я осторожно кашлянул.

– Это ты, Петтер? – спросил Сигварт со своего ложа, стоявшего в углу.

– Да, Сигварт. Я приехал домой. Я… – Я замолчал, не находя слов. Сигварт дышал быстро и тяжело, я полез в карман. – У тебя есть огонь, жаровня, хоть что-нибудь?

Зашуршала перина, звякнуло что-то металлическое. Красный огонь углей в жаровне осветил отекшую ногу Сигварта и его худые руки. Я приложил фитиль к углям и осторожно раздул огонь. Потом накапал сала на бортик топчана, прижал к нему свечу и держал ее так, пока сало не застыло. Сигварт усмехался в бороду и вытирал морщинистые щеки.

– Вернулся, Петтер!

Я кивнул и подвинул табурет к его постели.

– Я знал, – сказал он. – Мне это приснилось прошлой ночью.

Я засмеялся. Все знали, что Сигварт часто видел вещие сны о чем угодно.

– Мне приснилось, что ты был вместе с рыжей дамой и что у тебя в руке была какая-то бумага. Ты читал мне вслух и о чем-то меня спрашивал.

Я перестал смеяться. По спине пробежал холодок. “Наверное, в хлеве дует”, – подумал я и закрыл дверь.

– А о чем… о чем я тебя спрашивал? – хрипло проговорил я и прижал рукой карман.

Влажные глаза Сигварта, не отрываясь, смотрели на меня.

– Не помню, Петтер. Но точно о чем-то важном. Это я сразу понял. Важном для тебя.

Я убрал руку и спросил, как он себя чувствует, он сказал, что здоровье его никуда не годится и скоро он преставится.

– Ну-ну, не так уж все и плохо, – утешил я его, но Сигварт сказал, что, если человек перестает мочиться, вода скапливается у него в теле, и он распухает, как свиной пузырь. А тут уж только вопрос времени, когда этому пузырю придет время лопнуть, разорваться, чтобы его содержимое вылилось и затопило весь хлев. Хе-хе. – Он засмеялся над последними словами, живот затрясся, но боль заставила его лицо исказиться. Во дворе залаял Мюлле, потом рыкнул, и все затихло.

Мы заговорили о Копенгагене и о том, что случилось в Хорттене за время моего отсутствия; и пока мы по очереди рассказывали друг другу о событиях, произошедших дома и в мире, Сигварт выудил из-под тюфяка бутылку, и мы тянули из нее терпкий бренневин, и время летело, и мне было приятно снова видеть Сигварта. Не скоро, но наконец мы с ним наговорились и воцарилась добрая тишина, тогда мы услышали, как по крыше стучит дождь и поскрипывают стены. Коровы жевали жвачку, обмахиваясь хвостами, роняли горячий навоз, так что в каморке Сигварта было тепло. Неожиданно он хлопнул себя по уху, потом потянул его и почесал.

– Зима будет холодной, – заключил он. – Если блохи прыгают человеку в уши, значит, осень будет теплой, а теплая осень надежды косит, это ты и сам знаешь, Петтер, после нее зима бывает суровой.

Я достал из кармана крохотную коробочку и протянул ее Сигварту.

– Это тебе. Утешение на зиму, – сказал я.

Он положил коробочку на перину и оглядел ее. Попытался раскрыть своими распухшими пальцами, я помог ему, с открытым от удивления ртом он смотрел в раскрытую коробочку.

– Нет… Петтер… ты… – пробормотал он и взял в руку маленький серебряный крестик. Я помог ему завязать вокруг шеи кожаный ремешок. Он поднес крестик к близоруким глазам, поцеловал его и снова стал разглядывать.

– А мне… мне нечего тебе подарить, – сказал он и в знак благодарности пожал мне руку.

– Ошибаешься… есть, – сказал я, вынул из кармана бумагу и расправил ее. Сигварт глядел на крестик, вертел его во все стороны, и крестик блестел при свете свечи. Он не слышал того, что я ему сказал.

– Петтрине Олюфсдаттер, – прочитал я. – Сидсель Лауридсдаттер. Марите Хеллисдаттер. – Я поднял глаза и глотнул воздух. Сигварт опять широко раскрыл глаза. – Кто они? – шепотом спросил я.

Он завозился, стараясь сесть поудобнее. Я помог ему и не торопил его с ответом. Он кашлянул и почесал голову.

– Почему, Петтер? Почему ты теперь хочешь это узнать? Разве твоя жизнь сложилась неудачно?

– Сигварт, ты знал мою мать? – Я внимательно наблюдал за ним, он поднял серебряный крестик и кончиками пальцев ощупывал каждую выпуклость.

– Ну да, знал, – пробормотал он наконец.

Я молчал.

– Но… почему именно теперь?

Он имел в виду: почему *только теперь?* Я вытянул ноги, снова согнул их, прислонился к стене и смотрел на маленький пламень, который за вечер медленно подобрался к бортику топчана. Вскоре он коснется дерева и погаснет.

– Не знаю, – сказал я. – Просто я никогда раньше об этом не думал, меня никто никогда о ней не спрашивал. Знаю, что она была работницей в Хорттене, что у нее было много мужчин, если верить тому, что про нее говорили, и что никто не знал, кто мой отец. Хозяин никогда не говорил о ней хорошо, называл "девкой" и "шлюхой" и даже хуже, говорил, что она понесла заслуженное наказание, так что все это не позволяло мне задавать лишних вопросов. Но… когда я уехал из дома… она с каждым днем становилась для меня все важнее, а то, что про нее говорили другие, казалось уже не таким значительным или… нет, не знаю… Как бы там ни было, а она была моя мать. – Я помахал бумагой. – Я случайно обнаружил, что на теологическом факультете хранятся копии документов.

– Как, как ты это сказал? – Сигварт грозно поднял палец. – Это что, теперь господа стали так богохульствовать? Неужели в королевской столице ты стал безбожником?

Я невольно улыбнулся:

– Тео-логи-ческий факультет Копенгагенского университета. Там изучают христианство, там преподают профессора и всякое такое…

Он милостиво кивнул и позволил мне продолжать.

– Так вот, в этих копиях я нашел документы об уголовных делах, которые дошли до Верховного суда, потому что при их рассмотрении возникали трудности, когда заходила речь о теологических вопросах…

– Ага, я понимаю, – пробормотал Сигварт и улыбнулся. – Правда, только каждое второе слово, но могу догадаться.

Я хотел улыбнуться и не смог, пальцы нервно теребили бумагу.

– Однажды, когда хозяин был пьяный, он сказал, будто ее судил Высший суд, и я всегда думал, что Высший суд – это Господь Бог и Иисус Христос. Но, поразмыслив над тем, что значили его слова, я понял, что он имел в виду Верховный суд. Я знал, в каком году я родился, стал искать и нашел… – Голос изменил мне, я помахал бумагой и поднес ее к свету. Хотя я читал этот текст тысячу раз и знал его наизусть, теперь я тщательно разгладил бумагу, откашлялся и медленно прочитал: – Сидсель Лаурисдаттер родила втайне и безуспешно пыталась лишить жизни собственный плод через удушение. Городской тинг в Тёнсберге приговорил ее к смерти. Когда же оказалось, что ребенок милостью Божьей не умер, Сидсель помиловали, но должны были наказать плетью и пожизненно оставить в заключении или же выслать из страны. – Я поднял на него глаза. – Ее посадили в Спиндехюсет в Копенгагене. Я посетил эту тюрьму и узнал, что Сидсель давно умерла. Когда она умерла, мне было два года.

Сигварт не сводил с меня глаз, пламя свечи все время колебалось.

– Петтер, – прошептал он и схватил меня за руку. – Не мучай себя…

Я выдернул у него свою руку:

– Это была она? Скажи мне! *Это была моя мать?*

По грубым щекам Сигварта катились слезы, он держал в руках серебряный крестик.

– Нет, Петтер, клянусь Иисусом Христом, это не твоя мать.

– Петрине Олюфсдаттер, – быстро прочел я, боясь, что мне изменит мужество, – пришла к алтарю и спрятала во рту благословенный хлеб святого причастия. Вернувшись домой, она размоченный слюной хлеб приложила к животу, Петрине была беременна и сделала это, чтобы, по ее словам, родить здорового ребенка. Городской тинг представил свидетеля, который утверждал, будто она богохульствовала над святым хлебом, перед тем как положила его себе на живот. Дьявол заставил ее родить слишком рано, и ребенок был мертвый.

Петрине утверждала, что ни разу не произнесла ни одного богохульства. Свидетель не мог сказать, что именно произнесла обвиняемая. Суд не поверил свидетелю и не счел, будто Петрине богохульствовала над алтарным хлебом или совершила что-либо дурное. Ее заставили исповедаться в своих грехах перед всеми прихожанами и простоять некоторое время у позорного столба. – Я умолк и, глядя в бумагу, ждал, что скажет Сигварт.

– А последняя? – спросил он. – Что стало с последней?

Последняя. Его интересовало, что стало с последней! Буквы расплылись, их было трудно разобрать, я быстро провел рукавом по глазам и им же вытер нос. Потом громко кашлянул и поднял глаза.

– Последняя – это Марите Хеллисдаттер, – сказал я, не глядя в бумагу. – Она прокляла своего ребенка и положила его в снег, чтобы он замерз насмерть. Это обнаружили, и ребенка спасли. Пять лет она просидела в тюрьме, ожидая приговора, и в конце концов ее сожгли на костре как ведьму.

– Как ведьму? – Сигварт был удивлен. – Но в наших краях уже много лет не сжигали ведьм.

– Может, ее сожгли не здесь, в документе не сказано, где это произошло. – Я не мог говорить, у меня сжало горло.

Сигварт опустился на постель, словно вся нехорошая вода вытекла из его тела. Печальными глазами он смотрел в темноту. Я снова сложил бумагу и спрятал ее в карман.

– Петрине, – тихо сказал он. – Твоей матерью была Петрине Олюфсдаттер. – Он поглядел на меня. – Она была добрая девушка, Петтер. Ты можешь ею гордиться, независимо от того, что говорят люди. Она была хорошая девушка.

Суббота 27 октября

Год 1703 от Рождества Христова

Глава 14

Когда я уходил, Мюлле уже не лаял. Он только лизнул мне руку и немного проводил меня по дороге. Потом исчез в темноте, а я еще постоял, глядя на дождь и чувствуя, как, смешанный с моими слезами, он струится у меня по лицу, по шее, проникает под воротник и течет дальше по груди. Луна, как туманное пятно, угадывалась за облаками, ее почти не было видно. “Она похожа на мое прошлое”, – подумал я.

– Иногда бывает лучше не ворошить прошлое, – сказал Сигварт и отказался что-либо объяснять. – Она была добрая девушка, – снова повторил он. – И не сделала ничего дурного, меньше всего тебе, Петтер. Ты знаешь все, что стоит знать.

– Но я помню, как сидел у нее на коленях, помню, как она кашляла и что она была страшно худая. И больше ничего. Ее похорон я не помню. Не помню, чтобы она лежала в постели, была больна. Не помню, чтобы она играла со мной или бранила меня. Тут у меня полная пустота. Что случилось? От чего она умерла? Сколько мне тогда было лет?

Но Сигварт сжал губы и смотрел на меня почти сердито. Больше он не хотел говорить об этом. Я сдался, встал и сказал, что до отъезда навещу его еще раз. Перед тем как погаснуть, сальная свеча вспыхнула и оставила нас в немой темноте.

Я стоял и искал что-нибудь, на чем мог бы зацепиться глаз. Слушал хриплое дыхание Сигварта. Искал что-нибудь, что было бы близко сердцу. Искал…

– А мой отец, это ты? – Мой голос звучал слабо, по-детски.

Сигварт пошарил рукой, ища мою руку.

– Хотел бы я, чтобы это было так, Петтер, ох, как хотел бы. Ты хороший парень. Но… но я не был близок с Петрине… не так. – Он сжал мою руку. – Ступай с миром, Петтер. И спасибо тебе.

Я услышал, как он в темноте поцеловал крест.

– А хозяин? Может, это он мой отец?

Но Сигварт не ответил, и я ушел.

– Петрине Олюфсдаттер, – прошептал я, стоя под дождем. – Почему ты покинула меня? Почему оставила меня совсем одного? *Почему?* – крикнул я небесам, крикнул с отчаянием, от всего сердца, крикнул миру, но мой крик был заглушен сыростью – каплями, падавшими с деревьев, мокрой травой, воздухом, тяжелым от влаги. Дождь мягко падал мне на лицо, на глаза и стекал в кривящийся рот, нежным прикосновением он смягчил мою душу и позволил рассудку довести меня до дому. С севера начал дуть холодный ветер.

Когда я шел через двор усадьбы, в окне что-то мелькнуло, кто-то прошел мимо окна со свечой или с фонарем, огонь вспыхнул и исчез. "Это женщина, – подумал я. – Фрейлейн Сара".

Я осторожно открыл дверь и прокрался в дом. Было тихо. Я отворил дверь в комнату, помедлил на пороге и услышал, как с меня на пол каплет вода. Меня трясло, и мне пришлось изо всей силы сжать зубы – они стучали так, что могли разбудить нунция. Непослушными пальцами я расстегнул пуговицы. Одежда мягко упала на пол, я стоял нагой, обхватив себя руками и меня грызло одиночество, я позволил себе заплакать и начал икать, нунций зашевелился.

– Господин Петтер, это вы? – Я не ответил, до крови прикусив губы, стоял, словно окаменел в темноте ночи, обхватив себя руками, чтобы унять эту безудержную дрожь, чтобы не погибнуть. Нунций повозился в постели, перина вздохнула, и его ноги осторожно прошаркали к двери, он вышел; потом раздул в очаге угли и скрученной бумагой зажег стеариновую свечу. Завернув меня в одеяло, он без единого слова подвел меня к стулу и силой заставил сесть. В очаге он разогрел воду, что-то намешал в нее и протянул мне кружку. Пока я пил, я вспомнил, как его рука держала маленькую бутылочку над бокалом Юстесена, поперхнулся и испуганно закашлялся, не в силах проглотить питье, но оно все-таки пролилось мне в горло, нашло путь в желудок, согрело меня, и мне захотелось спать; я слышал, как нунций тихо прочитал молитву: *Agnus Dei, qvi tollis peccáta mundi: dona nobis pacem*. Агнец Божий, принявший на себя грехи мира: пошли нам покой. Помоги слуге Твоему Петтеру Хорттену найти путь к Тебе. Вечный всемогущий Господь, смилуйся над слугой Твоим. Смилуйся над всеми нами.

* * *

Я должен встать, должен выйти! Этот порыв охватывает меня неожиданно и неудержимо, как тошнота.

Я отодвигаю пюпитр для письма, чернильница чуть не падает, и откидываю в сторону перину. Барк вскакивает и помогает мне встать с кровати. По моему лицу он видит, что надо спешить, не говоря ни слова, он помогает мне одеться, и мы вместе вываливаемся на крыльцо, залитое ярким солнцем, щуримся от света, медлим, пыхтим, постепенно я успокаиваюсь и замечаю, что сердце больше не частит, и мы, уже спокойнее, идем через двор к песчаным дюнам. Барк осторожно поддерживает меня, ведет по тяжелому песку, который засасывает наши ноги. Мы стараемся не наступать на острые стебли, эта трава по-датски называется песчанка, норвежского слова я не знаю, потому что в Вестфолде такая трава не растет, я сажусь, тяжело дыша, и смотрю на бескрайний берег. Дети играют в пятнашки возле подставок для сушки сетей и вокруг вытащенных на песок лодок. Барк идет пройтись, надеясь найти выброшенный морем плавник.

– *Scribo, Ergo crucior*, – бормочу я про себя и смотрю в морскую даль. Я пишу, значит, страдаю. Не может… не *должно* быть неожиданным, чтобы прошлое вызывало во мне такое волнение, чтобы оно правило моими чувствами и открывало плотины, о существовании которых я уже давно забыл. Раньше такое случалось не раз, и я уверен, что это может повториться. Но почему?

На острове спокойный день, светит солнце, и почти нет ветра, так бывает летом, в июле, но сейчас сентябрь. Вода неподвижна, она синяя и зеркальная, и далеко-далеко на горизонте я вижу слабое темное пятно, это Ютландия, в середине пятно сине-зеленое, по краям, где оно сливается с водой, серое. Оно пропадает. Становится водой и больше ничем.

Свет режет глаза, и я перевожу взгляд на землю. Хочу ли я *страдать?* Может, я пишу только по этой причине? Я могу перестать в любую минуту. После того, как князь в гневе меня покинул и предоставил самому себе, никому от меня ничего не нужно, никто ничего от меня не требует. Никто, кроме меня самого.

Может, я пишу, чтобы снова пережить те минуты, воссоздать страдания прошлого, снова его испытать?

Стебли клонятся к песку, слабый, игривый ветер засыпает верхушки стеблей песчинками, и я вдруг замечаю зигзаги следов, оставленных здесь ветром, стеблями, прихотью природы. Богом. Вижу рисунок со сложным узором посередине и менее четким по краям, потом он исчезает окончательно и в конце концов становится ничем. Неужели и все так? Неужели и человеческая жизнь тоже такая? Неужели я близок к тому, чтобы, ослабев, стать ничем? Оказаться забытым?

Может, именно поэтому я не помню хрупкого начала своей жизни, своего детства? Потому что тогда я был ничем, сначала ничем, а потом стал более и более…

Мысли переходят в сон. Сон, который снился мне постоянно во время моей первой поездки в Норвегию, не отпускал меня и которым я пользовался как памятью в той степени, в какой можно доверять сну. Был ли он частью ничего или был частью меня, моей жизни? Был ли он частью воспоминаний?

Не знаю, чему можно верить… или на что можно надеяться.

* * *

Она улыбнулась мне, губы произнесли слово “Петтер”, и с них не сорвалось ни единого звука, когда люди кричали ей бранные слова, лили на нее воду или бросали в нее камни. Привязанная к позорному столбу, она улыбалась, когда люди выходили из церкви, где они молились за спасение ее души, и громко произнесла “Петтер”, а потом ее неожиданно подняли вместе с позорным столбом, и костер под ней разгорелся и запылал. Испуганный, я закричал, что это моя мама, а никакая не ведьма. Костер обрушился на какой-то дом, она звала меня из окна, а я кричал, что она должна оттуда выбраться, но она улыбалась, кричала “Петтер… Петтер…”, и я проснулся, оттого что кто-то тряс меня за плечо. Нунций был уже одет и просил, чтобы я перестал кричать. Я кивнул, выдохнул весь воздух, откинулся назад в алькове и вспомнил свой сон, вспомнил во всех подробностях.

Юнкер Стиг и нунций уже поели. Фрейлейн Сара принесла в переднике собранные ею грибы, и Герберт потушил их со свежими сливками для тех, кто еще не завтракал; правда, Нильс и Олав отказались их есть, Олав сказал, что от грибов можно подохнуть, что они ядовитые. Фрейлейн Сара засмеялась и съела немного из горшочка, в котором грибы томились. Она проглотила их, обнажила в улыбке белоснежные зубы и даже высунула кончик красного язычка, чтобы показать, что с нею все в порядке. Но это не помогло, Нильс и Олав наотрез отказались от грибов. Они быстро доели остатки каши и скрылись в предрассветном тумане.

Я спросил у фрейлейн Сары, спала ли она ночью. Она подозрительно взглянула на меня и поинтересовалась, что я имею в виду. Я объяснил, что видел ее ночью, но она горячо это отвергла – она вообще ночью не вставала. Потом опомнилась и тихо проговорила, что слышала, "как кое-кто поздно вернулся домой". Многозначительно поглядев на меня, фрейлейн Сара вдруг рассмеялась. Я покраснел до корней волос и долго ничего не мог сказать.

Юнкер Стиг хотел в тот же день ехать дальше, но мы с нунцием уже решили совершить сегодня прогулку в Бёрре, поэтому я сказал, что отъезд придется отложить на завтра.

Юнкер сердито стукнул кулаком по стене и вышел из комнаты. Закончив есть, я отправился к нунцию. Он читал какую-то книгу и без лишних слов приказал мне лечь спать, чтобы в прогулке его сопровождал отдохнувший проводник. Я тут же с благодарностью завалился в свой альков и сразу заснул, на этот раз без снов.

Глава 15

Нильс! Надо поговорить с Нильсом – вот первое, о чем я подумал, проснувшись через несколько часов. Он должен что-нибудь знать о моей матери, он, как и я, всю жизнь прожил в этой усадьбе и был немного старше меня, а следовательно, должен был лучше помнить все, что тут случилось.

Нунций, погруженный в глубокую молитву, стоял на коленях перед распятием и картиной, на которой был изображен пожилой человек, тоже молящийся на коленях. Я тихо выскользнул из комнаты, чтобы ему не мешать.

Мое платье висело у очага. Кто-то вычистил его щеткой, и оно выглядело почти как новое.

В кухне никого не было, и я отправился в конюшню на поиски Нильса, там я не нашел ни одной лошади, кроме верховой лошади хозяина. Удивленный, я пошел в каретный сарай, посмотреть, на месте ли карета и рабочая телега. Но там их не было.

С неприятным чувством я развернулся на каблуках и уставился на угол, где стоял сундук фрейлейн Сары. В волнении я отказывался верить своим глазам и долго шарил в полумраке, пока не исчезли все сомнения – сундука на месте не было!

Как и почему она уехала? Ни с того ни с сего… Не попрощавшись со мной. Со мной, который…

Может, ее сундук перенесли в дом?

Я быстро пересек двор, вбежал на кухню и, не найдя там сундука, рванул дверь гостевой комнаты, но фрейлейн Сара испарилась. Испарилось все – ее платья, туфли, смех, аромат – от них не осталось и следа. В комнате пахло табаком и крепким спиртным. Поперек кровати лежал хозяин с бутылкой в руке и бормотал что-то себе под нос. Он шевельнул во рту табак и сплюнул на пол коричневую жвачку. Я отскочил в сторону, чтобы она не попала в меня, и негромко выругался, хозяин открыл водянистые глаза и грустно посмотрел на меня.

– Это *ты*, Петтер? Да, конечно, ты. – Он рыгнул и приложился к бутылке. Я вырвал у него бутылку, поставил его на ноги и потащил за собой во двор. У колодца я схватил хозяина за ворот и сунул головой в бадью с водой. Он отчаянно барахтался в холодной воде и пускал пузыри. Наконец я вытащил его из бадьи, он как сумасшедший хватал ртом воздух и махал руками, пытаясь меня ударить, тогда я снова окунул его в бадью и на этот раз подержал немного подольше. Его рука лихорадочно ухватила меня за бедро с такой силой, что я отпустил его, и он упал на бок, пыхтя и ловя ртом воздух. Выпученные глаза уставились на меня.

– Черт бы тебя побрал, ты здесь ведаешь и дорогой и переправой! – заорал я, отойдя от него подальше. – На тебе ямская станция, ты уважаемый человек в этих местах, а ты

валяешься среди бела дня и глушишь бренневин, как обычный… пропойца! – Гнев обжег мне горло, голос сорвался. Так опозорить хозяйку, так предать ее память!

Хозяин медленно поднялся на ноги, выпрямился. Неожиданно он протянул руку и железной хваткой схватил меня за подбородок.

– Ах ты, мерзавец! – прошипел он. – Да как ты смеешь так обращаться со своим хозяином? Надел господское платье, побывал в столице и задрал нос? Думаешь, ты лучше нас только потому, что приехал с благородными господами? – Он оттолкнул меня, и я отлетел назад. – Ты ничто, Петтер, еще большее ничто, чем раньше.

Откинув назад голову, он не спускал с меня налитых кровью глаз и что-то бормотал, потом одернул мокрую рубаху и пошел к двери.

– *Ты мой отец?*

Мой крик остановил его, он медленно повернулся ко мне.

– Петтер… – сказал он тихо и покачал головой, словно я был неразумным ребенком. – Я никогда не видел твою мать. Никогда, ни одним глазом! Бог миловал мою душу, но это одна из тех мелочей, которые радуют меня в этой жизни.

Когда он вошел в дом, я увидел, что нунций стоит на галерее дома и смотрит на нас.

Дождь все еще шел, невыразимо серый и беспросветный, такие дожди рождает только осень. Облака сливались с водой и окружавшим нас лесом, и вообще все вокруг было серое на сером, мокрое на мокром.

Нунций сидел на корме лодки, съежившись под суконным плащом хозяина и в его большой войлочной шляпе. Под ее полями его худое лицо казалось бледным, и мне не нравился его изучающий взгляд, который то и дело обращался на меня.

Я греб, чувствуя, что мои ладони давно отвыкли от такой работы, и старался думать о фрейлейн Саре. О ее смехе. О глазах. Почему она уехала? Почему не сказала мне ни слова? Заметила ли она, что я к ней неравнодушен? Это ли послужило причиной ее отъезда? Мне больше уже не хотелось узнавать, что было в ее сундуке… или в бутылке. Больше не хотелось… Почему юнкер Стиг уехал вместе с нею? Его слуга Герберт сказал, что камер-юнкер должен вернуться вечером. Ему не было надобности ее сопровождать! Это мог бы сделать и я. В конце концов он тоже отвечает за жизнь нунция, черт возьми! У носа лодки бурлила вода, я пыхтел от напряжения, от возложенной на меня тяжелой работы. На минуту я поднял весла, чтобы немного передохнуть, и снова продолжал грести.

Когда мы собирались уходить, Герберт вдруг вышел из комнаты юнкера, где он, по его словам, чинил одежду. Он сказал, что в качестве кучера с юнкером и фрейлейн поехал Олав. Нильс был в Фалкестене вместе с Рагнаром, арендатором из Эстре Олебаккен, там они с местными работниками поправляли дорогу к Новой церкви. Хозяин сказал, что Нильс пробудет там весь день, свое присутствие на этих работах хозяин не считал необходимым.

Но если хозяин никогда ее не видел?.. Может, моя мать Петрине жила в другом месте? Но почему я тогда маленьким оказался в Хорттене? И Сигварт ее знал? Он сам и сказал мне об этом. Я подавил крик, когда одно весло нечаянно вырвалось у меня из руки и я чуть не свалился с банки. Лодку немного развернуло, и я, сощурившись, искал в серой мгле знакомый ориентир. Наконец я увидел скалу на Лисьем Хвосте у нас за спиной, и справа – Лорт, маленький островок возле Лёвёйена, и взял верный курс.

Не нужно было мне возвращаться сюда. Нечего мне здесь делать. Все получилось не так, как я мечтал. Как представлял себе. Все как будто немного сдвинулось в сторону, чуть-чуть выступило из воды, было еще узнаваемым, но в то же время уже совершенно другим. Я

знал всех, и все знали, кто я, но как будто не узнавали меня. Я стал чужим. Четыре года отсутствия сделали меня чужим. Мне трудно было это понять.

Нунций пошевелился, заговорил и прервал мои мысли:

– Иисус сказал: Если вы простили кому-то их грехи, вы будете прощены. Если отказались простить, вы не будете прощены.

Эти слова медленно слетели с его губ, проплыли сквозь туман и поразили меня, как удар острого ножа, который искал пульс, чтобы пустить мне кровь. Нунций хотел бы видеть меня слабым и уступчивым. Его черные глаза горели как угли из-под полей войлочной шляпы. Я смотрел в туман. Не хотел его слушать, он был чужой, я не хотел, чтобы он проник в мои мысли, в мою душу. Убийца! Папист!

Мы уже почти доплыли, и я сосредоточился на том, чтобы направить лодку поперек течения. Вскоре киль царапнул камни, и я разглядел за деревьями маленькую церковь.

Нунций вышел из лодки, постоял минуту, глубоко вздохнул и наконец быстро направился к зданию. Я вытащил лодку на берег, привязал ее, для пущей безопасности положил на веревку большой камень и поспешил вслед за ним.

Он стоял в церкви и удивленно ее оглядывал. Смотрел на обшарпанные скамьи вдоль стен, на белую ткань, закрывавшую изображение перед алтарем, ткань была грязная и один ее конец погрызли мыши. Смотрел на каменные стены, холодные и влажные, на деревянную купель, прислоненную для устойчивости к одной из скамей, на фигуру Олава Святого с топором, стоявшую в нише, мохнатую от паутины и дохлых мух. Какое-то движение заставило нас обоих поднять глаза. Ласточка сделала круг и исчезла в отверстии между крышей и длинной стеной.

– У вас есть платок? – Нунций стоял со шляпой в руке. Он странно изменился. Я, пораженный, смотрел на него. Нечаянно моргнул. Лицо его светилось, щеки порозовели, глаза излучали тепло, он стал мягче, не таким суровым, торговец в нем умер и исчез, на узких губах появилась печальная улыбка, словно он смотрел на красивого новорожденного ребенка, понимая, что тот скоро умрет. Я неожиданно увидел его таким, каким он был на самом деле.

– К сожалению, нет, Ваше Высокопреосвященство, – прошептал я. Мне было страшно нарушить царившую в церкви тишину. Это была тишина самого Господа Бога, святая тишина.

Он подошел к алтарю, осторожно снял с изображения перед ним закрывавшую его ткань и снова отошел. Краем покрывала он стер пыль и птичий помет с маленькой железной чаши, одиноко стоявшей на подставке рядом с входом. Я не помнил этой чаши, удивился и гадал, для чего она предназначалась. Может, это новая церковная кружка для пожертвований вместо старой миски? Я до сих пор помнил, как торговец Туфт выгребал из нее деньги. Нунций пошарил у себя под плащом, вытащил сумку на ремне и открыл ее. Удивленными глазами я следил за тем, как он вынул маленькую бутылочку, поцеловал ее и благоговейно открыл пробку. Потом осторожно вылил в чашу половину содержимого. Я в растерянности не спускал с него глаз. Смочив кончики пальцев в жидкости, нунций сотворил крестное знамение и приложил кончики пальцев к своему лбу.

– *In nominee Patris, et Filii, et Spiritus Sancti*, – произнес он звучным певучим голосом. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. – Этот голос прокатился по всей маленькой церкви, прикоснулся ко всем предметам и ко всем фигурам, изображенным на картине, Олав Святой в нише выпрямился. Я тоже невольно выпрямился, пауки в углах, жучки в скамьях, мухи – все замерли и слушали нунция.

С бутылкой в руке нунций ходил от стены к стене, брызгал из бутылки на каменные стены и произносил по-латыни:

– …привел он меня обратно к дверям храма, и вот из-под порога храма течет вода на восток… – Его чистый голос красиво звучал в церковном пространстве, и меня начало трясти. – И всякое, живущее существо, пресмыкающееся там, где войдут две струи… сделаются здоровыми… Аллилуйя, аллилуйя!

Он дошел до алтаря, остановился на низких каменных ступенях, побрызгал из бутылки на каменный стол и наконец обернулся ко мне. Поднял глаза к потолку, но ничего не сказал. И воздел руки в молитве.

И тут произошло то, что потом я счел предназначенным только для меня. Солнечный лучик, словно живое существо, наделенное собственной волей, нашел путь, отыскал ничтожный просвет в низких тучах, пробежал мимо камней и скал возле церкви, скользнул между тяжелыми от дождя ветвями деревьев и наконец заглянул через среднее окно в церковь, где он упал на роспись и осветил ее образы. Это длилось одно мгновение, даже меньше, и было так мимолетно, словно этого и не было, но я успел все увидеть. Я увидел женщину, Деву Марию, сидевшую с младенцем на руках, она была исполнена гордости за своего сына, и она смотрела на меня. Это длилось короче, чем один удар сердца, но в то светлое мгновение она смотрела на меня!

Нунций этого не заметил, он не принимал в этом участия и ничего об этом не знал. Это произошло за пределами его мира.

– Аллилуйя, – тихо сказал я и вышел из церкви.

Дождь превратился в изморось, но тучи по-прежнему висели над землей плотной серой массой, даже на юго-востоке, где пряталось утреннее солнце.

– Она хотела мне что-то сказать, – пробормотал я в замешательстве. – Дева Мария смотрела на меня, она хотела мне что-то сказать. – Как и на Люндёёйене несколько лет назад, когда мы были в Ютландии.

Я спустился на берег, ополоснул лицо и, присев на корточки, оглядел бухту. Потом проверил, надежно ли привязана лодка, и наконец вернулся к церкви и сел под развесистым дубом, под которым земля была совершенно сухая. Что она хотела сказать мне?

В ветвях копошились мелкие птахи, с листьев на меня падали капли, но вообще все было тихо, почти мрачно. И я вдруг с удивлением подумал, что этот остров всегда был местом, где, как говорится, все было или – или.

Или здесь никого не было, словно людей вообще не существовало, как, например, сегодня и вообще большую часть года. Или в середине лета на него обрушивался прибой человеческой жизни с ее молитвами и слезами, которые смешивались с пением псалмов и возносимыми к Творцу молитвами. Позже, когда источник Олава Святого стал творить чудеса, исцеляя больных людей, очищать их от греха и скверны, здесь звучало громкое пение псалмов и крики "аллилуйя". Постепенно пиво и бренневин потеснили флюиды Олава Святого, и мы услышали старые песни, часто более смелого содержания, особенно с наступлением ночи, по-прежнему под аккомпанемент плача тех, кому не удалось очиститься, и невнятного рева выпивших. На другой день люди исчезали, а с ними и многие звуки, и остров снова был предоставлен самому себе, деревьям, птицам, косулям, дождю, стекавшему по скалам. Тишине самой природы.

Иногда я пробирался через остров к Разбойничьей пещере – не настоящей – и собирал на скалах птичьи яйца. Несколько раз я собирал их вместе с Нильсом. Потом мы разводили костер, пекли яйца на плоском камне и наслаждались одиночеством, недоступные глазу хозяина.

А порой, когда мы возили товары, нас сюда загоняла непогода, именно так я впервые встретил Томаса Буберга. Ветер и волнение на море грозили унести нас на север за цепь островов, закрывавших внутреннюю бухту, мы были вынуждены искать укрытия и пристать к берегу.

Я достал новый нож, лоскут кожи и начал оборачивать ею ручку.

Святая вода. У нунция в бутылке была святая вода! Этой водой паписты кропят, чтобы очистить от греха и благословить все, чего она коснется. Эту святую воду он повсюду носил с собой. Как это раньше не пришло мне в голову? Я вытащил из ножен мой старый нож, чтобы продолжить обстругивать ручку. Значит ли это, что нунций чист от греха и вины, что он благословил Юстесена, а вовсе не убил его? Значит ли это, что моей шее не угрожает никакая опасность? Мне очень хотелось думать, что все так и есть, но верить этому я боялся. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Однако, если это все-таки так, тут же возникает другой вопрос: кто, в таком случае, отравил Халвора Юстесена?

Я знал, что Томас сказал бы мне на это:

"Человек не должен уходить от ответственности. То, что он знает, он знает. И должен действовать, исходя из этого".

Так сказал бы Томас. Но Томаса здесь не было.

Кожаный лоскут соскользнул с ручки, я чуть не порезался, а потому размотал его. С одной стороны его края по всей длине были сшиты кожаным шнуром. Юнкер Стиг посоветовал мне разрезать шнур и расправить лоскут, когда я буду обматывать им нож. Точно, тогда держать его было бы намного удобнее. Нехотя я признался, что это хорошая мысль, и начал вытаскивать шнурок из дырочек, в которые он был продернут. С каждой дырочкой выдергивать шнур становилось все легче, он легко поддавался, я помогал себе ножом, и все шло само собой. Пальцы работали, а я следил глазами за полетом ласточек над морем, наконец я отрезал часть шнура и сложенный вдвое кожаный лоскут немного приоткрылся, я положил его на землю, приоткрыл больше и увидел какие-то буквы… Я смотрел на воду и…

Буквы!

Мои пальцы замерли, а глаза впились в лежавшую на земле полоску кожи. Она снова сложилась и во влажной траве была похожа на маленькую змейку. Наморщив лоб, я поднял ее и развернул. И от удивления разинул рот. Буквы. Цифры. Волнуясь, я начал выдергивать остаток шнура как сумасшедший, резал его, если он закручивался, наконец я развернул лоскут, расправил и уставился на него. Внутри он весь был покрыт буквами, среди них попалось и несколько цифр. На обеих половинках.

Я прочитал до конца левую строчку и начал читать сверху правую.

Какая-то галиматья. Я ничего не понял. Меня затошнило, мне пришлось встать и постоять, согнувшись, пока не улегся бушевавший у меня в голове смерч. Отравленный Халвор Юстесен держал в руке какой-то шифр! Единственное, что я понял из этих букв, что это зашифрованное письмо.

Для одного утра новостей было слишком много. Мой мозг не мог все это переварить. Неожиданно на меня свалилось слишком много сведений, но я не знал, как ими воспользоваться. У меня защипало в горле, и мне захотелось плакать. Я был готов упасть на колени и молить Бога, чтобы Он прислал сюда Томаса Буберга так быстро, как его сможет донести лошадь, но вместо этого я в каком-то помрачении спустился к воде и прошелся под дождем, пытаясь выкинуть все из головы. Все, что знал и помнил.

Как будто должен был начать все сначала – с убийства, с влюбленности, с детства, с жизни. Все – с первого дня.

Хватит ли у меня на это сил?

Глава 16

Когда я вернулся, нунций стоял в дверях церкви, я достал из лодки корзину с едой и поднялся к нему.

– Рассказывай! – сказал он.

– Простите? – Я растерялся. – Что я должен вам рассказать?

– О церкви, о фронтале. Все.

– Что такое фронталь?

– Изображение перед алтарем, там корабль и…

– А-а, картина!

Нунций сердито посмотрел на меня, потом вздохнул про себя, очевидно, смиряясь с моим невежеством.

– Ну да, "картина". Там еще изображен корабль, что это означает?

Фронталь, вот, значит, как называется плита с написанным на ней кораблем, передняя часть алтаря, – фронталь… а я-то думал, что это латинское слово, обозначающее украшение, которое надевают на лоб лошади. Я попытался представить себе этот фронталь. На нем было пять изображений, одно большое в середине – Христос на кресте, вверху слева – Дева Мария с младенцем, справа – Олав Святой на троне, внизу слева – корабль, терпящий бедствие, а справа – маленькая церковь.

– Что означает этот корабль?

Конечно, я знал, что означает это изображение, потому что много раз слышал эту историю, наверное, каждое лето, с тех пор как научился ходить.

– Очень давно, говорят, что это случилось много-много лет назад, – начал я, – у нас во фьорде один корабль попал в сильный шторм. У него сорвало парус, весла разломились, как щепки, а когда большая волна сломала и руль, капитан и все его люди поняли, что дело идет к гибели корабля и к их верной смерти. Они упали на колени и стали молиться Богу, и капитан обещал, что, если они доберутся до берега живыми, он построит церковь на том месте, где его нога ступит на твердую землю. И все его люди слышали это и обещали, что они тоже внесут свою лепту в строительство церкви, если только переживут этот шторм. – Я показал нунцию на бухту. – Говорят, что шторм пронес их между островами прямо во внутреннюю бухту, сюда, в самое лучшее укрытие от бури во всем Осло-фьорде. Ни люди, ни груз с этого корабля не пострадали. И еще до того, как корабль пошел дальше, команда построила церковь в честь Олава Святого.

– А почему именно в честь Олава Святого? – в голосе нунция звучала не обида, а только удивление.

– Идите за мной, – сказал я и вышел под дождь. Я привел его к колодцу. – Это источник Олава Святого. Он всегда был здесь, всегда, говорят, что с самого сотворения земли, и всегда оказывал чудотворное действие на людей, страдающих от недугов или врожденных пороков. Каждый год к этому источнику приходят сотни людей, они исцеляются и возвращаются домой со здоровыми руками и ногами, чистой от волдырей кожей и здоровой душой. – Я чувствовал, что немного преувеличиваю, но пусть этот чужеземец не думает, что только в других странах есть святые и их мощи, обладающие чудодейственной силой. – Вода источника обладает целебной силой, особенно в день Иоанна Крестителя и в Благовещение, и многие люди исцелились этой водой. В эти дни в церкви всегда служат литургию, люди жертвуют деньги на церковь, и, когда торговец Туфт подсчитывает пожертвования, их всегда оказывается достаточно для содержания церкви в таком состоянии, чтобы она пережила зиму и дотянула до следующего лета.

Я гордо заглянул в колодец, там внизу звенели капли дождя, разбиваясь о поверхность воды, они стерли мое отражение.

– *Festum nativitatis Johannis Baptistae et Visitatio Mariae*. – Нунций вполголоса повторил по-латыни мои слова. Потом он схватил веревку, опустил в колодец деревянную бадейку, со счастливым удивлением следя, как она наполняется, и наконец быстро вытащил ее из

колодца. Смахнув с воды упавшие в нее осенние листья и насекомых, он что-то проговорил, благоговейно склонился к бадейке, опустил в воду руку и мокрой рукой провел по лицу. – Хвала Тебе, Господи, через сестру воду. Насколько она полезна, настолько же она драгоценна и чиста. – Он схлебнул с ладони остатки воды, но не проглотил ее сразу, а постоял с закрытыми глазами, исполненный блаженства.

Я смотрел на воду. Когда я мысленно вспоминаю прошлое, я понимаю, что бывал на Лёвёйене каждый год и видел, как сотни людей пили из этого источника. Но никогда, ни единого раза, не пил эту воду сам. Это открытие поразило меня. Неужели за всю мою недолгую жизнь мне ни разу не потребовалось от чего-нибудь исцелиться? Неужели я всегда был здоров и никогда не болел? Кто знает, во всяком случае, стоя там, я не мог припомнить ни одной своей болезни. Я все еще держал руку в воде, изображение руки преломилось, вода была холодная, потом я сложил ладонь горстью и медленно вынул из бадейки. Вода потекла мне в рукав, я поднес ладонь ко рту и вытянул губы, чтобы попробовать воду, но в глазах у меня потемнело, рука вдруг бессильно задрожала, словно ноша оказалась слишком тяжела для нее… и вода вылилась обратно в бадейку. Я быстро наклонился, чтобы слизнуть последние капли, но их едва хватило, чтобы смочить язык и губы. Я сердито встряхнул изменившую мне руку и обернулся.

– Кто такой торговец Туфт? – спросил нунций, он обнял меня за плечи и повел обратно к церкви. – И что он считал?

Мы остановились в дверях и заглянули в церковь.

– Он считал деньги, опущенные в “болванку”, – ответил я наконец. – Так у нас называли миску, в которую люди клали пожертвования. Она стояла у двери. Торговец Туфт всегда считал пожертвованные деньги и говорил, на что их следует истратить. Он хранил у себя также чашу, распятие и, может, еще что-нибудь, не знаю.

– У него был и табернакель?

– Какой табер?..

– Скиния, в которой хранится гостия, тело Христово… – со вздохом объяснил мне нунций и убрал руку.

– А-а-а, хлеб, нет этого, по-моему, у нас не было. Я об этом никогда не слышал.

– И он каждый раз приносил распятие и все эти вещи, когда здесь бывала служба? Разве не удобнее было бы хранить их у пастора?

Я с удивлением взглянул на него:

– У нас не было пасторов. Думаю, они даже не знали о существовании нашей церкви. Туфт говорил, что так даже лучше, тогда никому не придет в голову чистить колодец или убирать статую Олава Святого.

Теперь удивился нунций, он помолчал, глядя вдаль, а потом спросил:

– А где живет этот Туфт, в одной из местных усадеб?

– Нет. Он живет в Тёнсберге. Там все знают Тругельса Гулликсена Туфта. У него есть своя шхуна, которая ходит с бревнами в Голландию и в Англию. Он хорошо обеспечен и…

Я замолчал. На губах нунция появилась горькая улыбка, она не скрывала его мыслей.

– Нет, – гневно сказал я. – Туфт никогда не стал бы красть деньги из церковной кассы. Он всегда считал их на глазах у людей, записывал полученную сумму и говорил, на что эти деньги должны быть израсходованы. Он богобоязненный человек и сам каждый год жертвует на церковь крупную сумму.

Нунций промолчал, но его улыбка медленно погасла. Я вдруг испугался, что он может пойти к церковному инспектору и рассказать о нашей церкви. Это никому не пошло бы на пользу.

– Может, мы поедим? – предложил я, и мы расположились под деревом, где я распаковал нашу корзинку. – Много лет назад здесь, на Лёвёйене, жили разбойники, – сказал я, чтобы перевести разговор на другую тему, и откусил кусок хлеба. Я махнул рукой в сторону северо-запада. Мне показалось, что нунций слушает с интересом, и я продолжал: – Двенадцать человек жили тут в пещере на другой стороне острова. Они грабили и крали в нашем лене, но ленсман никак не мог ни поймать их, ни найти их убежище. Вскоре они решили, что им нужна женщина, которая прибирала бы у них в пещере, и похитили служанку из усадьбы Фалкенстен.

Куском сыра я показал в другую сторону.

– Фалкенстен – большая усадьба в четверти мили отсюда. – Я немного поел и продолжал: – На усадьбе никто не знал, куда пропала девушка, в то время как она теперь надрывалась, убирая пещеру разбойников. Через некоторое время разбойники потребовали, чтобы она пошла в селение и купила им соли, крупы и еще чего-то. Но сначала они заставили ее дать страшную клятву, что она ни одному человеку не расскажет, где они скрываются, и что вернется к ним обратно. Девушка пошла в селение, купила крупы и всего, что было нужно; жители селения были удивлены тем, что она вдруг вернулась, и захотели узнать, где она была все это время. Девушка сказала, что дала клятву не говорить этого ни одной живой душе. Но, сказала она, никто не запрещает ей сказать это козе. Она подошла к привязанной недалеко козе, и люди пошли вместе с ней. Девушка все рассказала козе о разбойниках – сколько их и где находится их пещера. Но эта пещера хорошо защищена и труднодоступна, сказала девушка козе, а потому она проткнет дырку в мешке с крупой, и любой, кто захочет, сможет найти туда дорогу.

Жители селения вооружились вилами и топорами и – благодаря этой крупе – нашли тайную тропинку, которая вела к пещере разбойников. Пещера находилась высоко на крутом склоне горы, обращенном к морю, и подобраться туда, не будучи замеченными разбойниками, было почти невозможно. Однако ночью крестьяне все-таки сумели напасть на разбойников, они схватили всех, кроме главаря, который неистово защищался, пробился к краю уступа и спрыгнул в море. На бегу он хотел прихватить с собой и девушку, которая, как он понял, их выдала; ей удалось отпрыгнуть в сторону и спрятаться в темноте, но он заметил ее белую шапку, схватил девушку и прыгнул с нею с обрыва в бурлящие волны. Жители селения спустились с горы и нашли девушку, ее прибило к берегу и она еле дышала, они пытались спасти ее, но безуспешно. Тогда они все упали на колени и стали молиться Господу Иисусу Христу, чтобы Он вернул ее к жизни, ведь она спасла от разбойников все селение. – Я выпил немного воды. – Говорят, что Иисус Христос показался им, Он шел в бухте по воде. Христос поднял руку, и девушка ожила и встала. Люди хотели поблагодарить Господа, но, когда они посмотрели на воду, там никого не было.

Нунций кивнул, он ел, глядя на церковь. Я пригладил волосы.

– С тех пор многие женщины в этих краях носят черные шапки. Их труднее заметить в темноте, чем белые. Так спокойнее, на случай, если здесь снова появятся разбойники.

– А главарь разбойников?.. Он утонул?

– Этого никто не знает. Его так и не нашли.

После еды мы вернулись в церковь. Нунций достал покрывало, положил его на алтарь и стал заворачивать в него стоявшее там свое распятие. Я расправил большое покрывало и закрыл картину, то есть фронталь, теперь Дева Мария, Иисус Христос и Олав Святой были укрыты от пыли и зимней стужи.

– Кто это? – Я показал на картину нунция, на которой был изображен коленопреклоненный бородатый человек, эту картину я видел у него еще в усадьбе.

Нунций взял новое покрывало и осторожно положил на него картину.

– Это Папа Климент Одиннадцатый, наместник Бога на земле, – сказал он с елейным уважением в голосе. Закутанный в покрывало коленопреклоненный Папа скрылся в саквояже нунция. Когда нунций уже закрывал его, я увидел там пустую бутылку из-под святой воды, рядом с ней лежала еще одна бутылка, почти доверху наполненная прозрачной жидкостью, она не была похожа на бутылку со святой водой, зато очень походила на ту, которую я видел через окно во Фредрикстаде. Они были похожи как две капли воды.

От весел у меня саднило ладони, спина болела, но я не думал о боли. Думал о нунции. Он сказал, что должен написать отчет о стране и о короле. Внешнеполитические переговоры, сказал Томас. А также торговые договоренности, сказал нунций. Убийство, говорило что-то во мне… раз за разом.

Миссия торговца была только ширмой, это мне было ясно. Но, может, и первые две причины тоже были только предлогом для поездки нунция в Норвегию… и, возможно, вообще в Данию? Что же, в таком случае, было настоящей причиной его визита?

Даже здесь, окруженный со всех сторон водой и туманом, здесь, где ничего не смущало мой взгляд, я не мог думать ясно. Слишком многое отвлекало меня: матушка Петрине, какое преступление она могла совершить против Христа, отъезд фрейлейн Сары, Нильс, который не хотел со мной разговаривать, смерть хозяйки Хорттена, поведение и отсутствие Томаса, бутылка нунция, зашифрованная надпись на коже, слова хозяина… – все это, словно молотом, било меня по голове. Множество вопросов требовали ответа, требовали, чтобы я думал и рассуждал логически, требовали дедукции, требовали, чтобы я шел от общего к частному… И всего этого было слишком много.

Глава 17

Нунция интересовало все. Какая церковь к нам ближе всего? Он хотел увидеть действующую церковь, а не только древнюю и забытую, и, если возможно, познакомиться с пастором. А мне больше всего хотелось лечь, я сказал ему, что идет дождь, напомнил о его инкогнито и, главное, что у нас нет лошади.

– Скажи им, что ты пришел от меня, и они дадут тебе лошадь Сигурда с Берега, – услужливо вмешался хозяин, услышав, в чем дело. Я наградил его убийственным взглядом. Нунций поинтересовался, что сказал хозяин, и мне пришлось объяснить, что речь идет о Сигурде Муене, живущем на Южном Берегу. У Сигурда есть старая кляча, которая, по мнению хозяина, с грехом пополам довезет нас до церкви в Бёрре, но едва ли мы сможем на ней же вернуться домой, сквозь зубы объяснил я. Нунций сказал, что ему нравится эта мысль. Фантазия Бога необъятна, считал он, и уж Он-то позаботится, чтобы мы как-нибудь вернулись домой, если лошадь нам изменит.

Хозяин сидел на кухне и рылся в бумагах и счетах. Он хотел выкроить деньги на церковную корову, ибо считал, что усадьбе она необходима, так он объяснил нам и почесал голову, поросшую редкими волосами.

Видно, после смерти хозяйки никто не искал у него в голове. Но он промолчал.

Юнкер Стиг еще не вернулся, и я, проходя мимо его комнаты, увидел там Герберта, погруженного в чтение какой-то книги. Он как будто даже не заметил меня. У меня перед глазами мелькнуло название *Pia Desideria – Благие пожелания,* и я удивился, что простой слуга, пусть даже придворный, читает по-латыни.

Я надел седло на верховую лошадь хозяина и вывел ее во двор. Оказавшись под дождем, она встряхнула гривой и обошла лужу. Нунций был уже готов, и я помог ему сесть в седло, сказав, что буду идти рядом и следить, чтобы лошадь чего-нибудь не выкинула. В эту минуту я заметил в дверях хозяина, он поманил меня к себе. Видно, хотел мне что-то сказать.

Нунций лихорадочно вцепился в поводья, когда я сказал ему, что сейчас вернусь, и пошел к дверям.

– Гм-м, э-э-э… – Хозяин смущенно смотрел на дождь, я испугался, что он вспомнит утреннюю размолвку, и уже собрался прервать его, но он предостерегающе поднял руку: – Послушай, Петтер, я знаю, что таких благородных спутников, как у тебя, здесь у нас еще не было… но… – Я затаил дыхание, чувствуя, что не выдержу еще какой-нибудь запутанной истории. Он покосился на галерею вокруг дома, потом на нунция и продолжал: – Но, понимаешь… у нас пропало несколько кругов копченой колбасы… – Он почесал заросший щетиной подбородок и поднял глаза. – Ясное дело, я мог ошибиться при счете… но думаю…

Копченая колбаса!

Я подавил смех и сказал, что я, безусловно, заплачу ему за эту колбасу перед отъездом. Хозяин с облегчением улыбнулся и пошел обратно к своим счетам.

Копченая колбаса. Если бы мои вопросы ограничивались только пропавшими кругами колбасы!..

Когда я немного спустя вел лошадь нунция через лес, мне пришлось объяснить ему, что церковная корова – собственность церкви, и люди, берущие ее во временное пользование, платят за это полторы марки в год.

– А не проще ли купить собственную корову? – спросил нунций.

– Может быть, и проще. – Я ускорил шаг, чтобы не отстать от нунция. – Но, говорят, что церковные коровы приносят счастье и изгоняют из хлева черта.

Нунций улыбнулся, но промолчал.

Сигурд Муен нехотя дал нам свою клячу, он собирался сам куда-то ехать, но решил, что обойдется, когда я сунул ему в руку лишнюю марку. Приятно, когда можешь быть щедрым… тем более если расплачиваешься не своими деньгами, цинично подумал я. Вскоре мы уже ехали под проливным дождем, нунций подпрыгивал на ухабах, и даже у меня заболела задница смотреть на это.

Тучи висели так низко, что я не видел во фьорде остров Бастёйен. Там тоже было гнездо разбойников, подумал я. Но мне не хотелось говорить об этом посланцу Папы. Голова у меня словно распухла и стала слишком большой и в то же время слишком маленькой, и пустой и полной, тупая боль постепенно усиливалась и давила мне на глаза. Остаток пути, пока белое здание церкви не вынырнуло из серой мглы, мы молчали. Я уже очень давно здесь не был. А был ли я здесь когда-нибудь вместе со своей матерью?

"…изливается на вас для прощения грехов". Я неожиданно вспомнил эти слова из малого катехизиса, и у меня перехватило дыхание. Это говорилось о теле и крови Христовой, об обряде причащения, о хлебе и вине. "Теологический факультет университета оправдывает мать, – с волнением подумал я. – Мне больше не надо об этом думать…" – Если спрятать алтарный хлеб… – воскликнул я и неожиданно остановился посреди дороги. Нунций оглянулся на меня, спокойно повернул лошадь и подъехал ко мне. Не двигался в седле и ждал. – Если его прячут и позволяют телу Христову действовать вне таинства… то есть не через рот…

Нунций ждал продолжения фразы, но я никак не мог облечь свою мысль в более понятную форму, не понимая, что выдаю тайну, которая была у меня с моей… Об этом знали только она и я.

– Старый отец церкви Тертулиан, – мягко сказал нунций дей Конти, глядя мне в лицо, – рассказывал, как одному священнику в давние времена пришлось совершить определенные ритуалы, чтобы крошки хлеба не падали на пол, дабы тело Христово не пострадало. Он полагал, что даже ничтожная крошка хлеба вмещает в себя всего Христа. В церковных кругах до сих пор спорят об этом. Мы недалеко ушли от того времени, когда обсуждался вопрос, что

делать, если человека вырвало после того, как он принял святое причастие, или собака или мышь случайно съели тело Христово. На соборе в Констанце обсуждался вопрос, что делать, если человек капнул на бороду “кровь Христову”. Сжечь бороду или всего человека? – По лицу нунция скользнула мимолетная улыбка. – Насколько мне известно, ни разу никого не сожгли за то, что во время причастия вино капнуло ему на бороду, но это показывает, насколько серьезно мы относимся к телу и крови Христовой. Иисус говорит в Евангелии от Иоанна, глава шестая, стих пятьдесят четвертый, что “Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день”. Эти слова невозможно иначе истолковать или извратить. – Он помолчал. – Надеюсь, я ответил на ваши сомнения, господин Хорттен?

Я отвернулся, у меня перехватило горло, а потом просто кивнул, и мы поехали, чтобы привязать лошадь к церковной ограде.

Дверь в церковь была заперта, и я пошел к пастору за ключом. К моему удивлению, когда меня провели в гостиную, на стуле сидел вовсе не пастор Глоструп. Новый пастор представился мне и принес ключи. Я взял их, но медлил и не уходил.

– Скажите… может быть, вы знаете, где и кто из прихожан здесь похоронен? – спросил я, сжимая ключи.

Этого новый пастор не знал, но пастор Глоструп живет в соседней усадьбе, может, он…

Я открыл церковь для нунция, ввел его в притвор, сказал, что должен отлучиться по делу, и вышел. Позорный столб стоял у входа в церковь и злобно смотрел на всех проходящих мимо. Я подошел к нему, быстро огляделся и пнул его ногой, а потом пошел в соседнюю усадьбу.

Старый Глоструп весьма удивился, когда я вошел к нему, наконец, близоруко прищурившись, положил руку мне на плечо и засмеялся:

– Какая неожиданность, маленький Петтер! Я даже не признал тебя с первого взгляда. Ты так вырос, такой нарядный! – Дышал он с трудом, в груди у него что-то скрипело и свистело.

Он пожелал узнать, чем я занимаюсь вдали от дома, и я рассказал ему о профессоре Томасе, о своей работе у него в качестве секретаря и о том, что сдал экзамен за теологический факультет. Старый Глоструп удовлетворенно кивнул, сказал, что с моей стороны это очень разумно, хотя он никогда даже не подозревал, что в маленьком Петтере скрывается будущий служитель церкви. Глаза у него сверкнули.

– Я тоже. Я хотел изучать законы или, возможно, историю, – сказал я.

– Да-да, история… – Пастор достал из ящика стола длинную трубку. – Изучая прошлое, можно узнать много чрезвычайно интересного.

Я счел, что наступил удобный момент, и спросил:

– Вы, наверное, знаете, где на кладбище покоятся люди из нашего прихода?

Глоструп взглянул на меня, словно хотел что-то спросить, но вместо этого вышел на кухню, чтобы разжечь трубку. Вернувшись, он сел и долго пыхтел, раскуривая ее, наконец с удовлетворением кивнул и откинулся в кресле.

– Хочешь узнать, где ее могила? – спросил он, обращаясь скорее к себе, чем ко мне. Потом выдохнул дым и сильно закашлялся. Я не знал, что хуже, этот кашель или непрерывный свист у него в груди. – Почему? – спросил он.

Я был готов к этому вопросу.

– Потому что она – моя мать. Я хочу знать, где она покоится. Разве это так странно?

– Нет… нет, конечно, не странно, – буркнул пастор в трубку и поднял голову. – Что ты помнишь?

– Помню? Что вы имеете в виду?

– Что ты помнишь о том времени… когда она умерла?

Я медленно покачал головой.

– Ничего. – Я встал со стула, подошел к окну и взглянул на фьорд. – Мое детство похоже на остров Бастёйен в такую погоду, как сегодня. Я знаю, что он есть где-то там, в тумане, но я не вижу его.

– Я не знал твою мать, Петтер, – сказал пастор у меня за спиной. – Она не часто бывала в церкви, вообще не часто показывалась среди людей. – Он сильно закашлялся. – Но она была хорошая мать, заботилась о тебе и желала тебе добра, это ты должен помнить.

Откуда он это взял, если не знал ее?

– Как она умерла?

Пастор встал:

– Мне надо вернуться к моей работе, я собираю все свои проповеди в одну книгу для тех, кто нуждается в слове Божием вне стен церкви.

Я стоял, опустив голову.

– Пастор, – нерешительно сказал я. – У меня есть один вопрос… если только… – Я поднял на него глаза, и он почти незаметно кивнул мне. Я опять уперся глазами в пол, стараясь найти нужные слова под стульями или за дверью. Робко кашлянул. – Если… если человек спрячет алтарный хлеб и будет ждать, что он подействует… вне стен церкви… если съест его не сразу?..

Он понял, что меня волнует, кивнул, пососал трубку и отложил ее – она уже погасла.

– Мартин Лютер где-то сказал, что если отделить Слово от элементов и посмотреть на них вне Слова, они будут всего лишь обычным хлебом и вином. Но если при этом будет Слово, они в силу этого Слова, несомненно, будут телом и кровью Христовой. То есть Лютер считал, что вера превращает хлеб в тело Христово, человек принимает и ест тело Христово. Если же ты его не съел, но забрал с собой и вынес из Дома Божия, он перестанет быть телом Христовым, а будет лишь кусочком хлеба или печенья. – Пастор Глоструп серьезно поглядел на меня: – Если же хлеб все-таки обладает известной силой, ибо находился в Доме Божием и был освящен, тогда… все возможно. Пути Господни неисповедимы, – задумчиво сказал он, словно в этих словах содержались новые мысли, и он радовался, постигнув их глубину.

– Спасибо, – пробормотал я, чувствуя тепло во всем теле. Мне уже не казалось, что на каждом плече у меня лежит по мешку с зерном.

Он обнял меня за плечи и подвел к двери.

– Ты найдешь ее под деревьями к востоку от церкви, возле ограды. Деревянный крест. – Он пожал мне руку. – Ступай с Богом, дорогой Петтер, – сказал пастор и закрыл за мной дверь.

Крест стоял к востоку от церкви, под деревьями, у ограды. Все было так, как сказал пастор. Спрятанный в углу, скрытый тенью, вдали от церкви, насколько это было возможно в пределах кладбищенской ограды. Я достал нож и обрезал ветви, чтобы они не скрывали крест. Он позеленел от старости, стоял криво, я едва решился прикоснуться к нему, опасаясь, что он вообще упадет. На кресте было что-то написано, я осторожно поскреб его ножом. Мне медленно открылись две буквы и несколько цифр. И крест.

П О

† 1689

1689. Нож выпал у меня из руки, но я этого даже не заметил, и заморгал, чтобы лучше видеть. 1689! Моя мать умерла в 1689 году! Я с недоверием смотрел на эти цифры, считал в уме, но… Мне тогда было уже восемь лет! Я был уже не маленький мальчик, которого держат на руках, я был уже большой и должен был помнить.

Я долго сидел и смотрел на крест, на цифры и пытался увидеть в них что-то другое, пытался заставить их что-то мне рассказать, пытался вспомнить то, что знал восьмилетний ребенок, но мне это не удалось.

Глава 18

Когда я вернулся к церкви, возле нее стояла незнакомая лошадь, я вошел внутрь и слева под галереей увидел какого-то торговца, согнувшегося в глубокой молитве. Нунций стоял перед большим изображением возле кафедры проповедника.

Я беззвучно опустился на ближайшую скамью, скинул с плеч плащ и постарался расслабиться. Мне всегда нравилась церковь в Бёрре. Ее белые, покрытые известью стены как будто увеличивали пространство, делали его внушительным, а запрестольный образ обладал красотой, согревающей своим теплом всю церковь. Многие годы этот образ будоражил мою безудержную мальчишескую фантазию, и, пока пастор читал проповедь или катехизис, я сочинял сказки, в которых действовали эти почти живые фигуры. Галерея – это уже новшество, подумал я, глядя на колонны, несущие низкий потолок. Верующим потребовалось больше места, хотя и так почти все пространство занимали скамьи. На алтаре сверкала новая, до блеска начищенная серебряная чаша. С потолка свисала новая ветвистая люстра. Наверное, приход разжился деньгами.

Нунций оглянулся, обнаружил меня и жестом подозвал к себе.

– Переведите, пожалуйста, этот текст, – попросил он и показал на “Видение короля”.

Я прочитал текст:

Сей образ презрения и страстей, коим Спаситель наш Иисус Христос подвергся нас ради и кои претерпел, явился мне в восьмой день декабря рано утром в доме Русенбурга, и я вознес Богу молитву о милости к Евангелической церкви.

Христиан Четвертый. Милостью Божией повелитель Дании. А также король Норвегии.

Я перевел ему это на немецкий.

– Значит, королю Христиану Четвертому во время утренней молитвы было видение и после того он написал эту картину?

– Да, он увидел, сколько презрения и страданий претерпел Иисус Христос ради нас.

У нунция в уголках губ притаилась улыбка.

– Иными словами, вы срывали и сжигали изображения святых, людей, которые отдали свою жизнь за Бога, но выделили место в Доме Божием для видения светского князя, короля, только потому, что он увидел то, что увидел бы каждый христианин, ведущий жизнь в молитвах и самоограничении?

Нунций настроился на диспут, но я был к этому не готов, сейчас я был не в силах спорить о чем-либо. Королевские слова рябили у меня перед глазами, в голове все смешалось: позорный столб, сгнивший деревянный крест, 1689 год…

– Ваш король хотел конкурировать с Сыном Божиим? – В голосе нунция послышалась колкость. Этому архиепископу была открыта истина. Как священнослужитель он умел поставить на место студента вместе с его верой, осмеять ее.

Расстояние, надо сохранять расстояние между нами. Нунций стоял так близко, что мне стало трудно дышать. В замешательстве я стал пробираться между рядами скамеек и наконец сел. Сидел, уставившись в пол под ногами, когда у меня в голове неожиданно возникли знакомые слова – примерно такие слова: *Вы придумали называть Папу, епископов, пасторов и монахов религиозным сословием, духовным сословием, тогда как князья, дворяне, ремесленники и крестьяне называются мирским сословием. Странная фантазия и мираж! Но пусть вас это не пугает!..*

Пусть вас это не пугает!!! – сказал Лютер. Его слова означали, что ни один пастор или епископ не может считаться более истинным христианином, чем крестьянин или бедный студент. Все христиане религиозны, все они обладают одинаковым статусом и достоинством. Просто они исполняют разные функции.

Духовное сословие – мираж! Не надо его бояться! Я сидел, собираясь с мыслями, собираясь с силами.

– Иисус Христос говорит, – начал я и глубоко вздохнул. – Иисус Христос говорит, что удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие! Но вы… вы позволяете богатым покупать отпущение грехов. А что делать бедным, тем, у которых нет денег, которым едва хватает на кусок хлеба? Неужели они должны выбирать между едой и спасением, тогда как богатые получают и то и другое? – У меня испуганно застучало сердце, когда мое последнее слово долетело до посланца Папы.

Я услышал, как Томас сказал: "Хорошо!" – и увидел, как он одобрительно кивнул мне. Ему нравились такие аргументы.

Нунций сдержанно улыбнулся:

– Человек может допустить ошибку, и ее вредоносное действие распространится, подобно кругам на воде, коснется его и других, принесет вред надолго. Даже после того, как человек уже давно искренне раскаялся и получил отпущение грехов. Наказание Божие может карать одно поколение за другим. Но Господь милостив. Он дал церкви и святому сообществу возможность миловать людей от его имени, давать отпущение грехов. Вспомните, как раскаялся царь Давид после того, как вошел к Вирсавии: "Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. Не отвергни меня от лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отними от меня… Научу беззаконных путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся". Бог видит, что раскаявшийся грешник равноценен тому, кто никогда не грешил. – Нунций кашлянул. – Было время, я должен это признать, когда богатым было легко купить себе отпущение грехов, но это было очень давно.

– Сто пятьдесят лет назад, – сказал я. – Тридентский собор[6]. Это все начал Лютер.

"Молодец", – снова шепнул Томас.

– Как я понимаю, профессора хорошо вас учили. – Нунций кивнул. – Лютер открыл глаза на некоторые… не очень красивые вещи.

– Например, на то, что Католическая Церковь владеет третью всех земель и в то же время считает себя смиренной служанкой Бога, – прервал я его. – На то, что служители Церкви алчут все больше и больше добра и золота, что ее верховные служители живут и едят как князья, в то же время порицая прожорливость и расточительность, на то, что Церковь, которая борется за политическую власть, коей обладают только короли и императоры, не может в то же время быть Церковью простых людей, на то…

Я задохнулся и перевел дух, до меня вдруг дошло, что я сделал. Перебил и обвиняю самым грубым и непочтительным образом своего господина, так не должен поступать слуга и секретарь. Если только его господина не зовут Томас Буберг. Но сейчас моим господином был не Томас. Лютер Лютером, но у меня есть поручение от короля. Из-за этого поручения у меня временно появился другой господин. Этот новый господин – кардинал, архиепископ, посол

самого Папы. Этого моего господина зовут Микеланджело дей Конти, и он с нескрываемым раздражением смотрел сейчас на меня… но молчал.

Нунций медленно подошел к кафедре проповедника и стал рассматривать красивую деревянную резьбу. Рассматривал долго, а от тишины, воцарившейся в церкви, у меня по спине бежал пот. Я впал в немилость?

– Другими словами, вы не соблюдаете вторую заповедь Моисееву, запрещающую делать себе кумиров из святых и пророков, но делаете исключение для короля, потому что ему было видение? – спросил он.

Я растерялся.

– Но… – заикаясь, проговорил я, – во второй заповеди ничего не сказано, что нельзя писать картины. Там говорится, что нужно помнить день субботний, чтобы святить его.

– Вы снова извращаете значение слов так, как это теперь выгодно новой Церкви. Может быть… – Нунций показал на женщину с обнаженной грудью перед кафедрой, на которую я любил смотреть во время службы, если только люди не загораживали ее от меня. – Может быть, вы считаете, что на картинах следует изображать распутных женщин и распутную жизнь, и, может быть, вы теперь откажетесь от десятой заповеди, запрещающей желать жены ближнего твоего? Ведь изменили же вы раньше Божии заповеди. Думаю, господин секретарь должен знать, что в *его* церкви изменили текст законов Божиих? – Нунций повернулся, и его черные глаза впились в меня. – Даже тому, кто здесь на земле является вторым после Бога, Его Святейшеству Папе Клименту Одиннадцатому, не пришло бы такое в голову!

Изменили текст законов Божиих!

Меня замутило, я вскочил, на ощупь пробрался между рядами скамеек и сел на другую скамью. Все это время нунций стоял спиной ко мне.

Изменили законы Божии!

Никто ни разу не упоминал об этом на бесконечных лекциях в университете. Неужели это правда?

– Вы непоследовательны, – сказал нунций. Он оглядел церковь с плохо скрытым презрением. – Вы изменяете законы по своему усмотрению.

“Непоследовательна сама сущность религии”, – прошептал Томас.

Я открыл рот, но не мог ничего сказать. Это были не мои слова, это был не я. Так мог думать Томас, но не я.

“Непоследовательна сама сущность религии, – повторил Томас. – И ее ограничения”.

В полном смятении я прикрыл рот рукой.

Нунций обернулся ко мне. От раздражения у него на лбу появилась глубокая морщина. Но смотрел он мимо меня.

Торговец за спиной у меня встал, подошел к нунцию, по пути он несколько раз ему поклонился.

– Окулист и мастер по грыжесечению Франц Бекхамбауэр, – представился он голосом Томаса. – Я невольно слышал ваш интересный научный диспут и вспомнил, что мне однажды сказал мой старый наставник в кафедральной школе в Любеке. Он сказал, что в любой религии, даже в варварских религиях Африки и очень далекого Китая, встречаются непоследовательные мысли, ибо духовная материя движется и с течением времени, подобно ртути, меняет форму, а потому любая религия в высшей степени непоследовательна. И он считал это, я говорю сейчас о моем глубокоуважаемом ученом наставнике, большим преимуществом религии, ибо таким образом она способна привлечь больше людей под свое крыло… – Томас широко улыбнулся при этих словах, и нунция, по-моему, не обидело его оскорбительное замечание. – Она объединяет противоречия и разногласия и собирает людей

вокруг себя. – Томас, как бы прося прощения, развел руками. – Поэтому я и позволил себе так дерзко вмешаться в ваш ученый разговор. – Он снова низко поклонился.

Нунций надменно улыбнулся:

– Я бы охотно поспорил с вашим старым наставником и послушал, какие же непоследовательности он обнаружил во время своих духовных размышлений.

Последнее было сказано с явным ядовитым подтекстом. Томас улыбнулся и удовлетворенно кивнул, в то время как папский посланец в полном убеждении, что этот простой человек не знает латыни, пробормотал:

– *Insanus ceteros omnes amentes esse credit*, – сделав при этом жест, будто это слова благословения.

Выражение лица у Томаса медленно изменилось, на нем словно отразились слова папского посланца: "Глупец полагает всех остальных глупцами", и он глупо, как и подобает глупцу, улыбнулся нунцию.

В эту минуту дверь в церковь отворилась.

Пришли пастор и звонарь, а сразу за ними и смотритель. Они начали готовиться к вечерней службе. Томас почтительно поклонился нунцию и сказал, что должен ехать дальше.

– Не можете ли вы, молодой человек, показать мне дорогу к постоялому двору? – спросил он, обращаясь ко мне. – Судя по всему, вы хорошо знаете эту местность.

Вслед за Томасом я вышел из церкви, а нунций остался наблюдать за приготовлениями пастора и пришедших с ним людей к предстоящей службе.

– *Если монеты в кармане звенят, грешной душе не страшен и ад!* – Томас улыбнулся и пошел к лошади.

– Что это?

– Старая поговорка, ею когда-то пользовались священники, продающие индульгенции и соблазнявшие людей приобрести себе спасение. Думаю, ты мог бы немного подразнить своего спутника, вставив эту цитату в одну из ваших острых дискуссий.

Мне это не показалось забавным. Мне было страшно, что я осмелился возражать такому высокопоставленному человеку, и повторить это мне не хотелось бы.

– Ты получил мое письмо? – спросил я у Томаса.

– Да, – ответил он. – Вчера рано утром и сразу же выехал к тебе. Как я понимаю, вы остановились в усадьбе Хорттен? Лучше мне там не показываться. Как думаешь, где бы я мог переночевать?

– Скажи хозяину Брома, что ты не хочешь останавливаться у хозяина Хорттена. – Я засмеялся. – Скажи, что ты слышал о нем некрасивые истории, и ночлег тебе наверняка обойдется дешевле.

Я посмотрел на его саквояж, и меня осенило:

– Послушай, между прочим… Сигварт весь отек. Может, у тебя есть наперстянка или какое-нибудь другое мочегонное средство?

– Кто этот Сигварт?

– Старый работник в Броме. Если помнишь, он ведал там солеварением. Ты разговаривал с ним, когда последний раз был в Норвегии. Он живет там, в каморке при конюшне.

– Петтер, это было шесть лет тому назад. У меня не такая хорошая память, как у тебя. Но приходи после ужина к Сигварту. Посмотрим, что я смогу для него сделать, а ты тем временем расскажешь мне о событиях последних дней… – Томас неожиданно зашелся в кашле, увидев, что нунций вышел из церкви и направился к нам. Он водрузил свою мощную фигуру на лошадь, помахал шляпой папскому посланцу и сказал:

– *Errare humanum est, sed facere de errato virtutem divinum est*? – После чего пустил лошадь шагом и скрылся за деревьями.

Узкое лицо нунция вытянулось от удивления.

– Что он хотел этим сказать? – спросил он, глядя Томасу вслед.

"Человеку свойственно ошибаться, но превращать ошибки в добродетель – привилегия богов", – перевел я про себя слова Томаса.

– Ну надо же! – пробормотал я, смущенный этими кощунственными словами. – Может, этот окулист не совсем в ладах с латынью? – сказал я и помог нунцию сесть в седло.

Глава 19

Томас здесь! Теперь все будет в порядке. Когда мы возвращались в Хорттен, небо, словно отражая состояние моей души, немного прояснилось. Я даже разглядел во фьорде очертания острова Бастёйен и рассказал нунцию о пещере разбойников, которых разоблачила смелая девушка, в то время как все островитяне уехали на материк на церковную службу. Она выследила воров, когда они находились в пещере, заперла их там и на лодке отправилась за помощью.

– Что-то в этих краях слишком много разбойников, – сказал нунций и беспокойно огляделся по сторонам.

– Правда? – Я удивился, потому что никогда об этом не думал. – Нет, это было давно, задолго до меня. Мне об этом рассказывал мой друг Сигварт.

Уже темнело, когда мы вернулись в усадьбу и нас в дверях встретил аппетитный запах. Герберт в одиночестве стоял на кухне и негромко, для себя, пел датскую песню.

Воды не бывает, кроме вина,

– А под покровом леса —

Это ты вскоре узнаешь сама.

– Датчане скачут через Норвегию.

Мне на том острове не бывать,

– А под покровом леса —

Мне перед Господом должно предстать.

– Датчане скачут через Норвегию.

Заметив, что я стою в дверях, Герберт оборвал песню.

– Ужин скоро будет готов, – промямлил он, не отрывая глаз от блюда с солониной и копченым окороком, которые он нарезал, чтобы подать к столу.

Вошел Нильс и расположился в углу кухни с большой миской каши. Не глядя на меня, он плеснул молока в миску поменьше, зачерпнул ложкой кашу, опустил ее в молоко, а потом сунул ложку в рот. Пришел Олав и сел напротив Нильса. Он нашел свою ложку и начал есть кашу с другой стороны миски, потом сказал Нильсу, что они с господином были на Лёвёйене, где ездили рысью. Господин, клянусь Богом, оказался чертовски крепким, сказал он.

Почему-то эта богохульственная оценка заставила меня вспомнить книгу, которую Герберт читал днем в одиночестве в комнате юнкера Стига. Она называлась *"Pia Desideria"*. Благие пожелания. Теперь я вспомнил, что ее написал Филип Иаков Спенер[7], чьи мысли о живой вере в Иисуса Христа, как недавно говорил Томас, завоевывали все больше сторонников в Дании. Мы говорили о ней с Томасом, потому что известные круги хотели запретить этот "пиетизм", как они это называли. Томас со своим обычным скепсисом ценил рассуждения Спенера о том, как следует верить, не больше, чем рассуждения "сотни других теологов, нашедших ответ и истину", как он тогда цинично выразился. Но считал, что запрещать эту книгу было бы ошибкой. Люди должны иметь право верить, как им хочется и

во что им хочется. И хотя это не совсем совпадало с королевской точкой зрения, пока что никто пиетизма не запрещал.

Я прошел в гостиную и сел за стол рядом с нунцием. Явился хозяин в нарядном костюме и в напудренном парике. Он неуверенно глянул на нас, и я рукой показал ему, что он может сесть с нами, это был его дом, в этой округе он был проводником для приезжих и смотрителем дорог. Пришел юнкер Стиг и сел за стол, не обращая внимания на хозяина, и я увидел, что хозяин вздохнул с облегчением и налил себе пива, прежде чем передал кувшин нунцию.

– Красивая страна Норвегия, ничего не скажешь, – заметил юнкер по-датски и наложил себе полную тарелку. Он был оживлен после дневной поездки и жадно набросился на еду. – Но дороги… – я увидел, что хозяин согласно кивнул головой, – дороги здесь выглядят как поле боя после ожесточенной битвы, колдобины такие, что камни в печени дробятся в мелкий песок. – Он громко рассмеялся над собственной остротой. – Полезно для здоровья, но весьма болезненно.

Юнкер наклонился к хозяину и понизил голос:

– Вы тут всех знаете. Имеете определенное влияние. – Хозяин выпрямился и слушал юнкера с серьезным лицом. – Доведите до сведения дорожного смотрителя, что он может лишиться головы, если король посетит ваши края и будет вынужден проехать по таким дорогам.

Он опять громко засмеялся, словно сказал что-то очень смешное. Хозяин явно не счел это забавным, он покосился на меня, словно боялся, что я его выдам. Я сосредоточился на еде, чтобы не засмеяться.

Нунций, который не понял, о чем говорил юнкер, повернулся ко мне:

– Знаете ли вы, молодой человек, что Олав Святой широко известен своими деяниями?

Я с набитым ртом удивленно покачал головой. Когда я утром рассказывал нунцию об источнике Олава Святого, я все время ждал, что нунций спросит у меня, кто это такой.

– В *Passio et miracula beati Olavi*[8], работе, которая хорошо известна в папских кругах, – торжественно сказал нунций, – говорится, что король Олав в свое время сотворил сорок восемь чудес. Эта цифра производит впечатление, не сразу найдешь святых с такой репутацией и такими делами по исцелению людей.

Нунций прервался и прополоскал горло. Юнкер Стиг выглядел так, словно ему хотелось поговорить о другом, но нунций опередил его.

– Даже далеко отсюда, в городе, где родился Христос, в Вифлееме, да-да, в церкви, что построена на том месте, где Мария родила Христа, можно найти изображение Олава Святого. Он великий святой и известен во всем мире.

Невероятно! Очевидно, мое удивление отразилось у меня на лице, потому что нунций улыбнулся и кивнул.

– Да-да, это точно, – сказал он. – Два года назад, когда я посещал в Париже монастырь Святого Виктора, – нунций повернулся к хозяину Хорттена и юнкеру Стигу, – Париж – это столица Франции… – Юнкер Стиг, прищурившись, не спускал с нунция глаз, словно решал, стоит ли вылить ему на голову кувшин пива. – Так вот, оказалось, что среди реликвий, собранных монастырем, есть и лоскут от рубахи Олава Святого.

Подумать только, как далеко шагнула слава этого норвежца! Я заметил, что во мне шевельнулась незнакомая гордость, она даже смутила меня – мне не следовало гордиться папским святым. Подумав, я решил, что это не гордость, а просто голод, и снова налег на еду. Герберт стоял в дверях, готовый нам услужить.

“Наверное, он ест на кухне после нас”, – мелькнуло у меня в голове. Я радовался, что вечером снова увижу Сигварта.

Когда я вошел в хлев, я услышал, что Томас уже здесь. Фонарь бросал тонкие лучи вокруг двери и на дощатую стену.

Томас улыбнулся мне:

– Добро пожаловать, секретарь-помощник.

Я кивнул на Сигварта, лежавшего на топчане:

– Вижу, что окулист осматривает грыжу нашего работника?

Сигварт переводил взгляд с него на меня и обратно.

– Пусть господа скажут, если я им мешаю… – мрачно буркнул он и пожевал ус, – а что касается моей грыжи, то, клянусь шкурой и ногами пастора, я всегда берегся и был осторожен.

Томас встал и взялся за перину:

– Когда пришел Петтер, я как раз собирался сказать, что я – лекарь и вижу, что вы больны, господин Сигварт. Можно, я вас осмотрю?

– *Господин* Сигварт!.. – Сигварт усмехнулся в бороду. – Никто ни разу не называл меня так с тех пор, как ленсман, против своей воли, заковал меня в кандалы за то, что я поддал в зад таможеннику Тралоу. Нельзя сказать, что они были лучшими друзьями. – Сигварт подмигнул мне. – И когда таможенник уже не мог нас видеть, ленсман тут же и отпустил меня.

– Так вы позволите? – снова спросил Томас и приподнял перину.

– Да-да, только в том месте вид у меня уж больно неприглядный, – сказал Сигварт.

Томас пощупал Сигварту живот, нажал на бока и в паху, осмотрел ноги и бедра, пощупал под мышками и под подбородком. И наконец кивнул мне, щупая пульс больного.

– Ты прав, Петтер, одышка, нерегулярный пульс, отечные ноги и бедра, причем отек сильный, *hydros pectoris*, и некоторое скопление жидкости в паху. Можешь принести мне горячей воды, чтобы заварить наперстянку?

Я побежал на кухню к кухарке Майе, и она налила мне целый кувшин кипятка. Когда я вернулся, Сигварт рассказывал о своих попытках помочиться в последние дни.

– …Я стоял на дворе так долго, что собака приняла меня за дерево и уже подняла лапу, чтобы помочиться на меня, хе-хе. – Сигварт хохотнул. – А что из меня вылилось? Капля, в ней не скроется даже зуб, вот так, господин профессор. Чистая мука.

– С этим, думаю, мы справимся, господин Сигварт. Будете писать так, что собака решит, будто начался второй потоп.

Томас порылся в своей сумке, достал маленький кожаный мешочек, развязал его и осторожно высыпал себе в ладонь какой-то порошок. Бормоча что-то себе под нос, он высыпал обратно немного порошка, оставив примерно треть, и смешал его в кружке с водой. Через несколько минут от питья по всему хлеву распространился резкий запах, Томас помешал питье еще раз и велел Сигварту не спеша его пить, желательно растянуть на всю ночь. Потом он удобно уселся на табурет, кивнул мне, чтобы я сел на край топчана, и попросил все ему рассказать. В тюфяке под Сигвартом шуршала соломой мышь, на берегу вдруг залаял Мюлле, потом все стихло.

Я вопросительно глянул на Сигварта, но Томас успокоил меня взмахом руки, и я начал рассказывать. Начал с нашей с нунцием поездки на другую сторону фьорда, о встрече с солдатом-крестьянином и посещении усадьбы Тросвик, о вечере в аптеке, опустив злобные выпады против профессора Буберга, о ночной прогулке по Фредрикстаду и, разумеется, о том, что городской судья пожелал, чтобы я присутствовал на расследовании на другое утро. Дойдя до описания дома умершего, я углубился в детали, потому что знал, что любая

незначительная мелочь может помочь Томасу размотать этот клубок. Потом я рассказал о поездке в Стенбекк, потом в Мосс и, наконец, в усадьбу Хорттен. Рассказ о посещении церкви на острове Лёвёйен занял много времени, потому что Томас проявил любопытство к святому источнику, летним службам, чудесным исцелениям, торговце Туфте и пожертвованиях, и только после этого я смог рассказать ему о тайне отрезка кожи. Мой длинный рассказ закончился поездкой в церковь в Бере. Испуганный Сигварт не сводил с нас глаз. Наконец я замолчал.

– Клянусь бородой Папы, твой нунций священник-еретик, – проговорил Сигварт и поцеловал серебряный крест, который я ему подарил.

Я молча кивнул. Сигварт застонал, с закрытыми глазами откинулся на подушку и сжал крест. Губы зашевелились в беззвучной молитве. Наконец он успокоился. Томас сидел и крутил пуговицу на жилете; размышляя о чем-нибудь, он обычно ее крутил, потом почесал бороду и снова принялся крутить пуговицу.

– Мне кажется, – сказал он, достал мешочек с наперстянкой и показал Сигварту. – Мне кажется, что некоторые вещи можно использовать не только для исцеления недугов. – Он взвесил мешочек на ладони, взглянул на меня и снова спрятал его.

Наперстянка… яд! Об этом я не подумал. А Томас, безусловно, знал все признаки отравления наперстянкой.

Он кивнул, словно прочитав мои мысли.

– Рвота, синюшная кожа и слизистая, понос. Медленная, мучительная смерть. Возможно, так. Или какой-нибудь похожий яд. – Он умолк и снова начал крутить пуговицу.

– Какой он, этот городской судья, этот Мунк? – наконец спросил он.

– Такой же, как все судьи, – ответил я. – Готов работать, лишь бы это не заняло слишком много времени и дело не оказалось слишком запутанным, в таких случаях он предпочитает ухватиться за самое легкое решение.

– Ты разговаривал с женщиной из дома напротив, с этой молодой дамой?

– Нет, я боялся, что она направит внимание судьи на след нунция.

– Понятно. – Томас покосился на Сигварта. – Ты попал в опасное положение, Петтер. По той же причине ты не поговорил и с теми двумя солдатами? Может, они что-нибудь видели?

– Да.

– И деньги в сундуке были спесидалеры, слеттедалеры и риксорты?

– Да, и несколько риксдалеров, но немного. По-моему, четыре или пять.

– Слеттедалеры, – задумчиво повторил Томас. – Интересно, он получил и сохранил их, пока они еще были в ходу, или кто-то всучил их ему, не сказав, что они уже обесценились? А может, он взял их, уже зная, что не сможет их потратить?

– Что? – Сигварт поднял глаза и начал нервно рыться в соломе тюфяка. Наконец он вытащил кожаный мешок и открыл его. – Значит, они больше ничего не стоят? – Он высыпал на перину кучку слеттедалеров и другой мелкой монеты.

– Да, они обесценятся, если вы будете ждать слишком долго, – сказал Томас и взялся за пояс. – Но раз уж вы лежите больной, господин Сигварт, я могу обменять вам эти монеты так, чтобы вы не потерпели убытка.

Он отсчитал нужную сумму в риксдалерах и отдал Сигварту, который тщательно снова спрятал их в солому, бормоча в бороду слова благодарности.

На этой сделке Томас потерял несколько далеров, подумал я, и мне вдруг стало так легко на сердце, как не было уже много дней. Мне было приятно находиться рядом с Томасом и рядом с Сигвартом. Только они двое что-то и значили для меня… как, впрочем, и я для них.

– Когда ты ушел… – Томас убрал кошелек, – я имею в виду той ночью во Фредрикстаде… Перед тем, как ты отошел от окна, потому что солдат вышел во двор, ты видел, что дей Конти протянул руку к бокалу? Так?

– Да.

– И после этого он вышел из дома?

– Да.

– Как, по-твоему, сколько он там еще пробыл?

– Не знаю… наверное, несколько минут.

– Он держал что-нибудь в руке?

– Да, он нес фонарь, иначе он не нашел бы дорогу обратно в аптеку.

– А было еще что-нибудь у него в руках? – допытывался Томас.

– Нет, по-моему, не было… – неуверенно ответил я и постарался воскресить в памяти события той ночи. Нунций увидел солдат, медленно прошел вдоль стены, держа обеими руками палку, на которой висел фонарь… – Нет, – повторил я. – Ничего, кроме фонаря, у него в руках не было.

– Как думаешь, он мог спрятать в кармане бокал?

– Бокал? – Я с изумлением поднял глаза на Томаса. – Зачем?..

Он не сводил с меня глаз, ожидая ответа.

– Думаю, мог, но… впрочем, нет. Бокалы были большие, а карманы у нунция не слишком глубокие, я бы заметил, если бы один из них оттопырился.

– Ты прав. Я тоже не думаю, что он унес с собой этот бокал, Юстесен сразу увидел бы, что одного не хватает. – Томас задумался. – Ты уверен, что на другой день там был только один бокал?

– Совершенно уверен.

– Гм-м…

Сигварт задремал, убаюканный нашим странным разговором, и стал тихонько посапывать, а Томас снова начал крутить пуговицу.

– Давай представим себе, – сказал он наконец, – что тот, кто угостил Юстесена ядом, подмешал его в бокал – может быть, они вместе пили, – он незаметно подмешал яд в бокал, а потом наблюдал, как яд подействует, и когда Юстесену стало так плохо, что он почти потерял сознание, убийца забрал с собой бокал, в котором был яд, и вместо него оставил на кухне другой. Он мог сказать Юстесену, что побежит за помощью. Возможно, им помешали…

– Нет, если бы им помешали, Юстесена нашли бы еще до того, как он умер, – возразил я.

– Тоже верно. Гм-м… но, может быть, те, кто им помешал, не поняли, чему именно они помешали. Может, это были люди, жившие в том же дворе, солдаты или эта молодая шлюха, например. Может, убийца испугался, что они поймут, что произошло у Юстесена, поэтому поспешил погасить огонь и сбежать оттуда. Это объясняет и тот факт, что Юстесен был одет, когда его нашли. Если бы ему стало плохо после ухода дей Конти, он, скорее всего, разделся бы, когда почувствовал недомогание. Я бы, во всяком случае, поступил именно так. Но если убийца сидел и ждал, когда яд окажет свое действие, бравый военный вряд ли захотел бы лечь в присутствии гостя, то есть он до последнего считал бы, что это обычное недомогание и не стоит тревожить гостя.

– Это означает, – я был не в силах скрыть облегчения, звучавшего в моем голосе, – это означает, что нунций не убийца.

– Я бы сказал, *по-видимому,* не убийца, – поправил меня Томас. – Пока что я его не исключаю. Но… – он потянул себя за нижнюю губу и сделал гримасу, – это означает, что нам

предстоит выбрать из восьмисот человек, живущих во Фредрикстаде за стенами крепости, когда мы будем искать убийцу.

– Что?.. Мы должны найти убийцу?

– Да. – Томас пытался выглядеть как ни в чем не бывало. – У кого-то, должно быть, были причины попытаться убрать этого Юстесена после того, как он поговорил с дей Конти.

– Ты не веришь?..

– Да, я не верю в такие случайности. Дей Конти не случайно именно в эту ночь посетил Юстесена, и не случайно именно в эту ночь неизвестная личность решила тоже посетить Юстесена и отравить его. Такие случайности встречаются только в рыцарских романах.

– Но что за серьезная причина заставила кого-то отравить Юстесена?

Томас не ответил, несколько мгновений он смотрел на ярко-желтое пламя фонаря, и глаза его потемнели.

– Ты слышал, о чем они говорили? – неожиданно спросил он.

– Нунций и…

Он кивнул.

– Нет, почти ничего. Нунций сказал что-то о виноградник, который обманул, или что-то в этом роде. А больше я ничего не слышал.

– Виноградник обманул, гм-м…

– Лекарь! – Сигварт открыл один глаз и посмотрел на Томаса. – У меня крутит живот, словно в нем летают растревоженные осы.

– Так и должно быть, – сказал Томас. – Это действует наперстянка.

Я посмотрел на его саквояж со всеми снадобьями, раньше я этого саквояжа не видел.

– Томас, а почему ты на судне был одет крестьянином? А здесь вдруг оказался окулистом и мастером по грыжесечению? Почему ты вообще находишься в Норвегии? – Должно быть, в моем голосе слышалось раздражение, потому что и Томас и Сигварт оба удивились.

– Я купил это снаряжение в Христиании. Оно осталось после одного кочующего окулиста и мастера по грыжесечению, который погиб летом во время схватки с солдатами. – Томас взглянул на саквояж влюбленными глазами. – Оно мне досталось почти даром. Никто на постоялом дворе не понял, что это такое.

– А ты понял?

– Я понял.

– И в придачу получил еще и его одежду?

– Да. – Томас бросил на Сигварта косой взгляд, словно хотел меня предостеречь. – Мне нравится находиться среди простых людей, быть одним из них. Можно услышать то, что никогда бы не сказали при королевском служащем.

– Так ты приехал сюда как служащий?

Снова предостерегающий взгляд.

– Я здесь, чтобы быть вместе с вами, – сказал Томас и деланно зевнул, не спуская с меня суровых глаз. – Мне кажется, пришло время немного вздремнуть. Тот лоскут кожи, о котором ты говорил, у тебя с собой?

Я еще не хотел уходить, мне надо было поговорить с Сигвартом. Наедине. Я отдал Томасу лоскут кожи.

– Интересно, эта надпись зашифрована или это какая-то другая тайнопись? – Прищурившись, Томас при слабом свете с любопытством разглядывал буквы. – Ладно, я займусь им завтра утром по дороге в Тёнсберг. – Он спрятал кожу в карман.

– Что значит зашифрована?

– Это значит, что, не зная шифра, никто не сможет ее прочитать. – Томас встал. – Как прошла встреча с домом?

– Хорошо. – Я отвернулся и обратился к Сигварту. – Ты уже выпил весь чай? – спросил я и заглянул в кружку.

Сигварт пробормотал, что у этого чая вкус болотной воды, в которую написал барсук, и я поинтересовался, доводилось ли ему раньше пить такой напиток, раз ему знаком этот вкус.

Томас засмеялся, заявил, что не желает участвовать в нашей перебранке, и пожелал Сигварту доброй ночи.

– Вы уезжаете завтра утром? – уже в дверях спросил он у меня.

– Наверное. Когда нунций закончит свою утреннюю молитву.

– Я оставляю вам фонарь. – Томас закрыл дверь, и я слышал, как он шел через двор. Мюлле заворчал, залаял и затих.

Стало тихо.

Очень тихо.

Глава 20

Сигварт сделал два глотка и скривился. Я сидел рядом и набирался мужества.

– Сегодня утром, когда мы собирались ехать… Ты знаешь, мы ездили на остров Лёвёйен… и хозяин сказал… сказал, что…

– О-о-о-о! – Широко открыв глаза, Сигварт схватился за низ живота, лихорадочно откинул перину, с моей помощью перелез через край топчана и на слабых ногах заковылял в хлев, судорожно сжимая распухший член. Я услышал громкое журчание, словно мочилась корова. Потом Сигварт тяжело вздохнул и громко рыгнул. Через несколько минут он вернулся, его морщинистое лицо выражало блаженство.

– Вот оно счастье! – сказал он и лег. Закрыл глаза.

Я молча крутил соломинку. Сигварт открыл один глаз.

– Ты что-то сказал про Лёвёйен…

– Нет, впрочем, да. Я хотел… Хозяин сказал, что он никогда в жизни не видел мою мать… – Я замолчал, не зная, как задать мой вопрос. – А потом я был сегодня в церкви в Бёрре, на кладбище и нашел…

Сигварт нашарил мою руку.

– Ты нашел крест! – сказал он, вцепившись в меня.

– Она умерла в тысяча шестьсот восемьдесят девятом году, мне тогда было *восемь* лет, – прошептал я. – Почему я ничего не помню? – Я схватил обеими руками его руку. – Как это объяснить, Сигварт?

Он молчал, только смотрел на меня с выражением, которого я не мог понять, и бормотал что-то, чего я не мог разобрать, а потом осторожно отнял у меня свою руку. Сел с трудом и откинул перину.

– Мне надо… – проговорил он и снова вышел в хлев.

На этот раз процедура заняла у него больше времени, коровы тревожно задвигались, и некоторые последовали его примеру, так что едкий запах мочи проник даже в его маленькую каморку.

Наконец он снова лег, вытянулся в постели и взглянул в потолок:

– Да, она умерла в тысяча шестьсот восемьдесят девятом году. Это верно, Петтер. А хозяин приехал в усадьбу и принял обязанности смотрителя дорог и проводника в

девяностом или даже в девяносто первом, я уже и не помню. Это верно, они никогда не встречались. – Он посмотрел на меня. – Да, это верно.

– Отчего она умерла?

Сигварт не ответил. Я решил, что он даже не слышал моего тихого вопроса, и уже хотел повторить, когда его взгляд вдруг стал твердым.

– Тебе не надо этого знать. Зачем тебе это, почему ты спрашиваешь? Уезжай завтра, забудь усадьбу Хорттен, забудь нас и живи себе с миром. Я ведь вижу, что тебе здесь плохо. Ты солгал своему профессору, когда сказал, что тебе тут хорошо. Зачем бередить старые раны?.. – Он тяжело перевернулся на бок, вытянулся и натянул перину до самого подбородка.

– Сигварт! Это была моя… я должен знать… – Я задохнулся. – В заповедях сказано “Почитай отца твоего и мать твою”… Я хочу следовать заповедям, но как… как мне почитать их, когда я ничего о них не знаю, почти ничего. Мне никто ничего не говорит… – Я замолчал, умоляюще глядя на него и боясь пошевелиться. Одна корова зачавкала во сне и повернулась, привалившись к деревянной перегородке между стойлами, перегородка затрещала. Где-то в ночи затрубил лось, другой издалека ответил ему. Я не сводил с Сигварта глаз. Ждал. Молчал. Только смотрел на него.

– Была зима, Петтер, – медленно проговорил он. – Сильный мороз. Самый сильный на нашей памяти, так говорили старики. Восточный ветер нес холод. Печи и очаги топили, как никогда. И в Хорттене тоже.

Никто не знает, как это началось. Ленсман считал, что пожар начался на сеновале, искры из трубы задуло на солому, и она вспыхнула. Сеновал, хлев, да и вообще бо́льшая часть усадьбы неожиданно оказались объяты огнем. Языки пламени лизали небо, загорелись даже деревья в лесу, да-да, даже у нас здесь, далеко от Хорттена, мы почувствовали жар и бросились туда, чтобы помочь. Вывели из конюшни лошадей. Тогда конюшня стояла не там, где сейчас. Но коровы… они мычали как бешеные, а мы не могли войти в хлев… не могли ничего поделать… Понимаешь, бухта и часть фьорда были покрыты льдом, достать воду было невозможно. Хозяйка усадьбы, Будель, выбежала из дома с двумя маленькими дочками. Но ее муж, Торд… он так и остался в доме, в огне. Хотел слишком много унести с собой, говорили люди, – бумаги, деньги, что-то еще, не знаю. Твоя мать… – Сигварт открыл глаза. – Твоя мать, Петтер, не успела выбежать. Ее каморка находилась между хлевом и сеновалом и…

Я не спускал с него глаз, с его губ. Следил, как они шевелятся, произнося слова. Наконец они перестали шевелиться. Он замолчал.

Я ждал, надеясь, что он продолжит рассказ, но он молчал.

– А что… что было со мной? Где?..

Сигварт глянул на меня со странным выражением лица, почти с удивлением, он смотрел на меня, словно хотел навсегда запомнить мое лицо, впивался глазами в каждую черту, потом изобразил гримасу, которую можно было принять за улыбку.

– Правда, где ты был в это время? Ты тоже выбежал из дома. Сумел выбежать. – Его глаза смотрели в темноту у меня за спиной. – Да, ты сумел выбежать. Мы знали, что тебе это удалось, потому что не обнаружили тебя в сгоревших руинах. Но каким образом тебе это удалось… это известно одному Богу. Мы тебя не нашли.

– Меня не нашли? – громким шепотом спросил я. – Значит, меня не было среди тех, кто помогал тушить пожар?

– Нет. Ты исчез. Тебя не нашли. Нигде не нашли.

– Но… – Я вдруг онемел. Искал в памяти языки пламени, жар, восьмилетнего мальчика, который потерял маму, звал ее, кричал, плакал… и не находил ничего, ни одного смутного воспоминания. Ни единого.

– Тебя нашли лишь три дня спустя, далеко, на Бастёйене. Ты прятался на сеновале у Кристенсенов, завернулся в шкуры, что лежали в санях. Говорили, что ты был едва жив. Наверное, ты ночью перебежал туда по льду. Слава богу, что не замерз. У тебя на затылке была большая рана, словно на тебя упало бревно. Одна рука сильно обгорела, и рана воспалилась. Много дней, а может и недель, тебя трепала лихорадка, и ты не приходил в сознание. Всю зиму ты пролежал в усадьбе на острове. Тебя там выходили.

Я с удивлением посмотрел на свою руку, шрам… Я всегда думал, что он остался у меня после драки с Нильсом.

– Пробст заплатил им за тебя, не удивляйся… пастор Глоструп, он собрал денег, чтобы помочь и Будель с дочками пережить ту зиму. Будель уехала к своей сестре и зятю, и я не знаю, как в дальнейшем сложилась их жизнь.

Сигварт отпил немного невкусного питья и сморщился.

– Ленсман расспрашивал тебя. Но ты ничего не помнил, ни пожара, ни того, что случилось в ту страшную ночь… и даже того, что было раньше, за несколько дней до пожара, вообще ничего. Не уверен, что ты помнил собственное имя. Пастор Глоструп считал, что тебя надо оставить в покое и не напоминать о случившемся, что тебе лучше все забыть. Ленсман перестал копаться в этом деле. Твою мать похоронили, когда ты еще лежал на Бастёйене в полном беспамятстве. Поэтому ты и не помнишь ее похорон. Ты остался на острове, работал, тебя там кормили, так прошли лето и осень. Кристенсен был хороший мужик. Потом в Хорттен приехали новые хозяева.

У меня странно зашумело в ушах, я хотел поднять руки, но был вынужден за что-то ухватиться, за край топчана, чтобы не упасть, обессиленный, полумертвый…

– О господи, Петтер! – Сигварт быстро сел, схватил меня за плечи, сжал, горько бормоча, что я сам заставил его все рассказать, что он предупреждал меня, говорил, что мне ни к чему это знать.

– И так, – я покашлял, чтобы прочистить горло, – так я вернулся обратно в Хорттен…

Сигварт сел и обнял меня.

– Хватит, Петтер. Не надо больше об этом. Я и так сказал тебе слишком много. – Он прижал мое лицо к своей небритой щеке. – Бог покарает меня за мой длинный язык. О господи, Петтер! – Он качал меня в объятиях, и я вспоминал, как часто это бывало в детстве и потом, когда я был уже подростком, он качал и убаюкивал меня, и мне хотелось, чтобы так было всегда; я почувствовал, как на меня нахлынули воспоминания, что-то растопили и освободили во мне, и это вылилось в слезах, я плакал, плакал, плакал, а Сигварт обнимал меня, гладил по спине и бормотал:

– О господи, Петтер, о господи, что я наделал.

Воскресенье 28 октября

Год 1703 от Рождества Христова

Глава 21

Облака неслись мимо осенней луны, как жирные чайки, ветер рвал волосы и одежду. Он свистел в верхушках деревьев, ломал ветви и швырял их в небо. Внизу, в темноте, стонала и пенилась вода, но я ничего не видел. Осенний шторм налетел неожиданно, пока я сидел у Сигварта, этот не очень-то и сильный шторм предупреждал о том, что нам преподнесут осень и зима. Ветер проникал под одежду, продувал насквозь, и я ощущал себя как дуршлаг. Тем не менее я остановился у высокого ясеня и сел, мысленно снова слушая голос Сигварта. Слушал, как он говорит, что Петрине Олюфсдаттер не сожгли как ведьму, не сгноили в тюрьме как преступницу, что она не была бесчестной мошенницей – нет, она была обычной работницей, которая родила незаконного ребенка. И погибла во время пожара на усадьбе, как многие погибали и до нее. Она стояла у позорного столба, это верно, ее приговорили к

этому, как распутную женщину, но после этого она исправилась. Будель и Торд из усадьбы Хорттен взяли ее к себе, хотя она была падшая женщина, и заботились о ней и обо мне. Они оставили ее у себя, несмотря на то что молва о ней прокатилась по всему приходу, сделав Петрине пугалом для всех уважаемых людей. Хозяева Хорттена оставили ее у себя, потому что она была хорошая и работящая женщина, сказал Сигварт, вытащил бутылку и сделал глоток, а потом протянул бутылку мне. Работящая и порядочная, никогда не брала ничего чужого. Выносливая, каких мало, да, пока не начала кашлять…

Кашель. Его я помнил. Глухой, режущий, словно он разрывал ей все нутро. Я сидел под ясенем и вспоминал его, этот кашель, вспоминал, как долго не проходил приступ. Как же этот кашель мучил меня! Все эти годы он был моим единственным воспоминанием. Я сидел у нее на коленях, и она начинала кашлять…

…меня обнимала рука, теплая, ласковая рука, она гладила меня по голове и голос шептал: "Ты хороший мальчик, Петтер, ты мой мальчик", и мне хотелось протянуть руки и обнять ее за шею, но неожиданно она начинала кашлять. Этот кашель обрушивался на меня, как летний дождь, ее руки разжимались, она отталкивала меня, поворачивалась ко мне спиной, содрогающейся от кашля, вставала и скрывалась за дверью…

В волнении я вскочил на ноги. Я помнил! Что-то во мне освободилось и открыло щель к тому, что было до пожара! Открыло ласковые руки, голос. Меня зашатало, и я, согнувшись от ветра, двинулся по тропинке в Хорттен. "Ты хороший мальчик, Петтер…" Облака то и дело заслоняли месяц, все меркло и быстро тонуло то в сумраке, то в кромешной тьме, я почувствовал, что должен сесть на камень, на камень в углу двора, на котором я писал разные слова, мне надо было передохнуть. " Ты мой мальчик", – сказала она.

Ветер стучал в ворота каретного сарая, по двору пронесся и исчез в темноте пук соломы. Ворота сеновала почему-то были приоткрыты. В ту же минуту что-то шевельнулось возле жилого дома, и вскоре красноватая тень, прячущая фонарь под красным плащом, пересекла двор и скрылась на сеновале. Из-за облаков выглянула луна, мороз покусывал мои босые ноги в деревянных сабо. Скрипел снег. Я помедлил в воротах сеновала, схватил вилы, они были ледяные, отворил ворота настолько, чтобы проскользнуть внутрь и затворил их, спасаясь от ветра и мороза. Потом я тихонько прокрался в темноту, где запах сена щекотал ноздри, и вдруг услышал, как кто-то сказал: "Тсс-с!" Я быстро опустился на колени за небольшой телегой, на которой возили сено. Однако никто не вышел искать меня. Голос исходил из свечения за сеном, я наклонился, осторожно подкрался поближе, мне было страшно… и любопытно, от страха я бы непременно обмочился, не помочись я немного раньше; свет стал ярче, послышалось какое-то бормотание, шевельнулась тень, я отодвинул сено в сторону, наклонился, яркий свет фонаря ударил мне в глаза…

– *А-а-а-а!*

Я закрыл лицо руками и услышал сам, как я взвыл от боли, – и выбрался из сеновала. Кожа и глаза горели от жгучей боли. Я в панике добрался до бочки с водой и опустил в нее голову, чтобы немного охладить кожу, я то опускал ее, то вытаскивал, ловил ртом воздух и снова нырял головой в бочку, пока кто-то не схватил меня за руку.

– Петтер Хорттен! Господи! Что вы тут делаете?

Я оцепенел, медленно выпрямился, стряхнул с лица воду, но не обернулся. Потом провел рукой по лицу и вытер руку о рукав.

– Мне… мне нужно было охладить голову.

– Но… Вы кричали. Я решил, что вы ушиблись. – Юнкер Стиг обошел вокруг меня, наклонился и в слабом свете внимательно осмотрел мое лицо. – Все в порядке, ничего страшного. – Он вздохнул с искренним облегчением. – Легко получить увечье, когда в такой шторм ветки летают по воздуху, – сказал он и улыбнулся.

Я кивнул и сказал, что я мочился за сеновалом, и летящая ветка угодила мне в плечо.

– Я испугался, но, как оказалось, она не причинила мне вреда. – Мне стало стыдно.

– Да, эти ветки могут причинить тяжелое увечье. У меня был дядя, который погиб в такую ветреную ночь, он ехал верхом через лес, и обломившаяся верхушка дерева упала ему на голову. Она зашибла и его и лошадь. Они погибли. – Юнкер Стиг застегнул мундир, который ветер задрал ему на голову. Волосы у него были растрепаны, без парика он выглядит не таким надменным, подумал я и смахнул воду с головы. Юнкер Стиг показал на дом:

– Я сам вышел, чтобы отлить, когда услышал ваш крик. Пожалуй, я теперь займусь своим делом, если, конечно, вы считаете, что с вами все в порядке.

– Все в порядке. – Я поправил на себе одежду. – К счастью, я не пострадал. – Я быстро пересек двор и вошел в дом.

Глава 22

Меня мучает усталость. Но устало у меня не тело, а голова. Поэтому я решил один день отдохнуть и совершить прогулку по берегу. Барк идет со мной, собирает плавник, заговаривает с рыбаками и снова догоняет меня. Он стал более разговорчивым, но не очень. Ему нравится здесь на острове, я это замечаю, и это мне не по душе.

Я уже давно заметил, что Карине – или ее зовут Катрине?.. – одна из девушек, что работает в лавке у торговца Бурума, неравнодушна к Барку. Хорошенькая невысокая девушка с живыми глазами, каштановыми, как и ее волосы, с дразнящей улыбкой в уголках губ. Мне кажется, что именно она – причина того, что Барк стал более разговорчив. Она тормошит его, заигрывает с ним, заставляет говорить. Ему это нравится. И нравится девушка.

А вот мне это не нравится.

Во мне нежданно-негаданно проснулась тоска. Это случилось два дня назад, когда Катрине (думаю, что ее все-таки зовут Катрине) о чем-то шепталась с Барком за дверью. Они думали, что я сплю, и она рассказывала Барку о каком-то человеке с острова Лэссёйен, который полюбил одну девушку, но так и не признался ей в этом. Она была старшей дочерью в семье, где было так много детей, что со временем им всем стало не хватать в доме места. Девушка, которой тоже нравился тот человек, говорила, что хотела бы поехать в Амстердам, чтобы найти там место служанки и, может быть, выйти замуж, раз уж на острове она никому не приглянулась. Так она говорила многим людям, и в конце концов это дошло до ушей того человека. Он любил ее и понимал, что сейчас самое время попросить ее руки, но был робок и косноязычен и боялся, что этим испортит все дело. В то время он должен был стать хозяином родовой усадьбы, и ему нужны были деньги, чтобы выплатить сестрам и братьям причитающуюся им долю. Поэтому в последний вечер перед ее отъездом он сел и написал два письма. Одно – торговцу Буруму, в котором вежливо просил ссудить его деньгами. И второе – девушке, в котором, приложив множество усилий, написал, что любит ее и хотел бы на ней жениться. Запечатав оба письма, он позвал мальчишку-слугу и отослал его со своими письмами.

Следующий день был для него невыносимо тяжелым. Он ждал ответа на свои письма, но никто ему не ответил. Девушка села на судно, идущее в Амстердам, и он больше никогда ее не видел. А Бурум просто не ответил, и, значит, займа он не получил. В конце концов, этот человек пошел к Буруму и спросил, почему тот не хочет дать ему взаймы и даже не потрудился написать ответ. Бурум с удивлением уставился на него. “Я думал, вы решили надо мной подшутить”, – сказал он, достал письмо, написанное этим человеком, и показал ему. В письме этот человек объяснялся ему в вечной любви и просил выйти за него замуж.

– Этот человек перепутал письма… – прошептала Катрине, и я понял, что она с умыслом рассказала Барку эту историю, что она хотела этим что-то ему сказать.

Я лежу и думаю об этой истории, думаю о судьбе и о случайностях, правящих жизнью человека. Ибо не верю, что Бог занимается чем-то подобным. В это я не верю.

Вот тогда-то на меня и навалилась эта тоска. Тоска по времени, когда все было просто, когда на все вопросы были ответы, чаще всего простые, и все было только черным или белым, белым или черным, и в глубине души понимаю, что это тоска по времени, которого никогда не было, потому что никогда ничего не бывает легко и просто. Однако это еще и тоска по времени, когда я был счастлив, ибо счастье дает человеку силу и способность совершать любые поступки, а сложное делает простым.

Поэтому я знаю – это легкая задачка, – что я два раза в жизни был счастлив.

И знаю, что сейчас я несчастлив.

Я говорю Барку, что иду домой, – мне вдруг захотелось вернуться к своей рукописи, покончить с тяжелым, оставить его уже позади. Говорю Барку, что он может остаться на берегу, если хочет. Он собирает дрова и идет за мной.

Во дворе мы встречаем Катрине, она с улыбкой здоровается с нами, я раздраженно хмыкаю, как желчный старик, и поднимаюсь на крыльцо, кляня свой несносный характер.

Я сижу на краю кровати, с трудом дышу и хватаюсь за грудь, потому что нахлынувшее неожиданно желание вернуться к рукописи заставило мое старое тело идти быстрее того, на что оно было способно. Так и с чувствами, думаю я с философской гримасой и кашляю, они правят миром… и моими ногами… и большим и малым.

Моя рукопись лежит на столе у окна. Исписано уже много страниц, хотя самое тяжелое еще впереди. Я подхожу к столу и кладу руку на стопку бумаги. Мне некому адресовать мою историю, теперь уже некому. С тех пор как князь повернулся ко мне спиной, выплатил мне свой долг, с презрением швырнув кошелек со звенящими монетами к моим ногам. (Все происходило не совсем так, но ожесточившийся старый человек имеет право чуть-чуть исказить факты.) Из-за этого я чувствую себя одиноким, но в то же время получившим свободу рассказывать так, как я хочу, – все равно никто читать этого не станет, никто, кроме меня самого.

Я с трудом раздеваюсь, Барк стоит на дворе у крыльца, я слышу, как хихикает Катрине, и плачу за свою нелюбезность тем, что не зову к себе Барка, – не теперь, – с трудом забираюсь в постель и без его помощи устраиваюсь, чтобы писать.

Макаю перо в чернильницу и начинаю водить им по бумаге. Оно должно рассказать о темноте, где правит Ничто. И страдания, и удушье. И вина.

Я неожиданно вспоминаю Беатрисе.

Как будто я когда-нибудь забывал ее.

Глава 23

– Где мы едем? – спросил нунций и выглянул в окно кареты. Мы как раз проехали Холм Музыкантов за церковью в Бёрре и слышали, как церковные колокола звонили к службе, проехали через лес у Фуглесанген, и за деревьями, склонившимися к воде и роняющими листья, точно разноцветный снег, я увидел фьорд. Листья кружились на свежем ветру, изящно танцевали у нас перед глазами, и на минуту у меня в груди вспыхнула гордость, словно я лично устроил это представление для иностранного гостя.

– Ох! – Герберт и нунций одновременно охнули, когда карета подпрыгнула на колдобине, и мы повалились друг на друга. Парики и шляпы разлетелись во все стороны, я высунулся в окно и крикнул Олаву, чтобы он объезжал ямы. Олав засмеялся и сказал, что ямы будут по всей дороге, потому что, простите, графский смотритель дорог не следит за ними, ибо сам не ездит дальше трактира в Сёрстрандене. А оттуда лошадь сама знает дорогу домой в Хорттен и объезжает все ямы.

– Где мы едем? – повторил нунций, и я сказал, что мы скоро доедем до небольшого селения, которое называется Осгордстранд.

– Три усадьбы, мельница и постоялый двор, – сказал я.

Тем временем лес кончился, и мы выехали на открытое место. Олав остановил карету у постоялого двора, и мы вышли, чтобы выпить по кружке пива, прежде чем поедем дальше.

Я с удивлением смотрел на берег, где возле подпорок с сетями, сушившимися после утреннего улова, кипела жизнь. Мужчины чинили сети и переговаривались с женщинами, которые чистили рыбу и одним глазом следили за полуголыми ребятишками, игравшими у кромки воды.

– Петтер, вы уверены, что были в этом месте раньше? Или, может быть, это не Осгордстранд? – спросил нунций, подняв одну бровь.

– Это… я… – Я не знал, что ответить, и пошел в трактир за пивом.

Старая Сигне была прежней – от выражения ее лица свежее молоко могло скиснуть в одну минуту, а жадные глазки приковались к моему кошельку, когда я расплачивался за пиво. Да, это верно, в последние годы сюда наехало много всякого сброда – рыбаки и другая рвань, хмыкнула она и бросила взгляд на недавно построенные домишки и рыбацкие лодки, вытащенные на берег. Люди, которые не считают седьмой день святым, прибавила она, бросив кислый взгляд на пустые скамейки в трактире, где лишь несколько человек в углу играли в кости за воскресным пивом. Очевидно, Сигне считала, что в святой день, как этот, порядочные люди должны сидеть в трактире, пить и заботиться о том, чтобы одна-две монеты падали в ее собственную кружку для пожертвований.

– Значит, теперь ты можешь каждый день угощать проезжающих свежей рыбой, – сказал я, но Сигне заявила, что с теми ценами, которые этот сброд требует за свою рыбу, она, чтобы сводить концы с концами, вынуждена кормить гостей тухлятиной.

– Тогда, думаю, мы подождем с едой до Тёнсберга, – сказал я, взял пиво и повернулся спиной к мрачно глядевшей на меня Сигне.

– А что Тёнсберг? – спросил нунций, когда мы снова сидели в карете. – Можете ли вы рассказать мне что-нибудь об этом месте, или нам стоит приготовиться к сюрпризам, как здесь?

– Господин Хорттен не виноват в том, что, пока его не было, люди здесь перемещались с места на место, – сказал юнкер Стиг, отстегнул ножны со шпагой и положил их на сиденье у себя за спиной. – Четыре года – большой срок, все может случиться за это время, Ваше Высокопреосвященство.

Я внимательно наблюдал за ним, чтобы убедиться, не мелькает ли у него в глазах ироничный блеск, но, по-видимому, на этот раз он говорил от чистого сердца. Не обращая внимания на раздражение нунция, юнкер начал подробно рассказывать, что в датско-норвежском королевстве при правлении нынешнего молодого короля происходят выгодные перемены.

– Вы только посмотрите, как растет торговля с заграничными портами, каждое датское и норвежское судно идет с полным грузом.

– Англия и Голландия сейчас воюют, – коротко бросил нунций.

Юнкер Стиг сделал удивленное лицо.

– Нейтральные страны свободны от присутствия военных судов и могут неплохо зарабатывать на своем флоте. Это заслуга войны, а не короля, – объяснил нунций.

– Но обеспечивают мир, а с ним и доходы король, дворянство и Тайный совет. – Юнкер Стиг надменно взглянул на нунция – последнее слово осталось за ним.

– Дворянство? – Нунций, прищурившись, наблюдал за юнкером Стигом. – Верно-верно. Ведь вы дворянин. Сын ландрата Тюге Бьельке-Гюстрова, если не ошибаюсь.

Юнкер приосанился и с высокомерной улыбкой посмотрел на нунция.

– Где находятся владения вашего отца? – спросил нунций.

– В Брауншвейг-Кёнигслюттере.

– И вы живете в замке под Брауншвейгом? Где, собственно, постоянно живет ваша семья? – Внешне ничего не было заметно, но я почувствовал, что нунций преследует какую-то цель.

– Мы живем в нашем имении поблизости от Бютцова. – Улыбка юнкера немного увяла.

– Но Бютцов находится далеко от ландрата вашего отца. Почему вы не живете в Брауншвейг-Кёнигслюттере, где ваш отец, можно сказать, и бог и монарх?

– Потому… потому что так решил мой отец. – Улыбка пропала. Юнкер напрягся.

– Потому… – Нунций тянул время. – Потому, что ваш отец ландрат только на словах, а не на деле. Разве не так?

Юнкер Стиг исподлобья глядел на нунция.

– А вы сами, Ваше Высокопреосвященство? Вы – архиепископ Тарсусский, Тарсус – город в Османской империи. Как часто вы посещаете свою епархию, окруженную язычниками? Как обращаете их в истинную веру?

В карете воцарилась тишина, все молчали. Оба петуха оскорбленно смотрели каждый в свое окно кареты.

Вот черт! Хорошего настроения юнкера опять как не бывало. А утро начиналось так хорошо. Он улыбался, старался помочь мне, когда я грузил в карету наши вещи. Я, признаться, уже подумал, не наша ли ночная встреча заставила этого дворянина забыть о надменности и настроиться почти на дружеский лад, или то было, возможно, мимолетное свидание с прекрасной фрейлейн Сарой, если представить себе, что такое свидание имело место, или были другие причины для его перемены? Я обрадовался этой перемене, но, по-видимому, причина ее была слишком шаткой, чтобы устоять перед явной неприязненностью папского посланника.

Я кашлянул и улыбнулся:

– Вы спрашивали меня о Тёнсберге, Ваше Высокопреосвященство. Один старый монах так написал о нем: "*В этом городе ужасно много жителей, особенно в летнее время, когда туда приходят корабли из разных стран. Его жители – хорошие граждане, и мужчины и женщины славятся своей щедростью и своими подаяниями, но пьянство там обычное дело, и нередко среди пьяных случаются потасовки, а иногда даже проливается кровь".* – Я видел, что оба слушают меня, хотя глаза их были устремлены на ландшафт за окном. – Вот так о Тёнсберге написал один монах пятьсот лет тому назад, и таким он остался в моей памяти после моего последнего посещения. Однако должен сказать, что, поездив и повидав другие города, я понял, что к выражению "ужасно много жителей" следует относиться скептически. – И, придав лицу благочестивое выражение, я закончил свою тираду: – Прошу у Вашего Высокопреосвященства прощения, если город с тех пор существенно изменился.

Нунций серьезно кивнул, не заметив моей иронии, и впал в задумчивость. Юнкер Стиг выслушал мою маленькую лекцию, не изменившись в лице, но, по-видимому, он был погружен в свои мысли. Герберт еще раньше был отправлен к Олаву на сиденье для кучера, и я слышал, как все время Олав безуспешно пытался завязать с ним разговор, но придворный слуга не говорит с кем попало.

Я задумался о старой рукописи, откуда я взял цитату, – "*Поход данов в Иерусалим",* — рукопись была найдена Иоганном Кирхманном в Любеке почти сто лет назад. Странно было думать, что этот монах сидел в своем монастыре в Тёнсберге так давно, что нам даже трудно это себе представить, и писал о городе, который я так хорошо знал. И его описания были столь верны, что казалось, будто написаны вчера. Вообще, странно было думать, что этот

город с его причалами, улицами и нависшими над ним горами существует уже давно. Когда я был там в последний раз, я смотрел на него другими глазами, он был для меня самым обычным городом. А я был темным крестьянским парнем. Но с тех пор я учился в университете и стал пусть не ученым, но человеком весьма начитанным. Теперь я на многое смотрел по-иному.

Не исключено, что когда-нибудь я тоже стану таким, – историком, читающим старинные рукописи и открывающим то, что таят белые пятна, которых так много в истории.

В прошлом есть что-то надежное. Оно уже миновало, уже ограничено временем, невозвратимо, и изменить его невозможно. Поэтому прошлое намного надежнее будущего. Будущее может таить только неизвестность и внушать только неуверенность. Разве я сам совсем недавно не окунулся в собственное прошлое, не раскопал правду о своей матери, не обнаружил, что там нечего скрывать, нечего стыдиться и не о чем умалчивать?

Я должен стать историком! Это решение я принял именно тогда, в карете по дороге в Тёнсберг. Я закрашу белые пятна на карте прошлого. Напишу книги о том, что было раньше. Помогу датчанам и норвежцам познакомиться со своими предками, понять их.

Воодушевившись, я смотрел на стада овец, мимо которых мы проезжали и которые с флегматичным спокойствием, словно их мироздание не изменилось со времен Творения и едва ли изменится в будущем, паслись на лугах поблизости от церкви в Слагене.

Только когда мы проехали Камбелёккен и въехали в город – силуэт холмистой гряды Мёллебаккен был у нас по левую руку, а на севере громоздилась Дворцовая гора с руинами замка, – я подумал, что прошлое может иметь и свои черные пятна, что я помню слова хозяина о моей матери. Не знаю, почему я тогда о них вспомнил, но какое-то время меня удивляло, почему он называл ее "девкой" и "шлюхой", если никогда ее не видел.

Глава 24

Юнкер Стиг отказался жить в таком месте. Он с брезгливостью поглядел на постоялый двор парусника Лассена, потом перевел взгляд на берег, на причалы, где небольшая пузатая лошадка ржала, словно состязаясь с ревом двух пьяных моряков, которые дрались перед кучкой подзадоривающих их подростков. Здесь было шумно, и я понял юнкера. Но именно здесь хозяин Хорттена заставлял нас с Нильсом ночевать, когда мы бывали в городе, сам же он получал постель у звонаря церкви Святого Лавранса, приходившегося ему не то двоюродным братом, не то каким-то дальним родственником, и другого места для ночлега, кроме постоялого двора парусника, я не знал. В развалюхе Лассена было четыре небольших комнаты, в углу каждой из них валялось по соломенному тюфяку, свет проникал через маленькие оконца, выходившие во двор или на берег. И больше там ничего не было.

Но нунций был доволен. И не просто доволен, а *потребовал,* чтобы мы поселились именно здесь. Он и слушать не желал о том, что можно остановиться у бургомистра, городского судьи, торговца или в каком-нибудь другом месте, которое, по моему разумению, лучше подходило бы лицу, занимающему столь высокое положение.

У парусника была занята только одна комната, в ней жили два крестьянина из деревни. Нунций попросил меня снять две комнаты – каждому из нас по комнате – и обязательно, чтобы двери их были снабжены замками. Жена парусника показала нам щеколды с внутренней стороны двери и дала по висячему замку, чтобы вешать на наружную. Один шиллинг за хлопоты, сказала она. Один шиллинг следовало заплатить также за стул – нунций сообразил, что стул ему необходим. И шиллинг за рабочий столик. И шиллинг за то, чтобы убрать ненужные тюфяки. Жена парусника сияла, как солнце, и предложила сварить нам на ужин суп. Один шиллинг за хлопоты.

После этого я проводил юнкера Стига в пасторскую усадьбу и устроил его и Герберта у пробста, который только что вернулся после вечерней службы и сказал, что для него большая честь принимать у себя таких важных господ.

Когда я вернулся, нунций сидел, закрывшись в своей комнате, он хотел вечером отдохнуть, если не считать ужина, “*compieta*”, который, как я понял, должен был быть в шесть-семь вечера. Несмотря на то, что было воскресенье, он не проявил никакого интереса к моему предложению посетить церковную службу, и, уходя, я слышал, как он демонстративно, с шумом задвинул засов на двери.

Пока я ходил по городу, совсем стемнело.

Тёнсберг расположен на плоском треугольнике между внушительной Дворцовой горой на севере, холмистой грядой Мёллебаккен на востоке и берегом фьорда – на юго-западе. Город разрезают две улицы – Ланггатен, которая тянется от подножья Дворцовой горы, сворачивая на юг к разрушенной ограде монастыря Олава Святого, и Эврегатен, которая начинается в центре города, направляется к Мёллебаккен, но по пути, словно передумав, проходит через весь город параллельно Ланггатен. Между этими двумя улицами находится множество маленьких улочек и переулков, многие из них не имеют даже названия. Некоторые застроены жилыми домами, но не все. Усадьба парусника Лассена стоит у воды, в самом конце проулка – он почему-то называется Грязным. Между берегом и Ланггатен, параллельно им, идет улица, которую мы называли Нижней, но ее преграждают фруктовый сад судовладельца Могенсена и пивоварня торговца Мадсена, и потому в качестве улицы она неудобна.

Бродя по городу, я посетил все грязные трактирчики у Мёллебаккен и все сомнительные пивные возле причалов, заходил в церковь Святого Лавранса и в церковь Святой Марии, но нигде не встретил окулиста, крестьянина, торговца или профессора, похожего на Томаса Буберга.

Разочарованный, я вернулся на свой постоялый двор – я так радовался, что вечером смогу поговорить с Томасом. Мне хотелось многое рассказать ему и не меньше узнать от него. Дверь нунция была по-прежнему заперта. Я поставил возле двери миску с супом, немного хлеба, постучал и сказал, что он должен сразу забрать еду, потому что в доме достаточно голодных постояльцев – и я имел в виду не только тех, кто платил за себя. Нунций открыл дверь, тени, падавшие на его морщинистое лицо, скрывали глаза, и при свете фонаря в его лице было что-то зловещее. Я пожелал ему доброй ночи и ушел к себе. Услыхав, что он задвинул засов, я тихонько вышел из своей комнаты и на уровне колен всунул щепку в щель между дверью и притолокой. Если, пока я сплю, нунций отправится на ночную прогулку, я утром хотя бы узнаю об этом.

Перед тем как уснуть, я вспомнил один наш с Томасом разговор, состоявшийся месяц назад. Я тогда читал книгу Иакова из Варацце “*Legenda Aurea*”[9]. Это была одна из моих любимых книг, мне всегда нравилось читать о многосторонних, мудрых, врачующих душу способностях Блаженного Августина – казалось, что все трудности разрешатся, стоит только обратиться к такому святому. Я даже завидовал папистам.

В истории, которую я тогда читал Томасу, рассказывалось о Диаволе, проходившем мимо Блаженного Августина с большим фолиантом на плече. Августин поднял глаза от своей рукописи и попросил Диавола показать ему, что написано в этой книге. Диавол сказал, что в этой книге записаны все человеческие грехи. Объяснил, что он собирает их повсюду и записывает в эту книгу. Августин приказал Диаволу, чтобы тот показал ему то место в книге, где записаны его грехи. Диавол показал ему одну страницу, но там было написано только, что один раз Августин не прочитал молитву *completorium*[10]. Августин встал и попросил Диавола подождать его – он скоро вернется. Сам же пошел в церковь и с большим благоговением прочитал *completorium* и другие молитвы, как делал обычно. После этого он вернулся к Диаволу и потребовал, чтобы тот еще раз показал ему страницу, на которой были записаны его грехи. Диавол полистал страницы, туда-обратно, но нужная страница оказалась чистой. Тогда он рассердился и сказал: “ Ты бессовестно обманул меня. Я жалею, что показал тебе эту книгу, потому что силой молитвы ты стер свой грех”.

– Как, должно быть, прекрасно быть совершенно безгрешным, – восхитился я и поднял глаза от книги.

Томас хмыкнул:

– Безгрешных людей не бывает, даже святые не безгрешны. Это все бахвальство или легенды. У всех у нас есть свои темные стороны, поверь моему слову. – Он немного успокоился и продолжал: – Помнишь притчи о блудном сыне и об овце, отбившейся от стада? – Я раздраженно кивнул: кто же не знает эти притчи? – Тогда ты знаешь, что речь в них идет о прощенных грешниках. Мало того, что Господь предоставил девяносто девять овец своей участи, а на второго сына, который не был блудным, никто даже не обратил внимания. Вся забота и радость досталась грешникам. А все потому, что грешники представляют нас, обычных людей. Ибо грех – это часть человеческой жизни. Без греха нет спасения. Ты ведь согласен, что без темноты нет света. Священник, с которым я разговаривал во Флоренции, сказал однажды, что для исповедника самое страшное, когда человек, пришедший к нему на исповедь, говорит, что всегда исполнял свой долг и не совершил ни одного греха. И я его понимаю. Какой смысл представлять милосердие Божие, если исповедующийся говорит, что оно ему не нужно?! Нет, дайте мне честного грешника, того, который знает себе цену, знает, что он не безупречен.

Томас разгорячился, он мрачно хмыкал и смотрел на полку, где стояли труды Блаженного Августина, словно про себя продолжал спор со старым Отцом Церкви.

– Да… нет… – пробормотал он несколько раз, потом почесал бороду и взглянул на меня: – Думай лучше о словах Августина о том, как найти дорогу к самому себе: *"Мы пребываем в пути, и путь этот проходит не через внешнее пространство, но через внутреннее, где зло совершенных нами грехов преграждает нам путь, как густой кустарник".* Эти слова не столь обнадеживающие, но более действенные, чем все остальные, какие бы ты ни сказал.

И, лежа в постели в Тёнсберге, я думал о словах, которые мне процитировал Томас, лежал, не зная, что мой путь и мой кустарник скоро станут явными и что кустарник окажется более колючим и более густым, чем можно было подумать.

Понедельник 29 октября

Год 1703 от Рождества Христова

Глава 25

Я зевнул и потянулся, потом спустился на берег и сполоснул лицо, мне было зябко от холодного ветра, дующего с пролива. Рыбацкая шхуна подошла к берегу, и я помог вытащить лодку на берег. На ближайшем причале быстро соорудили что-то вроде трактира из того, что попалось под руку. Большие ящики служили столами, поменьше – стульями, натянутый парус защищал от капризов богов погоды, которые именно в ту минуту послали на землю шквал с дождем. Подняв воротник до ушей, я бросился в укрытие. Пара ящиков на краю причала были свободны, я стряхнул сюртук и сел так, чтобы между спящим на груде мешков нищим мальчишкой и составленных горой бочек мне был виден наш постоялый двор.

Нунций заявил, что этот день он также хочет провести в одиночестве и не желает меня видеть до ужина, который я должен буду принести ему в комнату. Так что все было в порядке. В моем распоряжении был целый день. Но вместе с тем мне было любопытно, какие планы у нунция, – собирается ли он провести весь день только в молитвах и размышлениях. Щепка была на месте, когда я встал утром, так что ночью он никуда не выходил.

Полногрудая женщина небрежно поставила передо мной две кружки пива и исчезла, не сказав ни слова. Я растерялся.

– Не волнуйся, одна кружка для меня, – сказал Томас и сел напротив меня. На нем по-прежнему была короткая куртка окулиста и соответствующий саквояж в руке, он жадно

припал к кружке, а потом вытер пену с губ. Пиво было хорошее, темное и крепкое. Оно приятно взбодрило меня.

С напряженным вниманием я смотрел на Томаса. Он поставил кружку, рыгнул и ответил на мой взгляд.

– На что уставился?

– Ты мне ничего не расскажешь?

Томас прищурился:

– А что я должен тебе рассказать?

– То, что не захотел рассказать мне у Сигварта: почему ты вдруг без предупреждения появился на нашем судне в одежде крестьянина, и почему ты вдруг занялся исцелением глаз и грыжесечением, и, вообще, почему я вчера не мог найти тебя в городе, хотя мы договорились тут встретиться.

– Меня задержали, и в городе меня не было… Кажется, то место называется Мелсомвикен? Шхуна везла бревна. – Он махнул рукой, чтобы нам принесли еще пива.

– Ну и что?..

Появилось пиво и надолго завладело его вниманием.

– Ты, по-моему, говорил… – хмыкнул он наконец и с наслаждением снова нырнул в кружку.

– Хватит, Томас! – вздохнул я. – Ты в Норвегии. Не дури голову ни себе, ни мне. Что ты тут делаешь? Ты должен сейчас быть дома с Ингеборг и девочками.

Томас стер с лица улыбку, отставил кружку и наклонился над ящиком. Он махнул мне, чтобы я склонился к нему, и понизил голос. За соседний столик сели несколько подмастерьев, они шумно чокались и во всеуслышание рассказывали друг другу непристойные истории, так что у нас не было необходимости шептаться. Я подставил ухо почти к губам Томаса и через его плечо следил за домом в усадьбе парусника.

– Ты знаешь, я сейчас работаю над новым Дворцовым законом, который с будущего года войдет в силу в Норвегии, и король приедет сюда, чтобы его освятить.

Я кивнул.

– Его Величество не без оснований полагает, что в Норвегии среди чиновников процветают мошенничество и мздоимство, что таможенники смотрят сквозь пальцы на груз, который следует обложить пошлиной, получая за это мзду. Похоже, это усилилось после того, как казначейство два года назад запретило здесь перевозки в открытом море. Вчера я получил сообщение о том, что собираются отправить груз бревен, и заставил таможенника, который сопротивлялся как мог, поехать со мной в тайную гавань торговцев, находившуюся в заливе, окруженном густым лесом. Видел бы ты, какие кислые рожи встретили нас, когда мы там появились, и таможенник предъявил документы, наложил штраф и взыскания на шкипера и на крестьян, которые торговали этими бревнами. – Томас хохотнул и снова глотнул пива.

– Но ведь им нужен какой-нибудь дополнительный доход. На берегу хорошо не заработать, – возразил я.

Томас раздраженно сморщился.

– Всюду нужно знать меру. Амтманн[11] Мандал ведет себя так, будто он управляет собственным королевством, вот я и хотел напомнить ему, кто на самом деле король, в том числе и здесь. Похоже, что Мандал и таможенник действуют сообща, обкрадывая и графа и казну. Я знаю, что подобные вещи происходят повсеместно, но нужно знать меру. – Он огляделся и повел рукой. – А что происходит в этом городе, находящемся в центре графства

Ярлсберг? Местные торговцы получили привилегии на торговлю бревнами и древесиной, на что они будут жить, если графские крестьяне станут делать что им заблагорассудится?

Я не нашелся что ответить.

– А чем ты занимался в Христиании?

– Тем же самым, – ответил он. – Вынюхивал и выглядывал, чтобы определить размер мздоимства и казнокрадства, выявить способ и средства, коими обманывают короля. Дворцовый закон должен это остановить.

Он вынул из кармана знакомый лоскут кожи и положил его передо мной.

– Я это изучил и… – он безнадежно махнул рукой, – и я этого не понимаю. По-моему, в буквах нет никакой системы, а потому я не нашел никакого разумного объяснения тому, что здесь написано.

– Может, это криптограмма или зашифрованное письмо? – спросил я.

– Не понимаю тебя.

– Это какая-то тайнопись. У Сигварта ты гадал, зашифровано это послание или это тайное письмо, криптограмма, и если "крипто" означает скрытый…

– Ах, вот оно что! – Томас усмехнулся. – Вообще все очень просто: существует два типа шифровки. По-гречески они называются соответственно "*steganografi*" и "*kryptografi*". "*Grafi*" – означает "писать", это тебе известно. Все дело в том, что оба слова, и "*steganos*" и "*kryfos*", означают "тайный, скрытый".

Он поднял кожаный лоскут и показал на дырочки от шнура.

– Этот шифр был скрыт от глаз, помнишь, кожа была сложена и зашита так, чтобы никто не видел, что там что-то написано. Вот это и означает слово "*steganos*". То есть нечто, скрытое от глаз, спрятанное так, что мы его вообще не видим.

Он показал на буквы.

– Сейчас они стали нам видны, но смысл написанного скрыт, мы видим буквы, но не понимаем того, что ими написано. А это уже криптограмма, понимаешь?

Наверное, такое раннее утро не располагало к урокам греческого языка. Томас взглянул на меня, нахмурился и принялся снова объяснять:

– Ладно… позволь привести тебе пример "скрытого" письма, то есть не криптограммы. – Он допил пиво и махнул, чтобы ему принесли еще. – Дай-ка подумать… ага, вот, старик Геродот рассказывает красивую историю о Гистиаиосе, который хотел склонить известного Аристагора из Милета поднять восстание против персидского царя. Гистиаиос написал этому Аристагору длинное послание о том, как он должен действовать, но сие руководство, естественно, должно было быть тайным, чтобы люди персидского царя не нашли его у гонца. В те времена люди не так торопились, как теперь, поэтому Гистиаиос обрил гонцу голову, написал на его коже свое руководство и подождал, чтобы волосы гонца немного отросли. После этого гонец отправился в Милет. Хотя в дороге его остановили и обыскали персидские солдаты, они не нашли ничего необычного. Но когда гонец прибыл к Аристагору, он попросил, чтобы ему снова обрили голову и таким образом смогли прочитать руководство.

Полногрудая мадам принесла нам еще пива и перед уходом бросила огорченный взгляд на мою кружку, которая оставалась почти полной. Томас выпил, облизнул языком губы и продолжал:

– Руководство было скрыто, очень хорошо скрыто. Его не нашли. Но если бы нашли и прочитали, планы того, кто его послал и кому оно было адресовано, были бы раскрыты.

Он с раздражением посмотрел на соседний столик, там громко смеялись и шумели над какой-то историей.

– Поэтому, – сказал он и наклонился ко мне, – люди начали изобретать то, что называется криптограммой или тайнописью, то есть шифрами, которые враг может обнаружить, он даже может понять, что это шифр, но который придуман столь изощренно, что сообщение все равно останется непонятным. – Томас развел руками. – Привести тебе пример?

Это была игра на публику, он горел желанием рассказывать дальше.

– Так вот. – Томас огляделся, словно надеялся, что сидящие по соседству горлопаны заинтересуются его рассказом и тоже захотят послушать. Но ему пришлось довольствоваться только моей особой. – Так вот. В тысяча пятьсот восемьдесят шестом году шотландская королева-католичка Мария Стюарт предстала перед судом в Англии, обвиненная в намерении убить свою кузину, английскую королеву-протестантку Елизавету Первую, и захватить престол.

Мария Стюарт, которая содержалась в одном поместье в Стаффордшире, действительно посылала из своего заточения письма людям, которых считали заговорщиками. Эти письма пересылались в полой затычке, которой закупоривали бочку с пивом, еженедельно доставляемом в поместье. Таким образом, письма были хорошо спрятаны от глаз тюремщиков. Мало того, они же были написаны тайнописью и оказались совершенно непонятными, когда их тайник в затычке был обнаружен. А его все-таки обнаружили.

Тайнопись, которой пользовалась Мария Стюарт в своих письмах, представляла собой знаки, изображенные буквами алфавита, и один знак обозначал целое слово или предложение. Например, крест мог означать “не”, а кольцо с точкой – “в другой день”.

Разоблачение переписки было само по себе трагично для шотландской королевы. Но было бы еще хуже, если бы шифр удалось разгадать и письма бы прочитали. Ибо то, что в них было написано, без сомнения, вело прямо на эшафот. Мария Стюарт и в самом деле вынашивала планы по свержению с престола королевы Елизаветы, дабы самой занять ее место.

Поэтому исход суда зависел от того, достаточно ли сложен шифр и смогут ли его разгадать. А можно сказать и так: достаточно ли опытным будет знаток шифров, чтобы понять систему, по которой шифр построен. И как ты догадываешься, он оказался достаточно опытным. Ибо нам известно, что королева Мария Стюарт лишилась головы.

– Но… нет, как же это оказалось возможным? – запротестовал я. – Если для того, чтобы передать содержание, – может быть, всего пятьдесят разных слов и выражений, – использовались разные знаки, по-моему, совершенно невозможно разгадать, что они означают.

– Да, отчасти ты прав. Но здесь речь идет не об угадывании. Напротив. Когда возникает необходимость разгадать шифр, речь идет о кропотливой работе. И эта работа, как и всякая научная работа, имеет свою логику, свои четкие правила, если тебе угодно.

Прежде всего, определяется частота повторения каждого знака и составляется список таких повторений. Потом подобные списки сравнивают с буквами алфавита и пытаются понять, какую букву представляет собой тот или иной знак. Например, “е” наиболее часто используемая буква в английском языке, и потому мы пытаемся поставить ее вместо определенного значка шифра. Следующая, чаще других употребляемая буква, – “а”, ее мы ставим вместо знака, который по частоте употребления стоит на втором месте, ну и так далее. Так мы продвигаемся вперед. На это уходят недели, месяцы, не меньше, если, как в случае с Марией Стюарт, один знак мог обозначать и слово, и целое предложение. Медленно, кропотливо, пробуя и ошибаясь, человек, который разгадывает шифр, начинает улавливать смысл в этой сумасшедшей бессмыслице. Возникают слова и фразы. Только к концу работы можно разрешить себе то, что ты считаешь невозможным, потому что тогда действительно

можно *угадать* зашифрованное слово или знак, уже исходя из общего смысла. Но, вообще, чтение шифров – это математика и наука высшего уровня, самого высшего.

“Он говорит почти как пастор”, – подумал я и взял кожаный лоскут, который лежал между нами.

– Но здесь речь идет не о незнакомых знаках, а о самых обычных буквах. Какой же это шифр?

– А незнакомые знаки и не нужны. Шифр, например, может быть построен на том, что буквы в алфавите получают другое значение, – сказал Томас. – Например, “к” означает “а”, “и” означает “б”, “м” означает “с” и так далее. Чтобы сделать его более непонятным для того, кто попытается его разгадать, можно добавлять знак, означающий, что следующая буква удвоена, например, ставить точку под или над буквой. Возможностей множество. Отправитель и получатель должны договориться о шифре. У них у каждого должен быть ключ к шиф ру, чтобы они могли написать или прочитать послание. Они пользуются им и когда пишут, и когда читают. – Томас сунул кожаный лоскут в карман.

– Ты думаешь, что в этом случае одни буквы заменяли другие?

– Нет, не думаю, – коротко ответил он, словно эта тема вдруг перестала его интересовать. Но меня-то она заинтересовала.

– Ты сказал, что не знаешь, тайнопись это или криптограмма. Разве по буквам не видно, что это криптограмма? – Я был горд, что понял его настолько, что в состоянии даже задавать вопросы.

Томас сердито глянул на меня из-за края кружки.

– Это может быть заблуждение, кто-то случайно написал случайные буквы, и они оказались похожи на шифр. Сам шифр может быть спрятан на этой коже в другом месте, может быть написан невидимыми чернилами… или что-то в этом роде. – Кружка опустела, и Томас постучал по деревянному ящику, ища глазами полногрудую. Она помахала ему рукой.

– Ты сам этому веришь?

Он сердито смотрел в пустую кружку.

– Нет! – буркнул он, и я понял, что этот шифр задел его за живое.

– Но это точно шифр? Ты в этом уверен?

– Конечно, шифр, – горячо прошипел он. – Все дело в том, что я не могу понять, на чем он основан. – Он попытался взять себя в руки, помолчал, снова достал кожу и сердито уставился на нее. – Нам надо продолжать работу над этим шифром, чтобы его разгадать. Я знаю, на это может уйти много времени, но, если это имеет отношение к убийству, времени у нас в обрез. Это-то меня и бесит. – Он нащупал пуговицу и задумчиво потер ее пальцами.

Какой-то галеон с прямым парусом приближался к пристани, став против ветра, он тихо скользнул боком к причалу, едва заметно ударившись об него. Ловкий капитан, подумал я. Полногрудая трактирщица принесла еще пива. Видно, сегодня Томаса мучила нешуточная жажда.

Томас снова обратился ко мне:

– Мы должны еще раз со всех точек зрения рассмотреть этот кусок кожи и убийство, они, несомненно, связаны друг с другом. Со всех точек зрения, да… – С отсутствующим видом он намотал полоску кожи на палец, почесал бороду этим “зашифрованным” пальцем и взглянул на меня. – Он держал эту кожу в руке? Я имею в виду Юстесена.

– Да, в левой руке.

– А в правой у него ничего не было?

– Нет.

Томас вздохнул:

– Не понимаю, зачем умирающему человеку понадобилось держать в руке кусок кожи с непонятным шифром. Как думаешь, он получил ее в этот же вечер?

– Ты имеешь в виду, что он получил ее от убийцы?

– Нет, не от убийцы. Зачем бы убийца стал передавать Юстесену какое-то зашифрованное сообщение, чтобы потом убить его до того, как этот несчастный его прочитал. Нет, это нелогично. – Томас схватил кружку и задумчиво буркнул, как будто даже не обращаясь ко мне: – А что еще было в том доме, что?.. – Он вдруг замолчал, по выражению лица казалось, будто он к чему-то прислушивается, вот оно сменилось выражением недоверия, он отшвырнул кружку и схватил соседа, толстого портного, за воротник. – *Что ты сказал?!* – проревел он в лицо перепуганному портному. – *Что ты только что сказал?!*

– Я только… только сказал… профессорская хватка… и все, больше ничего, – заикаясь, проговорил портной.

Его сотоварищи громко выражали свое недовольство поведением Томаса, и какой-то дюжий дубина, оказалось, что это бондарь, уже вскочил, чтобы помочь товарищу. Томас толкнул его свободной рукой, и он, упав навзничь, скрылся за ногами своих собутыльников. Томас приподнял портного до уровня своих глаз.

– Давай, расскажи еще раз про профессорскую хватку!

– Да… да, сейчас, – нервно кивнул портной и покосился на своих дружков – они больше не выражали желания прийти ему на помощь. И я их понимал. Томас, и вообще-то человек крупный и высокий, в негодовании становился огромен и пылал таким гневом, что у многих возникало желание сбежать, поджав хвост.

– Так вот… это было так: "Доброта лучше кнута, – сказал профессор Буберг, – можно скакать на своей жене, как на лошади, даже не взмахнув кнутом". – Портной судорожно глотнул воздух и осторожно добавил: – Хе-хе!

Томас отпустил его загривок, и портной с глухим стуком плюхнулся на ящик. В это время бондарь наконец поднялся на ноги, пошел на Томаса и взвыл от боли, когда Томас ногой двинул ящик ему в колено. Прыгая на одной ноге, бондарь скрылся на пристани.

– Где ты слышал эту историю? – спросил Томас портного с деланным спокойствием и сел. Я видел, что у него покраснели ноздри – верный признак того, что раздражать его дальше было опасно.

– От… от какого-то фрахтовщика из Фредрикстада. – Портной явно нервничал. – Я знаю много поговорок, – сказал он и услужливо посмотрел на Томаса. – Может, господин хочет послушать? Они неплохие.

– Неплохие, говоришь?.. – Голос у Томаса был подозрительно тихий, и я думал только о том, как помешать взрыву.

– Да, всегда можно узнать что-нибудь новенькое. – Мужики за столом закивали и заулыбались. – Бывают очень даже забавные.

– Забавные, – повторил Томас и сунул руку в карман. Глядя на ремесленников, он бросил на стол две кости, потом полез в другой карман и рядом с ними положил один риксдалер. – Я знаю этого профессора Буберга, – сказал он.

Люди вокруг недоверчиво зашумели.

– Так что же, выходит, он существует на самом деле? – спросил один.

– Конечно, существует. Хороший человек. Даже очень хороший, а эти истории… они только порочат его доброе имя. – Томас взял кости, подбросил их, и они рассыпались по столу, подкатившись к кружке. – Итак, бросаем кости. Если выиграете вы, риксдалер – ваш. Если проиграете, не будете сами и не позволите другим порочить имя профессора. – Он оглядел присутствующих. – Договорились?

– Два риксдалера, – осклабился оловянщик, – их будет легче разделить на пять человек.

Томас осклабился в ответ и положил на стол еще один риксдалер:

– Тебе бы поучиться счету у профессора Буберга, если ты думаешь, что сто девяносто два шиллинга легче разделить на пять, чем девяносто шесть. Но все в порядке, ставлю два риксдалера. Я начинаю.

Я даже рассердился, увидев, что Томас взял фальшивые кости, которые отобрал у Расмуса Крестьянина, когда мы были в Ютландии несколько лет назад. "Нечего и гадать, кто выиграет в эти кости", – подумал я и улыбнулся.

С этими костями Томас мог выиграть у любого, стоило правильно направить ртуть, которая была в этих костях.

В эту минуту я заметил знакомую фигуру – нунций вышел из постоялого двора и запер за собой дверь.

– Мне надо идти, – шепнул я Томасу, не уверенный, что он слышит меня. Он как раз договаривался с ремесленниками о правилах игры.

Нунций постоял с минуту, глядя по сторонам. Я спрятался за бочками и ждал, он завернул за угол дома и пошел по Грязному переулку. Дождь перестал, но по улице еще бежал небольшой ручей, и потому надо было следить, чтобы не попасть в лужу. В некоторых местах в качестве мостков были положены расщепленные вдоль бревна, так что через самую сильную грязь можно было пройти, не погрузившись в нее по щиколотку.

Следить за нунцием было легко, ибо он шел не оборачиваясь. Он свернул налево и пошел по Ланггатен, мимо ратуши, а потом – направо через базарную площадь. На плече у него болталась его обычная сумка, он задержался на базаре, чтобы купить яблок, помедлил в нерешительности, а потом протянул монету смешливой торговке, и она, в свою очередь, отсчитала ему сдачи горсть мелочи. После этого он, грызя яблоко, пошел вдоль церковной ограды; подняв голову, он осмотрел высокую церковь Святой Марии, задержался у лавки, где долго рассматривал продающиеся там ножи и ножны к ним. Пьяный юнга наткнулся на него и плашмя растянулся в грязи и конском навозе, нунций помог ему подняться, что-то сказал и пошел дальше, обходя лужи, коровьи лепешки и грязных лошадей. Он старался держаться подальше от телег и тачек, которые грохотали по улице, разбрызгивая тучи брызг, и от мясника, который как раз в это время свежевал барсука.

У Эврегатен нунций остановился перед господином, стоявшим в дверях дома, и, судя по всему, о чем-то спросил. Господин выслушал его, махнул рукой, показав на дорогу, ведущую к берегу, и что-то ответил. Я прятался за толстой кухаркой, которая торговалась из-за хромой курицы, и не спускал глаз с нунция. Звонкий смех на площади заставил меня в изумлении уставиться на людскую толпу. Смех показался мне знакомым. Я смотрел на торговцев, ища глазами фрейлейн Сару и ее смеющееся личико. Но если смех несомненно принадлежал ей, то ее самое я не видел.

В задумчивости я все-таки не спускал глаз с рыбной лавки. Мне показалось или кто-то действительно шмыгнул за лавку, как только я оглянулся? Пойти и посмотреть, кто там прячется, мне помешал нунций, который пошел дальше. Пришлось бежать следом за ним, чтобы не потерять его из виду. Но подозрение, что за мной кто-то следит, продолжало меня грызть, я даже оглянулся, но ничего особенного не заметил. Если кто-то и следил за мной, как я за нунцием, то он так хорошо прятался от меня, что я в конце концов успокоился и решил, что все это мне только почудилось.

Нунций спустился по Эврегатен к Ланггатен, свернул на север и остановился у усадьбы какого-то торговца, состоящей из двух бревенчатых домов. Там он остановил проходившего мимо бродягу, огляделся по сторонам, быстро вытащил из сумки что-то белое и сунул ему. Что это было? Письмо? Кажется, он положил ему в руку монету и подтолкнул к усадьбе торговца? Сам же быстро пошел дальше не останавливаясь, пересек площадь возле церкви

Святого Лавранса, свернул к морю, постепенно шаг его замедлился – важному господину не подобало спешить. Он спокойно шел через доки между снующими плотниками и орущими строителями, занятыми на постройке трехмачтового судна, рядом на стапелях стоял в ожидании починки голландский паром. Я в нерешительности и в последний раз посмотрел на нунция и помчался обратно к усадьбе торговца; там я схватил первого же попавшегося мальчишку-работника и спросил, кому принадлежит эта усадьба.

Парень сбросил на землю мешок с мукой и почесал голову.

– А кому она может принадлежать, как не торговцу Туфту? – ответил он, не спуская с меня любопытных глаз. – Только его здесь сейчас нет, он в Стокке. Скоро вернется.

– Торговец Тругельс Гулликсен Туфт? – спросил я срывающимся голосом.

– Ну да. – Парень был удивлен.

Я повернулся и, ничего не сказав, снова пошел к морю.

Глава 26

Когда я опять увидел нунция, он шел по направлению к Нордбюен. Спокойно шагал, заложив руки за спину, и смотрел на Дворцовую гору. Я незаметно следовал за ним, видел, как он купил пиво у какой-то шинкарки, сел на лавку и с наслаждением его выпил, а потом затрусил дальше и, дойдя до Смёргорден, вдруг обернулся.

Неожиданно я оказался в трудном положении – на пустой дороге скрыться мне было негде. Я прошмыгнул в какой-то двор и, к изумлению маленького мальчика, сунувшего палец в рот, спрятался за висевшим там бельем. К счастью, нунций повернул обратно в город, не бросив даже взгляда в мою сторону.

Когда мы миновали усадьбу Мадсегорден, я один раз оглянулся, чтобы посмотреть, не идет ли кто-нибудь за мной… или за нами. В то же мгновение высокая фигура нырнула в ворота усадьбы. От удивления я открыл рот и долго смотрел в ту сторону. Если я не ошибся, в ворота свернул человек с лошадиным лицом, тот самый, кого я видел разговаривающим с комендантом Штормом во Фредрикстаде. В растерянности я глядел по сторонам, переводя взгляд с нунция, который вскоре скрылся по направлению к Ланггатан, на усадьбу Мадсегорден, безусловно, самую большую и красивую во всем городе. Следует ли мне разузнать, что этому человеку от меня надо? Он ли следил за мной во время моей прогулки по городу?

Нунций скрылся за телегой, и я поспешил за ним – как бы там ни было, а я отвечал за его безопасность.

Ни разу не остановившись, не поговорив ни с одной живой душой, он снова прошел через площадь, спустился по Киркегатен к пристани и берегом направился к постоялому двору парусника, но неожиданно чей-то окрик заставил его остановиться. На деревянном ящике импровизированного трактира сидел Томас, махал ему рукой и что-то кричал. Нунций натянуто улыбнулся, потом подошел к нему и, помедлив, сел на свободный ящик. Ремесленники уже ушли, и после дождя там уже почти никого не осталось.

Я быстро пошел к Ланггатан и к Грязному переулку, а там спустился к фьорду – получилось, будто я появился на берегу с другой стороны. Я взбежал по лестнице на причал, подошел к ящикам, на которых они расположились, и поздоровался с ними обоими, сидевшими каждый со своей кружкой пива.

– Господин Хорттен, присоединяйтесь к нам! – с облегчением воскликнул нунций при виде меня.

Томас глянул на меня через плечо и усмехнулся:

– Безумец безумца всегда найдет.

Нунций растерялся, хотел что-то сказать, но тут раздалась барабанная дробь. Люди вокруг подняли головы и увидели идущего из города барабанщика. Рассыпав новую дробь,

барабанщик поднялся на причал, убрал в футляр палочки, достал какую-то бумагу и громко прочитал вслух:

Всем высокоблагородным и знатным господам и горожанам.

Завтра, тридцатого октября года тысяча семьсот третьего от Рождества Христова, горожане созываются на встречу в ратушу. Прийти следует в половине одиннадцатого, будут слушаться и обсуждаться дела самой серьезной важности.

С глубочайшим уважением, бургомистр Педер Клаусен Нёрхолм.

Барабанщик проследовал дальше вдоль причалов, по пути он несколько раз барабанной дробью привлекал к себе внимание людей и повторял свое сообщение.

– Что это? – спросил нунций.

– Завтра состоится собрание в ратуше, – с готовностью объяснил Томас, окулист, по-немецки. – Горожанам должны сообщить об указах и рескриптах короля, а также, возможно, о распоряжениях наместника или губернатора.

Нунций равнодушно кивнул и глянул на Томаса, глаза его блеснули:

– Вы по-прежнему считаете, что все религии непоследовательны по своей сути?

Томасу понадобилось время, чтобы опомниться. Обычно он сам задавал такие неожиданные вопросы, и мне было приятно видеть его, пусть и недолгое, смущение.

– Э-э… да, то есть так считал мой старый учитель.

– Поскольку вы так хорошо это запомнили, у меня есть все основания полагать, что и вы тоже разделяете это мнение?

Томас улыбнулся своей глуповатой улыбкой.

– Да-а, не исключено, что так.

– И какую же непоследовательность вы находите в христианском учении? – Нунций с надменным видом откинулся на груду мешков, сложенных у него за спиной.

– Ну, как вам это лучше объяснить? – смущенно сказал Томас с таким видом, будто он напряженно о чем-то думает. – Явно, что уважаемый господин приехал к нам из другой страны, что он не норвежец, и потому я смею предположить, он не ждет, что мы должны следовать всему, что сказано в Священном Писании. – Он посмотрел на нунция, ожидая подтверждения своих слов.

– В Библии есть много указаний, как человеку следует прожить свою жизнь и как относиться к ближним своим, – сказал нунций.

Томас смущенно потянул себя за рукав и поднял глаза:

– Поскольку вы – чужеземец, вы не можете думать, что следует выполнять все, что требует Писание?

– То, что я чужеземец, – раздраженно фыркнул нунций, – вовсе не значит, что я отвергаю некоторые части Библии. Разумеется, все, сказанное в Писании, следует выполнять.

– Все?! – Томас сделал глупо-удивленное лицо.

– Да, безусловно. Это не та книга, из которой можно выбрать то, что тебе нравится, и отбросить остальное.

– И в это "все" вы включаете также и все Книги Моисеевы?

– Да, все без исключения! – повторил нунций, и щеки его слегка покраснели от возбуждения.

– И Пятую Книгу Моисееву тоже?

Нунций не соизволил ответить, по нему было видно, что он сейчас встанет и уйдет.

Томас наклонился вперед:

– Но там в четырнадцатой главе, стих двадцать первый, говорится: “Не ешьте никакой мертвечины; иноземцу, который случится в жилищах твоих, отдай ее, пусть ест ее, или продай ему”. – Так там написано, и если вы считаете, что мы должны следовать Библии, и в то же время находитесь в чужой стране…

– Естественно, что некоторые древние правила уже устарели, – прервал его нунций. – Новая церковь, какая она сейчас есть, основывает свое учение прежде всего на Новом Завете.

– Значит, в Новом Завете нет никаких противоречий?

– Абсолютно никаких. Тексты о Сыне Божием и Святой Матери Божией – это слова любви, и в них нет никаких противоречий.

– Значит, когда Евангелие от Марка говорит, что в своем родном городе Иисус исцелил несколько человек, а Евангелие от Матфея говорит, что Он в том же месте исцелил *все* болезни и *всех* немощных среди людей, в этом нет никакого противоречия? Или когда в одном месте говорится, что Он пробыл в Иерусалиме один год, а в другом, что Он пробыл там *три* года?

– Это несущественные мелочи. – Нунций раздраженно махнул рукой. – Что значат какие-то цифры по сравнению с тем, что человек всегда находится в руках Божиих – и в этой жизни, и в будущей? Или вы отрицаете будущую жизнь? Взгляните, во что лютеранская Церковь превратила обряд погребения. Я видел одни похороны в Копенгагене. Серая и долгая церемония, на которой пастор произнес скучные предостережения оставшимся в живых. А должен был бы проститься с покойником и выразить заботу о нем, прочитав молитву, и таким образом передать его в руки Божии.

Я сердито наблюдал за тем, как посланец Папы поносит мою Церковь и мою веру. Неужели он не понимает, что это его Церковь, заблудившись, ушла от Бога? Мой гнев выплеснулся через край:

– Лютер видел все украшения и фокусы, которыми Папы Римские заполнили религию, и он удалил их, чтобы вернуться к чистому христианству, к христианству без святых, реликвий и торговли у алтаря. Лютеранская Церковь – это не случайная мешанина, созданная алчными Папами и предписанными ритуалами. Она продуманна, в ней нет ничего случайного, когда дело касается церковного учения и ритуалов. – Я тяжело дышал, с бьющимся сердцем схватил свою кружку и ждал возражений нунция. Но заговорил вовсе не нунций.

– Увы, должен вас разочаровать, господин Петтер, – произнес Томас и насмешливо посмотрел на меня. – Но и в лютеранской Церкви не все так хорошо продумано, как вам кажется. И это доказывают первая и последняя молитва богослужения, которые читает звонарь. Они были задуманы как чтение и поучение для детей и подростков, чтобы со временем эти молитвы стали их тихим и личным разговором с Богом при входе и выходе из Дома Его, они и читаются от первого лица, что господин Петтер, разумеется, знает. Но, возможно, церковные служители оказались туповаты, и им трудно давалось учение или, может быть, сила привычки оказалась слишком велика, а память – слаба. Во всяком случае, прошло уже сто лет с тех пор, как епископ Брокманн временно ввел чтение этих молитв, а звонарь до сих пор читает их, причем читает для всех прихожан. И, думаю, он будет читать их еще двести и триста лет, если только Судный день раньше не остановит его.

Нунций слушал Томаса, сильно наморщив лоб, никакой радости по поводу этой неожиданной поддержки я в нем не заметил.

– Кто вы? – спросил он у Томаса. – Где получили такие знания? Ведь вы обычный торговец или?..

– Окулист и мастер по грыжесечению, – поспешил сказать Томас.

– В хорошее место вы привезли иностранного посланца! – Юнкер Стиг стоял за спиной у нунция, наморщив нос.

Не поднимая глаз, Томас показал ему на ящик, чтобы он сел. Нунций, который не заметил, как подошел юнкер, сбитый с толку, растерянно смотрел на руку Томаса. Он несколько раз моргнул и обратился ко мне:

– Папа! Как вы смеете так неуважительно говорить о Папе, наместнике Бога на земле! Словно король достойная ему замена! А чего стоит ваш король! Не моргнув глазом, он женится на своей любовнице на глазах у своей супруги королевы. И называет это "левой женитьбой". – Нунций презрительно фыркнул. – А я называю это двоеженством и богохульством, чтобы не сказать хуже! Каждый второй житель был бы строго наказан за такое поведение, но король… он и пишет законы, и сам же их нарушает.

Юнкер Стиг сел, и его черные глаза впились в папского посланца. Однако он молчал. Томас – тоже.

Я не спускал с них глаз. Возразить нам было нечего. Хотя пренебрежение нунция относилось к *нашему* королю.

– В Писании есть много примеров, когда мужчины имели двух жен или даже больше, – сказал я и почувствовал, что ступил на зыбкую почву. – И наш король… по крайней мере, он лучше, чем царь Давид, который, чтобы заполучить Вирсавию, послал Урию на верную смерть!

Я замолчал и смотрел на воду. Я защитил своего короля, защитил так, как и надлежало королевскому слуге. Но нунций знал, что наступил нам на больную мозоль. И Томас тоже знал это. И юнкер Стиг.

А я понимал, что его защищает только мой язык. Но защищало ли его мое сердце?

Глава 27

– Два с половиной риксдалера плюс три марки на жратву, и ни шиллингом больше, – твердо сказал Томас. Один из гребцов хотел еще поторговаться, но второй, видимо, лучше разбирался в людях и понял, что Томаса не переубедишь. Он протянул руку, и они с Томасом обменялись рукопожатием, скрепившим их договор. Томас как раз прыгнул в лодку, когда я подошел к ним.

– Куда это ты собрался?

– Во Фредрикстад, – ответил Томас. Гребцы оттолкнулись от деревянного причала и взялись за весла. – Надо получить ответы на несколько вопросов.

– На какие вопросы? – крикнул я.

– На разные! Почему он, собственно, сюда приехал, что видела девчонка во дворе у Юстесена, о Тросвике. На разные, – ответил Томас. – Вернусь завтра до полудня. – Он что-то сказал гребцам. И те напряглись, вкладывая всю силу в каждый взмах весла.

Меня вдруг озарило.

– Наверное, каждый, кто получает зашифрованное письмо, имеет ключ, чтобы его прочесть, что-то вроде словаря или чего-нибудь в таком роде? – крикнул я.

– Молодец, Петтер! Я поищу!

– Он передал письмо торговцу Туфту! – крикнул я. Томас махнул мне рукой, и вскоре его лодка скрылась за мысом, направляясь в открытый фьорд.

Я огляделся по сторонам. Юнкер Стиг давно ушел. Он подходил к нам лишь для того, чтобы сказать нунцию дей Конти, что пробст приглашает их, не меня, на осмотр церкви Святого Лавранса, которую наконец отремонтировали после последнего пожара. Осмотр, естественно, должен был закончиться приятным обедом.

Я поплелся на базарную площадь, раздумывая, чем бы мне занять остаток дня. Нунций отправился в свою каморку, чтобы переодеться, и хотя мне вскоре предстояло проследить, чтобы он благополучно добрался до усадьбы пробста, до его возвращения поздно вечером я был свободен.

На тесной базарной площади было людно, дождь давно перестал, но сотни ног и копыт превратили землю в одну сплошную грязную лужу. К счастью, я оказался достаточно предусмотрительным и надел сапоги, когда провожал нунция в его каморку. Белые облака, высоко висевшие над нами, обещали на некоторое время спокойную сухую погоду. Босой мальчишка-посыльный с горкой лепешек на деревянной доске прокладывал себе дорогу, – вот он, не заметив, наступил на свежую коровью лепешку и исчез среди людей и скота. Люди болтали, торговались, толкались, бранились, торговцы кричали, предлагая и расхваливая свой товар, лучший во всей Норвегии, овцы блеяли, лошади ржали, куры кудахтали, все были в прекрасном настроении, не считая маленького пятнистого поросенка, который чувствовал приближение ножа и жалобно визжал. Я глядел по сторонам, мне было приятно снова оказаться в Тёнсберге. Какой-то крестьянин с коровой отошел в сторону, и я увидел ее, увидел, еще не совсем понимая, что это она.

Девушка, вернее, молодая женщина, сидела на земле, на разостланном покрывале, сидела, окруженная свертками красивой разноцветной ткани, она улыбалась людям, хвалила свой товар, уверяла, что это лучшая голландская ткань, – ее краски выдерживают бесконечные стирки, она соткана из прочнейшей пряжи, вот шелковые ткани, вот шерстяные и льняные. Одна горожанка пощупала шелковое покрывало, что-то сказала, и молодая женщина что-то ей ответила и засмеялась. Да, она смеялась. Смеялась звонким смехом, я не спускал с нее глаз, да, это была она – фрейлейн Сара собственной персоной сидела на земле на базаре и разговаривала по-норвежски, без единой ошибки и с такими ударениями, какие можно услышать только в окрестностях Тёнсберга.

Я подошел ближе, остановился наискосок от нее, смотрел на ткани, на пестроту красок, на ее затылок, на волосы, спрятанные под белым чепцом, на темно-русые локоны, которые выглядывали возле ушей, на уши, покрасневшие от холодного воздуха, от возбуждающей игры в торговлю, на щеки, на улыбающиеся губы, на глаза…

Неожиданно она замерла, словно затылком почувствовала мой взгляд. Горожанка обсуждала со своей служанкой качество ткани. Фрейлейн Сара медленно повернула голову и увидела меня. На мгновение ее глаза расширились, и стал ясно виден белок вокруг зрачка, шея покрылась красными пятнами.

– Господин Петтер, – проговорила она.

– Фрейлейн Сара! Или я должен говорить “фрёкен” Сара? Или ваше имя вообще не Сара?

– Конечно, Сара! – горячо сказала она. – Неужели вы думаете, что я назвалась бы вам вымышленным именем? Никогда! – Она словно опомнилась. – Но…

Горожанка протянула ей ткань и спросила:

– Сколько вы хотите за локоть этой дивной ткани?

Фрёкен Сара уже собиралась ответить, как в их разговор вмешался властный голос.

– Что здесь происходит? – К маленькой торговой площадке фрёкен Сары протиснулась невысокая, но представительная фигура мужского пола и строго уперла руки в бока. – У вас есть разрешение заниматься торговлей в Тёнсберге? – Торговец Туфт неприязненно смотрел на фрёкен Сару. – Я как инспектор по незаконной торговле в этом городе хотел бы взглянуть на разрешение, полученное вами от городского судьи.

– Я могу торговать и здесь, и на любой другой площади, – сердито ответила фрёкен Сара.

– Да, но не такими дорогими тканями. – Туфт указал на свертки. – Эту ткань привезли из далеких стран. Позвольте взглянуть на таможенные документы. Я должен убедиться, что таможенные сборы были оплачены по закону.

Он расправил плечи и огляделся по сторонам. Вокруг уже собралась толпа, люди подошли, чтобы бесплатно насладиться спектаклем, который вот-вот должен был разыграться перед ними. Тругельс Гулликсен Туфт вскинул голову и повысил голос, я помню, что точно так же он делал и на Лёвёйене, когда хотел, чтобы его выслушали:

– Если каждый начнет торговать так, как ему вздумается, городское хозяйство рухнет. Зачем нам нужны предписания, договоры, привилегии и патенты, если никто не будет с ними считаться? Эта молодая дама подрывает торговые устои нашего города и… – он показал на фрёкен Сару дрожащим пальцем, – и если вы не уберетесь отсюда, пока я считаю до десяти, я позову городского судью, и вас бросят в тюрьму на всю ночь.

Фрёкен Сара в отчаянии с мольбой смотрела вокруг, она пыталась встретиться со мной глазами, но как раз в ту минуту кто-то схватил меня за руку и утащил с площади, где разыгрывался этот спектакль.

– Разве я не велел вам зайти за мной? – прошипел нунций, уводя меня подальше от улюлюкающей толпы, наблюдавшей за этой сценой. – А вы тут наслаждаетесь представлением, устроенным этими обезьянами, этой чушью, вместо того чтобы исполнять свой долг. – Он взмахнул рукой. – Ладно! Показывайте дорогу!

– Но…

– Без разговоров! Или ваш любезный и высокоблагородный король узнает, что вы не выполняете мои приказы, – прошипел он у меня за спиной, пока я вел его с базарной площади.

Я договорился с пробстом о том, когда я должен забрать нунция, и уже собирался тут же вернуться на площадь, но не успел сделать и шага, как кто-то выскочил из ближайших ворот, схватил меня за плечо и повернул лицом к себе. Я оказался перед юнкером Стигом, он тяжело дышал и без конца оглядывался по сторонам.

– Вы охраняете его? – прошептал он и сжал мне плечо.

– Нунция… дей Конти? Да… да, конечно, – с удивлением проговорил я.

Он потянул меня в ворота и тихо сказал:

– Происходит что-то странное. Я не знаю, что именно. Вы что-нибудь заметили?

Я еще не опомнился от внезапного появления этого благородного господина и с трудом успокоился, прежде чем сумел ответить:

– Я… мне показалось, что кто-то шел за ним… то есть за нами… когда мы утром шли по городу. Преследующий нас человек прятался.

– Вы видели, кто это был?

– Нет, но…

– Но что?

– Но я видел одного человека из Фредрикстада… Он скрылся в каком-то доме, когда я обернулся.

– Вы знаете, кто это был? – Взволнованный юнкер наклонился ко мне и крепко сжал мне плечо.

– Нет, но он… он… – Я хотел сказать, что он во Фредрикстаде разговаривал с комендантом Штормом, но вспомнил, что юнкер Стиг был дружен с комендантом и посетил его, как только мы прибыли в город. Он бы никогда ни в чем не заподозрил коменданта. – У

него было длинное лицо, это единственное, что я успел заметить. Вид у него был зловещий, – пробормотал я.

Юнкер Стиг задумчиво кивнул, глядя на мое плечо, и отпустил меня.

– Я это предчувствовал, – тихо сказал он, вокруг губ у него появились горькие складки. – Предчувствовал, что кто-то последовал за нами через фьорд. Не знаю, хотели ли они задержать нунция или только вступить с ним в разговор, но что-то, вернее кто-то, за нами следил… – Голос его замер, он прикусил губу, потом поднял голову и посмотрел мне в глаза: – Господин Хорттен, вы вели себя правильно, продолжайте в том же духе. – Он уже хотел уйти, но остановился. – Я приму на себя ответственность за посланца Папы до тех пор, пока вы не встретите его после обеда у пробста, так что до тех пор вы можете быть свободны.

– Что вы имели в виду, говоря, что ему угрожает опасность? – спросил я, но юнкер уже шагал по улице и быстро скрылся из глаз.

Голова у меня окончательно пошла кругом, когда я, вернувшись на площадь, нашел пустоту на том месте, где фрёкен Сара продавала свои ткани.

Крестьянка, которая торговала овощами рядом с фрёкен Сарой, охотно поведала мне о том, что случилось. Она не без удовольствия сказала, что эта дерзкая девушка испугалась, когда торговец Туфт пошел за городским судьей. Она сгребла свои разбросанные ткани и убежала, прижимая их к груди. Поэтому пришедшие вскоре стражи ее уже не нашли.

– Ты знаешь, где она живет?

– Нет. А то я сказала бы это судье. – Торговка поджала губы. – Мы, честные люди, не можем допустить, чтобы кто угодно продавал свой хлам здесь на площади.

Тёнсберг имеет мало общего с Копенгагеном – Сигварт говорил, что он в молодости измерил город шагами и насчитал тысячу триста пятьдесят шагов в длину и пятьсот три шага в ширину, но если ты ищешь человека, который прячется от судьи, город оказывается достаточно большим. Хотя я опросил все постоялые дворы, трактиры и харчевни, хотя обыскал все склады, пакгаузы и пустые здания, в которые мог попасть, обшарил все переулки и сады, спрашивал у сторожей и бесчисленных бездомных, не видели ли они девушку со свертками ткани, фрёкен Сару я так и не нашел. Зато в церкви Святой Марии я видел Герберта, стоявшего на коленях в глубокой молитве.

После того, как я привел нунция от пробста на наш постоялый двор, я сделал еще один круг по городу и в конце концов, потеряв всякую надежду, был вынужден вернуться домой. Перед тем как лечь, я убедился, что нунций уже спит в своей постели, и осторожно засунул в его дверь новую щепку.

Но уснуть, вспоминая нервные слова и поведение юнкера Стига, мне было трудно.

Вторник 30 октября

Год 1703 от Рождества Христова

Глава 28

– А-а-а!.. А-а-а!.. А-а-а!..

Этот стон медленно проник сквозь густую трясину, которая сковала мое сознание. Он повторялся регулярно, однообразно, и мой слух жадно ухватился за него, помогая мне понять, что это стонет человек; как ни странно, стон следовал за движением моей грудной клетки, которая поднималась и опускалась где-то на краю сознания.

Я ранен, пронеслось у меня в голове. От этой мысли из головы в тело хлынул поток боли, оно неожиданно повернулось на бок, и меня вырвало. Я кашлял, меня рвало, к моей щеке прижималось что-то мягкое и волосатое, когда я открывал рот, оно щекотало меня, я снова откинулся на спину и осторожно открыл глаза.

Сначала все было темно. Меня окружала мохнатая темнота, похожая на ночное облачное небо, когда выпавший недавно снег поглощает больше света, чем отдает. Потом медленно проступили контуры стропил, державших крышу, планки обшивки в углах, фонарь. Стеариновые свечи в фонаре не были зажжены. Я осторожно повернул голову и осмотрел стену – панели, расписанные красивым узором, шторы, темные, тяжелые, портрет мужчины, в его лице было что-то знакомое, распятие, в распятии тоже было что-то знакомое. Так же осторожно я повернул голову в другую сторону, оглядел стену – такие же расписанные панели, шторы, темные, тяжелые, мебель, шкаф, книги на полках, высокие, тонкие, по-видимому, счетоводные книги, спинка стула, простой деревянный стул с прямой без узора спинкой, я еще немного повернул голову и увидел сиденье стула и его ножки, потом письменный стол с ящиками, но его ножек я не видел, их загораживало что-то темное, я осторожно приподнял голову, чтобы понять, что это такое, и увидел ступню, голень, тело и, наконец, лицо, синевато-бледное в этом слабом свете, глаза смотрели прямо на меня, но меня они не видели.

– Торговец Туфт! – воскликнул я и со стоном встал на ноги. В глазах у меня потемнело, но я оперся о письменный стол и упал на колени у груди Туфта. Когда я разжал ладонь, чтобы пощупать пульс у него на шее, у меня из руки что-то выпало на пол. Шея торговца была безжизненная, не холодная, но уже и не теплая. На меня смотрели неживые глаза, и налет смерти уже отметил его кожу. Туфт лежал на боку, над левым ухом у него была рана. “Упал и ударился головой о письменный стол, – подумал я. – Или об пол”. Я посмотрел вниз, куда упало то, что выпало у меня из руки. Это был валек.

Я нервно вскочил. Почему я держал в руке валек?

В комнате не было никого, кроме торговца Туфта и меня. Дверь на улицу была закрыта. На письменном столе среди бумаг и письменных принадлежностей в подсвечнике горела одинокая свеча, дававшая мало света. Она догорела почти до конца, и пламя было совсем маленькое. Через несколько минут оно погаснет.

Что я здесь делаю?

Я откинул штору и выглянул в окно. Было темно, но мне показалось, что на востоке уже брезжит рассвет.

Надо отсюда бежать! Если меня здесь найдут, меня повесят за убийство Туфта!

Нет! Глупости! Никто такому не поверит. Зачем мне понадобилось убивать торговца Туфта? Какая глупость. Никто этому не поверит.

Нунций!

Не знаю, почему я вспомнил о нунции, но вдруг подумал, что ради него мне важно отсюда выбраться.

Я был уже возле двери, однако остановился, раздув ноздри. Запах! Запах рвоты… или испражнений. Я оглядел себя, оглядел коврик, на котором я лежал головой. Ковер перед письменным столом был толстый и мягкий, зимой он согревал ноги Туфта, догадался я. Меня стошнило прямо на ковер – коричневатый небольшой комок, похожий на земляной орех. Я нашел на полке новую стеариновую свечу, зажег ее от старой и при ее свете стал разглядывать покойного. В уголках рта у него виднелась слюна. Я перевернул его на спину и обнаружил, что Туфта перед смертью вырвало. Блевотина прилипла к его голове, как жидкая каша, от нее воняло, и она была зеленоватой от желчи. Свет свечи полз по его телу, словно живое существо, а я со страхом смотрел на его ноги. Вонючая жижа, еще не проникшая сквозь толстую теплую материю, приклеила штаны к коже.

Я с удивлением смотрел на его кожу, на глаза, на язык, видневшийся за коричневыми зубами. И как будто снова видел Юстесена, это опять был яд.

Я бросился к двери, рванул ее, выбежал на галерею, свеча погасла, и я швырнул ее через перила. Прохладный ночной воздух дохнул мне в лицо и охладил голову настолько, что я смог спокойно спуститься по крутой лестнице. Ноги сами находили дорогу среди бочек, деревянных ящиков и груды мешков, занимавших весь двор, они быстро вынесли меня из темноты к углу дома. Выглянула луна и залила город призрачным светом. Я быстро оглядел улицу и, не увидев на ней ни фонарей, ни людей, бросился из усадьбы Туфта. В спешке я не заметил в тени у стены дома стопку мешков и, споткнувшись о них, чуть не упал.

– Ах ты негодник, мерзавец, чтоб тебя! – завопила старуха в лохмотьях, высунув голову из мешков. Она сыпала мне вслед бранью: – Дрянь негодная, чего тревожишь бедную женщину, подлец!

Я смущенно пробормотал извинения и побежал дальше.

В голове стучало, по лицу струился пот, и я дрожал от ночного холода, пока наконец не оказался у двери в свою комнату. Дрожа от холода, а может, и от лихорадки, потому что тело мое то и дело пронзали маленькие молнии, я забрался под перину, закрыл глаза и затих. Я ждал покоя, безопасности, ждал, что на меня снизойдет сон и я отдохну. Я был напряжен, как натянутая тетива лука. В какой-то точке за левым ухом и в затылке сверлила, усиливаясь, боль. В голове стучало. Я осторожно потрогал рукой больное место. Оно было влажным и липким. Наверное, это была кровь.

Но я был не в силах встать и осмотреть рану, а уж тем более что-то предпринять, я хотел только спать, хотел отдохнуть.

Отдохнуть… заснуть… если бы только у меня не стучало так в голове. Эта рана… стучало именно в том месте. Откуда у меня рана, откуда кровь? Что случилось?

Я ничего не помнил… ничего. Ни одной мелочи.

Нет! Неожиданно я кое-что вспомнил и в темноте широко открыл глаза. Я вспомнил, что у нунция в двери не было щепки!

Глава 29

Я осторожно постучал в дверь. Никакого ответа. Глаза снова пробежали по двери в надежде, что я просто не заметил щепку, но ее действительно не было. Я снова постучал, уже громче, подергал дверь, она была заперта на засов. Опять подергал. Назвал свое имя. Потом его. Наконец в комнате кто-то зашевелился. Дверь скрипнула, приоткрылась, и в узкой щели показался нунций, заспанный и явно раздраженный, это было хорошо видно при свете моей свечи.

– Простите… я только хотел убедиться, что с вами все в порядке, – заикаясь, проговорил я.

– Все будет в порядке, если мне не будут мешать спать по ночам, – хмуро проворчал он и захлопнул дверь. Засов вернулся на место. Шаркающие шаги. Я слышал, как он взбил перину, лег, вздохнул, и все затихло.

Вставив в дверную щель новую щепку, я тихо прошмыгнул к себе, закрыл дверь на засов и забрался под перину.

Сомнений не было: этой ночью нунций покидал свою комнату!

У меня неожиданно появилось чувство, что я знаю больше, чем могу вспомнить. Если бы только у меня не болела так голова! Я лежал не двигаясь, боль чуть-чуть отпустила, я спокойно дышал и пытался представить себе, как я подошел к двери нунция и обнаружил, что щепка исчезла.

Перед глазами медленно возникла картина – и звук – нунций возился у себя в комнате, это-то меня и разбудило в самом начале ночи, я услышал, как скрипнула его дверь! Вспомнил, что я оделся и тихонько вышел из дома. Нунций крался по берегу с фонарем в руке, я пошел за ним.

Сегодня ночью я шел за ним!!! Это сознание заставило меня сесть в постели. Со стоном я схватился рукой за затылок. Мысленно увидел на полу мертвого торговца Туфта, его синеватую кожу, блевотину, испражнения. Неужели и там побывал нунций?

Я осторожно снова лег и попытался вспомнить путь нунция через ночной город. Постепенно я увидел, как он шел, – базарная площадь, Ланггатен, усадьба Туфта, – там он, предварительно осмотревшись, прокрался во двор. Я стоял, спрятавшись за телегой и деревянными ящиками. На втором этаже за шторой горел свет, его выдавала тонкая освещенная щель. Я ждал. Долго. Стоял и стучал ногой об ногу, чтобы согреться, махал руками, сжимал зубы и никак не мог решить, должен ли я сейчас войти в дом. Однако войти не посмел.

Не посмел, потому что…

А вдруг они там просто сидят и разговаривают! Как старые знакомые. Как деловые компаньоны. Туфт мог несколько лет назад побывать в Италии по своим торговым делам, встретиться там с нунцием…

Положение было невыносимым.

Но… Может, сейчас торговец лежит, корчась от боли, а нунций стоит над ним с пузырьком в руке? Именно сейчас.

Что мне делать? И что я мог сделать?

"Всегда можно что-то сделать", – прозвучал у меня в ушах голос Томаса.

Я взял себя в руки и уже хотел уйти, как в усадьбе мелькнул свет фонаря. Из-за угла дома вышел нунций. Я мгновенно снова спрятался и услышал крик ночного сторожа. Он остановился возле нунция, поднял фонарь на уровень головы, что-то сказал. Нунций ответил, сторож явно смутился и с ног до головы осветил фонарем этого хорошо одетого иностранца. Потом кивнул, и нунций быстро пошел по дороге, мимо телеги, за которой я прятался, но меня он не заметил. Сторож продолжил свой обход, он шел в направлении церкви Святого Лавранса и малой площади. Вскоре я услышал, как он пропел свое сообщение о времени и о погоде, и, хотя расстояние между нами было большое, я отчетливо слышал каждое слово. Но было уже за полночь, и погода стояла студеная. Это я теперь знал наверняка.

Нунций пошел прямо домой, вошел к себе и лег. Я сделал то же самое, прошел к себе и лег. Я лежал и размышлял над тем, что только что вспомнил, лежал, как сейчас, размышлял и не знал, что там произошло и что мне делать.

Тогда я снова встал. Оделся. И вышел.

Я должен был посмотреть, все ли в порядке с торговцем Туфтом. Должен был убедиться, что он не лежит, подавившись собственной блевотиной, и не умирает медленно от яда в желудке, должен был убедиться, что он жив и здоров и ушел к жене в жилой дом.

Я осторожно крался по городу. Останавливался у каждого угла, прислушивался и следил, чтобы рядом вдруг не появился сторож. В усадьбе Туфта я пробрался между штабелями товаров и всякого добра, тихонько поднялся на второй этаж и по галерее прошел до конторы. Скрипнули половицы. Я замер.

Там, внутри, было светло. Из-под двери выползали широкие полоски света, дальше, на галерее они становились бледнее и наконец пропадали, поглощенные дощатым полом. Я подошел поближе, услыхал за дверью стук и стон, потом что-то задвигалось, полоски замелькали, я схватил то, что лежало на груде одежды, сжал в руке и пошел к двери. Прислушался. Все было тихо. Я взялся за дверную ручку и быстро вошел в комнату, подняв руку.

Что-то лежало на полу, это я успел заметить. Наверное, в комнате был кто-то еще, это я понял по слабому шороху одежды у себя за спиной. Что-то, просвистев по воздуху, ударило

меня по голове. Я упал на колени и осел на пол, а гул, как эхо, прокатился у меня от виска к виску, постепенно слабея, меня окутала непроницаемая тьма, и ночь затихла.

Я беспокойно шевельнулся под периной. Кто-то меня ударил. Кто-то был у торговца Туфта после того, как от него ушел нунций. Или одновременно с ним. Может, они были у Туфта одновременно?

Что мне делать?

Всегда можно что-нибудь сделать, сказал Томас, а я горько просипел в ответ, что ему легко говорить, – ведь его никогда не бывает на месте, когда что-нибудь случается. Он был в Христиании, когда во Фредрикстаде отравили Юстесена! И во Фредрикстаде, когда что-то произошло здесь!

А потому нечего умничать, мысленно буркнул я и посмотрел на оконный проем. На улице было темно, и, значит, оставалось еще много часов до того, как Томас мог здесь появиться.

Должен ли я что-то предпринять?..

Но что именно, я не знал. Я не мог пойти к судье, это было бы равносильно тому, что я обвинил бы нунция в убийстве. Ведь мне пришлось бы сказать, что он был у Туфта, к тому же его видел сторож. Или, если бы они не сомневались в невиновности нунция, обвинить могли бы меня. Ведь я тоже был там.

Да, я тоже был там. Но об этом никто не знал. Только убийца, а он-то ничего не скажет. Потому что меня по голове ударил именно убийца.

Нет, мне следовало оставаться в постели. Лучше дождаться возвращения Томаса, рассказать ему, что случилось, а уж он во всем разберется.

Черт бы его побрал, ну почему его никогда нет рядом, когда он так нужен!

Глава 30

Они явились рано утром.

Пришли, когда секретарь-помощник тяжело спал. Секретарь-помощник, который должен был защищать нунция дей Конти от грозящих ему в Норвегии опасностей, как от двуногих, так и от четвероногих. Несмотря на грубые крики, на дверь, в которую колотили кулаками, на немецкие слова папского нунция, объяснявшего, что он хочет поговорить со своим помощником и секретарем, секретарь-помощник в соседней комнате спал мертвым сном.

Позже оказалось, что ни сторож, ни помощник судьи не знали немецкого и потому не поняли того, чего требовал их чужеземный арестант. Оказалось, тоже позднее, что нунций в конце концов отпер свою дверь и добровольно пошел с ними, ибо понял, что “он разоблачен”, как он выразился.

Они увели нунция, и только когда парусник Лассен забарабанил в мою дверь так, что, казалось, он ее вот-вот выломает, я проснулся настолько, чтобы понять: случилось что-то серьезное. Парусник орал, что не желает иметь в своем доме убийц и воров, что он бережет свое доброе имя, и потребовал, чтобы я немедленно собрал свои пожитки и убрался из его дома. Явилась его супруга и оказала ему поддержку, пока я не сунул ей в руку четыре марки, чтобы она разрешила оставить у них наши вещи до конца дня. Она облизнулась, заставила мужа замолчать и сказала, что “за один жалкий риксдалер она все уладит”, доброе имя или не совсем доброе, это значения не имеет.

Она получила еще две монеты, и вскоре после этого я поспешил в городскую ратушу.

“Всегда надо бояться худшего, тогда все остальное покажется хорошим”, – любил говорить Сигварт. Худшее уже случилось. Посланец Его Святейшества Папы Климента XI

нунций Микеланджело дей Конти был арестован за убийство. Ничего хуже этого случиться уже не могло. Но что делать, если худшее оказывается еще не самым худшим?

Ратуша занимала внушительное новое здание на Ланггатен недалеко от церкви Святой Марии. Она имела два этажа и подвал, где содержались арестованные, оконные проемы в фундаменте этой тюрьмы отвечали за то, что в тюрьму к закованным в кандалы узникам проникали свет, воздух, крысы и грязь, дабы они не забывали о мире, существующем за пределами их узилища.

Я вошел через парадную двухстворчатую дверь и попал в большую приемную, где три писца с перемазанными чернилами пальцами корпели над своей писаниной. Старший поднял голову, и я сказал, что мне надо поговорить с помощником судьи. Писец поинтересовался, в чем заключается моя просьба, я представился и объяснил, что произошло недоразумение. Он вышел из-за своей конторки, подошел к одной из дверей и постучал в нее. Дверь открылась, из нее вышел какой-то человек, он коротко кивнул писцу, надвинул на лоб широкополую шляпу, прошагал мимо меня и вышел в дверь, не удостоив меня взглядом. Но я рассмотрел его. Узнал это длинное лошадиное лицо. Опять он.

Между тем писец вошел в дверь и притворил ее за собой, он отсутствовал довольно долго. Так мне, во всяком случае, показалось.

Тем временем мои мысли, как мухи, кружили вокруг этого лошадиного лица и пытались логически объяснить, почему он снова, уже в третий раз, присутствует там же, где я. Если он следил за нами из самого Фредрикстада, а юнкер Стиг намекал, что за нами кто-то следил, то не было ли это сделано по приказу коменданта Шторма? Может, комендант заподозрил, что за убийством во Фредрикстаде стоял нунций, и человек с лошадиным лицом довел сейчас эти подозрения до сведения судьи? Или юнкер был прав, считая, что кто-то следит за нунцием, либо, чтобы напасть на него, либо, чтобы установить с ним связь? Однако почему кто-то хочет связаться с нунцием? Ведь никто не знает, что он здесь. Что же касается коменданта Шторма, то он не проявил ни малейшего интереса к убийству Юстесена, когда городской судья Мунк и я занимались этим делом. Он лишь разглядывал крепостные стены и нес всякую чепуху о Томасе.

Дверь отворилась, в приемную вышел молодой человек в темной одежде и решительным шагом подошел ко мне, писец едва поспевал за ним. Молодой человек представился: помощник судьи Корнелиусен. Ему нужно поговорить со мной. Я с облегчением улыбнулся, и меня провели в его кабинет, который оказался маленькой, но опрятной комнатой, производившей пуританское впечатление, как и сам молодой человек. Перед тем как последовать за мной, он окликнул длинноволосого растрепанного человека в шапке городского сторожа, отдал ему короткое распоряжение, и сторож – это был не тот, которого я видел ночью, – исчез за дверью.

– Значит, вы секретарь и переводчик этого иностранного торговца? – спросил помощник судьи и показал мне на стул, а потом сел сам.

– Да. – Я достал свои королевские рекомендации. – Его Величество благословил нашу поездку по Норвегии.

Он немного отодвинулся в сторону, чтобы не загораживать себе свет, падавший из окна, и внимательно, несколько раз прочитал письмо, потом положил его на стол и поднял на меня глаза.

– Здесь написано, что этому путешественнику следует помогать и оказывать ему внимание, как высокопоставленному королевскому чиновнику. То есть бесплатно предоставлять в его распоряжение лошадей и суда, а также обеспечивать ему кров у самых знатных горожан. – Помощник судьи поглядел на мои документы, потом снова на меня, его

недоверие было очевидным. – А по какой причине этот благородный господин поселился у парусника Лассена?

Я хотел засмеяться, но у меня получилось только какое-то глупое кудахтанье.

– Так он сам пожелал. Хотел жить, как простой человек, как крестьянин или ремесленник.

– Надо быть нищим бездельником, чтобы поселиться у Лассена, – сказал помощник судьи, внимательно разглядывая мою одежду. – У вас плохо с деньгами?

– Нет-нет! – сердито воскликнул я и схватился за пояс. Он удивленно уставился на кошелек с далерами, который я показал ему. – Деньгами ведаю я. Мой господин не понимает нашего языка, и таково было его желание.

– Вы хотите сказать, что он передал в ваше распоряжение все свои деньги? – Помощник судьи взял кошелек и взвесил его на ладони. – Тут не одна сотня риксдалеров, – сказал он, в его голосе слышалось неприкрытое удивление.

– Тут сто тридцать восемь риксдалеров четыре марки и восемь шиллингов, – сказал я. – Мой господин требует полного отчета о наших расходах. Я записываю все расходы и предоставляю ему расписки.

– И эти счета находятся в вашем багаже?

Я весь взмок, пот бежал у меня по спине. Лгать я не умею, а тут глупая ложь завела меня на тонкий лед – потому что никаких счетов у меня не было. Когда секретарь Королевской канцелярии дал мне это письмо, я получил от него также кошелек с двумястами риксдалерами и приказ позаботиться о том, чтобы поездка папского посланника была приятной. Никто не требовал от меня никаких расписок или отчетов, на что были израсходованы деньги. "Позаботьтесь о том, чтобы нунций дей Конти совершил приятную поездку по Норвегии" – таковы были его слова. Таков был приказ. И все.

Потом уже нунций дей Конти заявил, что желает путешествовать инкогнито, чтобы никто не знал, что он посланец Папы. Никто!

– Нет, – с трудом проговорил я. – Я все расчеты держу пока в голове. Наше путешествие только началось, расходы были еще небольшие, записывать нечего.

– Откуда этот господин приехал?

– Он итальянский торговец. Из Генуи.

– И чем же он торгует?

– Он интересуется возможностями для торговли древесиной, – быстро сказал я. – И, может быть… может быть, вяленой рыбой.

– Вы приехали из Италии и утверждаете, что проехали еще так мало, что почти не потратили на это денег…

– Нет… Мы… Я еду с ним только из Копенгагена. В Копенгагене он нанял меня в качестве секретаря.

– Значит, вы не очень хорошо знаете своего хозяина?

Я почувствовал ловушку и не знал, что ответить. И даже начал думать, что пришла необходимость раскрыть секрет нунция и рассказать, кем он является на самом деле, как в дверь постучали. Помощник судьи подошел к двери, недолго пошептался с красномордым сторожем – уж не его ли я видел ночью? Потом жестом подозвал меня к себе. Мы вышли в приемную и подошли к старой оборванке, которая испуганно косилась по сторонам. Увидев нас, она вперила в меня свои слезящиеся глазки и взвыла:

– Это он! Это он! Этот негодник избил меня. Избил сегодня ночью. Он вышел из усадьбы Туфта и стал пинать меня ногами. Ночью. Клянусь Девой Марией, это он!

Я испуганно смотрел на женщину, у меня пропал голос, и я не мог вымолвить ни слова. Помощник судьи сделал знак, и сторож, схватив женщину за руку, потащил ее из комнаты.

– Клянусь Девой Марией, это он! Я не лгу, это истинная правда! – выла нищенка, пока дверь за ней не закрылась.

– Что вы делали сегодня ночью в усадьбе торговца Туфта, господин Хорттен? – спросил помощник судьи, когда в комнате стало тихо.

– Я… – У меня перехватило горло.

Подошел писец и шепотом что-то сообщил помощнику судьи, тот кивнул и жестом подозвал стражника, который должен был вывести меня отсюда. Я уже двинулся к двери, выходившей на Ланггатен, но стражник толкнул меня в другую сторону, и вот уже мы спустились по лестнице в подвал.

– Что случилось? Зачем вы привели меня сюда?

– Заткни пасть!

Мы шли по коридору. Воздух в подвале был спертый.

– За что вы меня арестовали? Я ничего не сделал.

Стражник повернул ко мне свою красную рожу.

Прошипел:

– Заткни пасть!

– Клянусь честью, я ни в чем не виновен. Это какое-то недоразумение. Мне надо снова поговорить с помощником судьи.

Стражник не ответил, он отворил внушительную дубовую дверь, окованную железом. Мы спустились еще на несколько ступеней, и в слабом свете я разглядел длинную комнату с тремя колоннами посередине, вдоль каменных стен тянулись лавки. Я насчитал здесь четырех узников и мгновенно узнал одного из них.

– Господин дей Конти! – воскликнул я. Он поднял глаза, и на его худом лице появилась улыбка облегчения.

– Пожалуйста, разрешите мне занять место рядом с этим узником, – властно сказал я и указал на скамью.

Стражник осклабился, потащил меня в противоположный угол и поместил рядом с бородатым сильным верзилой, дремавшим, вися на цепях, в которые был закован; я оказался не только далеко от нунция, но и загороженным от него колонной. Потом стражник приковал к цепи, висевшей на стене, мою левую руку. И правую ногу. Я был закован. Первый раз в жизни я был закован в цепи!

Стражник удалился.

Нунций что-то сказал. Я, насколько мог, отодвинулся в сторону, но из-за колонны по-прежнему не мог его видеть.

– Мне очень жаль. Но я ничего не слышу. Говорите, пожалуйста, громче! – крикнул я в полумрак.

– Закрой пасть! – рявкнул один из заключенных и покосился на меня.

– Что случилось? Почему меня заперли здесь, даже не допросив? – крикнул нунций. Голос у него был хриплый.

– Вас обвиняют в убийстве! – крикнул я. – В убийстве торговца Ту-у-ф!.. – Я получил удар кулаком в лоб и ударился головой о стену. Другой удар пришелся в челюсть, и мрачное помещение поплыло у меня перед глазами.

– Заткни хайло! – проворчал здоровенный бородатый верзила, вытер о штаны руку и снова задремал.

Я висел, прикованный к стене, и сплевывал кровь. Язык нащупал подозрительно качавшийся зуб. Головная боль, мучившая меня всю ночь, возобновилась с новой силой, в голове стучало, и я чувствовал, что меня сейчас вырвет. Но со вчерашнего вечера я ничего не ел, и желудок был пуст. Я откашлялся, сплюнул то, что было во рту, и попытался прислониться к стене, чтобы дать голове отдых, лишь бы прекратился этот стук в висках, из-за которого я не мог думать. Мне надо было найти выход из этого положения. Надо было как-то сообщить Томасу о том, что случилось!..

Несмотря на стук в висках и вкус крови во рту, голова моя лихорадочно искала выход. Но как известить обо всем Томаса? Захочет ли этот угрюмый парусник сказать ему, где мы? И когда Томас вернется в Тёнсберг?

Юнкер Стиг! Вот кто мог бы нам помочь. Я должен уговорить помощника судьи вызвать его. Он дворянин, близок к королю, камер-юнкер, служит самой королеве. Этот человек, без сомнения, быстро уладит такое недоразумение. Но как с ним связаться? Из-за всех этих навалившихся на меня вопросов мне стало трудно дышать, я в панике с трудом хватал ртом воздух. Стук в висках не прекращался, и мысли раздирали голову на части. Неожиданно небо стало падать, быстро-быстро, я рванулся всем телом, и все исчезло…

Глава 31

Не знаю, как долго я был в беспамятстве, но я слышал голоса, слышал чей-то смех, крики и с трудом заставил себя открыть глаза. Красномордый стражник спускался по ступеням, толкая перед собой кого-то, кого, я не видел из-за колонны. Верзила рядом со мной проснулся и крикнул, что он не прочь покачать такую бабенку на коленях. Остальные засмеялись, но, что они говорили, я не слышал. Новый узник показался из-за колонны и с удивлением уставился на меня.

– Нет-нет! Уберите от меня подальше эту ведьму! – крикнул я стражу. – Пусть сидит в другом углу!

Испуганная фрёкен Сара обиженно посмотрела на меня и уже хотела направиться в другой угол, но страж ухмыльнулся и толкнул ее ко мне.

– Молчать! Нечего блеять, как овца, если ты петух! – проворчал он. – Думаешь, можешь здесь командовать только потому, что надел богатое платье и нацепил на голову парик? – Он сорвал с меня парик, бросил его на пол и стал топтать. – Садись! – приказал он фрёкен Саре и толкнул ее на лавку. Приковав ее, он огляделся, проворчал, что сегодня у них на диво богатый улов, поднялся по ступеням и закрыл за собой дверь.

Я смотрел на свой парик. Он был похож на кошку, которую переехала упряжка быков.

– Не обижайтесь, я нарочно так крикнул, – тихо сказал я.

Фрёкен Сара промолчала. Цепь натирала мне запястье, и я попытался уменьшить боль, просунув под цепь рукав.

– Этот стражник явно меня невзлюбил… Но… – Я покосился на фрёкен Сару. – Вы знаете сказку о человеке, который тащил поросенка на базар? Но поросенок не хотел идти вперед и тащил хозяина назад, домой. Тогда хозяину пришла в голову одна мысль, и он стал тащить поросенка за хвост обратно к дому, и тогда поросенок уже сам потащил хозяина вперед, в город.

Я снова покосился на фрёкен Сару и уловил легкое движение рядом со мной.

– Нунций тоже здесь, – сказал я. Она подняла голову. – Я хотел, чтобы меня поместили рядом с ним, но стражник приковал меня здесь, как можно дальше от него. Поэтому, увидев вас, я подумал, что если стражник так же глуп, как тот поросенок… – Я замолчал.

Смех, ее милый смех, осторожно всколыхнулся, и все затихло. Потом снова послышался смех, я хотел тоже засмеяться, но что-то в ее смехе насторожило меня. Я поднял глаза. Она сидела, закрыв лицо руками, ее рыдания становились все громче, плечи тряслись.

– Фрёкен Сара, – прошептал я, пытаясь к ней прикоснуться, но цепь была слишком коротка. Я опустил руку, уставился в пол и почувствовал, что мной снова овладевает уныние. Ни помочь, ни утешить кого бы то ни было я не мог.

Узники что-то кричали фрёкен Саре, делали непристойные жесты, но она как будто не замечала их, и они, раздосадованные, заговорили о другом.

Об обеде, который скоро должны были принести, о том, что из окон дует, когда начинается ветер, о поносе и саднящих ранах, о крысах, что бегают тут по ночам. Верзила сидел здесь дольше всех, уже месяц, пьяный, он сломал позвоночник одному крестьянину. Он еще не умер, этот крестьянин, но был близок к тому. Верзила считал, что городской судья тянет с судом, потому что ждет, чтобы крестьянин умер, и тогда верзилу можно будет судить за убийство.

– Будь он проклят, этот чертов ловкач! – выбранился верзила и стукнул по стене между нами. Я вздрогнул. – Попадись этот крючкотвор мне в руки, он бы отведал вкус моих кулаков так, что его челюсть выскочила бы у него из жопы.

Все засмеялись, а я окончательно пал духом. При мысли о том, сколько мы с нунцием можем здесь промучиться, меня охватила паника, которую до сих пор я в себе подавлял, сердце заныло, и я заставил себя глубоко дышать, чтобы как-то успокоиться. Если я потеряю сознание, это мне не поможет. Я закрыл глаза и стал думать о Томасе. Поскольку юнкер Стиг, по-видимому, не собирался нам помогать, оставалось надеяться только на Томаса. Юнкер должен был уже давно обнаружить исчезновение нунция и начать его поиски! То, что он до сих пор не появился в ратуше и не потребовал нашего освобождения, должно было означать, что ему плевать на нас. Поедет домой к королю и скажет, что этот Петтер Хорттен… Я отбросил эту мысль, она не могла улучшить моего настроения, вместо этого я сосредоточил свои мысли на Томасе. Каким образом дать ему знать?..

– Простите, – тихо сказал голос рядом со мной.

Я открыл глаза и растерянно посмотрел на фрёкен Сару.

– Простите, что я вас обманула.

– Обманули? Меня?

– И остальных тоже, – прошептала она.

– Почему обманули? Я не знал, что вы кого-то обманули.

И вдруг я сообразил, что это не так. Конечно, фрёкен Сара нас обманула, внушила нам, что она немка. Что она богатая дама.

– Вы имеете в виду, что вы оказались норвежкой? – спросил я.

– Мне пришлось так сказать. У меня не было денег, чтобы заплатить таможне. Все свои сбережения я потратила на покупку товаров. Не подумала о таможенных сборах. Этот благородный господин, этот юнкер был такой… – Она замялась.

– Такой услужливый и доверчивый? – подсказал я.

Она фыркнула:

– Услужливый, но не бескорыстно. Однако я в нем нуждалась. Я приехала в Тёнсберг со всем своим грузом и ни разу не заплатила за него по пути. Пребывание у аптекаря во Фредрикстаде было оплачено, остановка в усадьбе Хорттен тоже, правда, шкипер на судне пытался получить больше, вы, наверное, помните. Этот юнкер позаботился, чтобы я добралась сюда.

Я это помнил.

– Ему нравилось дразнить вас, – сказала она, – нравилось…

– *Дразнить* меня?!

– Да. Он сказал… сказал, что вы влюблены… – Она замолчала и опустила глаза. Неожиданно я почувствовал вонь. Верзила спустил штаны и отодвинулся на скамье, насколько это позволяла цепь. Я отвернулся.

– Не смотрите туда! – велел я фрёкен Саре. Она наклонилась, желая узнать, в чем дело, охнула и отвернулась.

– Ты еще увидишь, как мужчины проделывают и не такое, – усмехнулся верзила и натянул штаны. – Подожди, тебе и самой тоже понадобится облегчиться или тебя пронесет. После двух-трех обедов в этом трактире всех проносит. Желудок никак не принимает их пищи, хе-хе.

– Вы сказали, что должны поехать с вашим женихом, – напомнил я, чтобы отвлечь ее внимание от соседа. – Сказали это аптекарю во Фредрикстаде, когда юнкер Стиг уехал.

– Я имела в виду не его, – прошептала она и прибавила еще что-то, но так тихо, что я решил, что ослышался. Невольно наклонившись к ней, я переспросил:

– Кого-кого?

– Я имела в виду вас, – повторила она. – Именно вас, хотя понимала, что все подумают, будто я имею в виду юнкера Стига. Но ведь он уже был обручен.

Я все понял.

– Вы хотели меня использовать!

– Нет, – сердито возразила она. – Вовсе нет…

Я сплюнул на пол и потрогал языком качающийся зуб. Трудно было сказать, что меня больше мучило – стук в висках или разбитая челюсть.

– А бутылка, которую вы спрятали в сундуке, когда мы были в усадьбе Хорттен? В ней был яд?

Она испуганно глотнула воздух, но ее тут же охватил гнев:

– Как вы смеете! Вы шпионили за мной?

– Да, – признался я. – Но я не знал, что это были вы, пока не увидел, как вы положили бутылку в сундук.

От гнева ее глаза потемнели, она поджала губы, и я понял, что она не намерена мне отвечать. Я прислонился к стене и закрыл глаза. Попытался забыть, что она сидит рядом со мной.

Мы долго молчали, во всяком случае, так мне показалось, в висках у меня стучало, и любовь болезненным комком застряла в горле.

– Это был бренневин, – сказала она наконец. Я от изумления открыл глаза. – Я взяла его на кухне… Хозяин… у него было так много бутылок… и я подумала, что ему вредно столько пить. Он почти перестал следить за усадьбой. Вот я и взяла одну бутылку для моего дяди.

– Решили, что вашему дяде он вреда не принесет? – презрительно спросил я. Она придумала плохую историю, хотя времени на это у нее ушло много.

– Он… – Она запнулась и начала снова: – Я нуждалась в его помощи и хотела расплатиться с ним этой бутылкой.

Я даже не стал отвечать, только мрачно глядел в пространство. Дурацкая история, такая глупая, что вполне могла оказаться правдой.

– Так вы прихватили и ту копченую колбасу, которой недосчитался хозяин? – В моем голосе слышалась насмешка.

– Нет, колбасу я не брала! – Она была не на шутку возмущена. – Я не воровка! Я бы никогда не украла…

– Нет-нет! Успокойтесь! – Я нервно покосился на своего соседа. – Я вам верю. Вы не брали колбасы… – Я был не в силах говорить о еде, о самогоне или еще о чем-то столь же незначительном. Мне хотелось только прислонить голову к стене и немного отдохнуть.

Она пошевелилась:

– Почему вы тут оказались? И нунций тоже?

Я пожал плечами.

– Недоразумение. Нас скоро отпустят.

– А я не знаю, сколько здесь просижу. – Она вздохнула.

– А в чем ваша вина? – Любопытство во мне все-таки победило.

– Продавала дорогие ткани без разрешения, как вы сами вчера видели… пока не ушли.

Я покраснел.

– Пришел нунций и увел меня. Что я мог сделать?

Она пожала плечами:

– Простите. Это недоразумение. Меня наверняка тоже скоро отпустят.

Я взглянул на нее, и со мной что-то произошло. Я неожиданно рассмеялся. Она удивленно подняла глаза. Потом улыбнулась.

– Заткни пасть, черт бы тебя подрал! – взревел бородатый верзила и замахнулся на меня кулаком. Я успел наклониться, и он завизжал, как свинья, разбив руку о стену. Нахмурившись, он облизывал ушибленную руку, а мы шепотом продолжали свой разговор.

– Я пыталась торговать и сегодня, но, видно, кто-то донес на меня, потому что стражники судьи явились раньше, чем я успела разложить свой товар. Они притащили меня сюда, потому что у меня не было денег, чтобы уплатить штраф на месте.

– Большой штраф?

– Два далера.

– Значит, вы сегодня совсем ничего не продали?

– Продала, но… я уже потратила эти деньги.

– Вы могли бы отдать судье ткань вместо денег, – предложил я.

– Я так и сделала. Но они сказали, что ткань конфискована. Сначала ее должен оценить торговец Туфт.

Я хотел сказать, что в таком случае ей придется просидеть здесь довольно долго, но вовремя опомнился. Незачем поворачивать нож в ране. Она не виновата в том, что Туфта убили.

– Что такое “кнуте”? – спросил я, чтобы перевести разговор на другую тему.

– “Кнуте”? – Она непонимающе посмотрела на меня.

– Ну да. Вы назвали шкипера шхуны “кнуте”, когда он хотел получить с вас лишние деньги. Когда мы пришли во Фредрикстад.

– А-а!.. – Она засмеялась. – Это голландское бранное слово. Я думаю, что так называют немцев, выходцев из Вестфалии. Но многие пользуются им, когда хотят обругать норвежцев и шведов, которых часто зовут Кнут. Они думают, что всех жителей Севера зовут Кнутами, но плохо выговаривают это слово.

– Значит, шкипера звали Кнут? – Я не совсем понял, куда она клонит.

Она удивилась.

– Нет. Я не знаю, как его звали. – Они сидела и теребила оборку на платье. – Это нехорошее слово. Норвежцев… особенно мужчин… не знаю, как это сказать… их не очень уважают в Голландии. Это все бедные переселенцы, которые еле-еле говорят по-голландски и плохо разбираются в делах торговли и деньгах. Они берутся за самую тяжелую работу,

самую грязную и низкооплачиваемую, но, вместе с тем, они сильны и выносливы. Часто они попадают в сомнительные компании, их ловят на грабеже или на воровстве мелких денег, иногда их отпускают, иногда забирают у них краденое. – Она подняла глаза. – Поэтому "кнуте", я так слышала, это бранное слово, оно означает смешного увальня или глупого проходимца. И Кнут – тоже.

Я не знал, что ей на это ответить.

– Вы ездили в Амстердам, чтобы закупить там ткани? – спросил я, уводя разговор в другую сторону.

– Я уехала туда два года назад.

– Вот как?

– Я работала в доме одного богатого торговца, ван дер Веера, ведала хозяйством, смотрела за детьми, покупала им одежду, словом, делала все. Он был так доволен моей работой, что последний год даже просил заменять его в лавке. Там я и научилась торговать тканями. Когда я собралась домой, я решила накупить разной ткани и открыть в Норвегии свою лавку. Ван дер Веер сказал мне, что я могу написать ему, когда мне снова понадобится ткань. Он мне верил, верил, что я с ним расплачусь, – гордо сказала она.

У меня в голове все смешалось.

– Значит, вы поехали в Амстердам, чтобы работать экономкой, а вернулись домой, так сказать, торговцем?

Она горько усмехнулась.

– Какая там торговля! А теперь мне уже вообще нечем торговать. Мои двухлетние сбережения оказались в кармане торговца Туфта.

– Не может быть, – сказал я.

– Поверьте, что так и есть. Торговец Туфт конфискует ткани и спустя два месяца продает их торговцам Христиании или Бергена. А деньги кладет в свой карман.

– Только не Туфт.

– Именно Туфт. Он ничем не лучше других…

– Туфт умер, – вырвалось у меня.

Она недоверчиво на меня посмотрела.

– Не может быть… Я вчера сама его видела. Да и *вы* тоже.

Я мысленно обругал себя за болтливость, а вслух сказал, что слышал в городе разговоры, будто он умер… этой ночью. Ей было интересно узнать, отчего он умер и откуда я это знаю, но я промолчал. Потом она спросила, почему нас арестовали, я ответил, что нам этого не объяснили, и она замолчала.

Кто-то прошел по дороге мимо ратуши, и в оконный проем подвала посыпались мелкие камешки. Больше ничего интересного не случилось. Я чувствовал, как уныние все сильнее овладевает мною, все было черным-черно. Хуже самого худшего, подумал я и опустил голову на руки. Стал тереть себе виски. Неужели *она* ночью побывала у Туфта? – стучало в моем больном зубе. Может, она приходила туда за своей тканью, так сказать, за своим хлебом насущным? Хотела выпросить у Туфта свой товар, но ей это не удалось?

Мы долго сидели молча. Один из узников храпел, что-то бормоча во сне жалким голосом. Другой выбранился, дернул ногой и сказал, ни к кому не обращаясь, что у нас гости. По скамье пробежала крыса, понюхала пищу, но тут же скрылась в темноте. Время шло. Без всякого приглашения фрёкен Сара тихо снова заговорила со мной, объяснила, почему поехала в Амстердам. Я думал, что она рассказывает, чтобы убить время, отвлечь мысли от холодных стен, от вони, и потому слушал ее вполуха.

Она жила в усадьбе под Тёнсбергом. Отец умер, когда они с братом были маленькими. Мать снова вышла замуж и родила от нового мужа троих детей. Потом мать умерла, и отчим, человек очень хороший, женился на женщине, у которой был один свой ребенок, со временем у них родилось еще четверо. Когда отчим умер, в маленькой усадьбе осталось десять детей. Новый муж мачехи потребовал, чтобы Сара с братом покинули усадьбу, он считал, что они уже достаточно взрослые, чтобы самим о себе позаботиться. Саре удалось уговорить его оставить брата дома еще на два года. Потом она обещала забрать его к себе. У брата было не все ладно с головой, он не мог бы жить самостоятельно и общаться с людьми.

– Поэтому я и приехала домой, – сказала она. – А то бы я осталась в Амстердаме. Когда я уезжала, господин ван дер Веер предложил мне новое место с очень хорошей оплатой, лишь бы удержать меня. – Она непроизвольно гордо вскинула голову.

– А где ваш брат сейчас?

– У сестры моей матери. Они с мужем взяли на себя заботу о нем, потому что я им за это платила.

Так вот почему у нее не было денег, чтобы заплатить штраф! И вот где оказался самогон. Если, конечно, она говорит правду.

– И вот вы сидите здесь и не знаете, когда вас отсюда выпустят.

Она промолчала.

Я тер виски и бормотал:

– Нельзя возвращаться домой! Черт меня подери, *никогда* нельзя возвращаться домой!

Глава 32

Дверь распахнулась, и в подвал вошли два стражника. Красномордый освободил меня от цепей, рявкнул: "Заткни пасть!", когда я открыл было рот, и надел на меня ручные кандалы. Я слышал, как у меня за спиной второй стражник погнал нунция к двери. Все произошло так быстро, что я не успел даже бросить взгляд на фрёкен Сару, как мы уже оказались за дверью, нас протащили по коридору и подняли на первый этаж. Прежде чем нас грубо втолкнули в маленькую комнату, я успел заметить, как в ратушу с улицы вошли три или четыре благородных господина и поклонились встретившему их внушительного вида человеку в форме. Бургомистр, подумал я, и дверь захлопнулась перед моим носом.

Комната, где мы сидели, была небольшая и узкая. Вдоль стен стояли скамейки. За дверью в одной из длинных стен слышалось жужжание голосов. Я догадался, что эта дверь ведет в зал заседаний.

Нунций был бледный и выглядел усталым. Я хотел объяснить ему, что не понимаю, что происходит, но тут же рядом возник красномордый со своим вечным окриком: "Заткни пасть!"

Другой стражник открыл дверь в зал заседаний и заглянул туда. Я чуть-чуть подвинулся на скамье, чтобы у него под рукой тоже заглянуть в зал. Бургомистр, писец и городской судья с серьезными лицами сидели перед заваленным бумагами столом и ждали. Перед ними полукругом стояло много стульев, на них садились все время приходящие горожане. Они здоровались друг с другом, косились по сторонам, кланялись друг другу, смеялись или сердились, и, расправив фалды, рассаживались, положив треугольные шляпы себе на колени или на соседний стул, зажигали трубки, нюхали табак, вели беседы или же смущенно сидели, держа шляпы на коленях. Запах дыма и влажной одежды проникал даже к нам.

Подошло время собрания горожан, о котором городской глашатай объявлял вчера по всему городу. Время уже перевалило за половину одиннадцатого.

Слово взял бургомистр, он приветствовал горожан и объявил их собрание открытым. Я смотрел на людей, сидевших в зале ратуши, – важных торговцев, судовладельцев, чиновников, занимающих высокие должности, – все они расположились в первых рядах. За ними сидели ремесленники, рыбаки, мелкие торговцы и некоторые крестьяне, имевшие

статус горожан. Женщин в этом собрании не было. По необъяснимой причине я подумал именно об этом. И еще о том, почему мы с нунцием вдруг здесь оказались. И что мне сделать, чтобы вызволить нас отсюда. "Надо еще раз поговорить с помощником судьи и объяснить ему, кем на самом деле является нунций", – подумал я.

– Мне надо поговорить с помощником судьи.

– Заткни пасть!

– Но…

– Заткни пасть! – Стражник достал из кармана платок. – Убийца должен молчать!

Мне было приятно узнать, что он знает еще какие-то слова, кроме тех двух, которыми с таким удовольствием пользовался до сих пор, однако было далеко не так приятно, когда он сунул свой грязный платок в мою много раз поминаемую пасть и велел сидеть тихо.

Бургомистр изложил дело, которое, очевидно, весьма интересовало горожан: о куске земли, которую граф незаконно присвоил, "с презрением к свободным гражданам этого города", как выразился один землевладелец. Дело слушалось долго, многие хотели высказаться. Мерзкий платок давил на мой шатающийся зуб, и я закрыл глаза, чтобы скрыть, как мне больно.

В следующем деле упоминался Королевский монетный двор в Конгсберге в связи с резолюцией от 24 октября года 1702 об изъятии из обращения спесидалеров до конца года 1703… Я потерял интерес к слушаниям и думал о фрёкен Саре, заточенной в подвале. Думал о том, что она мне рассказала, и пытался понять, что она имела в виду, говоря, что юнкер Стиг дразнил меня, – неожиданно я сообразил, в чем дело, и покраснел, вспомнив, что фрёкен Сара сказала, что имела в виду именно меня, когда говорила о своем женихе и я…

– …так, что торговец Тругельс Гулликсен Туфт и его супруга Ханне, – голос писца проник мне в уши и завладел моим вниманием, – проживающие в городе Тёнсберге в Королевстве Норвегия, с королевского соизволения освобождены от исповеди в церкви и перед властями. За то, что их ребенок родился слишком рано после вступления в брак, они ответят перед Богом, а Мы доводим до всеобщего сведения, что Мы назначили и предписали Тругельсу Гулликсену Туфту заплатить четыре десятка риксдалеров на содержание ближайшей лечебницы…"

Торговец Туфт! Неужели писец и все остальные не знают, что Туфт мертв?

Я с удивлением огляделся и увидел, что помощник судьи стоит в приоткрытых дверях и смотрит в зал. Я не слышал, как он подошел. Он коротко кивнул стражнику, распахнувшему перед ним дверь. Потом быстро прошел в нее и остановился перед тремя главными представителями власти. Наклонившись над плечом городского судьи, он что-то ему прошептал, отдал своему начальнику свернутое в трубку предписание и выпрямился. И, как солдат, застыл в ожидании за их спинами, глядя в пространство.

Зал затих, удивленный этим явно необычным появлением помощника судьи, люди наклонялись друг к другу и тихо перешептывались, пока бургомистр и городской судья читали предписание. Потом бургомистр выпрямился и оглядел собравшихся. Покашлял.

– С большой скорбью я должен сообщить вам, что в высшей степени почтенный и глубокоуважаемый гражданин нашего города торговец Тругельс Гулликсен Туфт скончался сегодня ночью от коварного удара убийцы. Он был убит в своей конторе в усадьбе Туфта иностранным убийцей. Сей чужеземец уже схвачен помощником судьи и содержится в заточении. – Помощник судьи махнул рукой в сторону нашей двери, красномордый вытащил платок, затыкавший мне рот, приказал нам с нунцием встать и торжественно повел нас в зал ратуши, где нас поставили у стены на всеобщее обозрение.

– Нашим доблестным судьей задержан также и норвежский помощник этого убийцы, – сказал бургомистр и посмотрел на нас со смешанным чувством презрения и страха. Он уже хотел продолжать, как я быстро проговорил:

– Но этот чужеземец – посол, и король…

– Молчать! – Бургомистр властно поднял руку, и ближайший стражник ударил меня в живот. – В этом зале на заседаниях горожан имеют право говорить только граждане нашего города. Ни один посторонний не может выступать без разрешения бургомистра, тем более арестант.

Я, как мог, расправил плечи:

– Но… – только и успел сказать я, как новый удар в живот опять заставил меня согнуться.

– Я, посланец двора короля Фредерика Четвертого, человек здесь посторонний, нижайше прошу вашего милостивого разрешения выступить на вашем уважаемом собрании, – услышал я знакомый голос и выпрямился. В конце зала стоял юнкер Стиг. Все с удивлением повернулись к нему, а бургомистр попросил его назвать свое имя.

– Камер-юнкер Стиг Брауншвейг-Кёнигслюттер, – назвал он себя, глубоко поклонился, сделал рукой плавное движение и тут же поднял голову, чтобы не уронить парик. Потом прошел вперед и встал перед горожанами: – Его Величество король поручил мне сопровождать сего иностранного господина, папского нунция Микеланджело дей Конти, в его поездке по Норвегии. Его секретарь-помощник Петтер Хорттен пытался вам это сказать, но, видимо, у него заболел живот. – Юнкер Стиг с кривой усмешкой посмотрел в мою сторону. – Он хотел сказать вам, что сей иностранный гость – посол Его Святейшества Папы, прибыл к нам из Святого града Рима и считается гостем нашего короля.

Я глянул в окно, в которое хлестал дождь, потом снова на юнкера, он продолжал говорить:

– Из слов помощника судьи я понял, что сегодня ночью в городе произошло убийство, в котором обвиняют нашего гостя. Я с большим недоверием выслушал это обвинение. Кроме того, и я должен сообщить об этом уважаемым горожанам… – юнкер Стиг поднял вверх палец, дабы привлечь к себе внимание, чего вообще-то не требовалось, – что папский посланец в ранге посла имеет дипломатический иммунитет и не может быть подвергнут уголовному преследованию. Ни в городе Тёнсберг, ни в любом другом городе Датско-норвежского государства, нигде, кроме Святого града Рима. Поэтому, простите, но я должен немедленно освободить посла от этих цепей, и мы покинем ваш город еще до захода солнца.

По залу прокатилось бормотание, в котором слышалось недовольство и сомнение. “Нельзя отпускать убийцу безнаказанным, даже если он папист”, – сказал какой-то судовладелец своему соседу и чуть не сломал свою глиняную трубку, когда попытался смотреть сразу на нунция и на меня.

– И еще, я, разумеется, должен добавить, – громко сказал юнкер Стиг, чтобы перекричать шум в зале, – что такой же иммунитет распространяется и на его секретаря-помощника Петтера Хорттена, которого тоже следует немедленно освободить и позволить ему покинуть город человеком с незапятнанной честью. Вряд ли необходимо вам объяснять, что такие люди не могли совершить преступление, о котором здесь идет речь.

– Откуда вам это известно? – проворчал помощник судьи, но судья тут же махнул ему рукой, чтобы он замолчал.

– У вас есть документ, подтверждающий, что вы именно тот человек, за кого себя выдаете? – спросил городской судья у юнкера Стига.

Юнкер положил перед судьей королевское письмо, которое он показывал и таможеннику, и спокойно ждал, пока трое чиновников рассматривали печать и по очереди читали письмо. Наконец бургомистр отложил письмо и обратился к собравшимся.

– Все верно, посол стоит выше закона, он неприкосновенен, – сказал он. – Содержание этого письма соответствует словам камер-юнкера Стига. – Он вздохнул и покосился на нунция. – Позвольте сказать, не вижу, к сожалению, возможности и далее удерживать этого человека в заточении или подвергнуть его суду.

Я улыбнулся с облегчением и уже наклонился к нунцию, чтобы сообщить ему эту приятную новость, как следующие слова бургомистра остановили меня:

– …однако в этом письме, или в законе, ничего не говорится, что секретарь-помощник такого посла обладает тем же иммунитетом.

Юнкер Стиг, который уже стоял возле нас и следил, как стражники освобождают нас от кандалов, замер на мгновение и медленно повернулся к бургомистру:

– Простите, что вы сказали?

– Я сказал, что этот Петтер Хорттен все еще считается арестантом. В нужное время он предстанет перед судом, и, если его сочтут виновным, его будут судить за убийство Тругельса Гулликсена Туфта.

В напряженном голосе бургомистра слышалось упрямство, словно он решил бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы, потеряв выскользнувшего у него из рук нунция, заполучить хотя бы меня. Многие горожане встали и сердито смотрели на нас. Кое-кто возмущенно ворчал, что, наверное, им следует взять закон в свои руки – и горожанам, и, вообще, всем честным людям угрожает опасность, если убийца останется на свободе.

С тяжелым звоном с нунция упали оковы, я увидел, как юнкер Стиг схватил его за руку и потащил за собой к выходу так быстро, что папский посол чуть не падал. Несколько сердитых горожан хотели схватить нунция, но юнкер Стиг шел слишком быстро, и они не посмели его преследовать. Я видел, как кое-кто смотрел, на месте ли его шпага, и сердито косился на дверь.

Многие бросали на меня хмурые взгляды, говорящие, что хотя суда надо мною еще не было, но приговор уже предрешен. Что мне не суждено живому покинуть этот город.

Когда двери ратуши захлопнулись за юнкером Стигом и нунцием, мне показалось, что они унесли с собой и мою жизнь. Теперь я остался один. Один, я и моя тощая шея.

Глава 33

Я не видел, как он вошел.

Лишь когда стражник схватил меня, чтобы вести в подвал, я обнаружил, что Томас стоит в конце зала рядом с дверью. Он выглядел усталым, со шляпы и плаща падали капли, и он смотрел в мою сторону, но под полями шляпы я не мог видеть его глаз. Только чувствовал его взгляд. И меня охватило недоброе предчувствие.

Томас что-то сказал, но в зале стоял такой шум, что его никто не услышал.

Стражник тянул меня к двери в соседнюю комнату.

– *Стойте!* – Этот окрик заставил даже бургомистра умолкнуть на полуслове и поглядеть в зал. Томас снял шляпу и стряхнул с нее капли. – Одну минуту, – сказал он уже своим обычным голосом и взмахнул шляпой. – Не спешите уводить этого молодого человека.

Он подошел к бургомистру и попросил разрешения говорить. Бургомистр поинтересовался, по какому праву Томас явился сюда и требует слова на собрании горожан.

– Я вам все объясню, – пообещал Томас и получил в ответ милостивый кивок.

– Меня зовут Томас Буберг. – Два ремесленника, бочар и портной, с которыми он вчера играл в кости, удивленно разинули рты. – Его Величество король назначил меня генеральным

вице-прокурором и поручил временно наблюдать за Норвегией. После посещения Христиании я два дня назад прибыл в Тёнсберг. Что может засвидетельствовать инспектор таможни, которого я имел честь посетить.

Властного вида господин в первом ряду натянуто кивнул, когда все глаза устремились на него. Томас пошарил под плащом и выложил перед бургомистром документы, подтверждающие его полномочия. Тот коротко взглянул на них и кивнул. В главе города появилось что-то бессильное, словно присутствие представителей короля, одного за другим, сделало его положение мелким и незначительным. Он пододвинул бумаги к городскому судье, который внимательно прочитал их, а потом передал секретарю.

Томас не стал ждать их признания.

– Я с прискорбием узнал, что торговец Тругельс Гулликсен Туфт скончался и что это было убийство. Я только что вернулся сюда после короткого посещения Фредрикстада, где беседовал с городским судьей Мунком об убийстве, случившемся там несколько дней назад. Должен сказать, что эти два убийства очень похожи друг на друга.

Томас оглядел зал, люди сидели, наморщив лбы.

– Вас, наверное, интересует, откуда я узнал про убийство, которое произошло во Фредрикстаде, тогда как сам находился в Христиании, об убийстве, о котором ничего не знаете даже вы, живущие на другом берегу фьорда. – Томас замолчал и прошелся по залу. "Словно пастор, идущий к своей кафедре", – невольно подумал я. Люди глазами следили за его крупной фигурой, они медленно повернули головы направо, когда Томас пошел вдоль стены и дальше, ко мне, стоявшему в открытых дверях. Он встал между мной и стражником, словно огромный щит, повел меня обратно и поставил перед горожанами. – Я узнал об убийстве во Фредрикстаде потому, что этот молодой человек, господин Петтер Хорттен, написал мне и поведал о том, что там случилось. Он сообщил мне, что все улики указывают на то, что один крестьянин, бывший солдат, умер от яда, но что городской судья Фредрикстада счел, что эта смерть наступила в результате болезни. Как я уже сказал, я только что вернулся из Фредрикстада, где познакомился с этим делом, поговорил с городским судьей и многими свидетелями… и считаю, что господин Петтер Хорттен несомненно прав в своем предположении. А городской судья Фредрикстада ошибается.

– Однако купец Туфт умер от удара по голове, а не от яда, – раздраженно прервал Томаса помощник судьи.

Томас поднял руку.

– Позже мы выясним это вместе с вами, господин Корнелиусен. О вас идет молва, что вы прекрасно разбираетесь в своем деле, поэтому я уверен, что вместе мы придем к верному выводу.

Помощник судьи гордо выпрямился и серьезно кивнул Томасу. А я неожиданно почувствовал, что у моей шеи, возможно, есть будущее.

– Папский посол, господин нунций Микеланджело дей Конти, с которым вы уже имели честь познакомиться, прибыл в Данию месяц тому назад. Когда он изъявил желание посетить Норвегию, король назначил молодого господина Хорттена переводчиком и секретарем своего гостя, ибо наш король с большим уважением относится к способностям и честности этого молодого человека. Кроме обычной работы секретаря и слуги, в обязанности господина Хорттена входила также и охрана посла, он должен был следить за тем, чтобы с послом ничего не случилось, а также – за всеми его поступками.

Быстрым движением Томас сбросил с себя плащ, положил его на соседний стул, на него – шляпу и продолжал:

– Петтер Хорттен сразу обратил внимание на то, что с королевским гостем что-то не так, однако не мог назвать ничего конкретного. Вначале не мог. Свои наблюдения он сообщал

мне в Христианию, и, когда нунций дей Конти пожелал отправиться в Тёнсберг, мы с господином Хорттеном встретились здесь, и я получил от него устное сообщение. Думаю, нет надобности говорить уважаемым господам, что нунций дей Конти, естественно, даже не подозревал, что находится под наблюдением Петтера Хорттена.

Мне захотелось сесть. Во-первых, цепь оказалась слишком тяжелой, а во-вторых, история, которую Томас, не моргнув глазом, сочинил и раздул, могла лопнуть в любую минуту.

– Однако работа секретаря-помощника Петтера Хорттена принесла плоды. Вскоре его наблюдения стали такими обоснованными и их накопилось так много, что мы увидели за ними контуры существующего заговора. Ибо, если папский посол и не убийца, то его планы так беспредельны, что их можно назвать *Crimine Majestatis* – Его Величество Преступление. – Томас сделал паузу, чтобы люди поняли весь ужас его слов, а потом продолжал: – Петтер Хорттен раскрыл, что нунций дей Конти приехал в Норвегию, дабы основать здесь *подпольную Католическую Церковь!*

Я от удивления открыл рот, потом опомнился и уставился в пол.

– Когда нунций посещал Фредрикстад, Петтер Хорттен обратил особое внимание на вышедшего в отставку военного, который многие годы был денщиком генерала Юхана Каспари де Сисиньона. Когда генерал вышел в отставку, этот человек арендовал у него усадьбу в Тросвике всего за один шиллинг, однако все это, судя по всему, не представляло большого интереса для папского посла. Петтер Хорттен видел, что его временный господин связался с этим человеком и ночью имел с ним тайную беседу. Некоторым жителям вашего города, конечно, известно, что генерал Сисиньон до самой смерти оставался истым католиком. Его большие познания в строительстве военных укреплений сделали его незаменимым для короля Христиана Пятого, таким незаменимым, что в тысяча шестьсот восемьдесят втором году король разрешил во Фредрикстаде свободу вероисповедания, собственно говоря, только из-за генерала.

Томас провел рукой по бороде.

– Но сейчас все изменилось.

Желудок у меня был совершенно пуст, в глазах рябило так, что мне пришлось сделать шаг в сторону, чтобы не упасть.

– Дайте ему стул! – рявкнул Томас на стражников. – И снимите с него эти цепи. Я еще не все сказал, что хотел.

Красномордый подошел и снял с меня ручные кандалы. Я потер запястья и сел на стул, принесенный для меня другим стражником.

– Когда папский посол со своими спутниками прибыл сюда, на западный берег фьорда, секретарь Хорттен вскоре обнаружил, что здесь тоже начинает появляться подпольное католическое движение в районах Бёрре и Тёнсберга. Возглавлял это папистское движение, по-видимому, торговец Туфт.

Возник шум, люди растерянно оглядывались по сторонам и громко выражали свои чувства. Я не мог определить, чего в них было больше, недоверия, удивления или испуга, а может, и еще чего-то, ясно было одно: слова Томаса упали как неожиданный и нежеланный камень из мирового пространства.

– Тихо! – крикнул бургомистр. Он был в испарине и стучал костяшками пальцев по столу. – Тихо! Дайте сказать генеральному прокурору.

Люди успокоились, любопытство победило, и Томас продолжал:

– Когда вчера господин Хорттен увидел, что папский посол передал торговцу Туфту какое-то письмо, он сразу понял, что дело нечисто. Что-то готовилось, в том числе и в этом городе. Возможно, какая-то новая встреча. Он сообщил мне об этом в письме и еще о том,

что намерен особенно внимательно следить за послом. – Томас глубоко вздохнул и посмотрел на своих слушателей, словно хотел каждому заглянуть в глаза. – Поэтому я знаю, что Петтер Хорттен не убивал торговца Туфта. Это не входило в наши планы. Все очень просто. Должен признаться, я не знаю подробностей того, что произошло нынче ночью. И, тем не менее, – сказал он тихим проникновенным голосом, – *тем не менее* я ни минуты не сомневаюсь, что этот молодой человек не имеет ни малейшего отношения к смерти уважаемого торговца.

Я поднял голову и встретился с ним глазами. Усталости в них как не бывало. Теперь в них горел огонь.

– Но у Корнелиусена есть свидетель, что этот Хорттен был нынче ночью в усадьбе Туфта, – сказал городской судья и заглянул в бумаги, полученные им от его помощника. – Кто знает, может, Туфт отказался поддержать посла в его злодеянии и за это поплатился жизнью? Мне представляется вполне вероятным, что этот молодой человек мог оказаться свидетелем злодеяния и пытается скрыть преступление посла. Или, если не так, может быть, этот Петтер Хорттен взял закон в свои руки и сам убил купца Туфта. Вопреки вашим уверениям, простите меня. – Последнее было сказано с ироническим жестом в сторону Томаса, и многие горожане выразили свое согласие с судьей криками "Согласны!" и "Браво!". Моя шея опять неожиданно оказалась уязвимой, а больной зуб задергало в такт с выкриками горожан.

– Прозелитизм!.. – крикнул Томас, чтобы перекричать шум. – Прозелитизм, то есть попытка распространить католическое лжеучение, находится вне закона и потому строго карается. По словам Петтера Хорттена, Тругельс Гулликсен Туфт в течение многих лет каждое лето устраивал католические богослужения и проповедовал ересь в маленькой церкви в Бёрре. – Гул и возгласы продолжались. Томас повысил голос. – Собрания у святого источника посещались жителями окрестных мест, и Петтер Хорттен обнаружил, что торговец Туфт не единственный человек в этом городе, который подозревается в симпатиях к папизму. – Кто-то зашикал, крики утихли. – И еще он обнаружил, что господин Туфт не единственный человек, который искал встречи с нунцием дей Конти, а потому он составил список этих людей. – В зале воцарилась мертвая тишина. Лбы под нарядными париками в первом ряду прорезали глубокие морщины.

Томас помолчал, опустив глаза. Словно задумался над собственными словами. Это и впрямь были странные слова. Обычно Томас никогда не прибегал к явной лжи.

– Нам известно, что в Тёнсберге существует неприятная традиция поддерживать жизнь в католических идеях. Сын богатого купца из вашего города, Лауритц Нильссон, под именем Лассе Монах, был одним из ярых противников новой Церкви. Вполне возможно… – Томас задумчиво прижал палец к нижней губе. – Было бы интересно посмотреть, кто из бюргеров состоит в родстве с этим старым папистом, и основательно расследовать их делишки.

Томас задумчиво повернулся к окну, позволяя людям обдумать его слова. Потом снова, прищурившись, уставился на горожан.

– Список, о котором я говорил, находится в распоряжении господина Петтера Хорттена, и я думаю, не объясняется ли стремление осудить его на смерть за убийство, которого он, без сомнения, не совершал, желанием уничтожить вместе с ним и этот список, дабы все осталось в тайне.

В ратуше воцарилась гробовая тишина, никто не хотел первым открывать рот. Я сидел, опустив голову и закрыв глаза, и тихо молился, чтобы безумные слова Томаса напугали бы горожан настолько, чтобы они поверили им и отпустили меня.

Но, очевидно, нельзя желать невозможного, никакие страшные слова не могут испугать всех без исключения. Все-таки это были только слова. В углах опять началось брюзжание,

сердитые взгляды в сторону Томаса означали, что горожане не испугались, а городской судья шуршал бумагами и, по-видимому, собирался с духом для контрудара.

Томас с загадочной улыбкой поглядел на особенно недовольных и разыграл последнюю козырную карту.

– Кроме того, – сказал он, – я как генеральный прокурор не без оснований подозреваю, что здесь в городе имеется обыкновение обходить законы и указы короля, и таким образом налоги в большом количестве не доходят до королевской казны. Если господин Петтер Хорттен останется под арестом и будет ждать суда, это будет означать, что все это время я тоже пробуду в Тёнсберге и, естественно, использую это время на то, чтобы проверить счета торговцев, квитанции и договора за последние годы. Основательно проверить.

Больше Томас ничего не сказал. Этого и не требовалось. Я поднял голову и понял, что битва выиграна. Козырь все побил. Угроза кошельку действует безотказно, даже если не поражает насмерть. Достаточно одного страха перед мыслью о возможности такой угрозы. Жители Тёнсберга хотели, чтобы мы с Томасом как можно скорее убрались из их города, чтобы жизнь и торговля пошли в Тёнсберге так, как будто нас никогда здесь и не было. Таково было их единственное желание.

Я вздохнул и выглянул в окно. Дождь уже кончился.

Глава 34

"Девушка поднялась на борт судна, идущего в Амстердам, и он никогда больше ее не видел".

История, рассказанная Катрине о письмах, не идет у меня из головы. Мысленно я все время к ней возвращаюсь. Она навязчиво напоминает мне о себе, когда я меньше всего этого жду, словно хочет мне что-то сказать. А я не понимаю, что бы это могло быть.

Он *никогда* больше ее не увидел. Никогда – страшное слово, такое тяжелое, такое бесповоротное. Оно как смерть – ты подходишь к границе, и стоит тебе ее пересечь, как останется только "никогда больше". Разница лишь в том, что последствия слова "никогда" перейдут в грядущее. Только в будущем ты поймешь, что оно сохранило свою силу и свои последствия. И лишь история покажет, не ошиблось ли это слово. Зато смерть, появившись, быть может, неожиданно, последовательна с первого несостоявшегося удара сердца. Никогда не вернешься в мир живых. Никогда.

Два перепутанных письма. Думаю, оно немного вторично, это исчезающее мгновение, когда внимание человека ослабевает, и он путает письма, пишет не то имя не на том конверте, позволяет двум путям пересечься, не сознавая этого; именно это мгновение и очаровывает меня. То, что оно имеет столь важные последствия для жизни двух людей, для их любви.

Я встаю из-за письменного стола, приношу одеяло и с трудом накидываю себе на плечи, – Бог знает, где сейчас Барк, наверняка где-нибудь со своей любимой Катрине, – запахиваю одеяло на груди и в задумчивости, стоя, смотрю на дождь, который течет по стеклу, не позволяя мне видеть мир.

"Для Бога нет ничего незначительного" – говорил мне постоянно пастор, который учил меня латыни и заставлял читать Священное Писание. Он обращал мое внимание на те места в Писании, которые свидетельствовали о всемогуществе Бога.

"Бог есть во всем". Так говорилось и утверждалось с тех пор, как Ансельм Кентерберийский сказал, что Бог – это величайшее мыслящее существо. А может, и раньше.

Другими словами, Бог присутствует в каждом событии, и в малом и в большом, и это имеет свой смысл. В случае с письмами это мелкое событие.

А что же тогда… большое? *По-настоящему* большое?

Капли дождя стучат в окно и медленно текут по стеклу вниз, сталкиваются с другими каплями, сливаются с ними, растут и текут быстрее. Я слежу за большой каплей, которая приближается к оконному переплету, но ее задерживает неровность стекла. Она делится пополам – вопреки здравому смыслу – одна ее половина сталкивается с другой неровностью и снова делится…

Какое это событие… большое? А то, что я наблюдаю за этим? Наблюдаю, как что-то собирается, растет, а потом, *вопреки здравому смыслу,* делится на более мелкие части. Как и Церковь. В этом я вижу пример большого события, в котором непременно должен был присутствовать Бог. *Должен был*… ибо, если Он там не присутствовал…

Это сложная мысль, ее следует обдумать с разных точек зрения, но она становится слишком огромной, и я пытаюсь отправить ее в забытье. Однако она вновь и вновь выныривает оттуда, как пробка из воды. И заставляет меня думать о ней. Тогда я пытаюсь сформулировать эту мысль в виде вопроса:

Если умысел Божий имеется во всем, то какой умысел в том, чтобы Его Церковь разделилась на две, как это случилось, когда Мартин Лютер порвал с Католической Церковью? Наверное, надо вспомнить и Православную Церковь и сказать, что Его Церковь разделилась на три церкви? Или больше, чем на три, если считать кальвинистов и всех остальных, которые считают, что истина известна только им? И, если на то пошло, может, за всеми этими событиями кроется нечто большее, чем человеческое безумие?

Ответ, к которому я прихожу, мне не нравится. Он слишком прост: нет.

Ход мысли такой: либо Бог Всемогущий не контролирует того, что мы, люди, творим в Царстве Его, и тогда Он – не Всемогущий; либо Бог имеет намерение показать людям, насколько они глупы, позволив им совершить самую большую глупость из всех – разделить Его Церковь на мелкие, враждующие между собой анклавы, которые изо всех сил стараются уничтожить друг друга. И только уничтожив все, они наконец поймут свое ничтожество, глупость и злобу, и тогда Он…

Да, что Он тогда сделает?

Моя старая голова не выдерживает таких сложных мыслей, и я со стоном падаю на стул.

Моя голова вообще является для меня предметом моих постоянно повторяющихся огорчений. Нет, не вся голова, а только та ее часть, в которой хранятся воспоминания. У меня возникают сомнения, что все, о чем я рассказываю в своей истории, именно так и было. Правильно ли я все помню или же извращаю Истину? Я замечаю, что моя голова то и дело забывает имена людей, с которыми я общаюсь, с которыми постоянно разговариваю; как, например, имя жены торговца Бурума или кучера, который наполовину норвежец и потому любит поговорить со мной. Как же я могу доверять своей памяти, если речь идет о событиях порой более чем сорокалетней давности?

Ветер попискивает в щелястом окне. Пытается проникнуть в комнату сквозь едва заметные трещины в раме, словно рвется в тепло и уют дома. Дождь барабанит по крыше, хлещет в окно, словно кто-то стоит там, за стеной, и поливает дом, ведро за ведром. Шторм не утихает уже третий день, и ни одно судно за это время не пришло на Лэссёйен и не покинуло его. Вообще-то у меня есть время ждать, но я уже готов к дороге. Организм пришел в норму, и испражнения тоже. Одна мудрая женщина, живущая в северной части острова, несколько раз заходила проведать меня, последний раз два дня назад, она говорит, что я уже могу ехать дальше. Сама она молода и здорова, хорошо разбирается в травах и растениях, и, не подозревая об этом, напомнила мне одну старую знакомую, о которой я давно не вспоминал.

Я даже поинтересовался, откуда у нее такие познания.

Женщина рассказала, что пятнадцать лет назад к ним на остров приехала некая пожилая женщина, сама она в то время была еще “смешливой девчонкой с длинными косами”, как она выразилась. Эта пожилая женщина пришла в дом ее матери, она очень устала и хотела только узнать, где именно похоронена Моди.

– Так она сказала, и моя мать разрешила ей пожить у нас.

– Моди? – удивленно переспросил я, и что-то в моей голове рухнуло обратно в прошлое, словно я находился на падающей звезде.

– Да, – серьезно ответила молодая женщина, не заметив, что это странное имя показалось мне знакомым. – Пожилая женщина сказала, что так звали ее мать, новую мать, которую она нашла, когда молодой девушкой приехала сюда на Лэссёйен. Имя было необычное. Да она и сама была необычная. Я привязалась к ней и полюбила ее. Она взялась учить меня, хотела передать мне свои знания о растениях и их целебной силе; сказала, что она решила повременить со смертью.

Прошло пять лет. И она сочла, что я знаю уже достаточно. Тогда она попрощалась со мной и моей матерью, спустилась на берег, легла на свое покрывало и испустила дух. Я похоронила ее рядом с той, которую она называла Моди. Да, она была ни на кого не похожа.

Молодая женщина произнесла это очень проникновенно и тем временем накладывала мне на живот какие-то растения. Меня порадовало, что возле Бигги, лопарской шаманки, которую я встретил в молодости в каком-то трактире в Южной Ютландии, были при ее смерти любящие люди.

Дай Бог, чтобы так было с каждым из нас.

Я открываю крышку чернильницы, макаю перо в чернила, хватаю чистый лист и пишу: *Глава 35. Смерть все еще витала в доме.*

Где-то в доме весело смеется Катрине. Смех у нее не очень звонкий, но он пробуждает во мне воспоминания. Если Барк скоро придет ко мне, надо попросить его принести мне новую свечу. Когда я напрягаю глаза, они у меня слезятся.

А еще надо не забыть спросить у Катрине, что стало с тем человеком, который перепутал адреса на письмах. Спросить до того, как я уеду… чтобы никогда не вернуться обратно.

Узнать, есть ли после “никогда” надежда на что-нибудь.

Глава 35

Смерть все еще витала в доме. В воздухе, хотя безжизненного тела торговца Туфта здесь уже не было. Труп перенесли в главный дом усадьбы, где Томас и помощник судьи Корнелиус осмотрели его. Мне было велено ждать возле конторы вместе со стражником.

Когда мы незадолго перед тем покинули ратушу, я попросил, чтобы мне вернули кошелек с деньгами, выданными мне на эту поездку. Помощник судьи нехотя согласился, но когда я пожелал отправиться в город, чтобы найти нунция, потому что все еще считал себя ответственным за его жизнь, помощник судьи решительно отказал мне. Об этом не могло быть и речи. Он хотел отвести меня в контору Туфта, чтобы я еще раз рассказал ему о событиях той ночи. Кроме того, он считал, что юнкер Стиг также ответственен за жизнь нунция и может пока о нем позаботиться.

“Да, – подумал я. – Если забыть, что они относятся друг к другу, как кошка к собаке”.

Томас был согласен с помощником судьи – юнкер Стиг может позаботиться о нунции; как позже рассказал мне Томас, он считал, что, чем больше времени будет у юнкера Стига, чтобы увезти нунция из Тёнсберга, тем труднее будет помощнику судьи вернуть его обратно. И было очевидно – помощник судьи еще не совсем отказался от этой мысли, хотя прямо об этом не говорил.

Кроме того, Томасу было до смерти любопытно увидеть контору Туфта, он надеялся найти там что-нибудь, что подскажет ему, кто убил купца, поэтому он радостно последовал за помощником судьи.

Итак, я стоял в дверях конторы и жевал какие-то листья, которые Томас дал мне, чтобы успокоить зубную боль. Я заглянул в контору, узнал панели, картину, распятье. Увидел шторы, теперь откинутые и позволившие серому дневному свету проникнуть внутрь и помочь лампам сделать комнату более обозримой.

Комната оказалась больше. Значительно больше, чем мне показалось ночью. Но все стояло именно так, как я запомнил: письменный стол с бумагами, письменный прибор, подсвечники; стулья, по одному с каждой стороны стола, один – в углу; шкаф с книгами; деревянная голова без парика. Во всей комнате было что-то безжизненное, словно ею больше не пользовались, оставили как память на будущее.

Я подошел и открыл шкаф, вытащил одну из длинных тонких книг. Это были счета, как я и думал. Страница за страницей были заполнены безупречными рядами цифр.

Мой взгляд снова упал на стену. Портрет Туфта, теперь его было хорошо видно. Он стоял, держа в согнутой руке какую-то книгу, другая рука лежала на столе, Туфт торжественно смотрел влево, словно там его ждали важные дела. Фон был темный, комната за спиной у Туфта задрапирована тяжелыми портьерами. В темноте, полускрытое портьерами и правым плечом Туфта, едва просматривалось изображение Мадонны с младенцем, оно было словно спрятано от глаз, будто его вообще не должны были видеть.

Распятие рядом с портретом Туфта было большое, от трех до трех с половиной футов в высоту, и выглядело очень внушительно. Фигура Христа вырезана грубо и не покрашена, но лицо выражало боль, чего часто не бывает на картинах в прилизанных фигурах Христа. Неожиданно я вспомнил, где раньше видел это распятье. В церкви на острове Лёвёйен – Туфт всегда привозил его туда на день Иоанна Крестителя и на Благовещенье.

Томас и помощник судьи о чем-то спорили в дверях.

– Вы сами видели, что кожа и язык у него синие, знаете, что его тошнило и что испражнения были жидкие. Те же симптомы мы наблюдали у покойного во Фредрикстаде, – говорил Томас.

– Но рана была смертельной, – упрямо твердил помощник судьи Корнелиусен. – И цирюльник считает, что такой смертельный удар мог заставить кожу покраснеть, а тело выпустить все, что в нем есть, и через рот, и через задний проход.

– Цирюльник! – с презрением фыркнул Томас. – Он может только вскрывать нарывы на пальцах и отрезать сломанные конечности. А от остального пусть держится подальше. Цирюльник не обучался медицине, он не *medicus*. А я – *medicus*, я учился в университете во Флоренции. И я *не думаю*, я *знаю!*

– Но почему тогда Туфт получил смертельный удар по голове? Вы же не станете отрицать, что удар был смертельный? – Помощник судьи не сдавался, не позволял Томасу победить себя без боя, за что я не мог не испытывать к нему уважения.

– Удар не был смертельным. Вы сами видели: череп у Туфта не проломлен, и он потерял не много крови – пятен крови не видно. – Томас показал рукой, и мы все перевели глаза на пол. Он был прав, крови на полу не было. – Однако из-за этого удара он потерял сознание и позволил яду сделать свое дело.

Помощник судьи вошел в комнату, огляделся и пожал плечами:

– Зачем наносить удар тому, кто уже умирает?

– Чтобы он не мог позвать на помощь.

– Но зачем ему вообще дали яд? Почему было сразу не проломить ему череп?

Томас кивнул и задумчиво потянул себя за бороду:

– Согласен… это загадка.

– И кто вам сказал, что дал Туфту яд и нанес удар по голове один и тот же человек? – продолжал помощник судьи.

Томас взглянул на него.

– И кто же тогда этот второй человек? У Туфта было не так много врагов, чтобы они все явились к нему в одну и ту же ночь и выстроились в очередь, дабы лишить его жизни.

Помощник судьи сделал вид, что не понял сарказма.

– На полу рядом с покойным мы нашли скалку. Кто-то взял скалку с кучи белья, лежавшего в сенях, и ударил ею Туфта по голове. Но если это сделал ваш отравитель, по-моему, было бы естественнее, чтобы он принес с собой орудие убийства, чем хватать то, что подвернется под руку. Если все, конечно, было задумано заранее, как вы считаете.

Я подумал, что Томасу тут не выкрутиться, и увидел, что он схватился за среднюю пуговицу своего жилета. Это следовало хорошенько обдумать. Я стоял, глядя в сторону, когда вдруг до меня дошел смысл слов, сказанных помощником судьи.

– Скалка? – проговорил я с удивлением. – Так это же я положил ее сюда. Туфта ударили не скалкой!

Томас и помощник судьи молча слушали мои сбивчивые объяснения:

– Я услышал, что тут кто-то есть… услышал стоны… так мне показалось, и заметил какое-то движение. Тогда я схватил скалку. Только чтобы защититься. Потом… потом я вошел в контору и нашел Туфта. Он… – Я наморщил лоб и тронул рукой затылок. – Кто-то ударил меня, и я потерял сознание. Может быть, тот же самый человек, который убил Туфта. Когда я пришел в себя, Туфт, уже мертвый, лежал рядом со мной.

– Почему вы не рассказали об этом раньше? – подозрительно спросил помощник судьи.

– Вы бы мне не поверили.

– Вы правы, не поверил бы, – признался он. – Я и сейчас вам не верю. – Он обошел письменный стол и взял с полки скалку. – Вот оружие, которым вы ударили Туфта по голове, может быть, в то же время, как он ударил вас. Из-за этих ударов вы оба потеряли сознание.

Томас презрительно хмыкнул:

– Давайте не делать заявлений, доказать которые невозможно. Зачем Петтеру Хорттену понадобилось убивать торговца из Тёнсберга?

– Зачем? – повторил помощник судьи и медленно опустился на стул. – В этой истории много "зачем". Можете ли вы мне, например, объяснить, зачем генеральный прокурор опустился до низкого шантажа, чтобы добиться своего? – Он посмотрел Томасу в глаза. – Я не богатый человек, не торговец, и мне не надо ничего скрывать, если желаете, можете проверить мои счета. Но в том, что я слышал в ратуше, полуправды было больше, чем бывает выходов у лисьей норы.

– То есть? – Томас без смущения встретил его взгляд.

Помощник судьи холодно улыбнулся.

– Например, этот список местных папистов. Можно мне взглянуть на него?

Томас не ответил.

– Нельзя? Я так и думал.

Томас медленно, не отрывая взгляда от помощника судьи, достал из внутреннего кармана какую-то бумагу.

– Если вы докажете мне, что Петтер Хорттен убийца, я покажу вам этот список. Вот он.

Помощник судьи покачал головой.

– Вы старый лис, господин генеральный прокурор, вы добиваетесь своего с помощью хитростей, какими пользуются в Копенгагене. Вы умеете морочить людям головы и прибегаете к прямому жульничеству. Для вас жители Тёнсберга – всего лишь простодушные провинциалы, которых легко одурачить и обмануть. А я – помощник судьи, который должен подчиняться своему начальству. – Он помолчал, глядя в воздух. Томас тоже молчал. – Если вы докажете мне, что этой скалкой никто никого не ударил, я поверю тому представлению, которое вы устроили в ратуше, и заберу свои слова обратно. Но не забывайте, Петтер Хорттен сам сказал, что вошел сюда со скалкой в руке, готовый ударить. И после этого он ничего не помнит. – Помощник судьи развел руками. – Скрыть этот факт уже не удастся.

По глазам Томаса я видел, что ему нравится помощник судьи, но он не хочет этого показывать. Он недовольно проворчал:

– Докажите! Нельзя доказать, что…

Он замолчал посреди фразы и замер с открытым ртом. Потом захлопнул рот, так что было слышно, как клацнули зубы, взял скалку и повертел ее в руках.

– Одну минутку, – сказал он вдруг и подошел к двери, возле которой оставил свой саквояж окулиста и мастера грыжесечения. Вернувшись с ним к письменному столу, он открыл его, и я увидел там множество коробочек и мешочков, которые были аккуратно уложены каждый на своем месте. Томас вынул большую деревянную коробку. Быстро освободил стол, отодвинув в сторону бумаги и письменный прибор Туфта, и поставил коробку на блестящую дубовую поверхность стола. Потом благоговейно открыл коробку, и мы вытянули шеи, чтобы ничего не упустить.

Нашим глазам открылось бесчисленное множество странных металлических предметов, лежавших на бархатной подкладке, каждый в своем углублении, точно повторявшем форму предмета. Томас ногой подвинул к себе стул, стоявший у письменного стола, и сел, ощупью достал из кармана очки и водрузил их на нос, не переставая что-то искать в коробке. Наконец он вытащил круглую опору с длинным стержнем вроде флагштока и поставил перед собой. Потом опять покопался в коробке и извлек оттуда металлическую лапу с небольшой, похожей на тарелку, пластинкой – ее можно было вертеть во все стороны. Лапу он привернул к стержню в самом низу, почти у подножья. На верху стержня осталась белая пластинка, ее он немного повернул наискось. К этой металлической лапе была привинчена еще одна – с круглой рамкой, в которую было вставлено стекло. “Похоже на увеличительное”, – подумал я.

Потом Томас достал из коробки новый стержень. К нему прикреплялось что-то вроде стаканчика со стеклянной крышкой, – все это по форме напоминало куриное яйцо, но меньше по размеру. Рядом торчала короткая трубочка. Ничего подобного я раньше не видел.

Томас осторожно встряхнул стаканчик, заглянул в него, удовлетворенно хмыкнул и достал из сумки огниво. Несколько раз чиркнув кресалом, он поднес его к короткой трубочке – там что-то загорелось и вспыхнуло чистое пламя. Оно отразилось в похожей на пластинку тарелке, которая, казалось, усиливала свет.

Я вытянул шею и заглянул в стаканчик. Масло или какая-то другая горючая жидкость стекала из него по рычагу и дальше к трубке.

– Не думал, что это так скоро мне понадобится, – проворчал Томас, довольно улыбнулся и достал из коробки еще какие-то предметы. На опоре появился новый стержень, на этот раз больше прежнего, но он стоял не в центре круглой опоры, а был сдвинут немного вбок. К нему Томас тоже прикрепил две лапы – их можно было опускать и поднимать. К верхней крепилась длинная, похожая на бутылку широкая трубка, нижний конец которой был похож на горлышко бутылки, а верхний завершался маленькой воронкой. Мне это напомнило цилиндрические футляры для перевозки важных сообщений. Длина всего устройства не меньше фута. Под трубкой, внизу, у самой опоры была прикреплена круглая пластинка – ее

можно было двигать в стороны, вперед или назад, а также поднимать и опускать. В пластинке имелось небольшое углубление, а рядом с ним маленький стержень, к которому было прикреплено что-то острое. Такое маленькое, что я не мог его рассмотреть. Томас начал говорить, пока он свинчивал, поднимал и опускал разные части прибора и подгонял их так, чтобы они подходили друг к другу.

– Точно так же телескоп приближает к нашим глазам Вселенную, – сказал он. – С его помощью мы можем наблюдать то, что находится очень далеко, можем увидеть и основательно рассмотреть Луну, звезды и планеты, и точно так же этот инструмент позволит нам увидеть то, что вообще невидимо нашему глазу.

Луну, повторило эхо. Луну.

Стражник подошел поближе и с удивлением следил за этими приготовлениями. Я надеялся, что у меня не такой глупый вид, как у него, но уверенности в этом не было. Помощник судьи Корнелиусен даже встал, чтобы лучше все видеть, но, похоже, понимал не больше нашего. Его надменный вид должен был убедить нас, что все это, что бы там ни было, нисколько его не интересует.

Томас взял скалку и положил ее так, чтобы узкий, похожий на горлышко бутылки конец широкой трубки смотрел на край дерева. Меня он попросил подержать штатив со светом.

– Надеюсь, все согласны с тем, что если господин Хорттен воспользовался этой скалкой, он должен был ударить ею не плашмя, а краем, чтобы нанести рану, какую мы видели у Туфта. Вы согласны? – Он посмотрел на помощника судьи поверх очков.

Тот подумал мгновение, потом кивнул.

– И вы должны согласиться с тем, что если от этого удара человек получил рану в основании черепа, то кровь и, возможно, волосы или кожа пострадавшего должны прилипнуть к предмету, которым его ударили.

На этот раз помощник судьи думал дольше, и, хотя в конце концов он опять кивнул, было видно, что на этот счет у него остались кое-какие сомнения. Очевидно, подобный образ мышления был непривычен для уважаемого помощника судьи.

– Тогда давайте с помощью этого *microscopicus'a* осмотрим скалку и решим, пользовались ли ею как орудием для убийства Туфта, – сказал Томас. Он склонился над воронкой наверху трубки и заглянул в нее, прикрыв рукой другой глаз. Ворча, он оторвался от воронки и попросил меня придвинуть свет ближе, чтобы нужное место на дереве было хорошо освещено. Я понял, что круглое стекло, которое поднималось над тарелкой, и в самом деле было увеличительным стеклом, концентрирующим свет. А эта тарелка дополнительно усиливала свет пламени. Как заворожённый, я смотрел на трубку: *microscopicus*, прибор для наблюдения за мелкими предметами!

Я раньше никогда не видел такого прибора, только слышал один раз, как Томас и Уле Рёмер обсуждали возможности, которые открываются с его помощью. Они оба познакомились с этим прибором за границей. Помню, как Рёмер сказал, что хотел бы сделать себе такой прибор, но у него не хватает времени на все его занятия.

* * *

Перо падает на пол. Пальцы ледяные, и я бессознательно прячу руки под перину, чтобы согреть их. Я сижу в постели и смотрю на свои пожитки. Смотрю, словно способен проникнуть взглядом сквозь кожу саквояжей и парусину мешков. Смотрю, не сознавая этого, потому что мысли мои бегут своим путем – к Томасу, как часто бывало и в прошлом.

У Томаса Буберга была неприятная привычка – она проявлялась, когда он собирался в поездку. Неприятная для его секретаря, которому приходилось укладывать вещи, и

неприятная для слуги, который должен был все эти пожитки нести. Я был у Томаса и секретарем и слугой.

Для меня эта привычка была неприятна тем, что он всегда брал с собой множество книг, можно сказать, маленькую библиотеку, которая давала ему возможность когда угодно и где угодно раскрыть сочинения древних авторов и найти у них поддержку. Как бы тяжело это для меня ни было, я очень быстро понял важность столь неприятной привычки, ибо нередко мысль Мишеля де Монтеня, высказывания Декарта или цитата из Марка Аврелия заставляли наши рассуждения двигаться вперед, когда они кружили на одном месте, не находя выхода. Я говорю "мы", потому что я тоже со временем научился пользоваться книгами не только дома, в Копенгагене, но и в наших поездках.

Постепенно эта "дурная привычка" заразила и меня, вошла в мою плоть и кровь, и я, уже в своих поездках, вдруг обнаружил, что завишу от этой походной библиотеки, как некогда был зависим мой господин. Эта привычка незаметно укреплялась, и иметь под рукой множество книг превратилось в необходимость.

Поэтому, когда я, будучи уже старым человеком, последней весной покинул княжество вместе с князем Реджинальдом, собираясь сопровождать его в летнем путешествии по Дании, для меня было естественным позаботиться, чтобы в моем багаже была такая библиотека. Я взял с собой в поездку пятьдесят три книги. Красивое, неровное число. Ни князь, ни я не знали тогда, что я покидаю замок уже навсегда. В таком случае я взял бы книг гораздо больше, но…

Я все еще сижу и смотрю на свои пожитки и не совсем понимаю, почему вдруг подумал о неровном числе и дорожной библиотеке. На полу белеет перо, лежит, изогнувшись дугой, и улыбается мне – рот с мягкими губами, который смеется над тем, что я не хочу вылезти из теплой постели. Скоро ли придет Барк и поднимет мне перо? Оно лежит на полу. Я слышу смех Катрине, доносящийся из задней комнаты, – значит, Барк тоже там.

Я смотрю на свою рукопись. Глаза выхватывают слово "*microscopicus*", и в моей старой голове неожиданно что-то занимает свое место. Микроскоп. Именно он сдвинул с места мои мысли. Но почему? Почему я смотрю на свои пожитки?

Медленно освещается темный уголок мозга, тот, где хранится память. Что-то выступает на первый план, сначала нечетко, потом я вижу, что это рисунок, рисунок пером – тонкие, не совсем уверенные линии, и я смеюсь про себя. Смех крепнет, я уже слышу в нем истерические нотки, что-то судорожное, и тут же обрываю его.

Входит Барк, он огорчен. Он слышал смех. Я кашляю, прикрыв рот рукой, и говорю, что мне нужна книга из моих вещей. Не мог бы он…

Конечно, Барк может ее найти, для этого он и здесь, говорит он и ждет, чтобы я сказал, какая книга мне нужна. Но я не знаю, какая, потому что не совсем понимаю, зачем вообще попросил найти мне какую-то книгу. Наверное, только потому, что мои глаза то и дело обращаются к этим саквояжам.

Рисунок пером, который я запомнил, появился в результате нашего с Томасом посещения Уле Рёмера, где я видел его рисунки всевозможных приборов. Мне захотелось тоже что-то нарисовать. А потому я уселся дома в своей комнате с микроскопом Томаса и постарался кропотливо изобразить каждую его частицу такой, какой я ее видел, собрать эти частицы в единое целое, в целый микроскоп.

Куда подевался этот рисунок? Может, я его выбросил? Что-то мне подсказывает, что рисунок был низведен до роли книжной закладки, что я находил его красивым, но понимал, что из меня никогда не получится мастер, собирающий инструменты. Какие книги я читал в то время?

– Постарайся найти мне книгу Жан-Батиста де ла Салля, которая называется *"Les Règles de la bienséance de la civilité chrétienne".* – Я помнил, что эта книга о правилах христианской

добропорядочности и хорошего тона вышла в Париже именно в том году. Экземпляр этой книги Томасу прислал его старый товарищ по студенческим временам, но Томас тут же отдал ее мне. Он считал, что ему как атеисту "христианская добропорядочность" не подобает, другое дело – мне, оставшимся в глубине души добрым христианином и деревенщиной, могут понадобиться некоторые правила поведения в обществе. Это было за несколько дней до того, как мы должны были получить аудиенцию у короля, так что я не обиделся на его слова и принялся штудировать книгу. Я уже не помню, какие там были правила…

– Эта?.. – Барк протягивает мне книгу. Я киваю, поворачиваю книгу корешком вверх и начинаю трясти – мелькают страницы. Из книги ничего не выпадает. Барк с удивлением смотрит на меня, но молчит.

– Ничего, – говорю я и вспоминаю, какие еще книги интересовали меня в то время. – А можешь ли ты найти?.. Да, теперь постарайся найти книгу Антонио де Лофразо о превратностях любви, я не помню точно, как она называется. Если не ошибаюсь, она лежит в коричневом саквояже.

Барк выкладывает книги на стол у окна, листает, чтобы найти титульный лист и имя автора, что не всегда бывает легко обнаружить в старинных книгах. Я напряженно слежу за ним, говорю "нет, не эта…" или "посмотри ту маленькую…" и вконец смущаю бедного малого, поняв, что он не совсем твердо знает буквы, не говоря уже об иностранных языках.

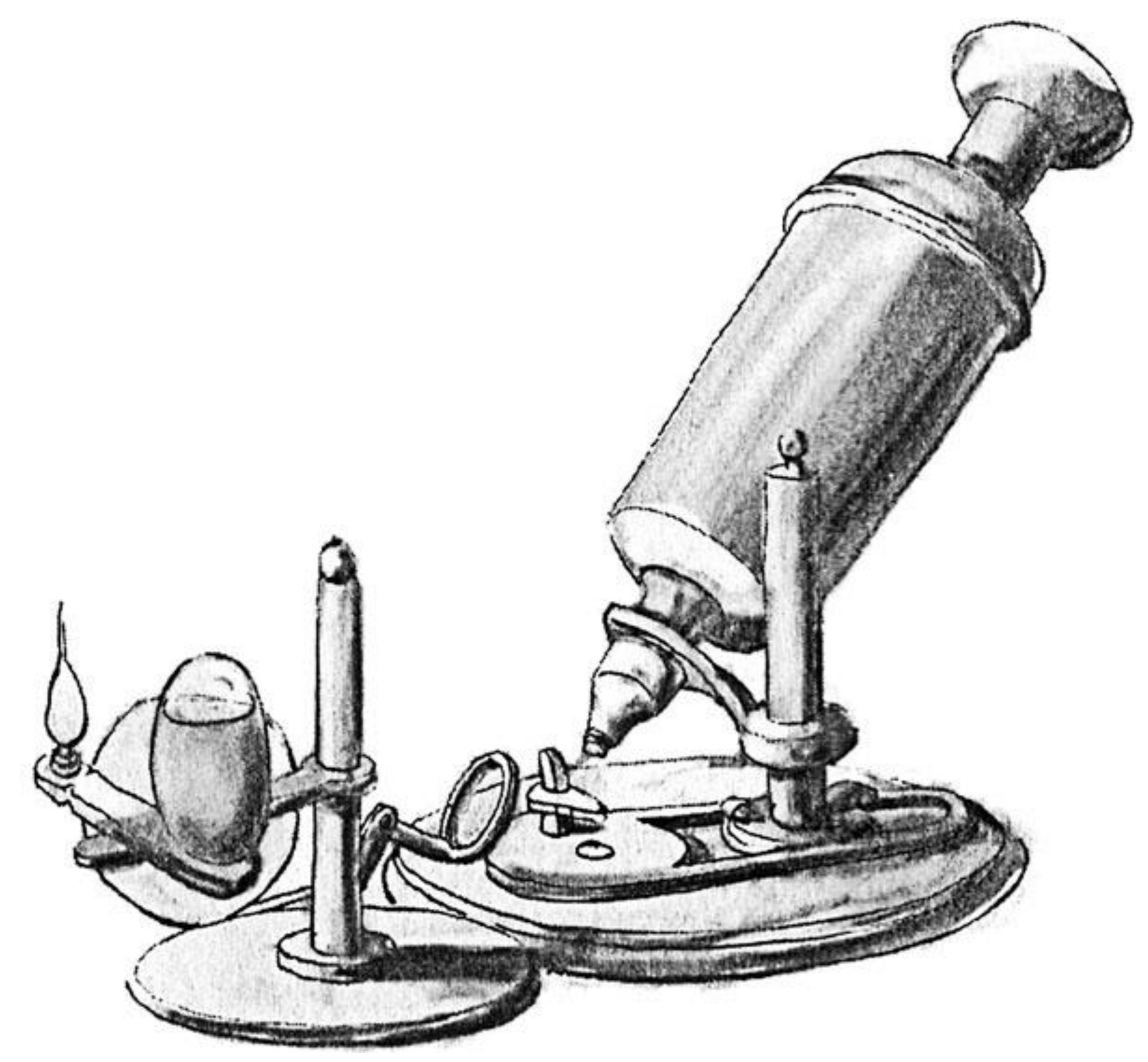
Я уже хотел попросить его дать мне всю стопку, как вдруг лицо его проясняется, и он протягивает мне растрепанный маленький томик, который явно читали с большим усердием. Совершенно верно – это Лофразо. Правильно книга называется "Десять книг о превратностях любви". Вряд ли рисунок в ней, думаю я, но, тем не менее, трясу ее, не отрывая глаз от стопки книг. Толстая книга в переплете из телячьей кожи с изящным рисунком на корешке привлекает мое внимание. Неожиданно я понимаю, что нашел то, что нужно.

– Дай мне вторую книгу снизу, – прошу я и показываю на книгу Блаженного Августина. Сочинения "О блаженной жизни" и "О браке и вожделении" объединены в один том. Как будто все, что тревожило меня в то время, собрано в одном месте. Взяв книгу и ощутив под руками ее солидный переплет и мягкую кожу, я уже знаю, что мой рисунок прячется именно в ней. Я осторожно открываю книгу. Осторожно перелистываю несколько страниц, вижу, что в середине книги из нее что-то выглядывает, засовываю между страницами палец и открываю книгу. Вот он. Гладкий и чистый, будто я нарисовал его только вчера. Осторожно кончиками пальцев я беру рисунок за уголок, словно это тысячелетний греческий лист, смотрю на него и глупо улыбаюсь Барку.

– Это я нарисовал, – говорю я, чувствуя себя как ребенок, показывающий свои каракули. Барк, не жалея внимания, рассматривает рисунок, задает вопросы, и я отвечаю ему и радуюсь, что рисунок сохранился.

Когда я начинаю писать дальше, то вкладываю рисунок между страницами рукописи, словно он является частью моего рассказа. С довольной улыбкой я затачиваю новое перо и макаю его в чернила. Этот рисунок – что-то вроде открытых ворот в прошлое, что-то надежное, показывающее, что мое словесное описание микроскопа верно до малейших подробностей. Рисунок убеждает меня, что я спокойно, без колебаний, могу вернуть доверие собственной памяти.

* * *

Бормоча что-то себе под нос, Томас снял большую деталь с “флагштока”, потом отвинтил часть трубки, вынул стекло – окуляр, подумал я, – и положил его в деревянную коробку рядом с другими. Потом взял другое стекло, вставил его в микроскоп, снова все свинтил и посмотрел в него. На этот раз он удовлетворенно хмыкнул и начал спокойно и тщательно осматривать края скалки. Это заняло много времени, но наконец все края осмотрены, и Томас поднял голову.

– Ничего, – сказал он помощнику судьи. Я не сразу понял, что результат оказался в мою пользу, а поняв, вздохнул с облегчением. – Извольте проверить.

Я надеялся услышать “нет” – мне было нелегко стоять неподвижно и освещать микроскоп.

Но помощник судьи сел на стул, и Томас стал его учить, как пользоваться микроскопом:

– Следите за тем, чтобы точка, которую вы рассматриваете, была хорошо освещена, а также старайтесь заметить все, что напоминало бы капли крови или остатки волос и кожи.

Помощник судьи склонился над трубкой и долго смотрел в нее, он молчал и ни к чему не прикасался. Потом поднял голову, оглядел скалку, наморщил лоб и снова нагнулся к микроскопу. Наконец он с мрачным выражением лица взглянул на Томаса:

– Не думайте, будто я смотрю на дерево. Я смотрю на живые существа, они двигаются, но таких существ нет в природе, созданной Богом. – Он замолчал и с отвращением взглянул на прибор. – Чертовщина какая-то!

– Нет-нет, не бойтесь, все, что вы видите, на самом деле не видно простым глазом. Вы видите крохотных живых существ, которых не видели раньше, потому что они слишком маленькие для обычного глаза. Позвольте показать вам, – взволнованно сказал Томас и в следующие полчаса прочитал помощнику судьи лекцию о том, как устроен микроскоп, показал, как простое стекло увеличивает, например, его палец, и в конце концов убедил его в правильности своих суждений: скалкой не пользовались в качестве орудия убийства. А странные живые существа тоже часть Творения Божьего.

Мне тоже хотелось взглянуть на этих тварей, но, когда помощник судьи был уже убежден, Томас взял из моих рук масляную лампу, задул пламя, отодвинул приборы в сторону и без лишних слов начал разглядывать содержимое письменного стола.

Стражник вышел из комнаты и закурил трубку. Я потер затекшие руки. Помощник судьи спросил, что теперь ищет Томас, но Томас и сам этого не знал, и помощник судьи замер посреди комнаты с опущенными руками, взгляд его был прикован к Томасу. Потом он подошел к двери, выглянул, поискав глазами стражника, и снова вернулся к письменному столу.

– Из конторы что-нибудь украли? – спросил Томас.

– Не похоже, – ответил помощник судьи. Он стоял за спиной у Томаса. – Если верить словам управляющего.

Я подошел к шкафу с полками. Счетоводные книги, свернутая рулоном карта, полдюжины бутылок вина и бренневина, четыре бокала, весы для взвешивания золотого песка, коробочка с гирями, пустая серебряная табакерка, украшенная филигранью. Я все немного передвинул, словно под этими вещами или за ними могло быть что-то спрятано, однако не нашел ничего подозрительного. На стене висела шпага, несколько ножей и пистолет.

– Торговец Туфт служил когда-нибудь в армии? – спросил я и снял нож с такой же шестигранной и неудобной ручкой, какая была и у моего ножа до того, как я ее обстругал.

– Нет, насколько мне известно, – ответил помощник судьи и подошел ко мне. – Я знал его еще с детства, мы оба из Тёнсберга.

Краем глаза я заметил, что Томас замер над одним из ящиков, а потом медленно выпрямился и взглянул на меня. Я – на него, и он сделал мне знак, значения которого я не понял, но решил рискнуть.

– Поскольку вы так хорошо знали господина Туфта, – сказал я и снял с полки самую толстую книгу, какая там стояла, – вы наверняка узнаете его почерк?

Томас незаметно издали одобрительно кивнул мне, когда помощник судьи подошел, чтобы посмотреть книгу. Изучив запись, сделанную в книге, он сказал, что почерк похож. Да, он почти убежден, что это написал Туфт. Но какое это имеет значение?

Я протянул руку за книгой, чтобы поставить ее на место. Она выпала у меня из рук и с громким стуком упала на пол, так что помощник судьи вздрогнул и испуганно чертыхнулся. Стражник вбежал в комнату, увидел книгу и уставился на меня с таким видом, словно хотел снова ударить меня в живот. За их спинами я скорее угадал, чем увидел, как Томас выхватил что-то из ящика и сунул себе в карман. Что-то длинное, похожее на змею. Полоску кожи?

Стражник отдал мне книгу.

– Я пока не знаю, насколько это важно, – ответил я помощнику судьи, – но знать это не помешает.

Томас развел руками.

– Ничего, – огорченно сказал он, обращаясь к письменному столу.

У помощника судьи было время обдумать случившееся.

– Цирюльник говорит, что в ране над ухом покойного он нашел маленький обломок щепки. Это означает, что Туфта ударили по голове деревянным предметом. Убийца вряд ли принес с собой для этого разделочную доску. – Он вопросительно посмотрел на Томаса.

Человек придерживается определенной точки зрения, пока не предпочтет ей другую, пробормотал я про себя и вспомнил, что прежде помощник судьи говорил, что убийца принес орудие убийства с собой. Однако теперь я был согласен с его последним высказыванием и потому промолчал.

– У Туфта в ране была щепка?! – воскликнул Томас. – И вы только теперь говорите нам об этом?

– Я… я не знал, что это так важно, – стал оправдываться помощник судьи. – Но если Туфта по голове ударил убийца, – сказал он и поглядел по сторонам, – надо исходить из того, что орудие убийства он нашел здесь, в конторе. – Он замолчал, не отрывая глаз от стены. Я проследил за его взглядом. Распятие! Оно висело немного косо, теперь я обратил на это внимание. Взрослому человеку оно доставало до груди, прочный дуб. Орудие убийства. Томас быстро подошел, снял его с крюка и положил на письменный стол.

– Вы можете… можете его осмотреть?.. – спросил помощник судьи, глядя на предмет, лежавший на письменном столе.

– Да. – Томас снова достал огниво, чтобы зажечь лампу, потом протянул ее мне. Было очень тихо, когда он наклонился над трубкой и медленно стал осматривать крест. Начал он сверху, маленькими прерывистыми движениями он передвигал крест под микроскопом, а я заботился о том, чтобы на него падал свет от пламени. Вскоре Томас хмыкнул и позволил помощнику судьи тоже посмотреть в микроскоп. Я с нетерпением ждал, когда и мне будет разрешено взглянуть, но они словно забыли обо мне.

– Да… да, – произнес помощник судьи странным голосом. Он смотрел на Томаса загоревшимися глазами, словно ему только что было откровение. – Да, я понимаю. Это и есть орудие убийства, я вижу кровь… и волос.

Томас улыбнулся, взял у меня лампу, разобрал микроскоп и сложил детали в деревянный футляр. Я вздохнул и про себя чертыхнулся. Простому секретарю не полагается видеть откровения. Ему разрешается только освещать его, но не видеть.

Глава 36

Томас стоял у окна, то приподнимаясь на цыпочки, то снова опускаясь на всю ступню, и смотрел на дома в усадьбе Туфта. Я – в другом конце комнаты – смотрел на улицу, на упряжку быков, которые вспахивали землю через дорогу. Стебли, оставшиеся после уборки хлеба, вставали перед плугом, потом валились набок, открывая взору темную землю. Плуг был похож на тот, что сделал кузнец в Фалкенстене. По словам Сигварта, это был лучший плуг в мире. “Такого зрелища в Копенгагене не увидишь, – подумал я. – Там дома тесно жмутся друг к другу, а если между ними и возникает просвет, его тут же занимает садик или площадь, а не возделываемая земля, как здесь. По сравнению с Копенгагеном Тёнсберг был деревней. Зато, надо признаться, в нем не было и вони, присущей большим городам”. Я смотрел на город и предполагал, что, наверное, треть его площади занимают такие поля.

Не надо предполагать, часто говорил Томас. Это не научно. Надо не предполагать, а знать.

А что делает человек, если у него есть зашифрованный текст, который он хотел бы прочесть?

Если я правильно понял Томаса, существуют две возможности. Первая, и, наверно, самая важная, – понять, на чем основан шифр. Томас попытался это сделать, но неудачно, кроме того, он предупредил, что разгадывание шифра может потребовать много времени, даже очень много.

Но оставалась еще одна возможность. Томас мельком упомянул о ней. Независимо от того, является ли человек получателем или отправителем зашифрованного письма, он должен иметь ключ к этому шифру, чтобы зашифровать или расшифровать его. Другими словами, у Туфта должен быть где-то ключ к этому шифру.

Моя голова, как мельница, снова начала перемалывать тайну шифра, после того как Томас спрятал в карман похожий на змейку лоскут кожи. Я не осмеливался попросить, чтобы он показал его мне, потому что помощник судьи ходил между нами, сгорая от нетерпения. Не в его привычке было ловить преступников, стоя у окна и глядя в небо.

Если исходить из того, что Томас нашел в ящике стола новое зашифрованное письмо, то общим между Юстесеном и Туфтом была не только смерть от отравления, но и то, что оба, по всей видимости, получили зашифрованные сообщения. Зашифрованное сообщение Туфта было найдено у него в конторе. Разве не логично предположить, что и ключ к нему он тоже прятал у себя в конторе?

Я огляделся. Как, собственно, должен выглядеть такой ключ? Безусловно, он написан на бумаге, предположил я, проигнорировав на минуту слова Томаса о том, что надо не предполагать, а знать. В принципе он мог быть спрятан где угодно.

Я никогда не разговаривал с Туфтом, мы были почти не знакомы. Мне было только известно, что его считали педантичным и умным человеком, опытным торговцем, никогда не нарушавшим закон, что позволило ему занять должность инспектора по незаконной торговле. Вопрос заключался лишь в том, где именно в своей конторе такой человек мог спрятать ключ к тайному шифру, чтобы его не нашли слуги, писцы или служанки с их тряпками и швабрами.

Логично предположить, что он спрятал бы то, что похоже на ключ к шифру, как вещь, относящуюся к конторе, думал я. Словно это один из хранящихся тут документов.

Например, положил его в какую-нибудь книгу. Правильно, в счетоводную книгу! И… впрочем, нет, вовсе не обязательно, что Юстесен и Туфт пользовались одинаковыми ключами к шифрам. Ведь в доме у Юстесена не было ни одной книги. И вообще никаких бумаг.

Стоп! Бумага у него была! Шифр мог быть записан на обратной стороне изображения Девы Марии с младенцем! Это изображение было прибито над монетами на дне сундука. Мне тогда и в голову не пришло взглянуть на обратную сторону этого изображения. Я покосился на Томаса. А ему пришло?

Независимо от того, что там было у Юстесена, я мог начать искать ключ Туфта здесь и сейчас.

Спокойно, словно я делаю это только затем, чтобы чем-то занять руки, я подошел к шкафу и начал систематически пролистывать все счетоводные книги. Я тряс их, чтобы из них выпала, может быть, вложенная в них бумажка, смотрел, не приклеено ли что-нибудь с внутренней стороны переплета и не всунута ли в корешок свернутая трубочкой бумага. Но все было безрезультатно.

Однако, начав искать, я уже не мог остановиться. После счетоводных книг я тщательно осмотрел каждую коробку и каждый ящик. Все приподнимал и передвигал, в том числе и то, что я осмотрел во время своего первого прихода сюда, и даже то, что уже просмотрел Томас. Из-за того, что теперь я точно знал, что ищу, я вдруг перестал доверять собственным глазам

и тому, что раньше видел, или не увидел, Томас. В конце концов, я даже осмотрел снизу ящики письменного стола и стулья. Но добился только того, что брови помощника судьи удивленно поднялись, и он начал следить за каждым моим движением. В раздражении я прекратил поиски и снова подошел к окну – на моих глазах плуг погрузили на телегу и увезли.

Может, бумага – это слишком просто? Что еще общего было у этих двух отравленных людей, на чем они могли бы записать ключ к шифру?

– Гм-м… – проворчал Томас, и я поднял на него глаза. Видно, он слишком часто вертел пуговицу на своем жилете, она висела на одной нитке, ее следовало пришить покрепче. Кто, интересно, может это сделать, пока я служу у нунция, с горечью подумал я. Я знал, что Томас скорее будет ходить с оторванной пуговицей, чем сам возьмет в руки иголку с ниткой. Сядет с бокалом вина, будет глядеть на пуговицу и на жилет и философствовать об их принадлежности друг другу или об отсутствии таковой. – Гм-м… – повторил он, не спуская с нас глаз. – Думаю, я знаю, как это произошло.

Бокал вина… бокал.

Помощник судьи в дверях разговаривал с писцом Туфта. Теперь он подошел поближе, чтобы послушать, что скажет Томас.

– Разрешите мне сначала задать один вопрос, – сказал я и подошел к писцу. – Сколько бокалов обычно стоит здесь на полке? – Я встал так, чтобы он не мог видеть шкафа.

Писец посмотрел на помощника судьи, потом на меня и сказал:

– Шесть.

– Вы в этом уверены?

Он кивнул головой.

– Да.

– Спасибо. Я хотел узнать только это.

Томас взглянул на четыре бокала, что стояли на полке.

– Тогда у меня почти нет сомнений… – Он кивнул писцу. – Спасибо вам за помощь. – Писец поклонился и ушел.

– Я думаю, – сказал Томас, – что нунций дей Конти посетил Туфта, чтобы тот помог ему создать здесь тайную Католическую Церковь точно так же, как он посетил Юстесена во Фредрикстаде. Удалось ли ему уговорить Туфта или нет, нам неизвестно, но после того, как нунций ушел от торговца, к нему пришел еще один гость, а именно убийца. Они с Туфтом выпили по бокалу вина, и гость отравил хозяина, который вскоре почувствовал недомогание. Господин Хорттен, который задумался о посещении Туфта нунцием и о том, что тот мог сделать с Туфтом, вернулся обратно и пришел в принципе вовремя, чтобы предотвратить убийство. Но убийца, должно быть, услышал его шаги или еще как-то обнаружил, что Хорттен идет сюда, и ударил Туфта по голове первым, что подвернулось под руку, подождал, когда Хорттен войдет в дверь, ударил его, и Хорттен потерял сознание. Туфт лежал на полу тоже без сознания и вскоре умер от действия яда. Убийца забрал с собой бокалы и спокойно ушел.

Томас взглянул на помощника судьи и спросил:

– У вас есть возражения против такого изложения событий?

Помощник судьи долго стоял и слушал, но, очевидно, не нашел никаких изъянов в версии Томаса, и отрицательно покачал головой.

– Прекрасно! – Томас сложил руки. – Так кто же в таком случае убийца?

Мы молчали. Однако Томас и не ждал, что мы ответим на его вопрос, он опустил глаза и нерешительно продолжал:

– Думаю, можно сузить круг… думаю, что убийца… – Неожиданно он обратился ко мне: – Кто знал, что из Фредрикстада вы поедете сюда?

– Никто. Только нунций и я. Мы с ним говорили об этом, когда ездили в Тросвик, нунций попросил меня назвать несколько мест, ему понравилось название Тёнсберг, и он сказал, что хочет увидеть этот город.

– Это было сказано случайно? – спросил помощник судьи.

– Гм… да, так, по крайней мере, это выглядело, хотя теперь, я думаю, он ждал, что я назову Тёнсберг.

– Конечно, ждал, – сухо заметил Томас. – Его план был составлен заранее. Фредрикстад и Тёнсберг известны Католической Церкви как города, где наиболее упорно держатся за старую веру. – Он глянул на меня. – А юнкер Стиг и его слуга знали, куда вы направитесь?

– Когда они уезжали из Фредрикстада, они этого еще не знали. Не знаю, когда именно нунций сказал им об этом, думаю, я тогда был еще во Фредрикстаде.

– И кто же этот убийца? – нетерпеливо спросил помощник судьи.

– А убийца – кто-то из тех, кто ехал с нунцием, – ответил Томас.

Глава 37

– Герберт! – воскликнул я.

– Женщина! – сказал помощник судьи. Я рассказал ему о тех, кто ехал с нами, о том, как мы с ними встретились и потом вместе проехали большую часть пути до Тёнсберга. – Отравление ядом – это женский способ убивать неугодных. Мужчины не так трусливы.

– Юнкер Стиг! – сказал Томас. – Почему никто из вас не назвал юнкера Стига?

– У юнкера есть алиби. – Я рассказал, что видел его во Фредрикстаде в постели в то время, когда кто-то навестил Юстесена и отравил его. К тому же в его обязанности, как и в мои, входила охрана нунция. – А вот Герберт мог спокойно уйти в город. Он ночевал с челядью на заднем дворе.

– А где ночевала фрёкен? – поинтересовался помощник судьи.

– Она… она ночевала в задней комнате в аптеке, – неохотно ответил я.

– И имела свободный доступ к любому яду, – заключил помощник судьи и победоносно взглянул на Томаса.

И время, чтобы отлить его в бутылку, подумал я, но промолчал.

– Да, – согласился Томас. – Я тоже пришел к этому выводу после посещения Фредрикстада. Я побеседовал там с помощником аптекаря, который ночевал там же, где Герберт в ту ночь, когда убили Юстесена. Он рассказал, что они с Гербертом перед сном немного выпили, естественно, чего-то крепенького, если я правильно его понял. В ту ночь Герберт спал непробудным сном, по-видимому, таким непробудным, что утром он был скорее мертв, чем жив. Он лежал, уткнувшись носом в соломенный тюфяк, когда помощник аптекаря и другие слуги уже приступили к своим обязанностям.

– А он знал, как Герберт выглядит? – поинтересовался я. – Может, Герберт кому-то заплатил, чтобы тот вместо него выпил вечером с помощником аптекаря?

– Знал. Помощник аптекаря был там, когда вы приехали. Он видел вас всех.

– Значит, это все-таки женщина, – твердо решил помощник судьи, словно все другое было уже исключено.

– А что еще нашли во Фредрикстаде? – Я искал соломинку, за которую мог бы ухватиться, чтобы направить их внимание в другую сторону. – Городской судья Фредрикстада и слушать не хотел, когда я сказал ему, что Юстесен был отравлен, – произнес я в воздух. – Он предпочел считать, что тот умер от какой-то болезни.

– Да-а, – протянул Томас. – У меня тоже создалось такое впечатление от разговора с ним. Но когда я попросил его объяснить мне, почему он так думает, оказалось… оказалось, что на то были свои причины, хотя и не слишком веские. Дело в том, что в тысяча шестьсот восемьдесят третьем году во Фредрикстаде произошел необычный смертельный случай. Старший лейтенант де Клари неожиданно скончался без всяких видимых на то причин. Все знали, что де Клари незадолго до этого серьезно поссорился с комендантом крепости Рокленге, и пошли слухи, что де Клари отравили каким-то ядом. Тогдашний городской судья заподозрил, что в этом отравлении повинен некий итальянский доктор, и того арестовали. Это было длинное и запутанное дело с допросом многочисленных свидетелей, однако никто не мог сказать определенно, было ли это убийство. В конце концов "итальянского доктора" отпустили. Один копенгагенский врач предположил, что покойный старший лейтенант мог умереть от воспаления брюшины. У городского судьи и у коменданта крепости в связи с этим делом были большие неприятности. – Томас наморщил нос. – Нынешний городской судья Фредрикстада, господин Мунк, опасался попасть в столь же неприятное положение, когда узнал про подозрения Хорттена по поводу отравления Юстесена. Меньше всего ему хотелось, чтобы в городе снова пошли разговоры об отравлении, которое невозможно доказать.

Я кивнул. Реакция Мунка была мне понятна, хотя одобрить ее я не мог.

– А девушка, живущая по соседству, которую навещали солдаты, вы с ней поговорили?

– Да, поговорил. Она действительно видела, как кто-то вышел из дома Юстесена, но ее описание этого человека столь неопределенно, что под него может подойти кто угодно, кто ходит на двух ногах. И даже на трех, – с грустной усмешкой сказал Томас.

Помощнику судьи не терпелось перейти к следующему этапу. Ведь дело было уже раскрыто.

– Вы знаете, где мы можем найти эту убийцу? – Он распахнул дверь и ждал, когда мы выйдем из конторы.

– Комендант Шторм послал за нами в Тёнсберг одного человека, чтобы он в эти дни следил за нунцием и мной, – быстро сказал я.

– Правда? – Томас был крайне удивлен. – За вами следили? Ты в этом уверен?

– Да. Я видел его возле Мадсегорден и здесь, в ратуше. Не далее как сегодня утром. Мрачный тип, у него лошадиное лицо и длинные зубы.

Помощник судьи кивнул:

– Похоже, это Калле. Калле Вездесущий, мы его так прозвали. Он кормчий, занимается фрахтом. Снабжал Шторма табаком, этим табаком торгует только Грегерсен, заодно он привозил кое-какие товары и для некоторых других торговцев во Фредрикстаде. Правильно, он сейчас в Тёнсберге, сегодня он был у меня с посланием. От коменданта Шторма.

– И о чем говорилось в этом послании?.. – Томас в упор посмотрел на помощника судьи.

– Только о том, что я должен следить за итальянским купцом и его норвежским секретарем. Больше ничего. – Помощник судьи засмеялся. – Не успел я прочитать это послание, как у меня в дверях появился этот самый секретарь и пожелал поговорить со мной.

Я не нашел в этом ничего забавного. Помощник судьи перестал смеяться и повторил свой вопрос:

– Как нам ее найти?

Письмо от Шторма с просьбой следить за нунцием и мной!

Когда юнкер Стиг втащил меня вчера в чьи-то ворота, он был очень взволнован и сказал, что кто-то из Фредрикстада следил за нами до самого Тёнсберга. Юнкер не сказал, знал ли он этого человека, но, возможно, он знал больше, чем сказал мне. Или о чем-то догадывался? Я не забыл, что за пару дней до этого он посетил Шторма. Может, он тогда что-то узнал или услышал? Может, считал, что слежку за нами организовал Шторм, но не

хотел говорить, что подозревает в этом столь высокопоставленного офицера, к тому же знакомого его отца? Может, это Шторм…

Вопросительный взгляд Томаса помешал мне додумать до конца эту мысль. Вслед за стражем я вышел из конторы.

– Ее… ее вы найдете в подвале под ратушей, – неохотно сказал я помощнику судьи.

– У нас? – Удивленный помощник судьи быстро догнал нас на галерее.

– Да, – сказал я, спускаясь по лестнице. – Она арестована за незаконную торговлю тканью.

Стражник, идущий впереди меня, снял шапку и тряпкой вытер затылок и шею. Это он во время ареста схватил мой парик и бросил его на пол. Мы пересекли двор и вышли на улицу. Такого красивого парика у меня еще не было.

Луна?..

Я шел, задумавшись, и какой-то великовозрастный болван чуть не переехал меня на своей телеге, он смачно плюнул мне вслед. Было еще светло, но я высматривал луну, словно надеялся, что она мне поможет. Небо над Тёнсбергом и надо мной было покрыто белыми лохматыми облаками…

Парик. Парик, который скрывает…

– Парик, – пробормотал я и схватил Томаса за руку. – Вот где он спрятан! Надо осмотреть парик Туфта. – Томас непонимающе воззрился на меня. – И Туфт и Юстенсен оба носили парики.

“И что с того?” – спросили его глаза.

– Ключ к шифру, – прошептал я, потому что помощник судьи, сообщив писцу, что мы закончили осмотр конторы Туфта, догнал нас.

– Одну минуту, добрый друг, – сказал Томас, и помощник судьи остановился. – Мы еще не осмотрели одежду покойного, ту, что была на нем в момент убийства. *Corpus delicti* этого дела – изучение состава преступления – обязывает нас все тщательно осмотреть, дабы какие-то важные улики не остались суду неизвестными. Я вдруг подумал, что важные улики могут быть спрятаны, например, в швах одежды.

Помощник судьи начал протестовать, он считал, что с этим можно подождать, сейчас важнее допросить девушку. Но Томас напустил на себя строгий вид и сказал:

– Помню одно дело, я вел его несколько лет тому назад. – Он схватил помощника судьи под руку и повел обратно в усадьбу купца. – Тогда оказалось, что в рубашке графа была зашита расписка, которая легла в основу разоблачения одного зверского убийства.

“Он был не граф, – подумал я, вспомнив то давнее убийство. – То был простой солдат”.

Мы вошли в главное здание, и помощник судьи объяснил, почему мы вернулись. Слуга принес нам аккуратно сложенную стопку одежды.

– А еще принесите, пожалуйста, его парик, – попросил Томас и начал рыться в одежде торговца.

Слуга принес парик и положил его рядом с Томасом. Я быстро схватил его и вывернул. Ощупал всю тесьму, которой крепились волосы, отвернул все, что можно было отвернуть, и подошел к окну, чтобы еще раз взглянуть на все вместе. Результат был тот же самый. Ничего написанного, никаких букв, нигде не спрятано никакой бумажки, ни под тесьмой, ни в каком-нибудь другом месте. Я отложил парик и вдруг почувствовал, что ночью почти не спал. Голова была тяжелая, как свинец.

Томас быстро просмотрел оставшуюся одежду, поднял голову и кивнул:

– Спасибо! Теперь мы можем идти.

Глава 38

Стражник нашел Герберта у пробста и вернулся с ним в ратушу, они ввалились в двери, таща с собой багаж юнкера.

– Вам известно, где сейчас находится юнкер Стиг? – спросил Томас. Мы все сидели в крохотном кабинете помощника судьи.

Герберт ответил, что не видел своего хозяина с самого утра.

Томас был удовлетворен. Нунций и юнкер, по-видимому, не теряли зря времени и были уже далеко отсюда.

Другой страж привел фрёкен Сару, он протащил ее через приемную и втолкнул в дверь кабинета. Она стояла с закованными руками и растерянно смотрела на нас. Волосы у нее были растрепаны, кожа посерела после суток, проведенных в подвале. Я отвернулся к окну.

Помощник судьи встал и прочитал вслух:

– "Фрёкен Сара Эскесдаттер Аули, вы арестованы за убийство торговца Тругельса Гулликсена Туфта…"

Продолжения я не слышал. Мои глаза словно примерзли к трубе соседнего дома, пока фрёкен Сара кричала, что не совершала такого преступления. Крик сменился слезами и стонами после того, как стражник ударил ее по лицу; я смотрел в пол, на свои сапоги, повернутые носками друг к другу, и думал, неужели это действительно она ударила меня ночью по голове с такой силой. Знала ли она, что бьет именно меня?

Когда помощник судьи закончил читать обвинение, он снял парик и вытер макушку платком. От скопления людей в маленькой комнате было жарко и душно. Может быть, его тоже тронул вид девушки, съежившейся перед ним, как побитая собачонка. Стражник у двери уже собирался пнуть ее грязным сапогом.

Луна… смотри…

Луна? Я взглянул на помощника судьи, на его затылок, на обнажившуюся лысину – "луну". И лихорадочно моргал в то время, как в моей голове все заняло свои места, я взволнованно глотнул воздух. Нервничая, что могу снова ошибиться, как с шифром, спрятанным в парике, я торопливо обдумал все еще раз. Тем временем стражнику приказали снова увести фрёкен Сару в подвал, и он уже схватил ее за руку.

– Стойте! – воскликнул я и вскочил с места. Стражник остановился в дверях, не отпуская фрёкен Сару, и вопросительно поглядел на помощника судьи. – Герберт! – Я показал на него пальцем. – Снимите парик!

Герберт, который стоял за нашими спинами, пока помощник судьи читал обвинение, недоуменно взглянул на меня, потом на Томаса и на помощника судьи, но ни у кого не встретил поддержки. Он нехотя снял парик, и тот медленно скользнул ему на плечо.

– Наклоните голову!

Он наклонился вперед, и я увидел его "луну"; ту же самую лысину я видел при свете фонаря в ту ночь, когда убили Юстесена, в постели юнкера Стига.

– Это вы обеспечили алиби юнкеру Стигу.

Герберт не поднимал головы.

– Вы знали, что он что-то задумал, и по его приказу легли в его постель, чтобы тот, кому взбредет в голову заглянуть в его комнату, подумал, будто он спокойно спит в своей кровати.

– Про кого вы говорите? – спросил помощник судьи, не успевая следить за ходом моей мысли. – Кто где лежал?

По лицу Томаса я видел, что он понимает, о чем я говорю, но он все-таки сказал:

– Но помощник аптекаря сказал, что Герберт всю ночь спал на заднем дворе.

– Да, но он сказал также, что они крепко выпили перед сном. – Я показал на Герберта. – Позвольте предположить, что вы плеснули снотворного в кружку помощника аптекаря, и, когда сон свалил его, вы с юнкером Стигом поменялись местами. Юнкер считал, что с заднего двора ему будет легче уйти незамеченным, чем из своей комнаты на втором этаже. Вы же легли в его постель, чтобы я, если бы мне пришло в голову заглянуть к нему ночью, увидел в его постели спящего человека. А утром, когда все проснулись и встали, юнкер Стиг, спавший на вашем месте, спрятал голову под перину. Ведь так? Помощник аптекаря так и не заметил, что в постели, зарывшись лицом в тюфяк, лежал совсем другой человек.

Герберт по-прежнему молчал. Но я не ошибся! Это мы все видели по его пухлым ладоням, которые он без конца потирал, словно они у него замерзли. Ему и не требовалось ничего говорить.

На ямской станции за церковью Святой Марии помощник судьи конфисковал карету и упряжку из четырех сильных коней и поспешил обратно в ратушу. Томас спросил, не брали ли здесь сегодня лошадей и карету какие-нибудь неместные люди, и узнал, что некий благородный господин и его друг-иностранец взяли по лошади, хорошо заплатили за них и сказали, что едут в Осгордстранд.

– Хорошо заплатили? – Я был удивлен. Разве у юнкера не было разрешения на бесплатные перевозки?

– Осгордстранд? – Томас тоже был поражен.

Да, благородный господин сказал это иностранцу по-немецки, подтвердил станционный смотритель, который считал, что сносно знает этот язык, а также английский и голландский, не зря же он в молодости был штурманом. Пока не угодил под якорную цепь, сказал он и показал нам свою деревянную ногу. Стражник принес от парусника Лассена наш багаж и погрузил его в карету. Другой стражник по приказу Томаса посадил в карету Герберта и фрёкен Сару. Явился помощник судьи с пистолетом за поясом и последним вскочил в карету, кучер крикнул: “Пошел!”, взмахнул кнутом, и мы помчались по городу. Обнаружив в карете фрёкен Сару, помощник судьи хотел вернуть ее в подвал ратуши. Но мы с Томасом, оба, схватились за кошельки, чтобы оплатить ее штраф, помощник судьи получил от каждого из нас по далеру и обещал позже выдать нам расписки.

Карета миновала Мёллебаккен и выехала из города. Крыши домов скрылись у нас за спиной. Как и силуэт Дворцовой горы. В глубине души я надеялся, что видел Тёнсберг в последний раз. Руки этого города тянулись к моей шее и чуть не сжались на ней. Я больше не доверял ему.

Томас открыл окошко и крикнул кучеру, чтобы он ехал так быстро, как позволяет лошадиная сбруя, – теперь дело касалось жизни нунция дей Конти.

“Да, теперь речь идет о жизни и смерти, – подумал я. – Если это касалось жизни дей Конти, значит, касалось и отношений между нашим королевством и папским городом. А раз это было такое важное дело, значит, оно напрямую касалось и королевского расположения. А если это касалось королевского расположения…”

Короче говоря, это уже имело непосредственное отношение к нашим шеям.

* * *

Мне не хватает читателя.

Не хватает человека, который не может дождаться, чтобы прочитать то, что я написал за день, как читал князь, когда я писал свою первую книгу. Или такого, который бы делал вид, будто ему это нисколько не интересно, но все-таки он читает и задает странные,

незначительные вопросы вроде: “Сколько лет было этому нунцию дей Конти?”, как спрашивал Хоффманн в Виборге, когда читал мою вторую рукопись.

Я мог бы ответить, что Микеланджело дей Конти, по моим подсчетам, было лет пятьдесят и что он в конце жизни значительно поднялся по иерархической лестнице Католической Церкви. Я мог бы рассказать, что нунций умер в 1724 году после продолжительной болезни, о чем я узнал, когда жил в Германии у князя Вильгельма и княгини Беатрисе, где начал свою деятельность домашнего учителя юного княжеского сына Реджинальда. Я мог бы рассказать ему все это и еще многое другое.

Но теперь у меня нет читателя. Никто не ждет с интересом продолжения моей рукописи. Никто не задает вопросов.

Только старая норна Скульд заходит иногда ко мне и заглядывает через мое плечо, следя покрасневшими глазами за скрипучим бегом моего пера по бумаге. Она ничего не говорит, не подает мне знака, что хочет о чем-то меня спросить. Она как будто ждет, как будто пришла только для того, чтобы посмотреть, насколько я продвинулся в своем рассказе и много ли мне еще осталось.

Мне кажется, я знаю, чего она ждет.

Потом она неожиданно исчезает, я трясу своей глупой старой головой и думаю, что пора ложиться спать. Как бы там ни было, а человеку необходимы сновидения, которые посещают его, когда он спит.

Мой верный слуга, Барк, видит, что я пишу каждый день, но не задает мне никаких вопросов. Слуга не должен задавать вопросов хозяину. Я вижу, что ему любопытно, и я уже рассказал ему немного о своем прошлом, о том, что возвращаюсь в Норвегию, на свою родину, рассказал, о чем я пишу. Но я не хочу смущать его просьбой прочитать мою рукопись, вряд ли он так хорошо умеет читать, чтобы с этим справиться.

И все-таки я пишу дальше. Должен. Такое у меня чувство. Оно похоже на принуждение. Каждый день я просиживаю по многу часов, подгоняю себя, хотя у меня начинает болеть спина и трясется рука. Я не позволяю себе передышек, как позволял летом с Хоффманном.

Мне не хватает Хоффманна. Не хватает князя Реджинальда.

Мне не хватает читателя.

Глава 39

Почему я не вспомнил об этом раньше? Не подумал о том, что у юнкера нет лысины, нет “луны”? Может, тогда жизнь торговца Туфта была бы спасена. Я сидел в карете, и меня мучило раскаяние, а мимо нас летели поля и леса. Томас и помощник судьи серьезно допросили Герберта, но, похоже, бедный малый почти ничего не знал. Он служил лакеем у одной придворной дамы, когда ему вдруг приказали отправиться в поездку с юнкером Стигом. Слуга юнкера тогда был серьезно болен, так объяснили Герберту.

Фрёкен Сара сидела в углу кареты напротив меня, она что-то сжимала в руках и с мрачным видом смотрела в окно. Я думал, что вообще-то у нас не было серьезных причин увозить ее из Тёнсберга. Хотя и там ей теперь уже нечего было делать, поскольку у нее больше не было ни денег, ни товара.

Она заметила, что я смотрю на нее, и протянула мне то, что держала в руках.

– Я захватила ваш парик, господин Петтер, – сказала она.

– Спасибо. – Я улыбнулся и взял эту кошку, которую переехала телега.

– Его надо почистить, и он будет как новый, – утешила она меня просто из вежливости. В лучшем случае этот парик мог бы получить вторую жизнь дома, у фру Ингеборг, в качестве тряпки для стирания пыли.

– Где в Осгордстранде они могут находиться? – вдруг спросил Томас.

– На постоялом дворе, – предположил я. – Юнкер плохо знает эти места, вряд ли он придумает что-нибудь другое.

Действительно, у постоялого двора была привязана лошадь, но одна, а не две. Значит, они проехали дальше. Но все-таки я забежал к старой Сигне, которая у очага мешала в котле какое-то варево и до смерти испугалась, увидев меня.

– У вас были сегодня два незнакомца – благородный господин и иностранный торговец? – крикнул я с порога и шагнул к ней. Она испуганно схватилась за сердце и выудила из котла упавший туда половник; чертыхнувшись, Сигне сказала, что чуть не сварила кашу из своего лучшего половника только потому, что у меня не хватает ума вести себя, как подобает людям. Я извинился и вытер для нее ручку половника.

– Вообще-то были у нас сегодня чужие люди, – буркнула она и покосилась на меня. – Разве вас не собираются повесить?

– Что?! – Я чуть не упал. – Меня?.. Повесить?..

– Да, – мрачно ответила она. – Это сказал один из них, а потом ударил другого по голове так, что у того брызнула кровь. Он сказал, что Петтера Хорттена должны повесить. Разве вы не Петтер Хорттен? – Она оглядела меня с ног до головы, будто на мне была краденая одежда.

– Да-да, – нетерпеливо сказал я. – Я – Петтер Хорттен. Куда они поехали?

– Один сказал, что второй виноват в том, что вас теперь повесят, и, вообще, виноват в том, что многим пришлось умереть…

– Кому пришлось умереть? – От волнения я потянул Сигне за руку. – Кто должен был умереть, Сигне?

– А вы спросите у него самого, – сказала она, отнимая у меня свою руку. – Он лежит в комнате на втором этаже, у него разбито лицо.

Я бросился вверх по лестнице.

– Скажите ему, что каша готова! – крикнула она мне вслед.

Я ворвался в комнату, даже не постучавшись, нунций вскочил с кровати и поднял руки, чтобы защитить себя; наконец он обнаружил, что это – я.

– Господин Петтер, – с облегчением пробормотал он, закрывая лицо окровавленной тряпкой.

Я был готов расцеловать его, так велика была моя радость, что он жив.

– Будет он есть кашу или не будет, но заплатить за нее он должен! – Сигне была приветлива, как всегда. Я бросил ей деньги и послал ее к черту, однако все-таки успел услышать, как она пробурчала: – Но он успел сказать, где это лежит… и если он это найдет, он станет!.. – Но мы уже бежали к карете.

Пока кучер выбирал наиболее приемлемую дорогу – мимо Гленне, – и мы быстро приближались к Хорттену, нунций рассказал, что юнкер Стиг как мог гнал их лошадей, и что нунций потребовал, чтобы они остановились в Осгордстранде, заявив, что он вот-вот свалится с лошади. Юнкер Стиг разозлился и сказал, что теперь Петтера Хорттена повесят из-за того, что нунций сказал, что он должен умереть.

– Кто он? – прервал нунция Томас. – Кто должен был умереть? Вы?

– Не знаю. – Нунций был в отчаянии. – Он много чего наговорил, это было так странно.

Юнкер хотел сразу же ехать дальше и потащил нунция к лошадям, но когда нунций заявил, что сначала должен поесть, завязалась драка, юнкер в кровь разбил ему лицо и выбежал за дверь.

– Он бросил мне монету и назвал меня шутом. – Нунций порылся в карманах и показал нам монету.

– Монету?! – Томас взял ее, перевернул, повертел и нахмурил лоб. – Это кардинальская монета, или, как мы ее называем, двуглавая. Видите, на ней изображен католический кардинал, на нем митра, и у него двойной подбородок – все как будто правильно и хорошо. Но если вы повернете его головой вниз, вы увидите шута в колпаке с бубенчиками.

Нунций ахнул, схватил монету и долго ее разглядывал, вертя так и сяк.

– Монета старая и ничего не стоит. – Томас нетерпеливо забрал у него из рук монету. – Это шутка, обман.

Нунций покачал головой.

– Какое ребячество! – раздраженно проговорил он.

– Вы знаете, куда он поехал? – Томас наклонился к нунцию и пристально смотрел на него.

– До того как мы расстались, он несколько раз упомянул усадьбу Хорттен. – Но ведь он мог и изменить свое решение…

– Нет! – Томас снова сел и поглядел на сгущавшиеся за окном кареты сумерки. – Нет, вскоре мы это узнаем.

Когда кучер свернул налево и поехал к Хорттену, из-за деревьев на востоке проглянула луна. Она уже покидала линию горизонта, но еще цеплялась за него, как большой приклеившийся круг сыра. На дворе усадьбы у двери хлева стоял хозяин, вокруг роились мухи, у него из шеи текла кровь.

Мы с Томасом выпрыгнули из остановившейся кареты и в страхе бросились к нему.

– Что случилось? – удивился он.

Мы не отрывали глаз от его кафтана, от крови, наконец я узнал этот кафтан, в нем хозяин обычно резал скот.

– Я уже зарезал его, – сказал хозяин и с ухмылкой показал нам нож. – Вот, собирался свежевать.

– Кого? – хрипло спросил Томас.

– Бычка, – объяснил хозяин. – Как вы и просили.

– *Мы, просили?*

– Ну да… – Хозяин растерялся. – Так сказал этот чертов юнкер. Сказал, что вы собираетесь что-то отпраздновать и хотите, чтобы я зарезал бычка и чтобы вы могли *завтра* устроить праздник. – Голос хозяина выдал его смятение – посоленная говядина должна была провялиться не меньше двух-трех лет, чтобы она годилась для праздничного угощения.

– Он так и сказал… праздник? – ничего не понимая, переспросил я.

– Где он? – Томас огляделся по сторонам.

– Куда-то уехал. Сказал, что вернется поздно. – Хозяин схватился за живот. – Вот живот прихватило. Это газы. – Он выпустил газы и облегченно вздохнул.

– Вы пили с ним что-нибудь до того, как он уехал?

– Нет… Ничего. А что?..

Мы не стали ждать и оба бросились в дом. Остановившись в дверях кухни, мы ее оглядели.

– Вода! – крикнул Томас.

– Разведенная сыворотка, – предположил я и показал на неполное ведерко.

Томас схватил ведерко, выбежал во двор и выплеснул сыворотку на землю.

– Это еще зачем? – Хозяин ничего не понимал.

– Боюсь, он отравил эту сыворотку, – выдохнул Томас и потряс ведерко, выливая на камни последние капли.

– Нет, – сказал хозяин.

– Вы бы ничего и не заметили, вкус остался бы прежним, но…

– Нет, – упрямо повторил хозяин. – Я разбавил эту сыворотку уже после того, как он уехал.

Томас медленно поднял голову, отдал ведерко хозяину и ушел. Прибежала кошка и начала лизать вылитую сыворотку, она довольно урчала.

Когда Томас вернулся, мы распределили, кто где будет спать. Фрёкен Сара и Герберт накрывали на стол, а Томас, помощник судьи и я обсуждали наши дальнейшие действия. Нунций ушел в предоставленную ему комнату для гостей, чтобы отдохнуть или помолиться. А может, чтобы привести в порядок свой нос и свое достоинство, сильно пострадавшие за этот день.

– Как думаешь, где сейчас этот юнкер? – спросил у меня Томас.

– Где угодно, – ответил я, глядя в темноту. – Мог спрятаться где-нибудь по соседству, в лесу Хорттена, например, или в лесу вокруг озера Бёрре. А может, и на островах. Как бы то ни было, а до рассвета найти его будет трудно.

– А лунный свет? – сказал помощник судьи.

– Луна почти все время закрыта облаками, – сказал Томас. – Мне было трудно найти дорогу обратно в дом, а ведь я только спустился к воде…

– Может быть, он уехал в Холместранд? – предположил помощник судьи. – А уже оттуда вернется в Данию?

– Мне это тоже приходило в голову, – сказал я. – Но почему он тогда сделал такой большой крюк? Мог бы поехать прямо на север в Холместранд, не заезжая на полуостров Хорттен.

– Я не знаком с окрестностями Бёрре, – сказал помощник судьи. – Где находятся острова и другие места, о которых вы говорили?

– Господин Хорттен, не могли бы вы начертить нам карту этой местности? – попросил Томас.

Я достал письменные принадлежности и сделал простой и понятный рисунок.

– Вот здесь находится усадьба Хорттен. – Я показал на рисунок. – А здесь и здесь леса Хорттена, да, собственно, весь полуостров зарос лесом, не считая полей, которые вы сами видели. А тут, вокруг бухты, разбросаны усадьбы и хозяйства арендаторов. – Я снова показал на рисунок и написал несколько названий. – Не думаю, что он скрылся на каком-нибудь острове, – сказал я. – Не похоже, чтобы он в море чувствовал себя как дома, и я никогда не видел, чтобы он греб.

– А разве он был похож на человека, способного кого-нибудь отравить? – ехидно спросил Томас.

– Утром мы сможем узнать, не пропала ли какая-нибудь лодка, – сказал помощник судьи.

– Интересно, что он теперь намерен делать? – Томас в раздражении дергал себя за бороду. – Ждет, что рядом с ним окажется кто-нибудь из нас? И кого это он собирался убить, меня? – Он покачал головой. – Нет, зачем ему я? Он меня не знает. А скажите, господин Петтер, нунций встречался здесь с кем-нибудь, пока вы жили в усадьбе?

Я пожал плечами. По-моему, нет.

Помощник судьи попросил меня сходить к нунцию и узнать у него. Томас поддержал его.

Нунций стоял на коленях перед постелью, глубоко погруженный в молитву. Распятие и портрет Папы стояли возле подушки. Свеча, горевшая на табурете рядом с постелью, бросала мерцающий свет на его согнутую фигуру. Он даже стал как будто меньше ростом, и его облик больше не излучал силы, властности и уверенности в себе, казалось, он страдает от боли и тяжести грехов. Пальцы быстро перебирали четки, а губы беззвучно шевелились, словно от внутренних рыданий. Глаза были закрыты, думаю, он меня даже не видел.

Я тихо кашлянул. Молитва продолжалась. Я кашлянул еще раз, уже громче, и царапнул ногой по песчаному полу.

Он продолжал молиться, однако тело его напряглось и пальцы задвигались медленнее.

– Ваше Высокопреосвященство, – тихо позвал я. – Мне необходимо с вами поговорить.

Четки медленно прекратили свое движение. Рот закрылся, и глаза приковались к распятию.

– Ваше Высокопреосвященство, нам необходимо знать, с кем вы встречались в этих местах. Мы опасаемся, что юнкер Стиг убьет того человека, с которым вы здесь разговаривали.

Нунций дей Конти медленно, словно каждое движение доставляло ему мучительную боль, повернул ко мне лицо. В устремленных на меня глазах была мука, и он тут же снова отвернулся к распятию.

– Я… – Голос ему не повиновался. – Вы сами видели, с кем я здесь имел дело. А не здесь… – Он замолчал.

– А не здесь? В других местах вы имели дело с кем-нибудь, кого я не знаю? – Произнося эти слова, я увидел, что одна из бутылок со святой водой валяется разбитая у его ног. Святая вода растеклась по полу.

Он медленно покачал головой.

– Я разговаривал с господином Юстесеном во Фредрикстаде… и с господином Туфтом в… – Он наклонил голову и поднял плечи, словно хотел спрятаться. Через несколько минут он выпрямился, откашлялся и тихо сказал, не отрывая глаз от изображения Папы и распятого Иисуса Христа: – Я разговаривал с этими двумя, и я виновен в их смерти. А больше ни с кем. Оставьте меня в покое, чтобы я мог молиться о прощении моих грехов.

Я тихо затворил за собой дверь, вернулся к остальным и передал им слова нунция.

– Возможно, юнкер еще вернется сюда, – предположил помощник судьи. – Возможно, он еще не догадывается, что мы уже разоблачили его.

Но он и сам не очень-то в это верил.

Фрёкен Сара сказала, что ужин готов, и я попросил ее постучать к нунцию дей Конти и пригласить его к столу. Она может не ждать его ответа. Он вряд ли выйдет из своей комнаты.

Мы сели за стол, но есть никому не хотелось. И разговаривать тоже. Все были заняты своими мыслями и рассеянно смотрели в свои тарелки. Я извинился, зажег фонарь и вышел во двор.

Поднялся ветер, не холодный, для октября почти теплый. Я завернулся в плащ и пошел в лес по дороге, ведущей в Сёебуден. Кисло пахла земля, от упавших листьев пахло гнилью. Запах осени. Запах тления. Некоторые листья еще упрямо цеплялись за свои ветки, желтые, засохшие, они вспыхивали в свете фонаря, показывая свои коричневые пигментные пятна и пылающую красноту. Я остановился у большого каштана в той части усадьбы, которую я называл "садом", и смотрел на его исчезавшую в темноте крону. Ствол был шершавый и влажный на ощупь.

Найдя гладкую поверхность, с которой облетела кора, я повесил фонарь на сломанную ветку и вытащил из ножен нож. Высунув кончик языка, я начал вырезать буквы. Поглощенный своим занятием, я счистил стружки, обнажил белую мягкую древесину, вырезал две буквы С и А, потом мне попался твердый сучок, и я перешел на строчку ниже. Здесь я вырезал Р и ИН. Дерево и сад принадлежат ей, думал я и, отступив немного вправо, вырезал С.

Я был так увлечен своим занятием, что не заметил, что я тут уже не один. Вырезав А, я отступил на шаг назад, чтобы полюбоваться вырезанными буквами на расстоянии, и неожиданно на кого-то наткнулся. Я замер, решив, что в Хорттен вернулся юнкер Стиг. Не

шелохнувшись, я ждал, что вот-вот мне в спину воткнут нож или перережут горло. Ведь нунций сказал, что юнкер Стиг не хочет, чтобы меня повесили. Он хочет собственноручно меня прикончить, думал я. Не доверяет этого палачу.

Смешок у меня за спиной позволил мне перевести дыхание. Я повернул голову, чувствуя, что шея моя не прочнее старого якорного каната. Фрёкен Сара спросила, что я пишу.

Я увидел, что не успел написать последнюю букву – я писал САРИН САД – и смущенно засмеялся.

– Да так… – Я хотел снять фонарь и уйти.

– Нет-нет… – Она загородила мне дорогу. – По-моему, это красиво…

Она стояла так близко ко мне, что я почти не осмеливался дышать, я чувствовал на лице ее дыхание и боялся пошевелиться, чтобы не наступить ей на ногу. Не осмеливался наклонить голову, чтобы посмотреть на нее.

– Петтер, – прошептала она. Я все-таки наклонился и посмотрел на нее, вдохнул ее запах, она поставила ногу мне на ногу, приподнялась и прижалась губами к моим губам. Ее губы были мягкие, сладкие и влажные, тело дрожало. Она тяжело прислонилась ко мне, мы прижались к дереву, к вырезанным мною буквам, и мои руки потеряли рассудок и забыли о благородстве. Они проникли к ней под плащ, прошлись по ее спине, нашли ягодицы и стали гладить их, как тесто, а потом подняли ее юбки, и она прижалась ко мне, и ее руки тоже повели себя безрассудно и невоспитанно, они проникли в мои штаны, добрались до кожи, мой детородный орган вырос и запульсировал, я скользнул спиной по стволу и упал на землю, ощутив голой кожей ее холод и влажность, но Сара не отпустила меня. Она легла на меня, и я вошел в нее, мы оба тяжело дышали и всхлипывали, она качалась на мне, наши губы слились, не в силах оторваться друг от друга, они пили, покусывали друг друга и разомкнулись только тогда, когда я взглянул на небо и задохнулся, охваченный бессилием и радостью, а она спрятала лицо у меня на груди и прижалась ко мне так, что стало слышно, как стучит ее сердце, и я без конца шептал ее имя, зарывшись лицом в ее волосы.

Мы долго сидели, боясь пошевелиться. Боясь выпустить тепло и то бесподобное, что с нами случилось. Но холод сделал свое дело, прокрался к нам, как ему это свойственно. И заставил жизнь идти своим чередом.

Мы встали, помогли друг другу отряхнуть с одежды листья и стебли. Сара засмеялась и погладила меня по щеке. Рука в руке мы прошли через лес к усадьбе и остановились во дворе. Большая круглая луна висела над сеновалом и освещала усадьбу.

– Сара, – заикаясь, проговорил я, чувствуя, что краснею. – Ты…

– Т-с-с, – шепнула она, приложив палец к моим губам, и исчезла.

Глава 40

В доме царила все та же гнетущая растерянность. Мы словно ждали, что кто-то в любую минуту может постучать в дверь, хотя и не верили в такую возможность. Как только Сара ушла в комнату для служанок, эта подавленность завладела и мною. Томас в раздражении ходил по комнате, останавливался, прислушивался к ночной тишине, смотрел на нарисованную мною карту и снова начинал ходить. Помощник судьи сосал короткую глиняную трубку, словно хотел спрятаться сам и спрятать всю комнату в дыме. Нунций по-прежнему не показывался, но я и не ждал, что мы увидим его до наступления утра. Герберт ушел спать на сеновал.

– Нет. – Томас неожиданно прекратил свое хождение. – Нам надо поспать. Завтра нас ждет долгий день. Мы выезжаем перед рассветом. Доброй вам ночи!

Помощник судьи удивился, но встал, пробормотал "покойной ночи" и ушел в свободную комнату для гостей. В это время в кухню вошли усталые работники – Нильс и Олав, они

хотели поесть перед сном. Нильс, по обыкновению, не смотрел на меня и молчал. Олав, напротив, болтал без умолку, нарезая себе хлеб, сыр и копченую колбасу. Как я понял, они ездили в Сун вместе с пастором и его женой. Они хотели навестить брата пастора и должны были вернуться через три дня. Парням тяжело дался обратный путь – дул западный ветер, им пришлось грести против ветра и бороться с волнами.

Я поковырял в зубах зубочисткой, чем весьма позабавил Олава, но потом Томас достал свою зубочистку и проделал то же самое. Мы ушли и улеглись каждый в своем алькове. Вскоре парни на кухне закончили ужин, и в доме воцарилась тишина. Только ветер в темноте свистел, сотрясая весь дом.

Глава 41

Мне понадобилось выйти по малой нужде. Спросонья я выбрался из кровати, нашел сапоги и вышел на холод. Свежий снег сверкал волшебной белизной, освещавшая его луна подмигивала мне, изо рта у меня шел пар, я улыбнулся ей, но она скрылась за тучей. Я стоял возле курятника, оставляя на снегу желтые пятна, и вдыхал горьковатый запах. Было холодно, я запахнул меховую телогрейку и вдруг обнаружил, что ворота на сеновал открыты. И тут возле жилого дома возникло какое-то движение, вскоре красноватая тень пересекла двор, под красным плащом у нее был спрятан зажженный фонарь, тень вошла на сеновал и закрыла за собой ворота. Луна выглянула из-за туч, мороз кусал мои голые ноги в деревянных сабо. Заскрипел снег. Я подошел к воротам сеновала, помедлил, схватил ледяную ручку и приоткрыл ворота ровно настолько, чтобы можно было протиснуться внутрь, после чего закрыл их, отгородившись от ветра и холода. Тихо прокрался к чему-то, что светлело за черной тенью. Запах сена защекотал ноздри, кто-то сказал “Т-с-с!”, и я испуганно опустился на колени за небольшой телегой для сена. Однако никто не стал меня искать. Звук доносился со стороны светлого пятна за сеном, я наклонился и осторожно подобрался поближе. Мне было страшно… и любопытно, я бы наверняка обмочился от страха, но было уже нечем. Свет стал ярче, я услышал тихий шепот и отодвинул сено в сторону, чтобы увидеть говоривших. Свет фонаря ударил мне прямо в глаза, и я испуганно заморгал.

– Пожалуйста, – молил женский голос. – Я могу… – Послышался шлепок, похожий на пощечину, и мужчина грубо сказал:

– Замолчи!

Мужчина странно застонал, и я приподнялся над краем телеги, чтобы увидеть этих двоих, прятавшихся за сеном. С изумлением я смотрел на двух полуголых людей, барахтавшихся в сене, лицо женщины закаменело, словно она сдерживала слезы, а мужчина, закусив губу, уже навалился на нее. Неожиданно она почувствовала мое присутствие и посмотрела на меня. Ее глаза широко раскрылись, и она вскрикнула. Лихорадочно стараясь прикрыть наготу, она вырвалась из рук мужчины. Он хотел схватить ее, но тут я обрел голос и с криком бросился ей на помощь. Она выкрикнула мое имя, фонарь упал с телеги и разбился, а дальше все происходило так бурно и быстро, словно наступил конец света. Сено вспыхнуло, и мгновенно запылал весь сеновал, все голоса слились в один страшный вопль. Я кричал как резаный, видя, как она пытается встать на ноги, но ее волосы уже пылали, и сено обнимало ее красными языками пламени; мужчина слепо барахтался в пламени, одежда на нем горела, пытаясь встать, он потянул женщину за ногу, при этом он дико выл и отмахивался от огня, пока не рухнул, закрыв лицо горящими руками.

– Мама! – крикнул я, протянув руки. – *Мама!* – Я загородился от огня и хотел подойти к ней, она горела, как живой факел, и делала мне знаки, чтобы я отошел подальше от нее, кричала, но я не разбирал ее слов, с крыши сыпались искры, что-то большое и тяжелое ударило меня по голове, и я упал на колени. Балка, упавшая мне на голову, скатилась по рукам, вспыхнула, и я заорал, увидев, как дым и огонь скрыли маму, как все превратилось в жар и пламя и в невыразимую адскую боль.

Я как безумный катался по снегу, чтобы сбить огонь, прожигавший меня насквозь, я катился прочь от сеновала, в лес, катился, пока дорогу мне не преградили деревья и я не оказался в снегу. Я лежал на спине и смотрел, как лунный человек мне подмигивает, потом с трудом встал на ноги, скрючился от кашля, нашел потерянное сабо и пошел за ним, за этим лунным человеком, через лес, на берег и дальше по льду. Я качался и кашлял, меня окружала ночь. Я не обращал внимания на мороз и ветер, а лунный человек показывал мне дорогу, я видел, как он мне подмигивает и улыбается, а потом он вдруг исчез, словно мы с ним играли в прятки. Было темно, и я шел к тому, что высилось впереди, сначала это был берег, потом – дом, я вошел, отыскал сани и меховую полость, теплую полость, опустился на сани и завернулся в нее, заполз в самую, самую глубину… в тепло, в огненное море, мама…

– Мама! – закричал я. – *Мама!*

– Петтер! Петтер, черт бы тебя побрал! – Кто-то с силой тряс меня за плечо. – Петтер, что случилось? – Томас бил меня по щекам, пока я не открыл глаза. Рядом, в сене, стоял Герберт, его лицо выражало ужас. В ворота сеновала вбежали нунций и Сара.

– Я… это я…

– Что ты? – Томас склонился надо мной. – Я не слышу.

– Ничего… нет… Я только… – проговорил я и провалился в осеннюю ночь.

Среда 31 октября

Год 1703 от Рождества Христова

Глава 42

Сигварт!

Это я убил маму, сжег ее. Сигварт, послушай меня! Ты знал об этом? Знал, что это я устроил пожар, что во всем виноват я… Я сжег усадьбу… я, Сигварт…

– Часть усадьбы, – услышал я голос Сигварта. – Сеновал, хлев и часть дома. Не всю усадьбу, Петтер.

Шатаясь, как пьяный, я брел по тропинке к Брому, споткнулся о корень, упал, разбил колено.

– Ой! – вскрикнул я, ветер заметно усилился и уже не был теплым. – Ой! – Я сел в темноте и со стоном схватился за колено, словно ждал, что мама придет и подует на ушибленное место. Сдует боль – я вдруг вспомнил, как она это делала, дула на больное место, улыбалась и говорила: "Ну вот, все прошло!", тогда я вскакивал и бежал дальше.

– Сигварт! – кричал я, направляясь к сараю. – Сигварт… – Боль в груди душила меня, я ввалился в его каморку, подошел к топчану. – Сигварт, это я устроил пожар в усадьбе… Но я этого не хотел, клянусь тебе, не хотел, просто… – Я потянул перину и шарил, стараясь найти его руку, дыхания его я не слышал. – Сигварт? – Я ударил по перине, откинул подушку, ничего, Сигварта в постели не было. – Сигварт!

Я ощупью шарил вокруг, все еще не веря, что его здесь нет.

– Сигварт! – крикнул я на весь хлев. Может, он вышел помочиться? Или хозяин Брома переселил его в дом? Пальцы что-то нащупали на подушке, сжались, схватив серебряный крест на шнурке, который я ему подарил.

Но… Сигварт никогда бы…

– Томас!

Я дышал как загнанная лошадь, когда на тропинке встретил Томаса, – он с фонарем в руке искал меня.

– Томас! Юнкер Стиг похитил Сигварта! – в отчаянии крикнул я. Мы дошли до усадьбы, и я рухнул на скамью у стены дома. – Его нигде нет… он…

Томас с огорченным видом сел рядом со мной.

– Петтер, тебе надо отдохнуть. Я не знаю, что так на тебя подействовало, но…

– Молчи! – просипел я, глубоко вздохнул, и голос вернулся ко мне. – Не важно, что со мной, важно, что юнкер Стиг похитил Сигварта. – Я показал ему серебряный крест. – Сам Сигварт никуда бы не ушел без него.

– Но зачем ему?.. Я хочу сказать, зачем юнкеру Стигу похищать Сигварта?

– Не знаю. – Я встал. – Вот найдем его, и ты задашь ему этот вопрос.

Томас вошел со мной в дом. Я приготовил теплую одежду и плащ.

– Что ты собираешься делать, Петтер? Ты знаешь, где они могут быть? До рассвета еще далеко. Тебе надо отдохнуть.

Томас ничего не понимает, они мне не верят.

– Нет, я не знаю, где они. – Я упрямо взглянул на него. – Но надо что-то делать. Юнкер Стиг не знает эту местность, как я ее знаю … – Я замолчал, так и не натянув сапог до конца.

– И что? – Томас в ожидании смотрел на меня.

– Просто я вспомнил, как Олав говорил, что показывал окрестности юнкеру Стигу, когда они несколько дней назад ездили с Сарой в Тёнсберг. Те места юнкер знает. Я начну с них.

– Позовите ко мне работника Олава! – скомандовал Томас, довольный, что может начать действовать. Заспанный помощник судьи отправился в конюшню и разбудил хозяина, тот вскоре явился, притащив с собой Олава, который только что продрал глаза и бурно протестовал.

– Олав! – Я посадил его на стул. – Где вы были с юнкером Стигом три дня назад, когда ты показывал ему окрестности?

Олав протер глаза и с удивлением уставился на нас с Томасом.

– Мы осматривали Лёвёйен, самые недоступные места. – Он зевнул, увидел окруживших его людей, смотревших на него с нескрываемым любопытством, и оживился. – Я показал ему церковь и святой источник, рассказал об Олаве Святом, о том, как он нас охраняет, нас, местных жителей. Потом мы по ущелью спустились к Бухте Иисуса, я рассказал о разбойниках и показал ему их пещеру. Потом мы вернулись…

– Пещера разбойников! – прервал я его. – Ты показал ему настоящую или другую?

– Настоящую, – сказал Олав, словно это было само собой разумеющимся, и вдруг засомневался. – А что за другая, я даже не знаю.

– Ты показал ему ту, которая хорошо видна из Бухты Иисуса?

– Ясное дело, но это же и есть та пещера.

– Именно, что не та! – возразил я. – Вот где они сейчас! – Я схватил карту и начал рисовать, показал Томасу и помощнику судьи, где находится Пещера разбойников.

Помощник судьи был настроен скептически.

– На кой черт ему прятаться в этой пещере? – спросил он.

– Может быть, вы и правы, – отозвался Томас и огляделся в поисках плаща. – Но, с другой стороны, все это дело весьма абсурдно. Я имею в виду, зачем ему таскать с собой какого-то старого, еле живого работника.

В это время кто-то снаружи подошел к двери и постучал. Это был хозяин Брома и его работник.

– Все лошади на месте, – сказал он мне, и я объяснил Томасу, что я разбудил хозяина Брома, чтобы узнать, не слышал ли он чего-нибудь о краже лошадей по соседству.

– Значит, они вдвоем едут на одной лошади, так им далеко не уехать, – уверенно сказал я. – Я сейчас же отправляюсь на остров. Поспею туда еще до рассвета.

– У нас есть какое-нибудь оружие? – спросил Томас. Хозяин Хорттена кивнул и тут же принес собственное ружье, пистолет и шпагу. У помощника судьи его шпага была при себе, и пистолет тоже.

– Хорошо, – сказал Томас. – Отправляемся прямо сейчас. Петтер, ты сумеешь в темноте найти дорогу?

Я кивнул. При необходимости я мог бы найти эту дорогу даже с завязанными глазами. А тут дело касалось Сигварта.

– Как думаешь, он имел в виду Сигварта, когда говорил, что кто-то должен умереть? – крикнул я Томасу. Мы проехали мимо усадьбы арендатора у Олебаккен и, свернув на север, поехали вдоль берега. Ветер усилился, стал штормовым и с северо-запада дул нам в лицо. Плащи взлетали у нас за спинами, как куры, гонимые лисицей, приходилось их придерживать руками.

– Ничего я не думаю! – крикнул в ответ Томас. – Я уже ничего не понимаю.

Неожиданно я вспомнил, что несколько минут назад, в гневе и отчаянии из-за пропажи Сигварта, крикнул Томасу: "Заткнись!" Мне стало стыдно, и я хотел извиниться, но темнота и ветер помешали мне это сделать. Нужно было подождать более удобного случая.

Когда мы добрались до Драгсунда, я уже продрог до костей, волны в белых шапках не предвещали добра. По мелким проливам мы на лошадях вброд перебрались на Лёвёйен. Вскоре зарядил дождь. Я надвинул шляпу на лоб, заметил слева от нас очертания церкви и поехал дальше, по узкой тропинке через лес. Остров Лёвёйен представляет собой две горы, маленькую и большую, последняя занимает почти весь остров, между ними через весь остров вьется тропинка. Пещера, к которой мы направлялись, выходит прямо в море, и нам следовало обогнуть большую гору с запада, чтобы подъехать к бухте – той, которой в старые времена дали имя Сына Божьего, – и к Пещере разбойников. Пока мы ехали по ущелью, где ветер уже не имел той силы, я напряженно вглядывался в темноту. Ветер злобно выл над нашими головами, словно сердился на то, что мы укрылись от него в ущелье. Но для нас это была только небольшая передышка, потому что вскоре тропинка спустилась к воде, деревья расступились и отдали нас на волю ветра. Дождь перестал, но мы были мокрые и продрогшие.

– Лошадей придется оставить здесь, дальше им не пройти! – крикнул я Томасу. Он передал это остальным. К нам подъехали хозяева Хорттена и Брома, и я предложил идти вдоль кромки воды – тогда, как только рассветет, мы увидим пещеру. Олав подтвердил, что они с юнкером шли как раз этой дорогой. Должно быть, негодяй считал, что это единственный путь, решили мы. Но хозяин Хорттена заявил, что не такой юнкер дурак, чтобы самостоятельно не найти тропинку через гору, и он не допустит, чтобы у этого подлеца была хоть какая-то возможность бежать, проревел он. Кончилось тем, что хозяин Хорттена и помощник судьи залегли в укрытие в конце тропы, чтобы отрезать юнкеру путь к отступлению.

– Здесь спрятана лошадь! – неожиданно сквозь рев бури крикнул хозяин Брома и скрылся за деревьями. Вскоре он вернулся с серым в яблоках жеребцом, который выглядел полуживым от голода и усталости. Мы привязали его к другим лошадям в маленьком распадке, куда не доставал ветер, и пошли дальше.

Желтый край полной луны помогал нам не сбиться с пути, но вот он скрылся за горизонтом, унеся с собой последний свет. Я успел увидеть пролетевшую мимо белую

неясыть и облака, быстро несущиеся над нашими головами, потом всем завладела ночь, залепив, точно смола, наши веки. Наступил черный час перед рассветом.

Я вспомнил, что Сигварт однажды сказал, будто белые неясыти предвещают смерть.

– Придется подождать! – крикнул я и с отчаянием огляделся, но ничего не увидел. – Слишком темно.

Хозяин Брома ответил мне, что он захватил с собой несколько факелов. Я поблагодарил его.

И мы стали осторожно пробираться вдоль кромки воды с факелами в руках. Через некоторое время скалы отступили и местность как будто выровнялась – мы миновали самый трудный участок пути. Подобно огромному светлячку мы ползли через лес и пересекли последнюю часть острова.

Добравшись до Бухты Иисуса, мы погасили факелы, чтобы юнкер нас не обнаружил, и спустились к самой воде. Вода была выше обычного, пенистые волны, как невысокие призраки, с ревом обрушивались на берег, в своем гневе они дотягивались почти до деревьев. Мы нашли скалу, которая хоть как-то укрыла нас от ветра, и сели, прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло.

Я смотрел в ту сторону, где, по моему мнению, когда рассветет, мы увидим Пещеру Разбойников, и ощущал только холод и усталость, голову теснили дурные мысли. "Зачем юнкеру Стигу понадобился Сигварт? – спрашивал я себя. – Что он сделал? Найдем ли мы их в пещере, или я повел всех по неверному следу, как было с моей безумной идеей с париком? Что я вообще за человек, если все это устроил? Неудачник и путаник, который всем приносит несчастье? Бог выпустил меня из своих рук, предоставил идти своими путями, потому что я забыл о Нем, перестал молиться Ему и спрашивать у Него совета. Даже когда я сидел в узилище и душа моя была в полном отчаянии, даже тогда уста мои не произнесли Его имени, не попросили Его сжалиться надо мною и послать мне утешение. Я не помнил о Нем тогда, когда Он был мне особенно нужен. Может, уже слишком поздно, может, Он уже отвернулся от меня навсегда?"

Глаза мои, устремленные на черное небо, не находили ни света, ни ответа, я чувствовал только соленые капли, летевшие с моря мне в лицо. Непослушные пальцы зашевелились и сами собой сложились для тихой молитвы: Господи Боже мой, сущий на небесах! Возьми меня грешника из грешников, упавшего в темноту, где я уже не вижу Тебя, но борюсь, чтобы выбраться оттуда. Услышь мою молитву, о, Господи…

– Глубокомысленное глубокомыслие кажется еще более глубокомысленным благодаря методам, к которым прибегают схоласты.

– Что?! – Я с трудом повернулся и увидел Томаса. Его мокрое лицо ухмылялось.

– Так говорил Эразм Роттердамский! – крикнул он мне. – Эразм не слишком жаловал теологов, считал, что они готовы все превратить в тему для дискуссий и неразрешимые проблемы. А что он говорил о спорах вокруг крещения! Примерно это звучит так: Апостолы многих окрестили, но ни разу не обмолвились ни единым словом о том, какова формальная, материальная, действующая и конечная причина крещения и в чем состоит его изгладимый и неизгладимый характер. Хе-хе! Изгладимый и неизгладимый характер, ты только подумай! Можно сказать, что теологи помимо всей той чуши, что они несут, обладают еще и впечатляющей фантазией. Вспомни все их глубокомысленные идеи, за которые мы должны быть им благодарны. Такие идеи не приходили в головы даже апостолам. Я думаю, что лозунг теологов звучит так: "Все, что не является проблемой, должно ею стать!"

Что, интересно, происходит сейчас в голове Томаса? Мы сидим в засаде, подстерегаем убийцу, который к тому же похитил моего лучшего друга…

– А еще Эразм сказал, что они так красочно и живо описали нам ад, словно сами провели там долгие годы!.. – прокричал он мне в ухо.

Я сделал вид, что не слышу. Уставился в землю между ногами и хотел продолжать молитву, мой разговор с Богом, хотел выяснить с Ним отношения, чтобы я мог опять надеяться на Его поддержку… однако что-то вдруг сбило мои мысли, картины чистилища, пылающий адский огонь… женщина, охваченная пламенем… Мне пришлось протереть глаза, и я подумал, что огонь часто связан со злом, например, огонь в жилище дьявола, ибо он – дело рук Сатаны. Ну, а свет? Свет от Бога, свет ведет нас через темноту, светит нам в фонаре, на столе в лампе темными осенними вечерами, или огонь в очаге, на котором мы готовим пищу, или в печи, которая нас согревает. Может ли быть, что в мире существуют два разных огня, добрый и злой? Или в свете Божием прячется Дьявол, и всегда ли всюду присутствует Бог, в том числе и в аду Дьявола?

В висках у меня стучало, в груди шевельнулось удушье.

У меня за спиной Томас переменил положение и заворчал, жалуясь на холод. Глубокомысленное глубокомыслие, подумал я, скривившись. И услышал слова Томаса о том, что непригодная система мышления рождает только чувство вины и бессилье. Я поднял глаза.

Незаметно посветлело, и я уже мог разглядеть что-то большое на другом берегу бухты.

– Там наверху пещера! – воскликнул я и показал через бухту. Прямо из моря поднималась отвесная скала, темная и величественная.

– Какой она высоты? – крикнул Томас.

Этого я не знал: может, как две Круглые башни в Копенгагене, поставленные друг на друга?

– Пятьдесят футов, – сказал я, чтобы что-то сказать.

– Что? Пятьдесят футов до пещеры?

– Нет, вся скала имеет в высоту пятьдесят футов. Пещера находится на высоте десяти или двадцати футов, не больше. – Нет, пятидесяти футов до нее не будет, думал я по мере того, как скала возникала из темноты. Она не такая высокая. Хотя и не маленькая.

– Как туда попасть?

– Там есть расселина. – Я показал на противоположный берег бухты. – Чуть выше по всему ущелью вдоль горной стены тянется карниз, он доходит до самой пещеры. Но он очень узкий, по нему надо идти с большой осторожностью.

“Я должен пойти туда один, – подумал я. Для крупного Томаса этот карниз слишком узкий, а хозяин Брома слишком стар, и у него больные ноги. Да и работника Брома я знал достаточно хорошо, чтобы не считать его дельным помощником. – Нильс! – подумал я. – Вот кто хорошо знает это место и легок на ногу!” – Я огляделся, но его нигде не было.

– А где Нильс?

– По-моему, он остался вместе с хозяином, – ответил Томас. – А что?

Я пожал плечами.

– Какая она, эта пещера?

– Не особенно глубокая. Собственно, это не настоящая пещера. Просто углубление в горе с одной колонной, заменяющей стену. От колонны до края один или два фута. И обрыв.

Томас что-то буркнул.

Я наклонился к нему и переспросил, что он сказал.

– Если бы у меня был бинокль, я бы отсюда разглядел эту пещеру. Есть ли там кто.

Я взглянул на небо.

– Надо идти, пока не стало слишком светло, а то юнкер нас увидит.

Томас кивнул и встал. Остальные последовали его примеру. Пересекли бухту и, обдуваемые ледяным ветром, стали карабкаться по скользким камням и скалам. Мы договорились, что не будем разговаривать, – мы находились уже слишком близко к пещере, и ветер мог донести туда наши голоса.

У меня за спиной неожиданно охнул Томас. Поверх моей головы он смотрел на вход в пещеру, часть которого была уже хорошо видна в утреннем свете; этот вход с моря выглядел как раскрытая пасть какого-то чудовища.

И это чудовище держало в зубах добычу.

– Сигварт! – с отчаянием выдохнул я и бросился вперед. Этот чертов злодей выставил Сигварта с внешней стороны колонны. Сигварт был привязан к бревну почти у самого обрыва, ясно была видна палка или жердь, грозно упершаяся ему в спину, казалось, что он в любую минуту рухнет вниз. Другой конец палки тянулся мимо колонны и скрывался в пещере. "В руках юнкера Стига", – в ужасе подумал я.

На дне расселины я показал своим спутникам на ее левую сторону, где, карабкаясь вверх, можно было ухватиться за растения. Вообще вся расселина была завалена обломками камней и скал, обрушившихся с горы, при малейшем прикосновении к ним они могли продолжить свое падение. Я вытер руки о штаны и начал карабкаться вверх. Томас последовал за мной, но хозяин Брома медлил, дожидаясь, чтобы мы добрались до верха.

– Дальше я пойду один, – просипел я, когда мы с Томасом присели на корточки перед карнизом. Пещеру от нас загораживали деревья. – Надо напасть на него неожиданно, чтобы он не успел ничего сделать с Сигвартом. Как и следовало ожидать, Томас открыл рот, чтобы протестовать. Я опередил его:

– Карниз слишком узок, по нему может идти только один человек, мы будем мешать друг другу.

– Я пойду за тобой и не буду тебе мешать. – Томас был настроен решительно, и по его голосу я слышал, что спорить бесполезно.

– Пошли!

Сначала тропинка была широкая, она надежно тянулась между скал, огибая их. Кругом росли невысокие деревья и кусты, за которые можно было ухватиться и удержаться от падения. Но вскоре она сузилась, растения исчезли, и слева от нас мы увидели пропасть, на дне которой пенились волны. И не важно, сколько до них было футов. Их было достаточно, чтобы несколько раз разбиться насмерть.

Я завернул за очередной выступ и увидел впереди вход в пещеру. Опустившись на четвереньки, я пополз обратно в укрытие. При этом я не спускал глаз с Сигварта, надеясь, что он почувствует мое присутствие. В лицо мне летели капли дождя, они текли по носу и подбородку, сливались друг с другом и под шейным платком стекали по шее. Сигварт стоял ко мне вполоборота, лицом к морю. Он должен был уже давно промокнуть насквозь.

Меня грызли сомнения. Юнкер знал, что мы будем искать его, и знал, откуда мы можем появиться, – другой дороги в пещеру не было. Как я мог думать, что мне удастся спасти Сигварта?

Мне захотелось снова молитвенно сложить ладони и предоставить все на волю Бога, но в ту минуту на Сигварта налетел порыв ветра и бревно угрожающе закачалось. Я разом забыл о своих сомнениях и нерешительности. Нельзя было терять ни минуты – выбора у меня не было.

"Передвинь тень" – это выражение употреблялось, когда человек не понимал, что собирается предпринять его враг.

Я вдруг вспомнил это выражение, вычитанное мною из книги, найденной на полках Томаса. Книга была о фехтовании и стратегии нападения. Помню, что в этой фразе

объяснялось, как следует нападать, если ты не имеешь представления о планах противника. А я в эту минуту не имел о них ни малейшего представления. “Передвинуть тень” означало, что надо создать впечатление, будто ты нападаешь, а потом в середине нападения изменить тактику. Это собьет врага с толку и разоблачит его намерения. Так говорилось в книге.

Сделать вид, будто я нападаю на юнкера, а вместо этого убрать палку, подумал я.

Вот как следует поступить. Если убрать палку, Сигварт упадет на спину, назад в пещеру, и будет спасен. А тогда уже я смогу сосредоточить свое внимание на юнкере.

Вопрос был в том, успею ли я это проделать до того, как юнкер ударом ноги сбросит меня в море.

Ответ был прост: едва ли.

Ко мне подполз Томас. Я с трудом повернулся на узком уступе и прокричал ему в ухо свой план. Он должен следовать сразу за мной и напасть на юнкера, как только я отползу в сторону. Ветер сотрясал нас и выл с такой силой, что мне пришлось повторить свои слова дважды, чтобы он понял мою мысль.

Следующая часть карниза огибала гору и пряталась в маленькой трещине, а потом выныривала оттуда уже совсем рядом с пещерой. К счастью, ветер прижимал нас к горной стене, пока мы пробирались по карнизу вперед.

В трещине карниз сузился и неожиданно пропал. Один из обвалов увлек его за собой в море. Я на глаз прикинул расстояние до пещеры. Можно было прыгнуть. Ведь прыгнул же Сигварт! Или обвал случился этой ночью? Я осторожно топнул ногой по камню, на котором стоял, он немного поддался. Подполз Томас, я в страхе остановил его, чтобы он не слишком приближался. Нас двоих камень мог не выдержать. Я отполз к нему в более безопасное место и объяснил, что случилось. Объяснил, что мне придется напасть на юнкера в одиночку.

Томас взглянул вниз и покачал головой.

– Внизу вода! – крикнул он. – Упавший необязательно погибнет. Я пойду за тобой! – Он подмигнул мне. – На расстоянии.

Прыгать было страшно, я сомневался, что скала, на которой я стоял, выдержит мою тяжесть, но она оказалась прочной. Я махнул Томасу и полез дальше.

Приблизившись к последнему выступу, я опустился на колени и осторожно выглянул из-за камня. Ветер вцепился в мою шляпу, но я успел удержать ее. До пещеры оставалось три или четыре локтя открытого пространства. К счастью, тропинка была широкая, но в конце она поднималась вверх к входу в пещеру, так что ворваться в пещеру неожиданно было невозможно.

Прищурившись, я вгляделся в темноту за колонной, однако разглядеть, что там, было нельзя. Ждет ли юнкер Стиг нападения, вооружившись ружьем? Может, упер палку в какой-нибудь камень, чтобы лежа мог целиться в того, кто появится из-за края выступа?

Я снова спрятался за выступ. И пытался убедить себя, что у юнкера нет огнестрельного оружия, только шпага.

Стало светло, как бывает светло при пасмурной погоде. С северо-запада бежали черные облака, предвещавшие дождь. Надо действовать, подумал я. Если начнется дождь, тропинка станет скользкой и прыгать будет уже опасно.

Томас осторожно прикоснулся к моей ноге, я поднял на него глаза. Он был серьезен. Кивнул.

Сейчас или никогда. Я в последний раз выглянул из-за выступа, рассчитал, куда должен буду поставить ноги, глубоко вздохнул, проверил, насколько прочен камень, на котором я стою, быстро сосчитал до трех и прыгнул.

Потом я лучше всего помнил ветер. Ветер, воющий мне в лицо, ошарашил меня. Он не позволил мне бежать, схватил мою шляпу и с диким завыванием швырнул ее в никуда. Он приказал мне согнуться перед ним в три погибели, так что я мог лишь медленно протискиваться к пещере.

Если бы юнкер Стиг хотел меня застрелить, он бы уже давно это сделал. Приладил бы ружье, прицелился бы в сердце и спокойно спустил курок. Но у него не было ружья.

Если бы он хотел, он мог бы встать у колонны, укрывшись от сильных порывов ветра, и спокойно ждать меня, а потом просто столкнуть с обрыва. Но он не прятался за колонной.

Он мог бы столкнуть Сигварта в море до того, как я добрался до него, до того, как я вышиб палку, все это он мог бы сделать. Тысячу раз мог. Но у него не было таких намерений.

У него были совсем другие намерения.

Я смутно помню, что, загородившись рукой от ветра и вбежав в пещеру, я увидел, что юнкер Стиг лежит и ждет меня. Помню, я что-то крикнул Сигварту, что я вышиб палку, так что Сигварт и бревно покатились по земле и чуть не сорвались в пропасть. Что я бросился на них, пытаясь выхватить нож, перерезал веревки, которыми был привязан Сигварт, и освободившееся бревно исчезло в пучине. Что я, тяжело дыша, лежал на Сигварте и каждую секунду ждал, что шпага юнкера вонзится мне между ребер.

Но она не вонзилась. Юнкер не появился. У него была другая цель. Все это время у него была другая цель. И он ее достиг. Я это увидел, когда отошел от Сигварта и обогнул колонну, готовый драться, лягаться, разить, кусаться, что угодно, лишь бы скрутить этого злодея, этого коварнейшего демона из всех, каких я когда-либо встречал. Это стало ясно, когда я бросился на него и увидел, что он лежит неподвижно, уставив неподвижный взгляд в потолок пещеры и закутавшись в плащ, чтобы защитить свое холодеющее тело от еще большего холода. Я все увидел, но тем не менее мне хотелось колотить его руками и ногами.

– Он что, умер? – крикнул Томас у меня за спиной и упал на колени.

Помню, что я выпрямился, не ответив ему, и снова подошел к Сигварту. Он лежал на том же месте, где я отвязал его от бревна, лежал лицом вниз и смотрел на море.

– Сигварт, – прошептал я, и ветер заглушил мои слова. – Ты свободен. Ты вернешься домой. – Я перевернул его, и его голова безвольно повернулась ко мне, глаза были водянистые. – Сигварт, ты вернешься домой, – снова прошептал я и погладил его по холодной щеке. – Вернешься, я тебе помогу. – Я склонился над ним и прижал его к себе. – Мне так жаль, Сигварт, жаль, что я вернулся домой. – Я качал его, обнимал, пытался согреть, тем временем пошел дождь. – Мне следовало держаться подальше от Хорттена, Сигварт, не нужно было возвращаться сюда. Тогда бы этого никогда не случилось.

А больше я ничего не помню.

Ноябрь

Год 1703 от Рождества Христова

Глава 43

Я лежал неподвижно. В своем алькове. У меня болезненно стучало в висках, я смотрел в потолок, а демоны царили в темных долинах моей души и рвали на части мои внутренности. Я был не в силах стоять, не в силах есть, не в силах говорить и из всего ощущал только заполнившую меня черноту.

Позже я всегда вспоминал эти первые дни ноября как “мои католические дни”. Именно в эти дни огонь чистилища особенно бушевал во мне, в эти дни я исповедался во всех своих грехах, и в эти дни Томас был объявлен святым.

Я не был болен, не был ранен, кости мои были целы, лихорадка не трепала мое тело, организм не был поврежден. Только голова.

Каждый день и каждую ночь, каждый час и каждую минуту я видел падающий в сено фонарь, слышал, как мама кричала мое имя, она передвигалась, подобно живому факелу, и кричала; и еще я видел, как юнкер пришел за Сигвартом, сдернул его с кровати, видел, как Сигварт стоял у входа в пещеру, привязанный к столбу, и мерз, пока не замерз насмерть.

"Огонь и холод! Огонь и холод!" – с упреком твердил громкий голос у меня в голове. "Огнем и холодом ты убил тех, кто был тебе дорог. Позволил им умереть от огня и от холода".

Но Томас был несносно упрям. Час за часом, каждый день и каждый вечер он сидел возле меня, разговаривал со мной, задавал вопросы и требовал, чтобы я отвечал на них, требовал, чтобы я произносил слова не только об огне и холоде, уговаривал меня не быть слишком высокого мнения о себе, не думать, будто я – дьявол, несущий смерть и уничтожающий все, где бы я ни появился, но вместе с тем и не думал, будто я – сын Божий, который в приступе доброты взвалил на себя все грехи, что восьмилетнего мальчика нельзя упрекать за то, что похотливый мужик поставил горящий фонарь на такое идиотское место, как край телеги с сеном, – здесь Томас обычно бормотал что-то о насилии, – и еще сказал, что, когда он как лекарь осматривал Сигварта, тот фактически был уже при смерти, и речь тогда шла даже не о неделях, а о днях, которые ему осталось прожить. И Томас потребовал, чтобы я рассказал ему все о той ночи на сеновале четырнадцать лет назад, и я повторял свой рассказ раз за разом. Он спрашивал обо всех подробностях, о малейших деталях – движениях, расстоянии, о том, где какие вещи находились, и в конце концов заключил, что это хозяин ногами толкнул телегу с сеном и потому был виноват в том, что фонарь упал на сено.

Не знаю, верил ли я ему. Я ведь никогда не думал о том, что там произошло на самом деле. Моя голова в те дни была на это не способна. Но понемногу я начал есть, а в один прекрасный день сел и начал вырезать буквы и числа на двух крестах, которые неожиданно оказались возле моей кровати, когда я проснулся. Томас сказал, что эти кресты, никому ничего не сказав, сделал Нильс, и впервые за эти мои католические дни я почувствовал в груди что-то похожее на тепло.

– Мы предаем прах твой земле, а душу твою Господу. Аминь.

Старый пастор Глоструп сотворил крестное знамение и кивнул нам сквозь сетку дождя. Мы медленно опустили гроб в могилу. Я видел, как он погрузился в жидкую грязь, послышалось бульканье, и гроб встал немного криво.

Все отступили на несколько шагов, но я этого не заметил, как не слышал и последних слов пастора, мой взгляд был прикован к гробу в могиле, и я ощущал такую пустоту, словно его содержимое было извлечено из моей груди. Подошел пастор Глоструп, молча пожал мне руку и серьезно поглядел на меня, я был рад, что именно он проводил Сигварта в последний путь, что он согласился на это, когда я его попросил. Он же хоронил и мою мать.

Прихожане постояли недолго, ровно столько, чтобы не показаться невежливыми, и, спасаясь от дождя, поспешили каждый к себе.

Томас сказал, что он и другие обитатели Хорттена пойдут в церковь. Подождут меня там в притворе. Я кивнул. И остался, глядя на черную открытую могилу. Дождь барабанил по гробу, словно посылая ему последний привет перед тем, как его поглотит тишина, которая будет длиться уже вечно. – Спасибо, – проговорил я. – Ты всегда утешал меня.

Подошел могильщик и, откусив кусок жевательного табака, начал засыпать могилу землей. Земля кучками ложилась на крышку гроба, кучки росли, постепенно скрывая грубые доски, которые хозяин Брома дал на гроб.

Я взглянул на соседнюю могилу.

Петрине Олюфсдаттер

† 2. februariusфебруариус 1689

Сосудом грешным пребывала,

Теперь невестой Божьей стала.

Призри ее Господь

Я стоял и ждал, глядя, как могила наполняется грязью и камнями. Могильщик харкнул и сплюнул в могилу коричневую слюну. Не отдавая себе отчета, я подошел и схватил его за шиворот, сказав, что если он еще раз плюнет в могилу, то будет следующим, кого похоронят на этом кладбище. Он покосился по сторонам, что-то буркнул и продолжал работать, не глядя в мою сторону.

Прислоненный к ограде крест Сигварта ждал, когда его поставят на место. Могильщик соскреб остатки жидкой земли и положил их на могилу, потом взял крест и воткнул его в мокрую землю.

– Я его укреплю, когда прекратится дождь, – сказал он и ушел.

От его рук на кресте остался толстый слой грязи. Дождь медленно смыл ее, обнажив красивый узор, который Нильс вырезал сверху на кресте. Просмоленный, блестящий крест гордо стоял, как близнец креста на соседней могиле. Как будто Сигварт и моя мать были мужем и женой, подумал я. И вслух прочитал матери то, что было написано на его кресте, потом попрощался с обоими, низко им поклонился и ушел.

Сигварт Хестхаген

† 29. октябрь 1703

Он узы ярма твоего развязал

Своею десницей святою

И ею ж тебя в Книгу Жизни вписал.

Я снова лежал в постели, недомогание и забытье путали действительность с реальностью. Демоны снова шептали мне свои огненные и ледяные слова и лишали меня сил, я был не в состоянии встать и прогнать их. После похорон прошло два дня, Томас уехал, чтобы узнать, не идет ли какое-нибудь судно в Копенгаген. А демоны тем временем вернулись и завладели моей головой, которая лихорадочно пыталась заставить двойников Томаса, все время появлявшихся у меня в комнате, помочь мне.

В дверь постучали, и, должно быть, я что-то сказал, потому что нунций вошел ко мне, затворил за собой дверь и с огорченным лицом подошел к алькову. Ничего не говоря, он взял тряпку, смочил ее в миске с холодной водой и вытер мне лоб.

– Спасибо, – прошептал я, чувствуя, что его присутствие заставило чудовищ притихнуть.

– Я пришел проститься с вами, – сказал он, подвинул к кровати стул и сел. – Господин Томас сообщил, что для меня есть место на судне, идущем в Копенгаген из Тёнсберга.

– Но я… мы… – Я попытался сесть.

– Нет-нет, лежите. – Нунций осторожно снова уложил меня в постель. – Господин Томас считает, что вы еще не в состоянии совершить столь нелегкое путешествие. Вам еще рано вставать. Так что вы оба приедете немного позже. Так он сказал. – Я с облегчением услышал, что Томас не уедет, пока я не поправлюсь.

Я выдавил улыбку.

– Но кто поможет вам, если у вас случится морская болезнь?

– Господь пошлет мне помощника, чтобы поддержать меня в трудную минуту, – сказал нунций и тоже выдавил улыбку, но она тут же исчезла и на его лице опять появилось озабоченное выражение.

– Вы возвращаетесь в Копенгаген? – поспешил я спросить, мне не хотелось видеть его сочувствие и страх, хотелось только одного: чтобы Томас вернулся обратно.

– Да, я обещал господину Томасу передать письмо королю. – Нунций был бледный, щеки у него ввалились. Я знал от Томаса, что он провел несколько дней в своей комнате и почти ничего не ел и не пил. Он помолчал. – Как вы…

– Когда вы посетили Юстесена во Фредрикстаде, – прервал я его и немного приподнялся в постели – теперь я полулежал, опираясь на стенку алькова, – что вы плеснули ему в стакан?

Этот вопрос оказался для нунция неожиданным, прежде чем ответить, он пошарил в кармане и вытащил из кармана четки.

– Вы… вы видели, как я что-то налил ему в стакан?.. – пораженный, проговорил он.

– Да, – виновато признался я. – Я должен был вас охранять и слышал, как вы ночью вышли на улицу. И хотел убедиться, что с вами все в порядке. Поэтому я стоял под окном Юстесена и видел, как вы что-то плеснули…

Четки проделали четверть круга, четка за четкой скользили у него между пальцев, пока он приходил в себя от удивления.

– Это… это была святая вода, – проговорил он наконец и поднял глаза. – Святая вода, которая должна была благословить господина Юстесена и наставить его на путь Божий.

– А он этого не хотел?

Нунций глубоко вздохнул и медленно выдохнул из легких воздух.

– Нет, – сказал он. – Юстесен не хотел возвращаться в католицизм. Как вам, должно быть, известно, он стал католиком, когда генерал Сисиньон жил в этой усадьбе…

– В усадьбе Тросвик?

– Да-да, в усадьбе Тросвик. В то время там жил патер-иезуит Веймерс, он служил в церкви и был духовным отцом всех католиков, которые жили в этой округе. В тысяча шестьсот девяносто первом году патер Веймерс вернулся в Рим, и с тех пор католики в Норвегии остались без руководства и поддержки Католической Церкви. Во время своей поездки по Норвегии я хотел связаться с этими одинокими верующими и поддержать их, дать им возможность исповедаться и получить отпущение грехов. Когда я назвал Юстесену имя патера Веймерса – вы, наверное, помните, мы встретили Юстесена на дороге, – в нем проснулся интерес, и тем же вечером он встретился со мной, чтобы узнать новости. Он был искренне привязан к патеру Веймерсу и хотел еще раз услышать, что с ним все в порядке. Я думал, что Юстесен остался католиком, но оказалось, он вернулся в лютеранство и не хотел, чтобы я стал его духовным наставником. – Нунций замолчал, его руки сжимали четки. – Поэтому я плеснул ему в стакан святой воды, чтобы она… – Нунций замолчал.

– …чтобы она подействовала помимо его воли, – закончил я его фразу.

Пальцы нунция нервно перебирали четки.

– Да… Возможно, это была ошибка с моей стороны. Не знаю. Все получилось не так, как я хотел. Я растерялся и сожалел о своем поступке, когда узнал о его смерти. Сами подумайте, я мог быть в ней повинен.

Я не хотел слушать о чьей-то вине и чьих-то грехах, мне было достаточно и своих.

– А Туфт? Что случилось у него?

Нунций выпрямился, его лицо просветлело.

– Господин Туфт был необыкновенно рад моему визиту. Он поддерживал жизнь в небольшом кругу католиков при… – Он замолчал, сжался и хотел встать.

– Я никому ничего не скажу. – Я прикоснулся к его руке. – От меня никто не узнает, что в этом районе еще остались католики. Обещаю вам.

Он посмотрел мне в глаза, конечно, он понимал, что независимо от того, что я скажу, уже поздно брать свои слова назад, ему оставалось только надеяться на мою порядочность. Он медленно откинулся на спинку стула.

– Господин Туфт долго мечтал, чтобы Господь Бог подал ему знак, одобрил бы то, чем он занимался. Туфт увидел этот знак в моем приезде, и перед моим уходом от него мы договорились, что я отслужу мессу для католиков.

– Но он умер…

– Да.

Мы помолчали, я думал о Туфте и о знаке, которого он ждал. Думал о том, что вместо этого знака от Бога Туфт получил привет от Дьявола.

– И что будет, когда вы вернетесь в Копенгаген? – спросил я, чтобы нарушить молчание.

– Отвечу вам словами блудного сына: Я ухожу отсюда и возвращаюсь к Отцу своему, – твердо сказал нунций. – Мне нужно исповедаться, открыться Господу, чтобы я мог начать заново.

– Начать заново?.. – повторил я, не совсем понимая, что он имеет в виду.

– Я виноват в смерти двух людей. По-своему, я виноват и в смерти юнкера Стига. – Я запротестовал, но нунций жестом остановил меня. – То, что случилось, достаточно сложно и вызвано многими причинами. Когда человек возвышен над всем, ему трудно разобраться в своем деле, быть объективным. Я не могу сам решать, что грешно и противоречит желанию Господа, а что – нет, это должен решить мой духовный отец. Можно сказать, что все случилось против моего желания и без моего ведома, но, безусловно, из-за меня. Если бы я сюда не приехал, эти люди остались бы живы. – Он вздохнул, и четки снова замелькали в его пальцах. – Все это питает мою душевную скорбь, и пусть исповедник решит, что является неумышленным грехом или грехом, совершенным под влиянием чувств, а что есть сознательный грех, который следует замолить и за который следует понести наказание.

Он наклонился, снова смочил тряпку и дал мне, чтобы я положил ее себе на лоб, а потом продолжал:

– Иисус установил святость воскресения, святость исповеди, вечером в день Пасхи. Это время, чтобы смотреть вперед, а не оборачиваться назад и не копаться в прошлом, не искать грехов и не пережевывать их по четыре раза, как корова. – Я невольно улыбнулся этому образу, он тоже улыбнулся. – В исповеди человек целиком и полностью открывает перед Богом всю ношу скопившихся у него грехов. Тогда Господь уничтожает все плохое, что было у человека в прошлом, и делает для него доступным новое, все опять становится для него возможным. Когда Господь прощает человека – а Он всегда прощает его, когда человек доверчиво приходит к Нему со своими грехами, и принимает на Себя последствия этих грехов.

Нунций выглянул в окно, хотя там его ничто не могло интересовать. В нем появилось что-то благостное, словно он говорил с самим собой. Словно он понял, что и ему тоже простятся его грехи. И ему тоже…

Если он согрешил. Словно это прощение было дано ему уже при одной только мысли, что он получит его, когда придет к исповеди.

– Человек говорит: “Давай больше не говорить об этом, давай об этом забудем”, – сказал нунций и снова повернулся ко мне. Его щеки зарделись, глаза блестели, как от лихорадки. “В данном случае от лихорадки преданности, – подумал я и почувствовал укол ревности. – Его Бог говорил с ним, не отверг его, простил. А мой…”

– Господь прощает, но не забывает, Бог не прикрывает наши грехи. Прощение Божие – это новое творение, новая жизнь, в которой наши прежние грехи и роковые последствия этих грехов претерпевают изменения и становятся добром. Подумайте об этом, господин Петтер, самый большой грех в истории – убийство Иисуса Христа – стал спасением для нас для всех. – Он требовательно посмотрел на меня. – Не все сразу можно назвать добром, но все может им стать.

Меня потрясли его слова, тепло, звучащее в его голосе, уверенность, которую он, судя по всему, испытывал. Мое чувство вины росло, потому что я не мог быть уверенным в таком же прощении моих грехов. К кому мне пойти, кому исповедаться? В моей Церкви нет исповеди. К кому мне обратиться, к моему Богу? Может быть?.. Нет, это невозможно…

В полном смятении я посмотрел на нунция.

– У нас один и тот же Бог?

Он серьезно кивнул головой.

– Да, у нас один и тот же Бог. Просто мы по-разному понимаем некоторые места Священного Писания. По-разному верим, но Бог у нас один.

– Могу я исповедаться вам, Ваше Высокопреосвященство?

Вопрос сорвался у меня с языка, прежде чем я успел подумать о последствиях. Я только смотрел на человека в темном одеянии, видел, как на него снизошел покой, пока он говорил. Тогда как мою шею сжимала хватка отчаяния.

Он долго смотрел на меня, хотел было что-то сказать, но, видимо, передумал и опустил глаза на лежавшие у него на коленях четки.

– Подождите, – сказал он, встал и вышел из комнаты. Вскоре он вернулся со своим саквояжем и открыл его. Развернул покрывало, достал распятие и поставил в ногах алькова, потом надел на шею широкую шелковистую ленту или шарф, поцеловал и произнес что-то по-латыни, после этого снял его и положил обратно в саквояж. Горячий комок в груди заставил мои глаза увлажниться, и я зажмурился, чтобы скрыть слезы. И тут же демоны заворчали, что я вот-вот совершу большой грех; я в страхе открыл глаза и увидел, что нунций с ожиданием смотрит на меня. Увидел распятие и Иисуса Христа, который страдал ради меня, и попытался расслабиться.

Нунций спокойно, ничего не говоря, кивнул мне. Он не торопил меня. А его взгляд говорил, что, если надо, он готов ждать сколько угодно. И, уже не думая ни о чем, я начал исповедоваться. Я говорил не губами. Вернее, не только ими. Мне казалось, что я говорю всем телом, что оно открылось перед своим слушателем и обнажило все, что пряталось в старых уголках и в новых укрытиях. Тело рассказало о моей матери и о пожаре, который из-за меня случился на сеновале в Хорттене. О Марии, во рту у которой я увидел дьявола и потому ушел от нее, предоставив ее смерти. Об Анне, которая любила меня так сильно, что явилась перед Господом обнаженной, из-за чего я изменил ей, ибо счел, что она меня опозорила. О куске кожи, который я бессовестно украл у мертвого человека. О Сигварте –

меня не оказалось рядом с ним и я не защитил его, когда он в этом нуждался, о смерти, которую я привел прямо к нему…

* * *

Мария.

Я смотрю на лежащую передо мной бумагу, луч осеннего солнца, прорвавшись сквозь тяжелые от влаги тучи, выглядывает из-под коротких занавесок, падает на мои слова и освещает их, словно для того, чтобы я лучше понимал то, что пишу. Рука кладет перо на стол, и я откидываюсь на спинку стула, чтобы дать отдых спине. Мария. Я говорил о ней в своей исповеди, да, я никогда ее не забывал, хотя ее жизнь оборвалась уже очень давно. Она была той женщиной, которая сделала из меня мужчину, образно говоря, показала мне тропку на седьмое небо. Моя первая любовница. Мария, молоденькая служанка, с которой я познакомился в трактире в Ютландии, когда мы с Томасом расследовали первое убийство в 1699 году. Мария, девушка, женщина, от которой я бежал, удовлетворив свое желание, потому что у нее были гнилые зубы, потому что я был молодой и незрелый, потому что она была не той девушкой, о которой я мечтал. А когда через день я вернулся, она была уже мертва – погибла от руки убийцы. Я считаю себя виновным в ее смерти.

Обо всем этом я поведал нунцию. И об Анне тоже.

Я рассказал ему и о ней. Она была деревенской девушкой, мне казалось, что я люблю ее так сильно, что ради нее мог бы невооруженным вступить в схватку с волками. Но когда она стояла в церкви нагая, чтобы защитить свою любовь, я повернулся к ней спиной. Ее поступок вызвал у меня стыд и гнев. Увы, все так и было. И это тоже случилось в тот раз, когда мы с Томасом расследовали убийство, на этот раз был убит управляющий большой усадьбы под Виборгом в Ютландии. И это тоже случилось много лет тому назад.

О Марии и об Анне я писал в своих первых рукописях.

Эти женщины и мое непростительное поведение в молодости, не они ли, собственно, и заставили меня писать? Не с тех ли пор я так же изменял и любви, и другим чувствам?

Я тяжело дышу и хватаюсь за стакан, стоящий возле чернильницы. Вода холодная, ее охладил сквозняк, дующий из окна, и у меня начинает ныть больной зуб. Я делаю еще глоток, полощу зуб этой ледяной водой, чувствую, как боль ударяет мне в голову, и думаю, что должен это вытерпеть, ведь, умышленно или нет, я много боли причинил другим. Я глотаю воду, и мне становится стыдно. Неужели я все еще не избавился от этих глупых мыслей? Неужели тот сон про норну Скульд все еще гложет меня? Уже давным-давно следовало освободиться от подобных древненорвежских верований.

Нет, надо писать дальше, пока у меня не началась головная боль, от которой приходится несладко не только мне самому, но и всем окружающим.

Я говорил долго, из глаз у меня текли слезы, а нунций слушал меня, не произнося ни слова. Когда я наконец исчерпал все слова и признался во всех своих грехах, я откинулся на подушку, охваченный невыразимой усталостью. Меня мутило, и лихорадка обжигала лоб.

Должно быть, я погрузился в легкое забытье, потому что вдруг услышал тихий голос нунция, объясняющий, какие из грехов я совершил бессознательно, а какие являются серьезными. К своему удивлению, я узнал, что иногда люди совершают грехи, которые не требуют прощения Господа Бога, ибо совершаются неумышленно и не являются сознательным действием, направленным против воли Божией. Я *не хотел* сжечь сеновал, свою мать и хозяина, это был несчастный случай. Я *не желал* смерти Марии, так получилось помимо моей воли, я не мог знать, что это случится. Кусок кожи я взял, потому что находился

в состоянии аффекта, не подумав о том, что делаю. Я не мог знать, что убийца похитит Сигварта. Напротив, я сделал все, чтобы его спасти.

Единственное, в чем нунций был не уверен, так это справедливо ли я обошелся с Анне из Бредструпа, которая прошла нагая через церковь. Ею руководила любовь, считал он, и хотя любовь иногда заставляет людей совершать странные поступки, отвратительные или суеверные, злого умысла у нее не было. А вот мое поведение можно расценить только так, что я повернулся к любви спиной. Ибо то, что Бог есть любовь, важнее всего. Бог есть любовь. Мой страх перед позором, перед тем, что скажут люди, заставил меня повернуться спиной к любви Бога и Анне. В страхе перед позором я даже попытался оправдать свой поступок тем, будто хотел защитить честь Бога, но думал я тогда только о собственной чести.

Нунций улыбнулся:

– Давайте помолимся вместе, попросим Бога, чтобы он простил вам этот ваш единственный грех.

Он поднял руку, сотворил крестное знамение и произнес звонким голосом:

– Господь, Отец наш милосердный, примирился с миром через смерть и воскресение Сына своего и во прощение наших грехов послал нам Духа Святого. Через свою Церковь я прошу Его даровать тебе прощение и покой. *In nómine Patris, et Filii et Spiritus Sancti. Amen*.

Я хотел сказать "спасибо", но был не в силах открыть рот. Только взглянул на него, он ответил на мой взгляд и положил руку мне на плечо. Веки мои сомкнулись, и я погрузился в глубокий и долгий сон.

Когда я проснулся, нунций уже уехал, и я больше никогда его не видел.

Он не наложил на меня никакой епитимьи, подумал я. Не потребовал, чтобы я как-то искупил свои грехи. И я подумал, что мне хочется выучить *Ave Maria*, подумал, что молитва, обращенная к Матери с младенцем на руках, не может быть грехом, и снова заснул.

Глава 44

– Почему он это сделал? – повторил мой вопрос Томас, открыл мешок и достал свой парик. – Видишь ли, это довольная длинная история. Юнкер оставил письмо, в котором объяснил свой поступок, – в его сложенных под плащом руках было письмо.

– Отчего он умер? – прервал я его.

– От яда. Он тоже умер от яда, – коротко ответил Томас и, продолжая говорить о письме юнкера, достал маленький мешочек с мукой. – Нельзя сказать, чтобы юнкер сожалел о содеянных преступлениях, но в известной степени он извинял их, объяснив причину своих поступков. Он писал, что его семья, которая рано приняла учение Лютера, была почти полностью истреблена во время беспорядков в Германии почти сто лет назад. Ты знаешь, что католики воевали с протестантами. Католические орды бесчинствовали в той части страны, где жила его семья, убивали направо и налево, они изгнали его предков из их владений, которые были отданы во владение католикам. Когда эта великая религиозная распря после многолетней войны закончилась победой протестантов, наследники новых католических господ отказались вернуть то, что награбили. Вместо этого они перешли в протестантство и остались на своих местах.

Томас стал осторожно сыпать муку на парик, не проверив, в каком она состоянии.

– Семья юнкера воспылала ненавистью к католикам, и юнкер, очевидно, с детских лет впитал в себя эту ненависть, поэтому, когда он узнал, что папский нунций приехал, чтобы вербовать прозелитов в свою католическую веру, его охватил гнев, и он… ну и он сделал то, что сделал.

Томас с раздражением растер в пальцах несколько слишком крупных комочков муки, из-за которых парик выглядел как голова больного чумой. Потом вместе с париком вышел на

двор, и я слышал, как он там дул на парик и чихал. Вернувшись обратно, он потер себе нос и улыбнулся.

– Жду не дождусь, когда ты поправишься и мне больше не придется самому заниматься этой ерундой.

– Я же сказал тебе, что уже здоров! – Я встал с постели.

– Да-да-да! – Томас замахал на меня руками, чтобы я снова лег. – Полежи еще немного, я сам соберу наши вещи. Ты хорошо ешь, чтобы набраться сил?

На это я не стал даже отвечать.

– Может, ты сам пришьешь свою пуговицу, если считаешь меня больным?

Томас посмотрел на свой живот и щелкнул по пуговице жилета, которая висела на одной нитке. Он засмеялся:

– Думаю, завтра ты будешь уже здоров, это крайний срок. А до завтра она как-нибудь продержится.

Мои католические дни подошли к концу, я мог думать уже не только о льде и пламени, вопросы возникали в голове сами собой. Один. Второй. Третий.

– Но почему юнкер Стиг не убил вместо них нунция?

– Ты имеешь в виду, вместо этих двух человек?

– Да.

– Думаю, юнкер, несмотря на сжигающую его ненависть, сохранил достаточно рассудка, чтобы понять, какие последствия будет иметь известие, что назначенный королем телохранитель нунция оказался его убийцей. В этом случае нас ждала бы не самая маленькая в истории война. Честь и уважение к королю удержали юнкера от такого страшного поступка. – На лице Томаса выразился страх при мысли о последствиях, какие ждали бы Данию, если бы юнкер осуществил свое желание.

Пока он говорил, я ходил и собирал свои вещи. С этим я справился быстро. Шляпы у меня больше не было, парика я тоже не нашел. Томас наверняка выбросил его, уж слишком он был грязный и растрепанный.

Я сел на край постели, чтобы отдохнуть. Потребовалось совсем немного, чтобы я почувствовал себя усталым. Еще раньше, когда Томас вернулся в Хорттен и мы с ним остались наедине, я признался ему в своем последнем грехе. Признался, что исповедался католическому священнику. Томас наморщил лоб и спросил, как это произошло; узнав подробности, он улыбнулся и сказал, что все к лучшему, ибо чем больше людей скажут мне, что я прощен и Богом и людьми, тем скорее моя тупая башка сообразит, что я не самый большой грешник в мире.

Лишь спустя много времени я понял, что католический священник не имел права исповедовать лютеранина. Нунций нарушил все правила, когда молился со мной, чтобы Бог даровал мне прощение. Но отпущения грехов он мне не дал, это было бы против законов Католической Церкви.

– Скажи, а как мы в ту ужасную погоду спустили из пещеры Сигварта и юнкера? Я совсем не помню нашего возвращения.

Томас, наклонившись над саквояжем, укладывал грязные носки на чистую жилетку, он что-то проворчал в ответ.

– Что ты сказал?

Он повернулся ко мне, немного смущенный:

– Мы отнесли вас.

– *Нас?*

– Ну да. Ты потерял сознание и упал на Сигварта. – Он положил грязное белье на совершенно чистую рубашку, утрамбовал все и собирался закрыть саквояж.

– Нет, Томас. – Подавленный, я забрал у него саквояж. – Позволь мне. – Я вынул все вещи и рассортировал их. – А кто нес меня?

Томас выглянул в окно.

– Мы вынесли вас одного за другим.

– Понимаю. Но кто именно нес *меня?*

Он грустно взглянул на меня.

– Я, если для тебя это так важно. На спине. Нас обвязали веревкой, и тебя и меня, помощник судьи шел впереди, хозяин Хорттена и Нильс – сзади, они держали веревку натянутой. Потом мы поменялись. Помощник судьи взял юнкера, а Нильс – Сигварта. Вот так. Все очень просто. Не о чем и говорить.

– Не о чем говорить?! – От гнева и чувства вины в моем голосе послышались металлические нотки. Кто-то рисковал жизнью из-за того, что я, как баба, потерял сознание!

– Нет, Петтер! – Томас даже рассердился. – Ты не виноват в том, что нам пришлось тебя нести. Для тебя это было нечеловеческое испытание. Любой другой на твоем месте свалился бы намного раньше.

Он пошел на кухню и принес мне холодной жидкой каши.

– Уж если тебе хочется знать, в чем твоя заслуга, то она в том, что убийцу в конце концов разоблачили. Ты все время на шаг меня опережал, а я плелся за тобой и связывал оборванные концы.

Мой металлический голос дрогнул, и я сдался перед Святым Томасом.

И с жадностью выпил кашу, чувствуя, что она погасила адский огонь у меня в желудке – на этот раз.

– Почему юнкер убил Сигварта? Ведь Сигварт не был католиком, никому ничем не угрожал… Я не понимаю…

– Думаю, это получилось случайно…

– Но ведь он сказал в Осгордстранде, что должен умереть еще один человек! – сердито воскликнул я. – Он уже тогда решил, что Сигварт должен…

– Нет! – Томас положил руку мне на плечо, чтобы меня успокоить. – Нет, Петтер. Мы неправильно поняли то, что он сказал в Осгордстранде. Мы решили, что он говорит о ком-то, кто должен умереть от его руки. Так нам казалось. Но он говорил не о Сигварте. Сигварт, по-моему, оказался случайной жертвой. Юнкер не знал, что Сигварт так тяжело болен.

– А кого же тогда он имел в виду? – нетерпеливо возразил я. – Ведь больше никто не умер. Или ему просто не удалось?..

– Удалось, – ответил Томас. – Он имел в виду самого себя. Когда тебя обвинили в убийстве Туфта, он понял, что допустил роковую ошибку. Что тебя осудят и казнят за преступления, которые совершил он.

– Но… – Я ничего не понимал. – Ему было только на руку, что виновным оказался я. Он остался на свободе и мог предстать перед королем в роли героя. – Я сделал выразительный жест рукой. – Человек, который в этой дикой Норвегии спас нунция дей Конти и вернул его в Копенгаген!

По лицу Томаса скользнула мимолетная улыбка:

– Да, так можно было подумать, но нельзя забывать, что юнкер принадлежит к старинному благородному роду. Можно многое рассказать о старых благородных родах, и не только хорошее, но вот честь, *честь* они берегут. Ты, по его понятиям, был правоверный христианин, который вдруг из-за него мог оказаться на виселице. Он не мог этого допустить. Он не видел иного выхода из этого тупика, как признать свою вину и умереть.

– Но яд?! Подумаешь, благородство – умереть от яда в какой-то далекой пещере!

Томас пожал плечами:

– Я не сказал, что понимаю все его поступки, но кое-что я понимаю. Так мне кажется.

– Но почему он впутал в это дело Сигварта?

– Я и об этом много думал в последние дни, – серьезно сказал он. – По-моему, он надеялся, что Сигварт обеспечит ему две вещи. Во-первых, юнкер надеялся, что мы, опасаясь за жизнь Сигварта, будем действовать осторожно и не совершим ничего необдуманного. Ему требовалось время, чтобы умереть. Он опасался, что что-нибудь помешает яду оказать свое действие. Опасался, что мы явимся слишком рано и спасем его с помощью какого-нибудь противоядия.

Томас задумался, вертя пальцами пуговицу на жилете.

– А во-вторых?

– Во-вторых?.. – Томас никак не мог сосредоточиться.

– Что, во-вторых, гарантировало ему присутствие Сигварта?

– А, да! – Он протянул ко мне руку. – Да… вот, пожалуйста! – Он дал мне пуговицу. – Наконец она оторвалась.

Я взял у него пуговицу, сунул ее в карман и выжидающе на него посмотрел.

– Да-да. Во-вторых, Сигварт служил юнкеру гарантией, что мы будем их искать. Причем постараемся найти их как можно скорее. Думаю, это опять связано с понятием чести. Как бы там ни было, а он не хотел всю зиму пролежать на горном уступе и быть обнаруженным весной, расклеванным чайками и объеденным муравьями. Это было ниже его дворянского достоинства. Как и то, если бы тебя казнили за совершенное им преступление.

В голосе Томаса звучало что-то похожее на недоумение: чтобы человек, который так хладнокровно убил невинного Юстесена, вместе с тем не мог допустить, чтобы меня обвинили в убийстве, которого я не совершал! Мне пришлось сознаться себе, что это было выше моего понимания.

– Таким образом, наш страх за Сигварта должен был обеспечить этому дворянину гроб и место в семейном склепе. – Томас прикоснулся к моей руке. – У него не было намерения убить Сигварта. Сигварт для него ничего не значил. Дворяне, подобные ему, не думают о каком-то простом работнике. Но, очевидно, он понял, что Сигварт дорог тебе. И хотел с его помощью обеспечить себе твое внимание.

Томас встал и ушел.

Юнкер хотел обеспечить себе мое внимание! Он узнал, что я люблю Сигварта. Должно быть, он шпионил за нами! Выследил меня, когда я ходил в Бром. Может быть, даже слышал наш разговор. Стены у хлева тонкие. Я вдруг вспомнил, что Мюлле лаял оба раза, когда я был у Сигварта. Наверное, он лаял на юнкера. Непонятно только, почему такой хороший сторожевой пес вдруг успокоился… Копченая колбаса! Юнкер стащил ее, чтобы задобрить Мюлле и спокойно подслушать мой разговор с Сигвартом!

Другими словами: моя дружба со старым Сигвартом и моя любовь к нему сыграли свою зловещую роль в его смерти.

Проглотить эту пилюлю было трудно, хотя Томас и принес нам две кружки крепкого пива.

– Он позволил простому работнику умереть, чтобы спасти такого же простого секретаря, – глухо сказал я. – Работнику, которого секретарь так любил.

Томас покачал головой, он тоже этого не понимал.

– Можно сказать, что душа и нравы преступника не похожи на душу и нравы обычного человека, но… – Томас с задумчивым видом смотрел в свою кружку. – Как тебе известно, мои попытки определить преступников по их реакции на мой вопрос, касающийся морали, не дали четкого научного ответа. Я не смог собрать всех преступников и посмотреть, чем они отличаются от всех честных людей. Можно сказать, что преступники провели меня, а можно сказать и так: среди преступников, сидящих на острове Бремерхольмен, есть и невинные люди. Можно быть уверенным и даже утверждать, что среди порядочных людей есть люди с преступными наклонностями, которые никогда не обнаружились. Я прибегаю к таким объяснениям, потому что цепляюсь за свою теорию, и, что хуже всего, мои рассуждения в некоторых случаях оказываются правильными. Но… – Томас оторвался от пива и посмотрел мне в глаза, – *сомнение* в том, что вероломную душу можно определить по жестам и по движениям ее тела, тоже важно, и с ним нужно считаться. Ибо не исключено, что все люди имеют скрытые наклонности, которые невозможно предвидеть. Чем больше я наблюдаю за людьми, тем больше убеждаюсь в том, что человеческая природа обладает скрытыми качествами, как положительными, так и отрицательными, неизвестными даже для самого их обладателя. – Он развел руками. – И если я не могу объяснить все свои действия в данном случае, как я могу претендовать на то, что понимаю других?

“Как будто это утешение”, – с тоской подумал я.

– А как все это повлияло на репутацию юнкера? И нунция тоже?

– Этого я не знаю, – со вздохом сказал Томас. – Я написал отчет о событиях и отдал его нунцию дей Конти, который он должен представить в Канцелярию дворца. В нем я изложил все – и об отравлениях, совершенных юнкером, и о тайных планах нунция. К нему я приложил письмо, написанное юнкером. Теперь уже Его Величество должен решать, что будет дальше.

Герберт и гроб с телом юнкера были отправлены на судне, идущем в Ютландию, уже на другой день после того, как мы нашли Сигварта в пещере. Томас сказал, что все обитатели усадьбы почувствовали облегчение, когда гроб увезли, словно черные тучи развеялись и люди снова смогли увидеть солнце.

– А Герберт? – спросил я.

– Герберт проводит земные останки своего хозяина в семейное поместье, а потом вернется к своей обычной должности при дворе, по-моему, он служит у какой-то придворной дамы. Я в своем отчете почти не писал о нем.

– *Господин Томас!* – послышался голос со двора.

Мы встали, и тут же в дверях появился Олав.

– Господин Томас! Все готово, пора ехать! – Он помог нам вынести наши вещи.

Я огляделся, ища глазами Сару, но она, видимо, избегала меня, после похорон Сигварта я ее почти не видел, хотя теперь она получила место служанки в усадьбе Хорттен. С разрешением навещать своего брата в Тёнсберге один раз в три месяца, как сказал хозяин усадьбы, объявляя нам эту новость. Теперь в усадьбе Хорттен должен был опять воцариться порядок.

– Мне надо… – сказал я и хотел пойти в хлев.

– Захочет – сама придет. – Томас удержал меня за руку.

Олав поставил наши вещи на телегу и повел лошадь, мы с Томасом шли за ней пешком по направлению к Сёебуден. Каштан в "саду" во время шторма потерял почти все листья, но выглядел таким же большим и могучим, как прежде. Я вспомнил тот вечер, когда я вырезал на нем те буквы, и о том, что случилось у его ствола. Действительно что-то было, или мне это только приснилось? Я на мгновение замедлил шаг, прищурился на дерево и прочитал: САХАРА. Там было вырезано САХАРА – я перепутал буквы.

Мне послышался сзади какой-то звук, я обернулся, но никто не ждал меня в кустах, как я надеялся. Я вздохнул. Похоже, судьба была против того, чтобы я получил тех женщин, которых хотел получить. И таким образом поговорка, что всех хороших вещей бывает три, ко мне отношения не имела. Я бросил последний взгляд на дерево и побежал за остальными.

Лодка была привязана с восточной стороны мыса, и мы хорошо видели остров Йелёйн и дальше, Соен, как всегда в хорошую погоду. Нильс вычерпывал из лодки воду, хозяин разговаривал с человеком из Холместранда, который привез нам сообщение, что для нас есть на судне места. За островом Веалёс виднелись мачты с небогатым парусным снаряжением. Олав бросил Нильсу в лодку наши вещи, и я помог им отвязать канаты. Томас прыгнул в лодку и устроился на корме, я уже хотел прыгнуть за ним, как хозяин проворчал, что кто-то хочет меня видеть. Я оглянулся и увидел бегущую по берегу Сару с мешком в руке. Запыхавшись, она остановилась передо мной.

– Я уезжаю.

– Я знаю. – Она улыбнулась, блеснули белые зубы.

Мы стояли, не зная, что сказать друг другу. Олав крикнул, что надо ехать, а то мы не успеем и шхуна пройдет мимо.

Сейчас или никогда! Я глубоко вздохнул, чувствуя, что даже побледнел от волнения.

– Поедем со мной! Поедем, мы сможем…

– Т-с-с! – Она приложила палец к моим губам. – У меня для вас что-то есть. – Сара развязала мешок и вынула из него парик. – Я его вычистила и починила. – Она подняла парик, чтобы надеть его мне на голову.

У меня перед глазами мелькнуло что-то красное.

– Что это? – спросил я, прикоснувшись к красной шелковой ленте, которой волосы на затылке парика были связаны в один пучок.

– Последняя парижская мода. Теперь ее переняли и в Амстердаме. Вы будете первым человеком в Копенгагене, носящим такой парик, господин Петтер, – с гордостью сказала она. – Вскоре за вами последуют и другие, но вы будете первым.

Я смотрел то на красную ленту, то на Сару.

– Вспоминайте меня, когда будете его носить. – Губы, которые я целовал, улыбнулись.

– Но я так люблю вас, фрёкен Сара.

– Господин Петтер, – прервала она меня, – вы сейчас не в духе, вам и без меня хватает всяких забот, как вы можете любить…

– Пора ехать! – заорал Олав, и хозяин схватил меня за плечо.

– Я…

– Да-да! – Она погладила меня по щеке.

Вскоре мы уже плыли по фьорду, и я видел, как фрёкен Сара, не оглянувшись, скрылась в лесу по направлению к Сёебуден и усадьбе Хорттен.

Глава 45

– Между прочим, для тебя есть сообщение или даже не знаю, как это назвать, – сказал Томас.

– Что? – Я оторвался от поручней. Хорттен скрылся за островом Бастёйен, и матросы полезли по реям, чтобы поставить грот и марс. Западный ветер свежо дул по правому борту и в корму, скоро он вынесет нас в открытое море. – От кого? – спросил я.

– От юнкера. – Я заметил, что ни Томас, ни я сам больше не называли юнкера по имени. А также не называли его "негодяем" или "убийцей", а просто "юнкер" или "он". Словно мы медленно, но бесповоротно позволяли ему раствориться в воздухе и превратиться в ничто.

– Он написал в письме, что у купца Туфта видел нож, очень похожий на твой.

– Да, он прав.

– Что это за нож? – спросил Томас.

Я достал нож, который когда-то принадлежал Юстесену, и показал его Томасу.

– Я подстругал ручку, раньше она была шестигранная и неудобная. Точно такой же нож я видел у Туфта, когда мы осматривали его контору.

Подбежал юнга и сказал, что в каюте капитана для нас накрыт стол.

Томас кивнул ему; пока мы шли по палубе, он крутил и поворачивал нож, осматривал лезвие и даже подержал его против солнца, словно смотрел сквозь него на белые облака. В конце концов он покачал головой и отдал мне нож.

– На том куске кожи, что ты нашел у Туфта, тоже была зашифрованная надпись? – спросил я у Томаса.

Он кивнул, порылся в кармане и протянул мне оба куска.

– Тот же сорт кожи, оба сложены в длину и имеют дырочки для шнурка, оба заполнены буквами и цифрами, которые, по всей видимости, являются зашифрованным сообщением. Разница только в том, что на коже, найденной у Туфта, шнурок был выдернут и, наверное, выброшен.

– Тебе не удалось разгадать этот шифр? – спросил я, тупо глядя на эту тарабарщину.

– Нет.

Мы спустились с палубы. Я наклонил голову, чтобы не стукнуться о балку, и последовал за Томасом к каюте капитана, там он остановился, держась за ручку двери.

– Возможно, они знали друг друга, Юстесен и Туфт, – сказал он, прежде чем открыть дверь. – Найденные куски кожи свидетельствуют, по крайней мере, о том, что у них был хотя бы один общий знакомый. Я даже думал, не связывался ли нунций с ними еще до своего приезда, думал, может, он извещал их о своем предстоящем визите. – Томас вздохнул и вошел в каюту.

Кроме нас и капитана, за столом сидел молодой человек немного моложе меня. Он оказался пассажиром и сначала держался несколько скованно, хотя я понял, что он плывет на шхуне от самого Бергена. Однако с помощью доброго вина, предложенного нам капитаном, наши языки развязались, и мы вскоре обнаружили, что у нас с ним много общего. Оказалось, что Людвиг, так его звали, направляется в Копенгаген, чтобы держать в университете экзамен по философии и теологии.

Он рассказал, что год тому назад ездил в столицу сдавать экзамен-артиум[12]. Я сдал этот экзамен три года назад. Мы вспоминали знакомые нам обоим смешные истории, наше возмущение грубым отношением старших студентов к новичкам, церемонию "Соль в рот, вино на голову", которая должна была обеспечить студенту бодрость духа и дать пищу мозгу, вспоминали старомодных профессоров, которые в любом случае жизни пользовались латынью. Как сказал Людвиг с надменной улыбкой на худом мальчишечьем лице, даже когда объясняли новому студенту, где здесь справляют нужду.

К концу обеда Томас и капитан затеяли жаркий спор о таможенных пошлинах, налогах на торговлю и плате за причалы; постепенно их разговор принял столь горячий характер, что

им пришлось выйти на палубу, дабы немного охладить головы. После того как эти громкоголосые господа покинули каюту и юнга начал убирать со стола, мы с Людвигом сидели молча. Он достал книгу, перешел к окну, выходящему на корму, где было больше света, и углубился в чтение. Я машинально теребил куски кожи, мои мысли витали где-то далеко.

Юнкер писал про нож Туфта. Это была правда, я сам видел этот нож. Точно такой же, как нож Юстесена. Странно, но похоже, что этими ножами почти не пользовались. Туфт имел возможность купить себе самый лучший нож, какой можно приобрести за деньги. Зачем ему понадобился именно этот? Нож висел на стене, и создавалось впечатление, что он чем-то важен для его хозяина. Может, ключ к шифру был спрятан в самом ноже?

Нет, это невозможно. Я не видел на ноже Туфта никаких надписей, да и на том, что я купил в доме Юстесена, тоже не было никаких букв, я бы заметил их, когда начал обстругивать ручку.

Тем не менее я вытащил свой нож из ножен и осмотрел его. Дерево я зачистил так, что оно стало гладкое, как детская попка, и промаслил, теперь оно было теплого золотистого цвета. Наточенное лезвие сверкало на осеннем солнце – перед отъездом я наточил его в Хорттене, – на лезвии тоже не было никаких знаков.

Мне нравился этот нож, и я часто пользовался им, потому что теперь ручка стала удобной. А мой старый нож лежал с моими вещами среди носков и платков.

Остров Бастёйен давно скрылся за кормой, и остров Фердерёйен с его маяком уменьшался у нас на глазах. С двойственным чувством я смотрел, как Норвегия скрывается за горизонтом. Может, я в последний раз видел и ее и Хорттен? А Сара? Увижу ли я ее когда-нибудь?

Красная лента свисала с моего парика, я нащупал ее, и мягкая ткань скользнула у меня между пальцами. Она напоминала мне о Саре. Глядя на эту ленту, я всегда буду вспоминать Сару. А что я дал ей взамен, чтобы она всегда помнила обо мне?

Ничего. Несколько слов, вырезанных на дереве. И то одно из них было написано с ошибкой. Лишние буквы придали ему другой смысл. А все потому, что я глупец, неудачник…

– Что это? – спросил Людвиг, увидев у меня в руке куски кожи.

Я встал и протянул их ему. Он с любопытством стал рассматривать ряды букв.

– Что это означает?

– Мы… мы не знаем. – Я взял у него один кусок и сел. Объяснил, что это зашифрованное письмо, которое мы так и не смогли прочитать.

Людвиг заинтересовался, накрутил кожу на пальцы и начал изучать буквы. Он молчал. И, казалось, забыл обо мне.

Я сидел, держа в одной руке нож, в другой – кусок кожи, а мысли мои унеслись далеко и вернулись в Хорттен, к тому каштану и поцелуям, к теплому телу Сары, которое прижималось ко мне, и к слову, которое я вырезал на дереве. САХАРА. Я задумался о том, как части слова, разделившись, соединились в другое, новое слово, которое ничего не означало. Я хотел вырезать совсем не его. Это похоже на шифр, неожиданно подумал я, глядя, как пальцы Людвига перебирают кожаную полоску; я ощупал нож, зажатый у меня в руке, и вдруг все совпало, как в инструменте, в котором все встало на свои места и защелкнулось.

– Господи, помоги! – воскликнул я и чуть не хлопнул себя по лбу. Какой же я идиот!.. – Извините, господин Хольберг, верните мне, пожалуйста, этот кусок кожи. Мне надо срочно найти судового плотника. Думаю, он мне поможет.

Плотник на носу судна обтесывал шест для лебедки. И не счел себя столь занятым, чтобы отказать господину в его просьбе взглянуть на его нож. Он измерил ручку у самого

лезвия, в этом месте я срезал меньше всего, и спустился в кубрик за подходящим куском дерева. Вскоре он уже стругал его, измерял и снова стругал.

– Господин хочет, чтобы новая ручка была шестигранной? – спросил он.

Я кивнул и повторил, что грани должны быть одного размера.

– Это можно, – спокойно сказал он.

Когда плотник решил, что ручка готова, я обернул вокруг нее полоску кожи и попросил его подстрогать еще немного. Грани должны соответствовать строчкам. Вскоре ручка была обработана как надо, и шестигранник получился точно такой, какой была прежде ручка моего ножа. Трясущимися руками я начал по спирали оборачивать вокруг нее кожаный лоскут, обороты плотно прилегали друг к другу. Потом, придерживая пальцами оба конца кожи, я прочитал непонятные буквы.

– О, ч-черт! – громко простонал я. Плотник в растерянности смотрел на меня.

– Надо не так. – Людвиг забрал у меня шестигранную ручку и начал разматывать кожаную полоску. – Вы должны сложить ее. Смотрите, как криво она у вас легла.

Сложить вдоль, ну, разумеется! Строчки должны следовать одна за другой. Людвиг Хольберг видел мое волнение, он протянул мне ручку и кожу. Я быстро сложил кожаную полоску в длину и снова начал обертывать ручку по спирали. Еще не закончив, я уже понял, что действую правильно. Я чувствовал, что правильно, что эта кожа как будто уже не раз обертывала эту шестигранную ручку. Буква ложилась к букве, наконец последняя буква заняла свое место, и я прижал кожу пальцем, чтобы она не размоталась, глубоко вздохнул и, поворачивая ручку грань за гранью и медленно выдыхая воздух, начал читать строчку за строчкой:

500риксдале

ровжалуется

убравшемумо

нархадоегово

звращенияи

знорвегии

Людвиг, должно быть, заметил, как я побледнел, когда, поставив буквы на их место, отделил слово от слова и до меня дошло содержание этого сообщения.

– Может, позвать сюда вашего господина? – спросил он, оглядываясь по сторонам в поисках Томаса.

– Что?.. – Буквы мелькали у меня перед глазами. – А-а… да, спасибо… будьте так любезны, – прошептал я, не отрывая глаз от шестигранной ручки.

Через минуту Томас уже был на палубе. Я молча протянул ему ручку и показал, как надо читать. Он поглядел на первую грань, наморщил лоб и быстро прочитал все до конца, потом с трудом глотнул воздух, прочитал все еще раз, опустил руки и уставился на воду, бледный, как сильно напудренная придворная дама.

– О господи, – пробормотал он. – О господи, Петтер, мы должны…

* * *

– *Хозяин!*

Слышится крик где-то на усадьбе. Никак, Барк бежит со всех ног? На него это не похоже.

Я со вздохом откладываю перо и подхожу к окну.

– *Хозяин!* – Барк уже в сенях, уже рядом с лестницей. Я поджимаю губы. Не хватает, чтобы я отзывался на его крик. Что за поведение! Пусть поднимется сюда ко мне. Вообще-то

я предпочел бы, чтобы он дал мне спокойно дописать мою рукопись, вместо того чтобы прерывать меня криком и шумом.

– Хозяин! Есть судно, которое идет в Норвегию! – Он поднимается по лестнице и тяжело дышит. – Оно покинет причал, как только переменится ветер, а это может случиться в любую минуту.

Я стою у стола и взволнованно смотрю на него.

– Это правда, Барк? Наконец какая-то шхуна идет в Норвегию?

Барк не отвечает, он начинает собирать мою одежду.

Наконец я поеду дальше! Я в растерянности складываю рукопись и собираю письменные принадлежности. После того, как неделю назад утих шторм, я с тоской ждал, когда смогу уехать отсюда. Больше у меня нет никаких дел. Я свел Барка с его будущей женой, убедился, что они любят друг друга, и готов отправиться в дальнейшее путешествие по жизни.

Думаю, была воля Божия на то, чтобы мы сели здесь на мель. Чтобы нам выпало создать историю, противоположную той, что Катрине рассказала однажды вечером за моей дверью, – в нашей истории никто не покинет остров и свою возлюбленную, напротив, приехав сюда, кое-кто найдет свою суженую.

День за днем я просил Барка ходить на пристань и узнавать новости. Я и сам ходил туда несколько раз и тоже спрашивал у шкиперов, не пойдет ли какая-нибудь шхуна на север. И мы оба возвращались домой, не получив желанного ответа. Но сегодня…

Барк спускается вниз с первым саквояжем, и я слышу, что он разговаривает с Катрине. К их голосам примешивается и ворчливый голос торговца Бурума. Я смотрю на старую английскую рукопись, которую он мне дал. Да, он просто подарил мне эту рукопись, хотя я с радостью заплатил бы за нее. Что-то в этой истории задело меня, и я с нетерпением жду, когда без помех, на борту судна, углублюсь в чтение истории этого безумного принца Датского.

Я смотрю на собственную рукопись… и вдруг решаюсь – неожиданно для себя самого. Она закончена!

Все, конец! Хотя моя история и оборвана на середине фразы, я понимаю, что она закончена. Я написал ее, мне и решать, закончена она или нет. Я вернусь к ней, когда ко мне вернется желание писать, и напишу о моей второй поездке в Норвегию, потому что в молодости я ездил на родину два раза. Можно даже сказать, что первая поездка вынудила меня совершить вторую. Однако я повременю с рассказом о ней, уж слишком усталым и старым я себя сейчас чувствую.

Мне надо отдохнуть, но не слишком долго. Что-то во мне требует, чтобы я продолжил свой рассказ – о Сигмунде, о короле, о том, кто воскрес, о любви, о тоске и…

Я качаю головой, удивленный собственным безумием, и уже чувствую, что у меня чешутся руки, до того мне хочется распаковать письменные принадлежности. Я решительно укладываю их в саквояж и беру в руки рукопись…

"Понесший кару" назвал я свою историю. Это название написано на первом листе большими буквами. Я постукиваю стопкой бумаги о столешницу, а сам гляжу в окно. Так и не знаю, для кого я все это писал? Есть ли еще кто-то, для кого стоит писать, или все это глупые выдумки старика, пытающегося чем-то занять время? Чтобы выглядеть более значительным в собственных глазах. Сейчас я снова направляюсь в Норвегию, на свою родину, в третье, и последнее, путешествие. Но в Норвегии нет ни одной живой души, которой я мог бы показать эту историю, никого, кому был бы интересен рассказ о жизни Петтера Хорттена, которого уже никто не помнит.

Я решительно открываю хозяйский шкаф, тот, в котором нашел эту английскую пьесу, кладу в него свою рукопись, засовываю ее подальше, чтобы ее не было видно, и закрываю шкаф. Обмен совершен. Рукопись за рукопись.

Но думаю, что для меня это более выгодная сделка, и потому, спускаясь по лестнице, чувствую угрызения совести.

Барк говорит, что он сейчас принесет последние вещи. Я киваю и иду к гавани.

На причале меня ждет Катрине. Хочет проститься со старым ворчуном, думаю я. Хорошая девушка, и я радуюсь за Барка. Что касается женщин, он в них не ошибается.

– Катрине! – Я останавливаюсь, чтобы перевести дух. – Тот человек, который перепутал письма… – Она непонимающе смотрит на меня, потому что уже забыла ту историю. – Вспомни, тот, кто письмо с объяснением в любви адресовал торговцу Буруму и наоборот.

Наконец она все вспоминает и улыбается уголками губ. Наверное, над тем, что я слушал за дверью.

– Ты его знаешь?

– Да. Знаю.

– Что с ним стало? Как сложилась его жизнь?

Она улыбается:

– Хорошо сложилась. Он все-таки получил у Бурума заем. Женился на другой девушке, и у них было восемь детей. Я – самая младшая.

Моя старая голова не сразу все понимает. Наконец я смеюсь.

– Это случилось с моим отцом, – говорит Катрине. – Он сам рассказал мне эту историю. Когда-то мой дед хотел, чтобы отец отдал меня в жены одному старому человеку. – В глазах у нее появляется лукавый блеск. – Это был бы выгодный брак, тот старик был богатый. Но отец сказал “нет”. Мне было разрешено самой выбрать себе мужа.

Она глядит на Барка, который подходит с нашими последними вещами. Он тяжело ставит саквояжи на причал и смотрит на готовую к отплытию шхуну. Капитан подходит к поручням и кричит нам, что пора отчаливать. Барк кашляет.

– Хозяин, – говорит он и ударяет сапогом по земле – синяя раковина скатывается с края причала и падает в воду. – Хозяин… я должен кое-что вам сказать. – Он смотрит на Катрине, потом в землю и водит по ней носком сапога.

Я все уже знаю. Он уже давно ждал этого разговора, и я давно привык к этой мысли.

– Можешь ничего не говорить, Барк. Ты был мне замечательным помощником и часто радовал меня. Конечно, я согласен. Оставайся с Катрине. Она хорошая девушка. Я желаю вам счастья.

Я слышу, что Катрине нервно смеется, и смотрю на нее. Она кусает ногти, у нее за спиной стоят два саквояжа, которых я раньше не заметил.

– Нет, господин Хорттен, – говорит Барк и обнимает ее за плечи.

Боцман приказывает отдать швартовы.

Барк нервно теребит мочку уха.

– Мы оба хотим поехать вместе с вами.

Мое лицо обдувает ветер, он дует с юго-запада. Капитан прав, сейчас самое время выйти в море. Несколько матросов уже готовы отдать швартовы, боцман подходит к поручням и вопросительно на меня смотрит. На причал опускается чайка, беспорядочно бьет крыльями, сердито кричит, потом взлетает и выжидающе парит над верхушкой мачты. Торговец Бурум стоит возле своего дома, заложив руки за спину, и смотрит на нас. Как ответить на нечто само собой разумеющееся? Юнга у трапа наблюдает за мной.

Барк смотрит на меня, а у Катрине скоро уже не останется ногтя.

Я кашляю и показываю на наши вещи.

– Ну, так поднимите на борт наши вещи! Нас ждут.

Я подхожу к трапу, а старые слова тем временем вырываются из тайных уголков, собираются вместе, и сердце мое поет.

* * *

Аве Мария,

Милость Божия,

Благословенна Ты в женах

И благословен плод жизни Твоей, Иисус.

Святая Мария, Матерь Божия,

Молись о нас грешных

Ныне и в час смерти нашей.

Аминь.

Большая благодарность:

Кину, Туре и Миа, моим незаменимым литературным спарринг-партнерам

знатоку истории Перу Туресену (†2003), Вестфолд, Губернский музей

знатоку кухни Хенри Нотакеру

знатоку медицины и ботаники Ролфу Мёллеру

знатоку католицизма Иде Фрёйдис Аглен

знатоку итальянского Даниеле Нозари

знатоку немецкого и латыни Яну Энгедалу

и мастерам смеха Касперу и Клаусу

OBS! Возможные допущенные в книге ошибки объясняются неведением, глупостью или небрежностью автора и не могут быть поставлены в вину лицам, к которым я обращался за советом.

Сноски

1

Уильям Шекспир. Гамлет, принц датский. Перевод Б. Пастернака.

2

Из поэмы “Виса норвежской долины” (*Den norske Dale-Vise*, 1683) норвежского теолога и поэта Петтера Дасса.

3

Бренневин (дословно – “горящее вино”) – крепкий национальный напиток; для его приготовления используется картофель и тмин.

4

Спиндехюсет (*å spinde* – “прясть”) – работные дома, преимущественно для женщин и детей.

5

Юты – германское племя, населявшее в начале первого тысячелетия н. э. полуостров, названный в честь него Ютландия.

6

Тридентский собор – XIX Вселенский собор Католической Церкви (1545–1563) в Тренте (или Триденте). Считается отправной точкой Контрреформации.

7

Филип Иаков Спенер (Филипп Якоб Шпенер, 1635–1705) – лютеранский богослов, основатель пиетизма.

8

“Страсти и чудеса Олава Святого” *(лат.)*, 1150–1160 гг.

9

Иаков из Варацце, Иаков Ворагинский (ок. 1230–1298) – автор “Золотой книги”, сборника житий святых, пользовавшегося громадной популярностью в средневековой Европе.

10

Комплеторий – заключительная молитва после вечерни.

11

Амтманн — наместник датской короны.

12

Экзамен-артиум – единый экзамен, который давал право поступления в любой университет.
